

Вера Бабуш

ХОЗЯЙКА ЛЕСА

Вера Бабуз

ХОЗЯЙКА
ЛЕСА

П О В Е С Т Ъ

Издание второе

1

Грузовик, наполненный тюками и чемоданами, въехал в поселок Хпрвилахти. Баженков стоял в кузове и жадно всматривался в дома и улицы. Здесь начнется его новая жизнь. Какая она будет? Лесная сторона встретила его густым снегом, падавшим хлопьями на дома, деревья, землю.

Водитель остановил машину у конторы леспромхоза. Баженков отряхнул с шапки снег, пригладил ладонью крутую волну сидящих волос и сказал жене, сидевшей в кабине:

— Вот мы и приехали, Инна. Я только на минуточку в контору. Узнаю, где нам отвели жилье. Ты очень устала, да?

— А как ты думаешь? — недовольно ответила женщина. — И я и ребенок совсем измучились.

Шестилетний Генка калачиком свернулся на сидении, положив голову на колени матери. Баженков нежно коснулся рукой щеки спящего сына.

Секретарь директора леспромхоза Анна Корнеевна Стрельцова — полная женщина лет сорока, с достоинством ответила на поклон Баженкова и впиалась в него маленькими пронзительными глазами.

— Николай Алексеевич в лесу, вернется вечером. Начальник кадров в Петрозаводске, секретарь

парторганизации в райкоме. Я сейчас вызову коменданта, он покажет вам квартиру. Вы один или с семьей?

Баженков ответил, испытывая неприятное ощущение от ее пропизывающего взгляда.

Стрельцова нажала кнопку звонка. В дверь просунулась голова девочки лет десяти. Льняные косички, перевитые красными ленточками, торчали в стороны, как проволочные.

— Нуша, сбегай за тетей Этери. Скажи, я зову. Да живо! Одна нога здесь, другая — там.

— Хорошо, тетенька Аня, — пискнула девочка, и косички исчезли за дверью.

— Садитесь, пожалуйста, — Стрельцова показала Баженкову на стул. — Мы вас ждали позавчера. Николай Алексеевич очень беспокоился. Весь леспромхоз на нем. Главный инженер снят, главный механик в больнице, трест на нас насаждает: «Давайте лес!» План не выполняем, а нам его еще повысили. Министерство нажимает. Все требуют, терпят Николая Алексеевича. Время составлять проект отводов лесосечного фонда, а это ваше дело, то есть, я хочу сказать, главного инженера. Николай Алексеевич уже сам собрался заняться этим вопросом. — Секретарь директора произносила слова строго и веско.

«Начальственная дама», — подумал Баженков.

Зазвонил телефон. Стрельцова не спеша сняла трубку, послушала и заговорила с раздражением: «Анастасии Васильевна, я понимаю, вы — лесничая... Алло, алло! Вы меня не перебивайте, пожалуйста. Так вот, ваше лесничество не за тридевять земель. Вы тоже можете к нам прийти. Ясно, ясно. Вы меня не учите, пожалуйста, товарищ Самоцветова... Хорошо, я передам Николаю Алексеевичу. Всего доброго»...

Молодая женщина в расстегнутой меховой жакетке не вошла, а ворвалась в контору. На смуглом лице сверкали темные глаза под угольно-черными бровями.

— Дорогая, можно так работать, а? — с восточным акцентом заговорила женщина, захлебываясь от возмущения. — Я ей говорю: «Полина, душа моя, зачем не беречь казенное имущество? Ты — заведующая домом приезжих, деньги получаешь, честно работай, за порядком смотри. Зачем на крылечке целыми днями сидишь, с бабами сплетничаешь? Зачем позволяешь командировочным в сапогах ложиться на покрывала, курить в кро-

вати, прожигать простыни?» Правильно я ей сказала, дорогая Анна Корнеевна? Умный человек поймет, не обидится, а она давай ругаться, как пьяный мужик. Ай, что за женщина!

— Этери, уволь свою Полину, и дело с концом. Год воюешь, а толку нет.

Брови Этери взметнулись:

— Ай, плохой совет даешь, дорогая! Где другую найдем? В лесу живем, людей мало. Давай, душа моя, подумаем, как нашу Полину перевоспитать.

— О Полине потом, Этери. Видишь, Алексей Иванович приехал. Наш новый главный инженер.

Этери всплеснула руками, с живостью обернулась к Баженову, обнажив в широкой улыбке белые зубы:

— Здравствуйте. Давно ждем вас. Дом приготовили, дрова привезли. Пожалуйста, пойдите. Дом на Первомайской. Недалеко. Жена есть? Дети есть? Все приехали?.. Совсем хорошо. Совсем замечательно.

Не переставая говорить, Этери подошла с Баженовым к грузовику, заглянула в кабину.

— Здравствуйте, дорогая! Хорошо доехали?

— Здравствуйте. Благодарю за внимание. Мы доехали хорошо,— с холодноватой вежливостью отозвалась Нина.

Через минуту Этери помогала Баженову втаскивать багаж в одноэтажный деревянный дом на Первомайской улице. Ньюша торчала у изгороди и во все глаза глядела на Генку. Генка в матросском бушлате с блестящими якорьками стоял на крыльце и грыз плитку шоколада. Ньюша приблизилась к мальчику. Дети быстро познакомились. Генка отдал Ньюше шоколад, а сам жадно поедал подснежную клюкву, которой угостила его девочка. Нина увидела и пришла в ужас.

— Что ты делаешь? Брось, сейчас же брось!— закричала она, больно ударив Генку по руке.

Клюква градом посыпалась на крыльцо. Генка заревел. Ньюша кубарем скатилась со ступенек крыльца и спряталась за сараем. Нина потащила мальчика в дом.

— Перестань реветь! Кто тебе позволил есть всякую гадость, дрянной мальчишка? Заболеешь, возись с тобой!

Генка забился за шкаф и тихо всхлипывал. Нина вынула из сумки одеколон и, продолжая раснекать сына, привилась натирать себе виски.

Этери, сдавая дом новым жильцам, обращалась только к Баженову. Она живо двигалась по комнате, каждую вещь трогала руками.

— Все новое, Алексей Иванович. Покупали в Петрозаводске. Мебель сам директор, Николай Алексеевич Любомиров, выбирал, денег не жалел. Радио вчера привели. — Смуглая рука Этери插插了 вилку в штепсель. Из репродуктора полились звуки незнакомой Баженову речи. — На финском, — пояснила Этери. — На русском тоже есть передачи, не беспокойтесь. Электричество есть. Пожалуйста. — Этери нажала кнопку выключателя. Под потолком загорелась лампочка. — День и ночь свет имеем. В прошлом году электростанцию построили. Печка не дымит, не беспокойтесь. Два полена бросишь, в комнате жара, как в Сухуми летом. — Этери заглянула в печь, с силой хлопнула чугунной дверцей. Нина оглянулась, поморщилась, но Этери продолжала, как ни в чем не бывало: — Хороший дом, замечательный дом, правда, Алексей Иванович? Поселковый совет занять хотел, жэкао не отдал.

— Что такое жэкао? — спросил Баженов. Ему нравились живость и общительность коменданта.

— Жэкао? Жилищно-коммунальный отдел леспромхоза. Ай, какой беспокойный отдел! — Этери покачала головой. — Верите, все ругают наш жэкао. Никто спасибо нам не сказал. Строимся, строимся, а жилья не хватает. Скажите, дорогой Алексей Иванович, разве всем хватит? Вербованные каждый день приезжают — комнату дай, молодежь женится — комнату дай, семейным дом дай, всем дай, и все на жэкао обижаются. Конечно, правильно обижаются. Общежитий, и тех мало. Люди в вагончиках живут. Отдельный дом у директора, вам дом дали, а остальные сотрудники по одной комнате занимают, и кухня общая.

— Вы давно работаете в леспромхозе, Этери?

— Второй год, Алексей Иванович. — Я из Абхазии. Мой муж — кузнец Калле Ригонен. Приехал Калле из Карелии в санаторий в мой родной город Сухуми, а обратно поехал женатый: меня с собой в Хирвилахти взял. — Этери улыбнулась. — Поселок наш, можно сказать, интернациональный. Украинцы есть, белорусы есть, казахи есть, финны есть, русских много, карел много. Грузины тоже есть. Я!..

Этери покосилась на сидевшую на диване Пину и умолкла. «Почему молчит и не смотрит? Разве комендант не человек?..» Этери хотела рассказать, как поселок живет, что есть в магазинах, какие постановки готовит клуб, но она потеряла всякое желание рассказывать при виде холодного лица инженерши, обращенного в сторону окна. «Сидит, как пассажирка. Почему нахмурилась? Чем недовольна? Плохо живет? Муж хороший, сын хороший. Что человеку надо?»

Едва за Этери закрылась дверь, как Пина вскочила, выключила радио и опять застыла на диване в прежней позе. Баженев развязывал узлы, открывал чемоданы, укладывал на кровати матрацы, вешал носильные вещи в шкаф. Ходил он по комнате тихо, стараясь не стучать сапогами, украдкой поглядывал на жену. Генка давно забыл о трепке, успел облазить все уголки в доме, вымазав в сажу руки, разорвал на коленке чулок. Мальчик вскарабкался на подоконник, высунул в форточку круглую голову с белым смешным хохолком на макушке и восторженно завопил:

— Мама, лес! И река! Большая! Папа, это Нева, да? Ребята на санках катаются!

— Алексей, сними его с подоконника. Простудится, — сердито сказала Пина.

Баженев подбежал к сыну. Генка упал в его объятия, брыкал в воздухе упругими ногами, теребил отца за волосы. Баженев щекотал его небритым подбородком. Генка визжал. Пина сжала ладонями виски.

— Алеша, невозможно! Перестаньте же, вы! У меня голова разламывается.

Баженев поставил сына на пол, потрепал его вихорок, велел играть тихо-тихо в соседней комнате, а сам подсел к жене, с виноватой улыбкой погладил ее руки.

— Дай, я помогу тебе раздеться, Ниночка. В комнате тепло. Этери утром протопливала.

— Ах, в какую глушь мы заехали! — вздохнула Пина, снимая пальто. — Ленинград и этот поселок... Неужели здесь можно жить годы?

— Люди живут здесь давно. И мы привыкнем.

— Не знаю, не знаю... Мне так грустно, Алешенька, так грустно.

На глазах у нее блеснули слезы. Баженев нежно обнял жену.

— Не расстраивайся прежде времени. Поживем, увидим. Я уверен, тебе в Карелии понравится. Лес здесь чудесный. Воздух — бальзам. А тишина какая!

— Неужели мы сюда надолго, Алеша?

— Да, дорогая.

Нина коротко всхлипнула, прижав платочек к глазам.

— Ну, успокойся же, Нина...

Баженов гладил плечи жены и, как маленькой, говорил ласковые утешительные слова. Потом супруги долго молча сидели на диване. В окно заглядывали сумерки. Короткий северный день шел к концу.

2

— Замок царицы Тамары за рекой, — усмехнулась Этери, когда Баженов спросил ее, где живет лесничая Самоцветова.

Густые сумерки окутывали поселок. Снег чуть смягчал темноту. До реки Баженов добрался быстро: дорогу хорошо укатали машины. За мостом расстилалась снежная равнина. Из сугробов черными пиками торчали верхушки молодых елок. Вдали, в снежной мгле, волчьим глазом светился огонек — «замок» лесничей. Баженов шел на огонек. Набрав в сапоги снегу, набрел на тропу. Вдоль нее громадами теснились кусты. Баженов терял спасительную тропу, натыкался на кусты и громко чертыхался. Угораздило же карельскую «царицу Тамару» поселиться у черта на куличках! Пошел снег с ветром. Баженов нагнул шапку на лоб. Дьявольская погодка! Вьюги и метели под февраль полетели. Неласковое северное небо засыпает снегом, а министерство и трест бумажками: дайте лес. С лесозаготовками не ладится: то тракторы выйдут из строя, то станция не даст току на полную нагрузку, и вальщики простаивают, то вовремя не подадут грузовые платформы, то на узкоколейке авария. Каждый день стоит крови и нервов. А тут еще лесничая с гонором: зовешь — не идет в контору. Изволь самому тащиться на поклон. Пока доберешься до ее «замка», ноги сломашь. Странное прозвище у нее!

Фонарь тускло освещал крыльцо лесничества. Баженов потоптался на ворохе хвои, брошенной на ступени,

толкнул входную дверь — она оказалась незапертой — и очутился в коридоре. Ни единого звука, ни шороха.

Постучаться Баженов не успел. За дверью негромко зашлепало. В низком грудном женском голосе чувствовалась глубина и сдержанная сила. Баженов прислушался. Здесь, ночью, в лесу, этот голос звучал особенно одиноко.

Пение неожиданно оборвалось. Наступило молчание, потом послышалось щелканье костяшек на конторских счетах. На стук Баженова за дверью неласково отозвались:

— Войдите!

За столом сидела женщина в старом выцветшем свитере, плотно облежавшем высокую грудь. Она выжидающе смотрела на Баженова темными широко поставленными глазами. Пушистые ресницы смягчали ее прямой и открытый взгляд.

— Добрый вечер, — учтиво поздоровался Баженов. — Вы — Тамара Васильевна Самоцветова?

Она чуть склонила набок голову с тяжелыми темными волосами, усмехнулась:

— Здравствуйте. Меня зовут не Тамарой, а Анастасией. «Тамара» — прозвище.

— Простите, — смутился Баженов.

Он представился, извинился за позднее посещение.

— Пустяки! К нам можно, когда угодно. Садитесь, пожалуйста, — просто пригласила лесничая. Умные, внимательные глаза смотрели в упор на Баженова. В слегка отброшенной назад голове было что-то горделивое, независимое.

— Я сама собиралась к вам, но не успела. Поздно вернулась из леса. И потом хотела сделать некоторые подсчеты. Работы осталось на пять минут. С вашего разрешения я закончу.

— Пожалуйста, работайте.

Лесничая подсчитывала, записывала цифры, а Баженов, по свойственной ему привычке всегда что-нибудь мять в пальцах, рассеянно терзал сухую еловую шишку. Из коричневых чашечек сыпались семена, похожие на однокрылых мотыльков.

— Что вы делаете? — Анастасия Васильевна отобрала у него шишку. На ее лице выразилась откровенная досада. — Пропал мой эксперимент! .

— Простите, ради бога, — растерянно пробормотал Баженов, чувствуя себя провинившимся школьником. Он поспешно смел семена в кучку.

Перелистывая подвернувшуюся под руку брошюру, Баженов исподволь разглядывал лесничую, склонившуюся над бумагами. Широкие прямые брови сдвинуты у перепосья. На обветренном заглубевшем лице — легкий румянец. Во всей ее фигуре чувствовалась сила и женственность. По морщинкам у глаз и какой-то тепи усталости во всем облике, Баженов решил, что ей за тридцать. На мгновенье она подняла на него глаза, темпо-зелепые, почти черные. Было что-то притягивающее и вместе с тем недоверчивое, осторожное в их выражении. Баженов обратил внимание на ее брови. Они все время едва заметно двигались.

Закончив подсчеты, лесничая решительно положила крупную обветрепную руку на ведомость:

— Это для вашего директора. Штрафы за лесонарушения. Хотите поззнакомиться? Результаты деятельности вашего предшественника, инженера Чистякова.

Баженов внимательно просмотрел ведомости. Размеры штрафов поразили его.

— Эти штрафы — заметьте! — только за один год его работы. А Чистяков хозяйничал в леспромхозе семь лет!

Анастасия Васильевна бросила карандаш на стол, прошла по конторе твердой мужской походкой.

— Ах, этот Чистяков! Сколько он нам крови испортил! Он был настоящий враг леса. Мы легко вздохнули, когда его сняли.

Лесничая спрятала ведомость в папку.

— Я пришел просить вас, — мягко заговорил Баженов, — чтобы вы показали нам лес, который вы отводите в рубку. Если можете, поедьте завтра шестичасовым.

— Хорошо, — немного подумав, ответила Анастасия Васильевна. — Завтра я поеду с вами. Но, завтра же, Алексей Иванович, прежде чем отводить новый лес в рубку, я покажу вам старые вырубки.

— Зачем? — На высоком лбу Баженова собрались морщины.

— Посмотрите, как ваши рубили лес, — жестко сказала Анастасия Васильевна, подчеркивая слово «как». — У лесозаготовителей отношение к лесу варварское, хищническое. До сих пор вам это сходило с рук, по — хватит...

Кончиками пальцев она слегка постучала по столу.

— Война? Очень жаль... Я, Анастасия Васильевна, твердо стою за мир и дружбу, — попробовал Баженов шуткой смягчить резкость ее слов. — Как говорится: худой мир лучше доброй ссоры.

Он улыбнулся, привычно приглаживая ладонью волнистые волосы.

— Война или мир — все будет зависеть от вас, Алексей Иванович. Вы рубите лес. Не скрою, мы, лесники, с беспокойством ждали вашего приезда. Мы боимся встретить в вашем лице недруга леса.

Анастасия Васильевна без улыбки смотрела ему в лицо.

— Напрасно! — миролюбиво воскликнул Баженов. — Я готов идти лесоводам навстречу. Ваши требования — для меня закон. — Поверьте, не в моих правилах обижать женщин.

Глаза Анастасии Васильевны прищурились:

— Оставим такой тон, Алексей Иванович. Он мне не нравится.

Баженов пожалел о шутке. Разговор оборвался.

— Настенька, ужипать! — позвал за дверью женский старческий голос.

Анастасия Васильевна приоткрыла дверь в коридор.

— После, мама. Ко мне пришли.

— Кого это нелегкая принесла в такую пору?

Рослая старуха вошла в контору. Баженов приподнялся, поздоровался. Старуха учтиво ответила на поклон, спрятала руки под передник и со вздохом опустила на скамью у печки, по-видимому, на свое привычное место.

— Помощничек-то твой, Настенька, свет Гаврила Семенович, уже успел нализаться с Куренковым, песни на весь поселок горланят. Пьян в монастые и ведро, а ты одна, знай поворачивайся.

Анастасия Васильевна нахмурилась.

— Мама, ты видишь — я занята.

— Сейчас уйду, Настюша... Тяжело девке, а храбрится, — продолжала старуха, обращаясь к Баженову. Пускай знает, каково ее дочке управляться с лесничеством. — Встает моя Настя до петухов, из кожи вон лезет, а много ли чести? Леспромхозовские лес рубят без оглядки. А моя Настя все близко, к сердцу принимает.

С помощником, Парфеновым Гаврилой-то, у Настеньки нелады. Тот не в лес, а в рюмку глядит. С леспромхозовским мастером пьянствует. Связал их черт веревочкой. Дружба неразливаемая.— Старуха глубоко вздохнула.

Баженков улыбнулся. Анастасия Васильевна сердито сдвинула брови.

— Все, мама? Ступай, пожалуйста, к себе. У нас дела.

Старуха взглянула на дочь и плотнее уселась на скамье.

— Живем, маемся. На старом месте людьми были. А тут...

— Мама, Алексею Ивановичу неинтересно тебя слушать. И потом нам нет никакого дела до леспромхоза. Мы сами по себе.

— Как же! Хм, сами по себе!— сердито подхватила она снова: баня ихняя, аптека ихняя, магазины ихние, пекарня ихняя. Гаврила Парфенов, когда в лесничих ходил, говорят, с леспромхозовскими не цапался, зато спокойно да сыто жил. Пора и тебе за ум взяться.

Баженков заметил, как в глазах лесничей вспыхнул огонек раздражения и погас.

— Мама, поставь на огонь чайник,— сказала Анастасия Васильевна, выразительно поглядев на мать.

— Иду.— Старуха нехотя поднялась и вышла.

Баженков понимал — пора уходить: лесничая запирала ящики стола. Он медленно застегнул пальто, наблюдая за усталыми и спокойными движениями рук Анастасии Васильевны. Внезапно у него появилось желание поговорить с ней о делах леспромхоза.

— Я знаю, вы очень устали, но мне хотелось бы поговорить с вами еще кое о чем... Спросить о нашем предприятии.

Анастасия Васильевна подняла на него спокойные глаза, сказала просто:

— Ну, что ж, давайте поговорим.

Их беседа затянулась. Анастасия Васильевна рассказывала Баженкову о Чистякове.

— Чистяков доставил нашему лесничеству много неприятностей. Но к сожалению, не во власти наших учреждений лесного хозяйства снимать ваших работников, которые напрасно губят лес. Его уволили по другой причине.— Он — специалист без диплома, производитель,

надеялся на стаж, работал по старинке. Новую технику, новые методы работы он не хотел изучать. В леспромхозе есть способные люди, с пытливым умом. Если их умело направить, получится большой толк. Я знаю некоторых рабочих мастера Куренкова. Вальщик Тойво, тракторист Захаров, электромеханик Бондарчук. Замечательные производственники!

— О, вы, оказывается, великолепно разбираетесь в делах чужого предприятия!

— Почему — чужого, Алексей Иванович? Лес вы рубите наш?

Баженов не заметил, как в беседе пролетело время. Прощаясь, крепко пожал руку лесничей.

— Не знаю, как у меня пойдет. Сложное дело — лесное предприятие. Коллектив большой... — неожиданно признался он.

— Да, в лесу работать нелегко.

Они помолчали.

— А вы давно работаете лесоинженером? — спросила Анастасия Васильевна.

— Я в лесу почти не работал. Случилось так, что после академии я много лет просидел в тресте. Сидел, и всегда думал, что уйду на производство, к настоящему делу. А теперь задумал одну машину, и без леса мне ее не сделать. Вот я и приехал сюда.

Они вместе вышли из конторы. На крыльце Анастасия Васильевна объяснила ему, как лучше выбраться на дорогу. Метель утихла. Холодное безмолвие стояло над землей. Люди давно спали, хотя не было еще одиннадцати часов. Где-то за лесом глухо прокричал паровоз. На складе, сквозь белесоватую мглу, большой звездой светился прожектор.

— Пожалуй, я провожу вас до шоссе. Снег замел тропу.

Анастасия Васильевна вернулась в дом и через минуту вышла в платке и полушубке. В темноте она шла уверенно, безошибочно угадывая направление извилистой тропы. Баженов шел по ее следам и думал: «Умная женщина! И, кажется, смелая. Но почему «царица Тамара»? — улыбаясь, вспомнил он слова Этери.

Он спросил, давно ли она живет в Хирвилахти.

— Почти год. Раньше я работала в Лебяжьем.

— Вам там не нравилось?

— Пле-свать на нее! — злобно кричал тот, кого мастер называл Гаврюхой. — Гаврила Парфенов никого не боится! Гаврила Парфенов сам себе начальник! Не тр-р-ро-гай Парфенова, и он тебя не тр-ро-нет! Мне покой дай. Покой! Пошли к ней! Я докажу ей... — В морозном воздухе снова повисла ругань.

— Свинья! — с возмущением подумал Баженев, припоминая слова старухи о помощнике Анастасии Васильевны. — За что этот пьяница ненавидит лесничую?

Дома Баженева встретила недовольная жена.

— Я сижу одна весь вечер, а ты потащился к какой-то лесовичке.

— Извини, дорогая. Задержался. — Баженев поцеловал ее руки.

Пока Баженев разжигал примус, Нина полуужала на диване и с горечью рассматривала свои руки. На что они стали похожи?! Ей самой приходится топить печь, чистить кастрюли.

Когда сели пить чай, Нина засыпала мужа вопросами:

— Лесничая молода? Красива? Замужем? Ты от нее зависишь по службе? Нет. А она? Тоже нет? Ах, опа отпускает лес? Государственный контролер... Алеша, она не будет тебе ставить палки в колеса?

Баженев коротко ответил, что лесничая — женщина, по-видимому, серьезная, неглупая, своеобразная, хотя прозвище у нее несколько легкомысленное.

— «Царица Тамара»? — Нина рассмеялась. — За что же ее так прозвали? За воинственность или кучу любовников? Любопытно. Пригласи ее, Алеша, как-нибудь к нам на чашку чая. Надо ее приручить, ведь она нужна тебе по службе. — Нина зевнула, сказала с деланным равнодушием: — Да, Аркадий Погребницкий прислал письмо. Тебе привет.

Баженев промолчал. Письмо лежало на столе, на видном месте. Нина знала: муж никогда не контролировал ее почту. Он не симпатизировал своему бывшему сокурснику по лесотехнической академии. Нина познакомилась с Погребницким задолго до своего замужества. Он часто бывал в ее доме и после того, как она стала женой Алексея.

— Ах, Ленинград, Ленинград!

Нина с грустным сожалением глядела на изображенный на конверте памятник Петру Первому, тихо качала головой и вздыхала.

Баженков завел будильник. Нина поморщилась.

— Алеша, милый, ты меня опять разбудишь! У меня бессонница. Я поздно засыпаю. Разве тебе завтра в лес?

— Да, Ниночка. Я не должен опоздать на шестичасовой. Мы условились с лесничей.

— Положи на тумбочку спички, ночью посмотришь на свой противный будильник, не проспийшь.

Баженков молча отвел рычажок будильника.

3

Пять лет назад пришли к реке Черной лесорубы с пилами, тракторами и бульдозером и проложили от крутых каменистых берегов реки до шоссе широкую и прямую просеку — будущую центральную улицу поселка — Первомайскую. По обе стороны Первомайской прорубили по несколько магистралей. Так появились новые улицы. Двухэтажные и одноэтажные дома вырастали один за другим. В центре поселка возникла круглая площадь. На ней расположились магазины, ясли, парикмахерская и амбулатория. На Лесной улице выстроили школу, на Чапаевской — три добротных дома для курсовой базы, а у самого леса — клуб. За поселком, поближе к реке, раскинулись строения лесобиржи, ремонтных мастерских и дено. Лес отступал перед поселком, уходил за реку.

За поселком растянулся кустарник, дальше лежало болото с редкими буграми, а на опушке леса приткнулась ветхая, осевшая на один бок избушка. Добрых полсотни лет служила она леснику Рябинину, расстрелянному оккупантами в сорок втором году за укрывательство партизан. Парфенов поселился в пустовавшей избушке и чувствовал себя великолепно вдали от людских глаз. Помощник лесничего не любил жить с кем бы то ни было под одной крышей: всегда на виду, себе не принадлежишь.

Утро. Парфенов лежал одетый на топчане и поминутно зевал. Было ему около сорока пяти лет, но выглядел он значительно старше. Большое ленивое тело обрюзгло.

(Одутловатое лицо, мешки под глазами, сизо-багровые жилки на носу и щеках красноречиво говорили о страсти отшельника к известному зелью. Но и в расплывшихся чертах его угадывалась прежняя красота. Так угадываются очертания берегов реки, со временем обмелевшей и занесенной илом.

В избушке было темновато. Подслеповатые окошки, годами не знавшие воды и мыла, затемненные деревьями, скупо пропускали дневной свет. Тусклый дымный луч солнца освещал батарею пустых бутылок на самодельном столе, груду грязной посуды, окурки вперемежку с игральными картами и осколками разбитого стакана. Огромная печь была завалена рыбацкими сетями, сачками, удочками. Над топчаном висела тульская двустволка, на полке теснились коробки с патронами и порохом. В углу, на рваном полушубке, сидела сибирская лайка — рыжая, с белыми подпалинами, хвост бубликом. Собака смотрела на хозяина умными глазами, поворачивала голову с торчащими ушами то в сторону двери, то к топчану и тихонько скулила.

Парфенов лежал грузно, неподвижно, устремив мутный взгляд в закопченный потолок. Его занимала свисавшая с планки паутина и суетливо сновавший по ней паук. В дверь постучали. Не меняя позы, Парфенов хрипло крикнул:

— Не заперто!

Собака с радостным лаем бросилась к двери.

— Ласка, назад! — грозно крикнул хозяин.

Собака метнулась в угол на овчину, легла, положив голову на вытянутые передние лапы, не сводя глаз с двери.

Звякнула щеколда, дверь отворилась, и Парфенов увидел лесничую. Анастасия Васильевна подняла табуретку, мешавшую ей пройти. Парфенов встретил лесничую тяжелым взглядом, медленно поднялся, застегнул ворот несвежей рубашки.

— Доброе утро, Гаврила Семенович! Вы больны?

— Совершенно здоров, — буркнул хозяин, зачесывая пятерней взлохмаченные волосы.

Его лихорадило. Тупая боль в голове туманила сознание, вкус кислой меди во рту раздражал. Вчера с другом Куренковым хватил через край. Но стесняясь начальницы, Парфенов шарил в шкафчике, вытаскивал

из-под топчана бутылки в надежде найти остатки. Но его старания были напрасны. Ласка, виляя хвостом, ходила по пятам хозяина, умильно заглядывала ему в лицо и не обижалась на пинки. Анастасия Васильевна с молчаливой укоризной глядела на своего помощника, а он, не обращая на нее внимания, гремел бутылками.

— Положение дрянь, Ласка. Опять забыл оставить грамм двести для восстановления... Магазин закрыт на переучет. Завмаг проворовался. Пошла вон! Не вертись под ногами!

Парфенов ударил собаку ногой. Ласка завизжала и отскочила в сторону, но тотчас же заковыляла за слонявшимся по избушке хозяином, не переставая жалобно скулить.

— Нет ли у вас, дражайшая, припасенной к празднику поллитровки? Одолжите стаканчик. Нет? Жаль... Вижу по выражению вашего лица, что осуждаете. Не презирайте слабых духом. Курица и та пьег, а нам, лесовикам, сам бог велел. Если бы не русская горькая, я удавился бы с тоски. Куда деваться по вечерам? Подвывать волкам? Молчите? — В заплывших карих глазах Парфенова мелькнула усмешка. Выпив залпом стакан холодного чаю, он выпустил собаку в сени, убрал со стола грязную посуду.

— На собрании вы швырнули в мой огород увесистый булыжник: «Некоторые товарищи не хотят работать над собой». Уточняя расплывчатые места вашей горячей речи. Парфенов не хочет работать над собой, Парфенов не растет. Я, глубокоуважаемая Анастасия Васильевна, не орел, парящий в высоте, а маленький зяблик. Звезд с неба не хватаю, к славе не тянусь, довольствуюсь малым...

Парфенов подтянул гирьку остановившихся ходиков, надел пиджак, покосился на молчавшую Анастасию Васильевну:

— Я никому не мешаю жить, и вы мне не мешайте.

Анастасия Васильевна строго смотрела на своего помощника.

— Понимаю, — скривил губы Парфенов. — Презираете? Пропаций, мол, человек Парфенов! Даже не человек, а так... Полчеловека. Никчемное существо...

— А кто вам мешает быть человеком? Прикрываете свою лень красивыми словами. Орел, зяблик... Звезд

с неба не хватаю... Трудитесь честно, добросовестно. Уважайте самого себя, и люди станут относиться к вам с уважением. Посмотрите на себя. Как вы живете? На весь мир рукой махнули. Так жить нельзя, Гаврила Семенович.

Парфенов тупо смотрел в спокойное лицо лесничей.

— М-да... А вы не очень хорохорьтесь. Поживете в лесу с десятков лет, к тому же придете, если раньше не сбежите в город.

Парфенов ожесточенно потер виски: — Дьявольщина! Голова трещит! Нет никаких сил... Сегодня, что ли, поедем на дальние участки?

— Да. Пришла вам напомнить.

— Ясно.— В глазах Парфенова промелькнула насмешка.— Боялись, что ваш подчиненный с вечера мпоговато заложил за галстук и непробудно спит?

Анастасия Васильевна не ответила. Глаза ее скользили по убогому жилью помощника.

— Гаврила Семенович, почему вы не хотите перебраться в лесничество? Дом новый, теплый, светлый. Контора рядом.

— Мне и здесь хорошо. Я индивидуалист. Коммунальщины не выношу. Жить со всеми под одной крышей? Я свою избушку на дворец не променяю. — Парфенов закинул в рукав пиджака высунувшуюся грязную мажкету рубашки, поскреб погтями небритую щеку. — Побриться, что ли?

— Если вы спрашиваете моего совета, то — побрейтесь.

— Разве из уважения к вам, — вздохнул Парфенов.

В избушке наступило молчание. Парфенов готовил все необходимое для бритья, усевшись на скамью поодаль от лесничей и искоса поглядывая на нее. Он чувствовал, что она пришла к нему неспроста — будить его она посылала коноха или сторожа — и поэтому настороженно ждал, что она скажет.

— Гаврила Семенович, — медленно начала Анастасия Васильевна. Парфенов скосил на нее глаза. — Вы бы повлияли на Куренкова, усовестили его, что ли. В двадцатом квартале его трактористы весь молодняк смяли. Мастер смотрит на безобразия трелевщиков сквозь пальцы, а вы ему потакаете. — Парфенов обернулся к ней, левое веко его первно задергалось. — Куренков ваш приятель, — спокойно продолжала Анастасия Василь-

евна, — но дружба дружбой, а в деле — строгий спрос. Никаких скидок и закрываний глаз, когда губят лес.

Левое веко Парфенова задергалось сильнее. Казалось, он кому-то озорно подмигивает. Парфенов резко отодвинул скамью, шагнул к лесничей.

— Вы меня на Куренкова не натравливайте! Слышите? — прошипел он ей в лицо.

Анастасия Васильевна молча отшатнулась.

— Весь свет вам не по нутру! Дайте мне спокойно жить! — Голос Парфенова загремел на всю избушку. — Весь леспромхоз готовы съесть за хворостину! Вы без году неделя в нашем лесничестве, а я на этом месте... — Парфенов постучал по столу костяшками пальцев, сжатых в кулак, — слышите, я на этом месте — второй десяток! Я со всеми уживался, людей уважал, меня уважали, человеком был до вашего появления в Хирвилахти, а вы превратили меня черт знает во что!

Обрюзгшее лицо Парфенова побагровело, жилы на шее вздулись, глаза выкатились. Таким лесничая видела его впервые... За что он ее так ненавидит? За то, что она заняла его место?

— Гаврила Семенович, — тихо и отдельно проговорила Анастасия Васильевна. — Я прошу вас не кричать на меня и запомнить: вы — помощник лесничего, и я не превращаю вас, как вы говорите, черт знает во что. Я не знаю, как вы работали до меня, но то, что вы делаете сейчас, лесничество не устраивает.

Парфенов смотрел по-бычьему и молчал.

— Мы не можем мириться с вашей позицией по отношению к лесозаготовителям.

— Прикажете уйти в отставку? Выгоните?

Парфенов вызывающе вскинул голову, зрачки глаз сузились, стали злыми, острыми и, казалось, готовы были проколоть стоявшую перед ним женщину.

— Нет. — Анастасия Васильевна прямо смотрела в лицо Парфенова. — Выгонять не станем, но прикажем честно трудиться.

— Давление власти, товарищ начальник? — злобно перебил ее Парфенов.

— Нет. Дисциплина на производстве.

Анастасия Васильевна застегнула пуговицы полусубка, взяла варежки со стула. Парфенова подмывало

выплеснуть в ее спокойное лицо все накипевшее в нем раздражение.

— Заставите на людей волком глядеть? Заводить дружбу с вашего разрешения? Меня с Куренковым вам не поссорить — дудки! Хотите отнять моего единственного друга? Не трудитесь!

— Дружите, с кем хотите. Мне нет до этого никакого дела. Но мы не позволим приносить интересы лесничества в угодь вашему собутыльнику. В каком виде вы приняли от Куренкова вырубку в одиннадцатом квартале? Горы несожженных порубочных остатков, брошенный на лесосеке тонкомер?

Парфенов отвел глаза в сторону, зло пробубнил:

— Не придирайтесь. Вырубка нормальная. Всегда такие принимали.

— До меня вы, как лесничий, могли делать все, что вам угодно, это на вашей совести. А сейчас, Гаврила Семенович, мы потребуем от вас добросовестного отношения к делу.

— Сколько лет работал, все были довольны, а вам не угодил! От лесхоза ни одного выговора, с леспромхозом ни одного значительного столкновения за десять лет! Не доводите меня до крайнего шага, слышите?

Анастасия Васильевна молча надевала варежки.

— Уйду из лесничества, будь оно трижды проклято! — Парфенов сорвал висевшее на плече полотенце и, скомкав, бросил его с силой на стол. — Вы меня мальчишкой на побегушках сделали! Гоняете по лесу, как затравленного зайца. Дышать не даете. Сегодня же, сейчас, все брошу и уйду!

Голос Парфенова сорвался, губы дрогнули, и что-то жалкое промелькнуло в глазах. Он опустился на табуретку, спиной к лесничей. Ласка, впляя хвостом, подошла к хозяину и села напротив.

Скупая улыбка скользнула по лицу Анастасии Васильевны.

— Никуда вы не уйдете, Гаврила Семенович. Вы привыкли к лесничеству, к людям, к своей избушке на курьих ножках. Не расстанетесь вы и с вашим другом Куренковым. Не так легко взять все и бросить.

Парфенов резко обернулся к лесничей:

— Какое вам дело до того, к чему я привык? Не лезьте в душу, вас не просят! На кой дьявол мне ваше сочувствие!

Его грубые выкрики возмутили ее. В запальчивости Парфенов не заметил ее изменившегося лица.

Анастасия Васильевна молча подошла к двери.

— Жду вас в конторе, — коротко сказала она и вышла.

В окошко Парфенов видел, как Ласка прыгала вокруг лесничей, ласкалась к ней. Анастасия Васильевна гладила собаку, трепала за уши и легонько отталкивала ее, а Ласка восторженно визжала и поровила лизнуть ее в лицо. «Собаку приласкает, а человека зубами хватит!» — влобно подумал Парфенов и тут же отскочил от окошка: лесничая обернулась и взглянула на избушку. Еще подумает, что ему приятно на нее смотреть.

Как хорошо без нее жилось! Полный покой. Свалилась, как снег на голову. Приехала и с первого дня напустилась на всех. Все не по ней, все не так. За что его сняли с должности лесничего? В лесхозе он не шумел, никого не критиковал, ничего не требовал, что давали, тем и довольствовался. Нет справедливости на земле! И директор лесхоза Зайцев как будто искренне жалел, когда сообщал ему о назначении нового лесничего в Хирвилахти: «Управление требует, чтобы лесничие были с дипломом, Гаврила Семенович. Вы бы подучились. Заочно, что ли...» Легко сказать: «Вы бы подучились»... Он не юноша, чтобы сидеть за учебниками.

Конечно, иметь диплом очень приятно. Никто не станет тебе глаза колоть, что ты не имеешь специального образования. Но он столько лет работает в лесничестве, несколько раз бывал на семинарах в Петрозаводске, кое-что читал из специальной литературы. У него опыт. В лесу он посадит любого новичка с дипломом лесничего. А зачем ему в Хирвилахти диплом? Собирать шишки? Тушить лесные пожары? Брать штрафы с лесорубов. Делать отводы леса? Научной работой он не собирается заниматься. Да, он не закончил лесной техникум. Так получилось. Стипендия была небольшая. Правда, его сокурсники подрабатывали, но учиться и работать трудно... Помощи у родителей он не просил, знал, живут небогато.

Парфенов яростно щипал лучину для таганка. Мысль о родителях несколько смягчила возмущенное состояние духа. Он подумал, что, пожалуй, надо послать старикам к празднику рублей двести особо. Родители жили в Ростове у сестры, многодетной вдовы, потерявшей мужа

в Отечественную войну. Парфенов писал им редко, ограничивался посылкой денег, но стариков любил. Мать в каждом письме спрашивала: «Когда, Гаврюшенька, женишься?». Парфенов поставил котелок на огонь, подмел пол, сел бриться.

Ласка просилась в избушку, деликатно царапаясь в дверь.

— Перестань! — крикнул Парфенов, намыливая кисточкой щеку.

Собака притихла. Парфенов, морщась, скреб тупой бритвой жесткую щетину. Изволь бриться. Начальник — женщина. На работе, в ее присутствии, подбирай выражения, будто ты не в лесу, а в канцелярии среди девиц. Забудешься, слетит с губ крепкое словцо, она так глянет, что занемеешь. Черт ее принес в Хирвилахти!

Парфенов переменял рубашку, накормил Ласку, вскинул на плечо двустволку — без ружья в глухой лес он не ходил — и, сопровождаемый собакой, лениво поплелся в контору лесничества. Над лесом, в чистом небе, вороны затеяли «воздушные игры». Парфенов, задрав голову, наблюдал за крикливыми супружескими парами. Весна на пороге. Еще земля под снегом, но на солнцееке первые проталины. Парфенов подумал, что скоро начнутся тетеревиные тока, и вздохнул. Теперь не поохотишься в свое удовольствие. Отравили ему жизнь в милых сердцу краях. Отчитывайся перед лесничей за каждый час.

В усадьбе лесничества, над можжевельновыми кустами, стрекотала сорочья стая. Лайка испугнула лесных сплетниц. Сороки взлетели, затрещали сердито и, сверкая на солнце мраморно-белыми боками, зачиркали в воздухе острыми ступенчатыми хвостами.

У ворот Парфенов увидел Анастасию Васильевну.

— Поторопитесь! Мотовоз уйдет! — крикнула она ему и, не дожидаясь, быстро пошла к шоссе.

4

Напрасно Этери ждала мужа ужинать, — Калле выполнял срочный заказ. Раскаленное железо плющилось под ударами молота. Под полосатой тельпяшкой Калле перекатывались мускулы, из под кепки, повернутой козырьком назад, выбились пряди светлых волос. Красиво рабо-

тает Калле. Кажется, играет тяжелым молотом. В горниле пляшет резвое пламя, звенит наковальня, весело насвистывает Калле. Анастасия Васильевна смотрит, как бесформенный кусок металла превращается в руках кузнеца в «орудие рыбления лесной почвы». Конструкцию орудия придумали всем коллективом лесничества: мотыга, но трезубая.

Остывшие головки мотыги Калле насадил на черепки, полюбовался на свою работу.

— Здорово, а? Хоть на выставку.

— Очень хорошо, Калле. Ты просто молодец! — от души похвалила Анастасия Васильевна его работу. — Большущее тебе спасибо. Выручил, дружок.

— Пожалуйста.

Калле повернул кепку козырьком вперед, набросил на плечи пиджак. Анастасия Васильевна собрала мотыги, связала веревкой.

— Калле, ты помнишь, я предупреждала: платить нечем. Наше лесничество бедное.

— Ладно! — Калле беззаботно махнул рукой. — На ваши деньги я особенно не рассчитывал.

— Спасибо, Калле. Хороший ты человек.

— А на чьи деньги рассчитывал мой Калле, а? — вдруг из темноты выступила Этери. Она незаметно вошла в кузницу и слышала весь разговор. — За красивые глаза работал, мой дорогой? Жена ждет весь вечер Калле домой, все люди давно отдыхают, а Калле работает, как ишак, и деньги не берет. Зачем ему деньги? Лесничество бедное, а Калле богатый. Жена Калле не работает, дома сидит, рахат-лукум кушает. Калле обеспечил свою жену. Зачем ему лишние деньги!

Черные глаза Этери пылали ярче огня в горниле. На Анастасию Васильеву она не смотрела. Калле мягко и виновато улыбнулся. Рядом с маленькой, худенькой женой он казался великаном.

— Что же ты молчишь, Калле? Жена неправду сказала? Может, Калле недоволен, что за ним жена пришла, а? Может, Калле обещал отнести мотыги в лесничество, а?

— Этери! — взмолился кузнец.

Анастасия Васильевна подняла с полу кузницы мотыги и протянула Калле свободную руку.

— Еще раз спасибо тебе.

Калле растерянно пожал ее руку.

— Ты мне говорил, что готовишься в заочный лесотехникум и что у тебя туговато с математикой. Так вот, Калле, я с большим удовольствием помогу тебе. Приходи к нам. Я выкрою время для занятий. Спокойной ночи, Калле.

Анастасия Васильевна вышла, не взглянув на Этери. Калле обнял рассерженную жену за плечи.

— Видишь? Хороший человек нашелся. Поможет подготовиться к экзаменам.

— Один не пойдешь к ней! Слышишь, Калле?

Глаза Этери метали молнии.

— Хорошо, хорошо... Тебя с собой брать буду. Вместе будем решать уравнение с одним неизвестным.

— С каким неизвестным, Калле? Пусть он один ходит к лесничихе, а тебе Баженов поможет. Я попрошу Алексея Ивановича.

Калле громко рассмеялся:

— Глупенькая ты моя! Уравнение с одним неизвестным, это ма-те-ма-ти-ка. Понимаешь, ревнивица! Идем домой, я по тебе соскучился.

Калле подхватил жену и, как ребенка, вынес на руках из кузницы.

Спит поселок, погасли огни в клубе, отзвенели песни молодежи. Анастасия Васильевна идет по уснувшим улицам одна. Вот и дом Баженова. Она невольно замедлила шаги. Занавески на окнах задернуты. Кошка спрыгнула с перил крыльца, перебежала дорогу. У конторы леспромхоза Анастасия Васильевна остановилась отдохнуть, потерла занемевшую руку. Как тихо вокруг! Сонно дышит река, черной тенью покрылись берега. Две ольхи с обломанными верхушками сиротливо жмутся к школе, в прозрачной дымке лежит Заречье — новый район поселка. Покой, безмятежно дремлющая природа... А на душе неспокойно. Откуда все пришло? Плохи дела в лесничестве? Но месяц назад они не были лучшими. Заботы о службе всегда с ней, а это что-то новое, родилось недавно и раздражает своей неясностью, неуловимостью, будоражит душу.

В доме Куренкова блестит огонь лампы. Но вот он гаснет, скрипит калитка, и на улицу выходит человек. Похоже, сам мастер.

Чтобы не встречаться с Куренковым, Анастасия Васильевна свернула на боковую дорожку. Ей не хочется

тает Калле. Кажется, играет тяжелым молотом. В горниле пляшет резвое пламя, звенит наковальня, весело насвистывает Калле. Анастасия Васильевна смотрит, как бесформенный кусок металла превращается в руках кузнеца в «орудие рыхления лесной почвы». Конструкцию орудия придумали всем коллективом лесничества: мотыга, но трезубая.

Остывшие головки мотыги Калле насадил на черепки, полюбовался на свою работу.

— Здорово, а? Хоть на выставку.

— Очень хорошо, Калле. Ты просто молодец! — от души похвалила Анастасия Васильевна его работу. — Большущее тебе спасибо. Выручил, дружок.

— Пожалуйста.

Калле повернул кепку козырьком вперед, набросил на плечи пиджак. Анастасия Васильевна собрала мотыги, связала веревкой.

— Калле, ты помнишь, я предупреждала: платить нечем. Наше лесничество бедное.

— Ладно! — Калле беззаботно махнул рукой. — На ваши деньги я особенно не рассчитывал.

— Спасибо, Калле. Хороший ты человек.

— А на чьи деньги рассчитывал мой Калле, а? — вдруг из темноты выступила Этери. Она незаметно вошла в кузницу и слышала весь разговор. — За красивые глаза работал, мой дорогой? Жена ждет весь вечер Калле домой, все люди давно отдыхают, а Калле работает, как ишак, и деньги не берет. Зачем ему деньги? Лесничество бедное, а Калле богатый. Жена Калле не работает, дома сидит, рахат-лукум кушает. Калле обеспечил свою жену. Зачем ему лишние деньги!

Черные глаза Этери пылали ярче огня в горниле. На Анастасию Васильеву она не смотрела. Калле мягко и виновато улыбнулся. Рядом с маленькой, худенькой женой он казался великаном.

— Что же ты молчишь, Калле? Жена неправду сказала? Может, Калле недоволен, что за ним жена пришла, а? Может, Калле обещал отнести мотыги в лесничество, а?

— Этери! — взмолился кузнец.

Анастасия Васильевна подняла с полу кузницы мотыги и протянула Калле свободную руку.

— Еще раз спасибо тебе.

Калле растерянно пожал ее руку.

— Ты мне говорил, что готовишься в заочный лесотехникум и что у тебя туговато с математикой. Так вот, Калле, я с большим удовольствием помогу тебе. Приходи к нам. Я выкрою время для занятий. Спокойной ночи, Калле.

Анастасия Васильевна вышла, не взглянув на Этери. Калле обнял рассерженную жену за плечи.

— Видишь? Хороший человек нашелся. Поможет подготовиться к экзаменам.

— Один не пойдешь к ней! Слышишь, Калле?

Глаза Этери метали молнии.

— Хорошо, хорошо... Тебя с собой брать буду. Вместе будем решать уравнение с одним неизвестным.

— С каким неизвестным, Калле? Пусть он один ходит к лесничихе, а тебе Баженов поможет. Я попрошу Алексея Ивановича.

Калле громко рассмеялся:

— Глупенькая ты моя! Уравнение с одним неизвестным, это ма-те-ма-ти-ка. Понимаешь, ревнивица! Идем домой, я по тебе соскучился.

Калле подхватил жену и, как ребенка, вынес на руках из кузницы.

Спит поселок, погасли огни в клубе, отзвенели песни молодежи. Анастасия Васильевна идет по уснувшим улицам одна. Вот и дом Баженова. Она невольно замедлила шаги. Занавески на окнах задернуты. Кошка спрыгнула с перил крыльца, перебежала дорогу. У конторы леспромпхоза Анастасия Васильевна остановилась отдохнуть, потерла занемевшую руку. Как тихо вокруг! Сонно дышит река, черной тенью покрылись берега. Две ольхи с обломанными верхушками сиротливо жмутся к школе, в прозрачной дымке лежит Заречье — новый район поселка. Покой, безмятежно дремлющая природа... А на душе неспокойно. Откуда все пришло? Плохи дела в лесничестве? Но месяц назад они не были лучшими. Заботы о службе всегда с ней, а это что-то новое, родилось недавно и раздражает своей неясностью, неуловимостью, будоражит душу.

В доме Куренкова блещит огонь лампы. Но вот он гаснет, скрипит калитка, и на улицу выходит человек. Похоже, сам мастер.

Чтобы не встречаться с Куренковым, Анастасия Васильевна свернула на боковую дорожку. Ей не хочется

слушать одно и то же: «Настасья Васильевна, не притесняй Гаврилу. Зачем нашей дружбой попрекаешь?» И еще что-то в этом роде.

Мастер пошел ей наперерез. Ишь, как торопится! Ну что ж, сейчас он получит хорошую порцию перца. В который раз Парфенов из-за пьянства или опаздывает на работу, или лежит больной. Куренкова бочка не свалил, здоровье у него геркулесовское.

Анастасия Васильевна швырнула мотыги на землю и приготовилась отчитать друга Парфенова. Но к своему удивлению в подходившем человеке она увидела Баженова. Он был без фуражки, на плече висела плотно набитая бумагами полевая сумка.

— Анастасия Васильевна, здравствуйте! Я так рад был увидеть вас. Разрешите мне вас проводить? Хочется с вами побеседовать. Понимаете, у меня удача, и еще какая!

— Какая же удача у вас?— спросила Анастасия Васильевна, радуясь встрече. Ее тревоги вдруг исчезли, на душе стало легко, покойно. Что с ним? Его не узнать. Куда девалась его постоянная броня: ироническая полуулыбка, холодно-вежливый тон. Лицо оживленное, улыбка широкая, светлая.

— Мне стала ясна важная деталь машины, которую я давно задумал. Мою мысль подтолкнул Куренков. Он отлично знает лесное производство. С удовольствием провожу с ним вечера.

— Что за машина, если не тайна?

— Вас интересует?— живо спросил Баженов.

— Да, конечно. Если у вас есть желание, расскажите.

Баженов отобрал у нее мотыги и, не спрашивая, что это такое, пошел с ней рядом. Он с увлечением рассказывал о своем изобретении. Как долго ему был неясен один очень важный узел его машины. Как он бился еще в Ленинграде, искал нужные пути. Ищешь, кажется нет конца, и вдруг...

— Понимаете, Анастасия Васильевна, как мне повезло в Хирвилахти!

Анастасия Васильевна с улыбкой кивнула ему. Она очень хорошо понимала его состояние. Она была счастлива его радостью.

В лесничестве Баженов взглянул на скамейку под пной.

— Если не возражаете, посидим несколько минут.

— Пожалуйста.

Баженков поместился возле Анастасии Васильевны.

— Как вам работается, Алексей Иванович? Помните, когда вы в первый раз пришли в лесничество...

— Очень хорошо помню,— с живостью подхватил Баженков.— Снежная ночь, вы проводили меня до шоссе. Все помню...— Он помолчал.— С работой у меня понемногу налаживается, в производстве разобрался, но пока я, так сказать, не совсем полноценный руководитель. Такому мастеру, как Куренков, мне еще нечем помочь.

Баженков не мог понять, почему он так доверчиво и легко поверял малознакомой женщине свои сокровенные мысли? Опа почему-то с первой встречи расположила его к себе...

Анастасия Васильевна тихо открыла дверь, чтобы не разбудить мать, на цыпочках прошла через комнату и остановилась у окна. Высокая фигура Баженкова медленно двигалась по тропинке, перескакивая усадьбу.

5

Сегодня был трудный день. Километров двадцать исходила Анастасия Васильевна по лесу, отмеривая новые места для рубки.

Возвращалась домой — от усталости подкашивались ноги. Работаешь целый день, ни о чем не думаешь, а вот вечерами приходит такая тоска,— не знаешь, куда себя девать. Поздно. Лес шумит. И хорошо, что шумит. Тишина ночью гнетет. Она постояла у окна, молча всматриваясь в темноту ночи.

-- Не спишь, Настенька?— послышался в полуоткрытую дверь голос матери.— А новый-то, главный инженер, как его... Алексей Иваныч, видный из себя мужчина. Грузинка, как ее, Этери, в бане мне сказывала, женка у главного красавица. Не видала ее, Настенька?

— Кого, мама?

— Женку главного?

— Нет.

Старуха громко зевнула и продолжала:

— Вежливый мужчина. Вчерась ты шумела в конторе, не поняла я, про что вы баяли, а он глядит на тебя с улы-

бочкой и помалкивает. Деликатный. Авось, бог даст, полегче заживем при новом-то.

— Посмотрим,— отозвалась из своей комнаты Анастасия Васильевна.

— Ох, и строга ты, доченька, с людьми, да и с собой. Потому и жизнь твоя неустроенная.

— Ладно, мама. Спи.

— Вот так завсегда! Спи, уходи, не мешай, не твое дело! Душа за тебя на части рвется. Не в одной работе жизнь-то! Вьюжно на сердце без мужа хорошего. Сама себя в черном теле держишь. Другие похуже, а давно замужем. Бобылкой помирать собираешься?

— Мама, не надоело ли тебе все годы об одном и том же?

Старуха умолкла, повздыхала и уснула. Анастасия Васильевна еще долго ходила по комнате, потом раскрыла томик стихов, перечитала знакомые строчки и задумалась. «Как горько до седины дожить, не повстречав того на свете, кто мог бы стать твоей судьбой, чтоб в сердце ты не внала стужи...» Одинокая... Слово какое неприятное, безрадостное. А ведь в прошлом она была не одна.

...1941 год. Немцы подошли к Ленинграду. Анастасия Васильевна работала в лесничестве под городом. Она эвакуировалась в небольшой сибирский городок Абакан. Работы по ее специальности не нашлось. Она устроилась в библиотеке.

Шел второй год войны. Она жила, как все эвакуированные, с надеждой на возвращение в родные места. Она потеряла следы матери, сестры, работала и тосковала в одиночестве. И вдруг пришла любовь, неожиданная и нежданная, и перевернула всю ее жизнь.

Летчик Стрешнев часто посещал библиотеку. Тщательно причесанный, в хорошо сшитом кожаном реглане, он всегда вежливо здоровался, улыбался небольшими карими глазами, просил стихи. В один из вечеров он попросил у нее разрешения проводить ее до дома. Они шли по тихим улицам городка, вдыхая весенние запахи земли.

— Как вам живется, Ася? Вы разрешите мне так называть вас.

Ее подкупил его ласковый голос, дружеская улыбка. У ворот ее дома он попрощался и ушел, не напрашиваясь в гости.

Стрешнев стал заходить в библиотеку гораздо чаще, чем раньше. Когда не было посетителей, он рылся на книжных полках, спрашивал ее мнение о той или другой книге, спорил. Она стала привыкать к нему, к его спорам, к рассказам о детстве, о школьных годах. Теперь каждый день он провожал ее домой и по-прежнему прощался у ворот. Как-то раз их застал на улице дождь. Анастасия Васильевна пригласила его в дом. Приглашение было естественным: нужно же было укрыться от дождя.

Она не заметила, как рассказала ему о себе, о своей жизни. Стрешнев слушал ее, сочувственно кивал головой, прощаясь, поблагодарил за доверие.

Анастасия Васильевна преобразилась. Теперь она топилась в библиотеку, как на праздник. А по вечерам тихонько напевала в своей комнате. Стрешнев приглашал ее в театр, в кино, на прогулки. В их взглядах было много общего. Часто она читала ему вслух. Он мог часами слушать ее, смотреть на ее лицо. Он относился к ней тепло, ласково-дружески, не позволяя себе ничего такого, что могло оскорбить ее чувства. Они виделись каждый день, и с каждой встречей их привязанность друг к другу росла и крепла.

Но однажды Стрешнев перестал появляться в библиотеке. Анастасия Васильевна ждала его каждый день, задерживалась на работе, подолгу стояла у окна, смотрела на улицу — не идет ли... потом бежала в Дом культуры. В танцевальном зале мелькали голубые петлицы его товарищей. Где же он? Уехал? Но почему не попрощался?

Прошло две недели. Она не переставала думать о нем и ждать.

Как-то под вечер в библиотеку пришел сержант с письмом от Стрешнева. Волнуясь, она стала читать: «Дорогая Ася! Я был болен, лежал в госпитале. Сейчас почти здоров, но врач не разрешает выходить. Подберите мне, пожалуйста, книги по вашему вкусу, прошу вас. Часто вспоминаю вас и скучаю. До свиданья, Асенька. С нетерпением жду того дня, когда увижу вас. Ваш Виктор».

Сержант аккуратно завернул книги в газету и ушел, а она продолжала смотреть на абонемент Стрешнева, пытаясь вспомнить, где находится Коммунистическая улица.

Он жил на окраине, за вокзалом, на широкой немощеной улице с деревянным обелиском — памятником комму-

нарам, расстрелянным белогвардейцами в годы гражданской войны.

Анастасия Васильевна прошла мимо «его» дома, смотревшего на улицу двумя окнами с цветущей геранью на подоконниках. Она постояла перед калиткой, несмело повернула скобу и, чувствуя непонятную слабость в ногах, вошла во двор. Пожилая женщина полола огородную грядку.

— Скажите, пожалуйста, лейтенант Стрешнев здесь живет?

— Здесь. А что?

Грубое, бесцеремонное разглядывание тяготило ее.

— Он мне нужен.

Женщина зло усмехнулась:

— Пынешние девки вовсе без стыда и совести!

Анастасия Васильевна вспыхнула, хотела ответить дерзостью, но женщина повернулась к ней спиной и занялась своим делом.

«Уйду» — решила Анастасия Васильевна, чувствуя, как ее лицо обжигает краска стыда. Она сделала шаг к калитке и остановилась, потом стремительно избежала по шатким ступенькам крылечка, не оглядываясь на хозяйку дома.

В горнице никого не было. Она растерянно искала глазами дверь в другую комнату.

— Кто там? — услышала она знакомый голос и тотчас же увидела дверь, наполовину закрытую портьерой.

Стрешнев лежал на постели.

— Вы?! — взволнованно проговорил он. Глаза его загорелись изумленной радостью.

...Стоя на коленях у его кровати, она плакала, прижимаясь лицом к его руке, а он гладил ее по голове и говорил ласковые, нежные слова.

Она подняла на него счастливые заплаканные глаза.

— Виктор, я так счастлива, так счастлива... Всю жизнь вместе. Если война нас разлучит, я буду ждать тебя. Всегда буду с тобой. Всю жизнь вместе. Какое счастье!

Она обняла его и смотрела в его лицо восторженными, сияющими глазами.

Беспокойные тени прошли по лицу Стрешнева.

— Ася, девочка моя хорошая, любимая. Скажи, ты мне веришь?

— Конечно!

— Тогда послушай, что я тебе скажу,— с некоторым усилием проговорил Стрешнев.

— Говори. Я люблю тебя слушать.

Она прижалась щекой к его плечу.

— Ася, я женат.

Анастасия Васильевна отшатнулась.

— Я все объясню тебе, Асенька.

— Молчите... Не надо... Прощайте!

— Не уходи, Ася!

Анастасия Васильевна не оглянулась.

Нет, больше она не будет встречаться с ним! Все кончено!

Но через неделю Стрешнев снова пришел в библиотеку, попросил ее посидеть с ним в парке хотя бы полчаса, и она уступила.

В парке было свежо и шумно. На танцевальной площадке духовой оркестр играл вальс, на скамейках отдыхали выздоравливающие раненые из госпиталя. Стрешнев и Анастасия Васильевна нашли в глухом углу парка свободную скамейку. Оба долго молчали.

— Асенька, я должен рассказать тебе все.— Стрешнев провел рукой по прямым светлым волосам, вздохнул.— Моя женитьба была ошибкой,— продолжал Стрешнев, украдкой наблюдая за выражением ее строгого лица.— Я знаю, ты скажешь, что так обычно говорят все мужчины женщине, которая им нравится.— Он помедлил, ожидая возражений, но Анастасия Васильевна молчала.— Но верь мне, я тебе говорю правду. Женился я не по любви, а по глупости. Был у меня начальник, который почему-то меня терпеть не мог. На зло ему я отбил у него жену. Рассказывать, как это вышло — длинная история, да и суть не в ней. Конечно, потом я понял, что поступил легкомысленно, связав свою судьбу с женщиной, которую не любил. Но я старался никогда не показать это жене, и мы жили сравнительно дружно. До встречи с тобой я не знал, что способен полюбить... Не наказывай меня, Асенька. Кончится война, я помогу жене устроиться на работу и приеду к тебе, где бы ты ни жила. Я люблю тебя, Ася.

Некоторое время Анастасия Васильевна боролась со своим чувством. Она не хотела становиться на пути незнакомой женщины, его жены.

Шли недели, месяцы. Стрешнев по-прежнему искал ее общества, говорил о своей любви, и Анастасия Васильевна с каждым днем все сильнее чувствовала, что не может порвать с ним, и сделает так, как он хочет. Из библиотеки она ушла. Нашлось ее любимое дело. Горсовет решил озеленять город. Она руководила посадкой деревьев. В питомнике она столкнулась с молодым ленинградским лесоводом Погребицким, который усердно занимался разведением черной смородины и считал озеленение улиц в военное время делом десятым. С ним она часто вступала в жаркие споры, жаловалась на него Стрешневу. Вечерами она водила Стрешнева по улицам и показывала «свои» деревья.

— Знаешь, Виктор, как приятно вырастить дерево. Оно — живое твоё дело.

Любовь не принесла Анастасии Васильевне покоя. Стрешнев получал от жены письма и писал ей, будто ничего не изменилось в его жизни. Соседки — жены военнослужащих, эвакуированные в глубокий тыл из прифронтовых районов страны, знали от полковых товарищей Стрешнева, что его жена где-то в Чкалове, и осуждали Анастасию Васильевну в глаза и за глаза. Из гордости она не жаловалась Виктору. Но разве он сам не понимает ее положения? Он все понимает, видит и молчит. Стрешнев все чаще заговаривал о возможности отъезда на фронт. В ожидании его отъезда, в надеждах и сомнениях шло время.

В жизни ее произошло новое событие. Она почувствовала себя матерью. Виктор обрадовался, просил ее быть осторожной, беречь себя. Она ждала, что генерал он заговорит более определенно об их отношениях, но он по-прежнему молчал. Она заговорила первая.

— Виктор, ты должен написать жене. Так будет честнее. Или сказать мне все прямо. Я должна знать, что ты думаешь обо мне, о моей судьбе. Пойми, меня страшит неопределенность... Ты уедешь, а я останусь с ребенком. Нужно все решить теперь, Виктор. Я хочу, чтобы ты меня правильно понял, почему я требую ясности в твоих отношениях ко мне и к жене.

Стрешнев ответил после долгого молчания.

— Ты знаешь, я люблю тебя, но рассказать жене обо всем я не могу. Сейчас не могу. Зачем причинять ей страдания прежде времени? Скоро я уеду на фронт. Ты сама

понимаешь, что такое война. Останусь жив, после войны все решим, ну, а если убьют... решать будет нечего.

Он не понимал, или не хотел понять, как глубоко она была оскорблена.

Полк Стрешнева перевели в соседний город Черногорск. В субботу он приехал за ней. Она сказала, что не поедет к нему.

Она похудела, подурнела. Он мягко упрекнул ее, что она его не любит и уехал обратно один. Анастасия Васильевна проплакала всю ночь, а утром сама приехала к нему. Они бродили по тихому городку, и каждый боялся начать разговор на тему, трудную для обоих. Так они и не поговорили. А вечером он посадил ее на обратный поезд.

Чтобы отвлечься от тяжелых дум, она особенно старательно занималась огородом, убирала картофель, носила тяжелые ведра в подвал. Сказались и волнения последних недель.. Ночью соседка вызвала скорую помощь.

Как оскорбительны были четыре дня, проведенные в маленькой деревянной больнице. Сколько она передумала, лежа на застиранных простынях! Виктор не знает, как тяжело у нее на душе. Словно окупулась во что-то мерзкое, липкое и не может отмыться. Что принесла ей любовь к Стрешневу, кроме обиды и унижения? Почему она не может отбросить его от себя, отвернуться, пройти мимо? Где ее гордость, ее самолюбие? Ведь он ничего не обещает ей прочного, верного в отношениях. Он откладывает все «на потом». Что он подумает «потом»? Одному ему известно. Он хотел от нее ребенка, как память о нем, если его убьют на войне. Станные желания. Не думает о ребенке, о ее будущем, а говорит о памяти. Что это такое?

Она встала с кровати и побрела к окну. Улица с невысокими домами уходила в степь. За серым неуклюжим элеватором темнел лес. Глухая сибирская тайга. Вот он, глубокий тыл. А там, далеко на западе, идут бои, решается судьба Родины. Куда забросит военная судьба Виктора? Останется ли он жив? Завтра она выйдет из больницы. Что она ему скажет?

Анастасия Васильевна горько сожалела о случившемся. Но Стрешнев не поверил ей.

— Ты сама избавилась от ребенка. Ты хотела быть свободной!

Он не дал ей сказать хотя бы слово, наговорил кучу дерзостей и ушел взбешенный, не попрощавшись.

Горестные раздумья не оставляли Анастасию Васильевну. Если он любит ее, то почему не понимает, не верит, как ей тяжело.

И все-таки она ждала его каждую минуту — вот он придет и рассеет ее сомнения, утешит в горе.

Через две недели Стрешнев приехал к ней попрощаться. Его полк отправлялся на фронт. Он был спокоен, ласков с ней, немного грустен и держал себя так, будто никакой размолвки не было, но во всем его поведении чувствовалась скрытая фальшь.

Анастасия Васильевна пошла проводить его на вокзал, а когда поезд скрылся, она села на скамейку в привокзальном скверике и дала волю слезам.

Из Новосибирска от него пришла коротенькая открытка. Он сообщал, что едет дальше на запад. Вся жизнь ее сосредоточилась на работе и ожидании писем. И так целый год, долгий год неизвестности. Наконец, пришло письмо с фронта. Оно было дружеским, без напоминания о прошлом, без упреков и обещаний.

Она написала, что любит, беспокоится, что скоро уедет в Ленинград и просит не забывать ее.

Овета не было.

В конце сорок четвертого года Анастасия Васильевна уехала из Сибири со смешанным чувством грусти о прошлом и надеждами на будущее.

Прошло еще два года. Война кончилась. Фронтовой адрес Стрешнева утратил свое значение. На ее запрос из Москвы ответили: «В списках убитых не числится». Значит, он жив, он просто забыл о ней, не хочет писать.

И снова пролетел год.

Вдруг неожиданно она получила письмо от Стрешнева: «Если вы меня помните, напишите, как вы живете? Какие перемены произошли в вашей жизни? Прошло столько лет...» В письме Стрешнев писал о своем одиночестве. Одинок? Что случилось? И он вспомнил о ней!

Его телеграмма взволновала Анастасию Васильевну. Он едет к ней! Она не помнила, как доехала до вокзала, как дождалась поезда.

— О, как он изменился! Нет, нет, не постарел, а возмужал. Не выпуская его руки из своих, она с нежностью

всматривалась в каждую черточку его лица. Стрешнев улыбался ей прежней улыбкой.

Дома она обняла его, плача от счастья.

— Я так ждала тебя, так ждала...

— Да, Асенька, вот мы и увиделись. Сколько пережито за эти годы.

Стрешнев сел в кресло, закурил, начал рассказывать о себе: воевал, был ранен, побывал за границей. Говорил много, и ни слова об их любви, будто ничего не было, кроме хорошего знакомства.

Анастасия Васильевна слушала с молчаливым удивлением. Боль и обида вытеснили радость из сердца. Зачем же он приехал?

— Здесь, в Ленинграде, Асенька, у меня неприятное дело.

Стрешнев сузил глаза, лицо его стало колючим. Он приехал разводиться с женой. Да, жена в Ленинграде, живет у сестры. Как он был слеп, доверяя ей столько лет! Она его обманывала. Он нашел в ее столе письма. Конечно, не его письма.

— Вот и верь вам, женщинам. — Губы Стрешнева скривила презрительная усмешка.

Анастасия Васильевна из чувства такта не стала его расспрашивать о жене, о разводе, решив также отложить разговор и о себе. Он кончит дело в суде и сам все скажет. Сейчас ему не до нее.

Дело в суде было решено в его пользу. Стрешнев еще раз пришел к Анастасии Васильевне. Он повеселел. Наконец-то он свободен! Жаль, ушли лучшие годы. Но, черт возьми, он наверстает упущенное! Он возьмет свое у жизни!

Анастасия Васильевна смотрела на него, и слезы готовы были брызнуть у нее из глаз. Горечь, обида, боль теснили грудь.

— Виктор, у тебя ко мне ничего не осталось?

Он был несколько смущен ее прямым вопросом.

— Нет, почему? Я очень рад нашей встрече... Я с удовольствием вспоминаю прошлое.

— Ты не думай, что я хочу воспользоваться твоей свободой. Навязываться тебе в жены... Но мне очень больно, Виктор.

Она отошла к окну, не желая показывать ему своих слез.

Стрешнев заговорил после небольшого молчания:

— Ася, пойми меня правильно и не обижайся. Вся эта история с разводом... Понимаешь, я внутренне опустошен. Хочу прийти в себя. Подумать...

— Дело не в этом, Виктор. Ты не думаешь о нашей любви.

Стрешнев бросил в пепельницу смятую нераскуренную папиросу.

— Любовь! Существует ли она вообще! Есть, возможно, ее начало. Все чудесно на заре, потом начинается сплошная чепуха. Обиды, ссоры, упреки, измены. Я разочарован, Асенька. Я устал.

Анастасия Васильевна подняла голову и пристально посмотрела на него. Так смотрела она в первый раз с той поры, как полюбила его, встретив в далеком сибирском городке, — смотрела, как будто впервые по-настоящему изучая его.

Она хотела спросить, почему все эти годы он не писал ей, как собирается жить дальше, — и не спросила.

Стрешнев как будто не замечал ее состояния. Он коснулся ее холодной руки:

— Помнишь, Ася, мои любимые строчки?

Умрешь — начнешь опять сначала, —

И повторится все, как встарь:

Ночь, ледяная рябь канала,

Аптека, улица, фонарь...

— Прошлого не вернетишь, Ася. С временем спорить бесполезно.

Стрешнев вздохнул и задумался.

Это была их последняя встреча. Он уезжал в тот же день.

Поезд уходил вечером. Они съездили посмотреть мечеть, памятник «Стерегающему», Дворцовую площадь. Говорили мало. Было ясно, что Стрешнев не хотел осгаваться с нею паедине, да и она не стремилась к этому. Слишком велика была боль, чтобы рассказать о ней в последние минуты.

Она ехала с ним на вокзал, как во сне. По перрону ходили люди, разговаривали, смеялись. Она ничего не слышала, не замечала. Через три минуты он уедет навсегда.

— Виктор!

Стрешнев прижал ее голову к своей груди, поцеловал в лоб.

— Прощай, Ася! Не поминай лихом. Пусть каждый из нас найдет свое счастье.

Поезд ушел. Она осталась на перроне одна. Тускло горели фонари. В темном небе висел бледный рожок луны. На западе мерцала одинокая звезда.

Анастасия Васильевна брела по улицам, не вытирая слез. Встречные скидывали ее торопливо-любопытными взглядами и исчезали в толпе...

— Настенька! А, Настенька!

Анастасия Васильевна подняла затуманенные глаза на стоявшую на пороге мать.

— В который раз окликаю. В лес завтра поедешь? Когда будить?

— Не беспокойся, мама. Я встану сама.

Анастасия Васильевна потушила свет. За окном шумел лес, голые ветви рябины царапали ставни.

6

Чистенький паровозик, деловито поныхивая, ждал сигнала диспетчера, чтобы помчаться по рельсам, блестевшим от утреннего тумана. Узкие вагончики были битком набиты рабочими. Анастасия Васильевна проверила, все ли ее люди на месте. Все, кроме Парфенова. Опять проспал. Теперь будет караулить на лесобирже порожняк, чтобы добраться до делянки. Диспетчер уже поднял флажок, что-то крикнул машинисту, когда она увидела бегущего со всех ног помощника. Она крикнула диспетчеру, чтобы он подождал.

— Еще чего! — отозвался тот. — Вы пассажиры бесплатные, приходите вовремя.

Поезд медленно тронулся. Парфенов все же успел ухватиться за поручни последнего вагончика. Бухгалтер Коля уступил ему свое место.

— Мы все очень беспокоились, Гаврила Семенович. Боялись — опоздаете.

Парфенов угрюмо посмотрел на Колю и уткнулся в газету. Раньше он питал к Коле нечто вроде отеческого чувства. Коля жил один. Отец погиб в Отечественную войну, мать умерла в эвакуации. В партизанских боях

с оккупантами Коля лишился руки. С приездом Анастасии Васильевны в Хирвилхти Парфенов лишил Колю своего покровительства: он посчитал прямой изменой служебное рвение бухгалтера при новом лесничем. «Я совсем не радуюсь, что вас спяли, Гаврила Семёнович, — мягко возражал Коля, — но дело есть дело».

— Гаврила, с прибытием! — весело окрикнул Парфенова объездчик.

— Привет, — равнодушно бросил ему Парфенов и закрылся газетой.

Объездчик Василий Васильевич Рукавишников — крепкий и моложавый для своих шестидесяти лет — ехал в лес со своей женой, дородной женщиной лет пятидесяти, с румянцем во всю щеку. Одет объездчик был несколько щеголевато для своей профессии: суконные брюки, хромовые сапоги. Анастасия Васильевна дивилась: «Валентина Карповна едет с мужем?» Толстуха всегда отказывалась помогать в посеве, боялась, что постареет от тяжелой физической работы. Жили Рукавишниковы за пять километров от лесничества, в деревне Йоутсенярви, имели свою избу, корову, свиней, кур. Валентина Карповна, или Валуша, как пазывал ее муж и знакомые бабы, каждый день провожала мужа на работу, а если ему случалось дежурить в лесничестве, она оставалась в конторе и спала на скамье, одолив у Коли подушку. Такое трогательное отношение к мужу вызывалось не чем иным, как ревностью. Рукавишников страдал от опеки жены, но стойко переносил свое подневольное положение, посмеивался и добродушно рассказывал всем, кому приходилось: «Смолоду не любила меня так Валуша. Девкой не ревновала, а тридцать годков прожила и хватилась. Пылу-жару в ней па семерых хватит. И откуда берется?» Жены своей он, однако, побаивался и старался внушить ей, что ее подозрения напрасны. Но Валентина Карповна имела основания быть бдительной в отношении верности своего супруга. На деревне поговаривали, что объездчик любил перекинуться острым словечком с вдовыми бабами.

Рукавишниковы имели двоих взрослых детей: сын заведовал метеорологической станцией в Беломорске, дочь работала в геологическом управлении в Петрозаводске.

— Колюшка, когда зарплата? — спросила Рукавишников-
кова бухгалтера.

Коля ответил, что зарплату задерживает банк.

— Плохо об нас заботятся, — громко сказала Рукавишникова. — Леспромхоз платит своим без задержки тыщи, а у нас — копейки, да и те не вовремя. Тракторист Филиппыч жене на ладошку три тыщи в прошлом месяце положил. Денежки! Шел бы ты, Васенька, в леспромхоз. В лесничестве на сапоги не заработаешь. Изодня в день — лес, неделя — и новые подметки.

— Валюша, перемени пластинку. — Рукавишников ласково похлопал жену по колену. — Десять лет твердишь одно и тоже. Зря твоя музыка.

— А, ну тебя! — Рукавишникова оставила мужа и под села к Парфенову.

— Здоровьице-то как? Выглядите, ой, как плохо, Гаврила Семеныч!

Парфенов поднял на нее мрачные глаза, вздохнул:

— Сердце пошаливает.

Рукавишникова сочувственно покачала головой:

— Да, да. У моего Васи тоже здоровьишко пикудыни-
гое стало. Ночью спонет, мечется. Шутка сказать, каждый
день в лес и в лес... По мхам, по пням, по кочкам да по
болотам. Медведи и того свалит. Ох, не было горюшка,
да ветры навенули. Долго ли новая метла мести будет?
Нора бы пообломаться прутьям-то.

Парфенов предостерегающе кашлянул, показав глазами на сидевшую впереди Анастасию Васильевну.

Поезд, набирая скорость, шел под уклон. Вагончик подрагивал, скрипел. Анастасия Васильевна сидела у открытой двери между девушками-сучкорубами: смуглянкой Оксаной с Украины и тоненькой беленькой Хельви, финкой. Свежий ветер бил в лицо. На главной магистрали лес стоял стеной и казался густым и непроходимым. В действительности, полоса леса шла вглубь только на сто пятьдесят метров, а за нею тянулись старые вырубки, покрытые вейником, основной порослью и небольшими островками соснового и елового молодняка. Как быстро исчезает старый лес! Не так давно рабочие пешком ходили на лесосеку, в поселок доносилось глухое токанье моторов электростанции, а сейчас поезд добрых два часа везет лесорубов к месту валки. Когда же выра-

стет новый лес? Северное лето короткое, деревья растут медленно.

— Запятная техника! — услышала Анастасия Васильевна за своей сплошной басистый голос Куренкова. Мастер вытащил из-под скамейки мотыгу и с добродушной насмешкой потрогал зубья. Спросил о названии нового орудия рыхления почвы, захохотал: — Царапалка? Ох, и выдумщики! Изобрели на смех курам. Гаврюха, не ты ли главный изобретатель? А патент взял? Премию получишь, не забудь поставить пол-литра.

Посыпались шутки лесорубов:

— Такой бы техникой лес валить, враз лесная промышленность вышла бы из прорыва.

— Инструмент сложный. Без курсов не овладеть.

— Бабы такой техникой картошку окучивают!

— Вы, братцы, не того... Дай-ка, Михайла, мотыжку. — Пересмешники. — Рукавишников отобрал у Куренкова мотыгу.

— И впрямь, хватит зубы скалить! — прикрикнул Куренков на товарищей, словно не он начал. — Всякому свое положено. Нам — электропила да трактор, а ихнему брату — мотыжка да грабли. Лесникам не сладко живется, всякий видит.

Говорил, а сам поглядывал на Анастасию Васильевну, а она ни разу не обернулась, словно не слышала, что делается в вагончике. Мастер стоял, держась за косяк двери, едва не упираясь головой в потолок. Глаза серые, навывкате, с искрой насмешки, правая бровь чуть выше левой, подбородок крутой, с ямкой, губы сжаты так, будто с трудом удерживают усмешку, в полупудовых кулаках медвежья сила. Не раз нес на спине в избушку охмелевшего дружка Парфенова. Ходил Куренков в летном комбинезоне — подарок фронтового товарища, летчика, — гимой в меховых ушах и круглый год в кожаном шлеме. Карманы набивал газетами, складными линейками, записными книжками. Приехал он по вербовке из Белоруссии, заключил договор на год и вот уже работал вторую пятилетку. Объяснял так: «Леса здесь больно хороши, есть где разгуляться лесорубу, да и денежки идут подходящие». Приезжала к нему жена на первых порах, пожила месяца четыре и уехала обратно в свою родную Белоруссию. На прощанье сказала мужу: «Не получилась у нас с тобой семейная жизнь, Михайла. Выпы в том

твоей нету, не таи и ты на меня зла». Куренков по жене не скучал, знал, что выходила за него не по любви, и жила, как по припуждению: ни веселья, ни радости, только вздыхала. Видать жениха вспоминала: был такой на деревне мельник, громом убило.

Когда поезд остановился, лесорубы потянулись гуськом направо от дороги. Анастасия Васильевна со своими людьми повернула палено, на лысую вырубку с редкими соснами — «семенухами». Куренков пошел рядом с пей, наступая сапогами на ярко-зеленые платки «кукушкиного льна». Если бы Анастасия Васильевна была более внимательна к мастеру, она без труда заметила бы на его лице что-то похожее на смущение. Куренков частенько с поезда шел с ней в одном направлении, и это ее несколько не удивляло: весь лес — производство, и мало ли, зачем идет мастер в тот или другой квартал.

Ясное солнечное утро, сверкающая роса на кустиках морошки, нежные листья берез, разлохмаченные сережки цветущих осин, едва слышная трель жаворонка-невидимки в высоком чистом небе, благоуханье леса отвлекли Анастасию Васильевну от деловых тревог. Как похорошел лес после недавнего теплого дождя!

— Сеять лес будешь, — заговорил Куренков. — Адова работа — долбить землю мотыжкой. Жалко мне тебя, Настасья Васильевна.

— Жалко? — усмехнулась Анастасия Васильевна. — А кто больше всех доставляет нам неприятностей? Вы и ваши лесорубы.

Куренков вдохнул мощной грудью лесной воздух, нахнувший смолой и прелым мохом, миролюбиво проговорил:

— Зря пападаешь, Настасья Васильевна. Мы стараемся соблюсти и ваш интерес.

— Знаем, как вы стараетесь! Губите лес напрасно. Вы для лесничества — как короед.

— Короед? — обиженно повторил Куренков.

Маленький черный жучок, чуть побольше рисовой крупинки, поселялся на ветровальных и сухостойных деревьях, прогрызал в коре траншеи, заражал здоровые деревья. Настоящий бич лесов.

— Что же ты меня с паршивым жучком сравниваешь? Язык у тебя, что иголка: уколоть человека нипочем.

а чтоб ласковое слово сказать, этого от тебя век не дождешься.

Куренков шагал, не глядя под ноги. Под его сапогами трещали низенькие ягодные кустики, расплющивались в лепешку моховые красноватые кочки.

— Зачем вам мое ласковое слово? — Анастасия Васильевна спизу посмотрела на мастера. Ну, и великанище! Плечи — косая сажень, мускулы — железо. Равного в поселке нет.

— Эх, Настасья Васильевна! — Куренков сокрушенно вздохнул. — Умница ты, разумница, каждое дерево в лесу изучила, паршивую елку тебе жалко, коли трактор невзначай ее сомнет, а до человека тебе дела нету. Ты его в грош не ставишь. А он, может, не такой уж никудынный, и сердце у него есть, и как все люди, понимает он, чувствует...

— Вы о ком, Михайла Кузьмич? О Парфенове?

— Об нем! — Куренков сердито падвинул кошку на глаза и круто повернул к себе на лесосеку.

«О ком он? Уж не о себе ли?» — подумала Анастасия Васильевна и невольно оглянулась на удалявшегося Куренкова. Станный завел разговор... Чепуха! Он печется о своем собутыльнике. Хочет взять его под защиту. Друзья — водой не разольешь... Забыла его отчитать, зачем Парфенова спавляет».

Лесник дядя Саша — так пазывали его все от мала до велика — шуплый мужчина лет пятидесяти с висячими рыжими усами на сухом лице — привел с собой жену, тоненькую жепщину с огромными голубыми глазами, и четырех сыновей, из которых самому старшему не было и пятнадцати. Мальчики походили друг на друга как две капли воды: мелкие, рыжие, голубоглазые, различить их можно было только по росту. По странному капризу отца двое мальчиков носили имя Васи с прибавлением прилагательного: Вася меньшой и Вася большой.

— Полным семейным комплектом прибыли, Настасья Васильевна. С Лизаветой увязка полная, жепочка у меня сознательная, не в пример некоторым бабам. — Дядя Саша стрельнул хитрыми глазками на Рукавишникову и ухмыльнулся в усы.

Рукавишникова сердито повернулась к леснику спиной, а Лизавете сказала, что отнесет в ее избу узел с постелью, может придется почь-две перепочевать.

— Чтой-то ты, Карповна, павьючилась, что верблюд? — кольнул дядя Саша. Он знал, что на его подушках жена объездчика спать брезговала.

Рукавишников не удостоила его взглядом.

Объездчик велел жене поскорее возвращаться.

Дядя Саша инструктировал свои «кадры»: жену — как почву рыхлить мотыгой, сыновей — как сеять. Четверо мальчиков с педетской серьезностью держали на ладошках семечки сосны, а Вася меньшей разгрыз одно и сказал, что оно на кедровый орешек похоже. Лесник называл жену Лизушей и смотрел на нее с нежностью. Рукавишников рыхлил почву на площадках, за ним шел Коля и старательно, единственной рукой, высевал семена, сапогом приминал землю. Анастасия Васильевна, конюх и четверо рабочих работали рядом. Парфенов — в стороне.

На гектаре надо сделать тысячу площадок, на каждой площадке — пять гнезд. Сколько раз нужно человеку наклониться, взмахнуть мотыгой, ударить с силой в плотную лесную землю, бросить в подготовленную почву семена! А что такое гектар? Капля в море. В соседнем квартале рокочут тракторы, стучит мотор электростанции, кричат паровозы, увозящие спиленные деревья. Там валят лет со сказочной быстротой. Вон вспугнутое воронье тучей поднялось над лесосекой и кружится, наполняя воздух тревожным карканьем. Ищите, птицы и звери, новое пристанище, и подальше. Великан шагает семимильными шагами. Где пройдет, там лес не шумит, а лежит, поверженный на землю. Плывут по воздуху деревья на стальных тросах, послушно падают на платформы составов. Не угнаться вам с мотыгой, друзья лесоводы, за могучей техникой лесорубов. Слышите, как тревожно шумят леса Карелии? Что останется после них? Сбережет ли человек их молодую поросль, вырастит ли любовно новый лес, жизнь, красу, богатство земли карельской?

Упрямо сжала губы Анастасия Васильевна: работать — сколько сил хватит.

Парфенов сбросил индзяк, работал рьяно, с сердцем рвал мотыгой неподатливую землю. Потемнела от пота рубашка. Он ни с кем не разговаривал, ни на кого не глядел. Придумали лесную посевную. Лесокультуры! Выпскали словечко: «лесокультуры». Высевай сосну,

ель Сад плодовой, что ли? Ложись костями на вырубке! А еще Чернонаволоцкое лесничество на соревнования вызвали. И все она, эта энтузиастка Самоцветова! Насела на всех со своими лесокультурами. Ну, что изменится в нашем лесничестве: посеем мы один или два гектара? Вот если леспромхоз хоть на один день приостановит валку леса, это почувствует и государство и карман лесорубов. А ваши лесокультуры, мадам, погоды в лесничестве не сделают.

— Чего бормочешь под нос себе, мплок? — спросил дядя Саша.

Парфенов кинул на лесника косой взгляд и ниже наклонился над площадкой.

Мотыга, как ее ни совершенствуй, остается мотыгой. После грех часов работы руки у Анастасии Васильевны болели, тянуло лечь на землю, закрыть глаза, замереть в блаженном покое. Помнится, девчонкой окучивала картошку в поле, набила на ладонях мозоли, села на землю и заплакала.

В обед дядя Саша роздал сыновьям сушеную рыбу, лук, черныи хлеб. Лизавета принесла в кувшине родниковой воды.

— Утомилась, Лизуша? — ласково спросил лесник и погладил жену по плечам.

Парфенов срубил молодую елку, бросил на нее ватник, лег на спину и лениво стал следить глазами за облаком, плывущим по голубому небу.

— Зря ты того... деревцо, — Рукавишников поском сапога коснулся ствола елки на месте сруба.

— Прикажете на сырую землю лечь? Схватить воспаление легких? Что я срубил — яблоню? Совсем помещались. В тайге не тронь ветку.

Парфенов говорил громко, все его слышали, но никто ничего не сказал ему.

В лесу грохнул выстрел. Парфенов приподнялся на локте. На опушку вышел человек с ружьем и вещевым мешком. Очевидно, геолог. Он нес на плече огромную черную птицу. У Парфенова замерло сердце. Счастливый человек! Он может охотиться на глухарей, когда ему вздумается. А глухари в Каменном бору — гибель.

По вырубке, колыхаясь полным станом, медленно шла Рукавишникова.

— Василий, твоя Милитриса Кирбитьевна шествует, — добродушно пошутил дядя Саша.

Спала, что ли? — грубо спросил Рукавишников жену, когда она поставила перед ним корзинку с едой. — Угощай народ, Валентина.

Все охотно принялись за вкусную пищу. Лизавета подсовывала мужу и детям куски пирога, жареной рыбы. Рукавишникова с тщательно скрываемым раздражением наблюдала, как быстро исчезает еда, со сладкой улыбкой потчевала Анастасию Васильевну, называла ее «милушкой», а про себя — «бабой-язвой», горько сожалела о том, что Семеныча сместили с начальников, при нем Васе куда выгоднее жилось, а эта «профессорша» всех в еяках держит. Она отнесла Парфенову большой кусок пирога. Он не захотел присоединиться к остальным и принял подношение, как должное, по старой памяти. Любил Гаврила Семенович выпить и поесть на дармовищнику. Лесник доел последний кусок пирога, погладил живот.

— На фронте питания у тебя, Карповна, серьезные достижения. Пирог свадебный. Да. А вот, милушка, насчет сознательности — ты подкачала. Полный прорыв, — свет Валентина Карповна. Да.

— Ты меня не учи! — Рукавишникова страхиула крошки с салфетки почти в лицо дяде Саше, схватила корзинку и, колыхнув крутыми бедрами, поплыла по тропке, кипя в душе негодованием на дядю Сашу. Поник, поел с чужого стола и еще шишлыки пускает. Сколько раз она давала Лизавете займы муки, сахару, денег, а ее муженек не понимает добра. Подхалим! Всем правдами и неправдами перед лесничей выслуживается.

Рукавишникова слышала, как позвал ее муж, но она не обернулась, а углубилась в еловый лесок, села на пенек, подставила лицо под ласковые лучи весеннего солнца. Благодать! Хорошо, что поехала с Васей. Отдохнуть, воздухом подышать. Тишь да покой. Только кукушка — бездомница, лесная горемыка, жалуется на свое одиночество в ближнем бору.

Хруст валежника испугал Рукавишникову. Не медведь ли?

— Васенька, ты? — обрадовалась она, увидев мужа. — Посиди со мной. Солнышко-то какое!

Рукавишников положил руку на пышное плечо жены:

— Не на курорт приехала. Пойдем сеять. Перед людьми стыдобушка за тебя.

— Не могу я тяжелую работу, Васенька. Через силу и копь не тянет. Я — слабая, болезненная. По почам кашляю, потом обливаюсь. Все мое путро поет, все мои косточки гудят. Умру, тогда пожалеешь...

Рукавишникова притворно кашлянула и напустила скорбь на упитанное румяное лицо.

— От работы не помирают, Валюша. Бери пример с Лизаветы.

— Что мне Лизавета? Она на бабу не похожа. Кости да кожа. Кляча!

Рукавишников добродушно похлопал по спине пышущую здоровьем супругу.

— Ты у меня раскрасавица, Валюша. Здоровья твоего на пятерых Лизавет хватит. Поднимайся, лебедушка. Пойдем.

Рукавишникова отвернулась от мужа с видом вызывающим, упрямым.

— Не пойду. Не напималась я! Батрачить на лесничу не стану. Парфенов народ не мытарил, не гнал в лес землю долбить. Не пойду, хоть убей!

— Валентина, неделю дома почевать не буду! Слышишь?

Угроза подействовала. Ревнивая Валюша притворно всхлинула и поплелась за мужем. На вырубке,ковыряя мотыгой землю, она подобралась к Парфенову, тихо и вкрадчиво заговорила:

— Семеныч, жалею я тебя. За что пострадал человек? Мой Васенька на первых порах ругал лесничую, не по силам, мол, требует, во все дырки нос сует, власть свою показать хочет, а последнее время горой за нее. С чего бы это, Семеныч, а? Как она сумела к моему Васеньке ключ подобрать?

— Спросите своего мужа, чем очаровала его мадам, а меня оставьте в покое! — Парфенов с силой ударил по лапам трухлявого пня. Из-под мотыги брызнула гнилая древесная мякоть, обсыпая Валюшину юбку.

— Господи, человека-то как озлобили! — вздохнула Рукавишникова, глядя с затаенной печалью на голубой платок лесничей, мелькавшей в стороне. — Васенька, ну жто землю долбить десять ден кряду? В наши ли годы...

— Работай, Валюша, работай,— мягко перебил объездчик.— А что касательно годов, то мы с тобой молодым сто очков дадим вперед. Есть еще порох в пороховницах. Верно говорю, жена?

— Чтoб ей ни дна, ни покрывки! — проворчала Рукавишникова, берясь за мотыгу.

Солнце медленно склонялось к закату. На вырубках осинами черпели гнезда с посеянными в них семенами. Люди продолжали работать в полном молчании. Даже говорун Рукавишников умолк,— не шутил, не ухмылялся в усы дяди Саша. У Рукавишниковой губы обветрились, с лица сполз румянец, толстуха все чаще потирала поясницу, но мотыгу не бросала. Сыновья лесника спали на отцовском пиджаке. Синева под глазами Лизаветы стала гуще, мотыга пет-нет да и выскользнет из рук. На ладонях Анастасии Васильевны вспухли мозоли. Земля в конце рубки казалась камнем. С трудом скребли зубья мотыги. Кружилась голова, ломило поясницу, отекали ноги. Парфенов долбил землю так, будто это был его кровный враг. Глаза его стали желтее, словно разлилась в них желчь.

Целый день люди вырывали клочок земли у сорных трав, сеяли лес, поливали древесные семена своим потом. Наконец, подобравшись с мотыгами к лесосеке, где трудились лесорубы. Трактор тянул хлысты к складу.

— Что он делает, посмотрите! — вскинулся вдруг дяди Саша.

Все оставили работу и смотрели на трактор. Тяжелая машина с ворчаньем ползла по свежему волоку, подминая деревца и оставляя за собой черную дорогу. Под гусеницами трактора исчезали целые семьи молодняка.

— Крушат, ломают... Нам годами выращивать, что они сожрут в полчаса! Губители! — сердито сплюнул дяди Саша, вытирая шапкой пот со лба.

— Мотыжку бы им в руки, да заставить синну погнуть недели две кряду, небось, поаккуратней бы раскатывали по лесу,— мрачно уронил объездчик.— Выхляет по волоку и вкось и вкривь, молотит, знай себе, молодняк. Куренковский орел. Каков поп, таков и приход. Сами дали мастеру поблажку.— Рукавишников посмотрел на Парфенова.

— Трактор по воздуху не поплывет,— бросил Парфенов.— В лесу — молодняк везде. Сивкой возили древесину,

меньше мяли подроста. Техника вытопчет больше, чем табуи лошадей.

Анастасии Васильевне представилось, как согни тракторов ползут по лесным просторам Карелии, уничтожая гусеницами хрупкую поросль, и на сердце стало горько от сознания того, что бессилён помешать злу.

Между тем трактор, перемалывая лесную мелкоту, направлялся на группу молдых елок. Минута, и он вдавит их в землю. Анастасия Васильевна побежала к волоку и стала на пути машины. Из кабины выглянуло сердитое лицо тракториста. Анастасия Васильевна показала рукой на деревца. Тракторист нахлобучил на глаза кепку и повел грохочущую машину стороной.

— Весь лес грудью не закроешь! — с горечью бросил дядя Саша и взялся за мотыгу.

— Да-а... — промолвил Рукавишников, глядя вслед трактору. — Мало мы, лесники, толкуем с лесозаготовителями. Понял же этот парнишка-тракторист, что нехоже мять лесную мелкоту? Свернул в сторонку...

Анастасия Васильевна задумалась над словами старого объездчика.

...Работайте, друзья лесоводы, работайте! Еще площадка, еще горсть семян в землю. Не теряйте дорогого времени. Каждый весенний посев — это тысячи деревьев в будущем. Пройдут годы, нас не будет на земле, но посеянный вами лес будет расти, шуметь, шептать потомкам о нашем времени, о трудных дорогах счастья.

7

Нина не понимала, как может муж с таким увлечением работать в леспромхозе. Встает рано, надевает кирзовые сапоги и уезжает с лесорубами рабочим поездом. А что за обстановка в конторе! Она поражается, как может Алексей сидеть в жалкой клетушке, где едва умещается стол и табуретка. Какой у него был роскошный кабинет в тресте! Мягкая мебель, ковер и великолепный вид на Неву. Машина управляющего была всегда к его услугам. В конторе леспромхоза вечная толчея, шумно, грязно, накурено. Рабочие входят в кабинеты и отделы без стука, в выражениях не стесняются. Алексей ничего не замечает, всем доволен, с голозой ушел в работу. Она отказывалась по-

пять, как он мог променять Ленинград на лесной поселок.

В начале Нина надеялась: муж увидит, в какую он попал яму, и постарается выкарабкаться из нее, но когда убедилась, что он не думает о Ленинграде, она затосковала, ходила, как в воду опущенная. Баженков, как мог, старался отвлечь ее от тоскливых мыслей и все чаще заговаривал о клубе, советуя ей взять театральную кружок. Нина отмалчивалась и вздыхала. Он очень обрадовался, когда она, наконец, решила пойти в клуб и поговорить о работе.

В клубе Нину встретил заведующий, небольшого роста очень подвижный молодой человек с блестящими голубыми глазами и буйными волосами цвета спелой пшеницы. Знакомясь, он с силой тряхнул ее руку, поспешно извинился: «Винсоват, привычка». Он подождал, пока она сядет, и только тогда занял свое место за столом. Нине понравилась его аккуратная одежда, подтянутость, открытая, белозубая улыбка. Он откровенно выразил свой восторг, узнав, зачем она пришла, и не сводил с нее загоревшихся глаз. Артистка ленинградского театра хочет работать в их клубе! О, теперь они поспорят с Крутогорским леспромхозом!

— Наши кружковцы обрадуются, когда узнают, что вы будете готовить с ними постановки. На первый взгляд лесорубы вам покажутся немного грубоватыми, но это внешнее, а так они неплохие ребята. В нашем клубе народ не скучает. К нам часто приезжают артисты. Летом был республиканский театр русской драмы, артисты Московской филармонии, Жаров выступал, зимой давала концерты Ленинградская областная филармония. Кино у нас через день. Фильмы новые, как в Петрозаводске. На будущий год построим кинотеатр, добудем новейшую аппаратуру, средства есть.

— Вы давно на клубной работе? — спросила Нина, чтобы только что-нибудь спросить.

Он охотно рассказал о себе. Родился он под Ленинградом, в Колпино. После десятилетки окончил курсы клубных работников. Работал в Петрозаводске, потом его направили в Хирвилахти. Здесь ему нравится. В леспромхозе он приобрел специальность шофера, на курсовой базе учится на электромеханика.

— Лесорубы любят наши концерты. У нас хорошие артистические силы.

— Артистические? — с невольной улыбкой переспросила Нина.

— Да, — не смущаясь, подтвердил заведующий. — Механик шпалорезки Анохин руководит хором лет двадцать, лебедчик Михайлов и его жена — диспетчер на узкоколейке — играют на клубной сцене больше десяти лет — старые любители-артисты; воспитательница детского сада Коникова — участница республиканского смотра самодеятельности, по исполнению народных танцев заняла первое место. Наши ребята дают концерты не только своим. Мы выезжаем в соседние леспромхозы, в районный дом культуры. В нашем клубе вам будет интересно работать.

Он говорил с Ниной, держась с достоинством, как равный с равной. А она слушала рассеянно, ее глаза скользили по дощатым стенам клуба. Какая прорния судьбы! Мечтать о большой сцене — жаждать успеха, славы — и попасть в лесной поселок, в деревянный клуб, где во время концерта грызут семечки и парни обнимают девушек в полутемном зале...

Но куда денешься в глуши? Нина взялась вести кружок. С беспокойным вниманием стал следить Баженов за ее работой в клубе. «Привыкнет к делу, поймет, полюбит людей поселка — думал он — и успокоится». Незаметно было, однако, чтобы Нина загорелась и увлеклась работой. Из клуба возвращалась хмурой, раздражительной, хваталась за виски и ни о чем не хотела говорить. Баженов стал относиться к ней еще внимательнее, еще нежнее, — она отворачивалась от него, замыкалась в себе и даже не сказала ему о концерте, который должен был вскоре состояться. Он узнал о концерте от секретарши директора.

Задолго до начала этого концерта в клубе поднялась суета. Девушки собрались в гримерной. Принесли театральные костюмы. Началось переодевание. Нина сидела на продавленном диване и скукаясь наблюдала за кружковцами. Вот сучкоруб Оксана, украиночка с вздернутым носом на круглом румянном лице, лихо нагнула на пушистые брови матросскую бескозырку, притопнула ногой. В концерте она пляшет «Яблочко». Вот Хельви, тоненькая светловолосая финка, тоже сучкоруб, напевает «Тишину». Это ее концертный номер. На миловидном

лице Хельви мелькают тревожные тени, на щеках горит румянец. Озорная Оксана обнимает ее за плечи, и обе девушки шепчутся, хихикают.

В гримерную вбегает заведующий клубом. Светлые колечки волос прилипли к потному лбу, голубой галстук трепещет на плече.

— Девушки, все на месте? Юбок всем хватило? Учтите, зал переполнен. В гостях — олонекские лесозаготовители. У них самодеятельность — будьте здоровы. Не ударьте лицом в грязь. Постарайтесь, девушки. Покажите себя. И поторанивайтесь. Скоро выход.

Заведующий исчезает. В гримерной усиливается шум, девушки торопятся переодеться. Электрический уют переходит из рук в руки, поспешно доглаживаются лепты, косынки, шарфики. В соседней комнате заиграл баян, мужской голос занял «процайте, скалистые горы». Оксана прислушивается к пению, глаза ее сияют.

— Мой Петрусь. Хорошо поет, а, девчата?

— Пока твой, отобьем — будет наш, — смеются девушки.

На Нишу никто не обращает внимания, будто ее здесь нет. Ниша устало откидывается на спинку дивана, прикрывает глаза. Боже мой, как ей все противно! Этот клуб с подмостками из грубо сколоченных досок, фальшивый духовой оркестр в фойе, гудящий зрительный зал — лесорубы пришли за два часа до начала, чтобы захватить место, эти девушки с прощительным смехом. Как ей здесь тоскливо, если бы кто знал!

На пороге комнаты вновь вырастает заведующий клубом. Галстук голубой птицей вьется за спиной. Голос хриплый, потное лицо блестит.

— Хор на места! Девушки, на сцену!

Клуб переполнен. В зале шумели, перекликались, смеялись. Здесь собрались все свои, и каждый чувствовал себя, как дома. Анастасии Васильевне, потеснившись, дали место знакомые девушки — сучкорубы. Пришел директор леспромхоза, парторг и с ними Стрельцова. Для них Этери взяла со сцены стулья и поставила в первом ряду. Появился Парфенов и очень удивил Анастасию Васильевну: ее помощник не любил, как он выражался, «сборищу». С мрачным видом, ни на кого не глядя, Парфенов пробрался по гудящим рядам и забился в дальний угол. С любовнытством она смотрела на сидевшего среди моло-

дежи Куренкова. Мастер сменил комбинезон на дорогой костюм с ярким галстуком. Баженова в зале не было. Испытывая чувство внутреннего беспокойства, непонятное ей самой, Анастасия Васильевна невольно устремляла глаза на входные двери. Потоки рабочих вливались в зал. Не хватало стульев. Принесли доски, устроили из них скамьи.

Хельви и Оксана, сидевшие рядом с Анастасией Васильевной, громко разговаривали и смеялись.

— Оксанка, инженерша явилась. Лисица на ней серебряная! — сказала Хельви, дергая за рукав подружку.

— А ну ее к бесу! — отмахнулась Оксана. Девушка то и дело оборачивалась назад: там сидели два паренька из ее бригады. — Не люблю я твою Баженуху. Улыбается, будто ласковая, а очи недобрые. На поселке ни с кем не дружит, первая не поздоровается, ждет, пока перед ней шляпу снимут. На ренетиции с нами: «Девушки, пожалуйста, девушки, прошу вас...» слова хорошие, голос мягкий. Сердцем чую, не любит она наших, презирает. Не пойду я больше на ренетицию, хоть она себе тресни! Подумаешь, артистка из погорелого театра!

В первом отделении концерта Нина сидела в зале рядом с мужем. Баженев с явным удовольствием смотрел на то, что делалось на сцене. В исполнителях он узнавал трактористов, вальщиков, механиков, лебедчиков. Каждого выступающего зал награждал бурными аплодисментами, вызывал «на бис».

— Неплохо у них получается, а? — наклоняется Баженев к жене.

Нина безучастно смотрит на происходящее. Два мальчика, «рабочие сцены» — их дело открывать и закрывать занавес, — сидят на высоких ящиках на виду у зрителей. За полотнищами задника толпятся «артисты» в ожидании своего выхода. На сцене под баян поет Хельви. Голосок у нее слабенький, но приятный. Зал слушает. Полная тишина. Но вот с улицы нарастает какой-то шум, и в запертую дверь зала начинают сыпаться громовые удары, сотрясающие стены. Это бунтуют те, кто не попал на концерт из-за отсутствия мест.

Под дружным натиском нарушителей порядка дверь поддается, с треском распахивается, в зал стремительным потоком вливается молодежь, с шумом и криками заполняет проходы, свободное пространство перед сценой, тес-

нит сидящих, наступают им на ноги. Зал гудит от возмущения.

— Не срывайте мне программу! — грозно кричит заведующий клубом и прямо со сцены прыгает в толпу. «Артисты» и зрители помогают ему удалить нарушителей из зала. Те, уходя, громко выражают свою обиду. Они не хуже других, им тоже хочется послушать концерт, они не виноваты, что зал маленький.

— Хулиганство! — брезгливо роняет Нина.

— Ты неправа, — мягко возражает Баженков. — Какое же это хулиганство? Молодежь днем работала, вечером ей хочется развлечься, а мы выталкиваем ее за дверь клуба. Мы виноваты, что не можем их обслужить.

— Мы?! — Нина поджимает губы. — При чем здесь мы с тобой?

— Я, все-таки начальство в леспромхозе, а ты — клубный работник.

Нина пренебрежительно молчит.

В антракте к Баженковым важной поступью приблизилась Стрельцова в зеленом платье с черпобуркой на плечах.

— Мы поставили дежурных у входных дверей. Вы не беспокойтесь, — обратилась она к Нине с заискивающей улыбкой, успев незаметно оглядеть ее элегантный черный костюм. — Я с удовольствием послушаю ваш концерт. Я Алексею Ивановичу говорила: мы все очень рады, что вы, ленинградская артистка, работаете в нашем клубе.

— Благодарю вас, — с холодноватой вежливостью прервала Нина излишние секретарши. — Я должна оставить вас. Мне пора за кулисы.

Не такого приема ждала Анна Корнеевна. Ей очень хотелось ближе сойтись с женой главного инженера, познакомиться с ней, чтобы на поселке ей завидовали. Отступить было не в характере Стрельцовой, она решила атаковать Баженкова.

— Алексей Иванович, место рядом с вами свободное?

— Да, пожалуйста. — Баженков пропустил Стрельцову вперед.

— Ваша жена очаровательна, — начала Анна Корнеевна, поправляя на полных плечах черпобурку. — Я обожаю культурных людей... Нина Петровна не скучает в нашем поселке?

— Скучает. Хочу познакомить ее с Анастасией Васильевной.

— С лесничей? — Стрельцова презрительно скривила губы. — Она груба. Вы ее мало знаете, Алексей Иванович. — Мы, женщины, с ней не общаемся. Для такого характера, как у нее, простите, и сатана — не пугало. Не думаю, чтобы Нине Петровне она была приятна. В поселке есть женщины более достойные.

Баженов искоса взглянул на расплывшийся профиль секретарши и промолчал.

Во втором отделении концерта на сцену вышла красивая толстая девушка, счетовод из конторы леспромхоза, она читала отрывок из поэмы «Зоя». Внезапно потух свет. Кто-то свистнул, в задних рядах послышались крики, но девушка продолжала читать взволнованным, глубоким голосом. Зал притих. Зою ведут на казнь. «Если на восток пойти — Москва» — падали в зал слова, и луч фонарика освещал побледневшее лицо выступавшей. Ниша стояла за кулисами, слушала и чувствовала, как у нее самой поднимается в груди волнение. В этом скромном счетоводе леспромхоза, несомненно, есть искра таланта.

Чтение кончилось. В зале — тишина. Вспыхнул свет на сцене. Девушка стояла, опустив голову, словно она еще жила в мире своей сверстницы, чья жизнь трагически оборвалась в далеком заснеженном селе.

После концерта, в гесном фойе, Анастасия Васильевна лицом к лицу столкнулась с Баженовыми. На улицу вышли вместе. Баженовы пригласили ее на чашку чая. За столом, уставленном вазочками с вареньем, печеньем, конфетами, Ниша стала жаловаться на тяжелую жизнь. В магазинах редко бывает мясо, масло. Столовая грязная, обеды ужасны. Домашней работницы не найти: женщины предпочитают работать в леспромхозе. Ванны нет, приходится ходить в баню.

Анастасия Васильевна спросила, правится ли ей работа в клубе.

— Если говорить откровенно, то, конечно, нет. — Ниша полюбовалась своим перстнем с крупным рубином. — Молодежь, правда, милая, старательная, увлекается сценой, но мне моя деятельность никакого удовлетворения не приносит.

— Ниночка, честное слово, у тебя неплохие постановки, — вмешался в разговор Баженов.

— Алеша, не криви душой. Конечно, требовать от трактористов, сучкорубов, трель... трель... Алеша, как их? Ах, да, трелевников — никак не запомню, — требовать от них профессиональной игры глупо, но уж очень они паявны на сцене.

— А мне нравится наша самодеятельность, — заметила Анастасия Васильевна.

— Ну, что вы! — Нина снисходительно улыбнулась. — Их игра! Эти топорные движения, грубые голоса. Правда, есть одна девушка. Алеша, ты ее слушал на моем первом концерте. У нее большие способности.

— Счетовод из конторы? — подхватил Баженков. — Великолэнно читает. Я уверен, еще отыщутся одаренные. Молодежи в поселке много.

Нина задумалась. Ее рука машинально перебирала бусинки янтарного ожерелья.

— Мне самой хочется играть. Мне нужен настоящий театр. — Нина бросила на мужа выразительный взгляд.

Баженков усердно помешивал ложечкой чай в своем стакане и на жепу не смотрел. Он обрадовался вбежавшему в комнату сыну. Нина строго приказала мальчику поздороваться с «тетей». Анастасия Васильевна задержала в своей руке пухлую руку Гепки.

— Ты ходишь в детский садик?

Гепка исподлобья взглянул на «тетю»:

— Хожу.

— Тебе там нравится?

— Ага! — мотнул головой Гепка, схватил со стола конфету и, громко топоча, убежал. Нина поморщилась.

— Ребенок ужасно распустился в детском саду. Дурное влияние. В поселке очень грубые дети. В Ленинграде бабушка следила за каждым его шагом. Она давала ему правильное воспитание. Воспитательницы детского сада не блещут образованием. Путают Ушакова с Ушинским.

— Дети всюду одинаковы, Нипочка, — мягко возразил Баженков. — А воспитательницы здесь пеплохие.

— Ты здесь всем очарован, — насмешливо заметила Нина.

Баженков включил радиоприемник, как показалось Анастасии Васильевне, слишком поспешно.

— Рояль я люблю, — вздохнула Нина, слушая музыку. — Какется. Григ?

Анастасия Васильевна сказала, что исполняется ралсо-
дия Листа.

Нина умело скрыла свое удивление: «Лесная дикарка
разбирается в музыке?» — небрежно отозвалась:

— Да, конечно, Лист... Алеша, подай мне платок. Спа-
сибо, мой друг. Боже мой, какую смертельную тоску наво-
дит на меня музыка в этой глуши! — Ах, Анастасия
Васильевна, настоящая жизнь только в большом городе. —
Нина мягкими женскими движениями рук поправила
волосы, любуясь собой в зеркало. — Мы уедем, уедем от-
сюда, или я повешусь, брошусь в реку.

В соседней комнате Баженов укладывал в постель
сына. В полуоткрытую дверь Анастасия Васильевна
видела, как он надел на Генку голубую пижаму, прикрыл
одеялом и присел на край кровати, взяв мальчика за
руку. Так он быстрее засыпал. Если бы у нее был сын, она
сама укладывала бы его.

— А что говорит Алексей Иванович об отъезде?

— Мой муж с головой ушел в дела. Ему нелегко,
я вижу, но он не жалуется, я бы сказала, он даже увле-
чен своей работой и не хочет покидать Карелию. Но
думаю, что мне удастся его убедить. Муж меня любит,
с моим мнением считается. Посудите сами: он — крупный
инженер, конструктор. Разумно ли ему тратить свое время
и способности на леспромхоз? Меня беспокоит его буду-
щее. Я на втором плане, дело не во мне.

«Нет, дело в тебе» — подумала Анастасия Васильевна,
с пристрастием изучая ее. Тщательно причесанная голова,
тонко и умело подгримированное лицо, платье, сшитое
у дорогой портнихи. Ум сказывался в больших карих
глазах, но что-то хищное пряталось в глубине их, и это
настораживало Анастасию Васильевну, мешало ей чувст-
вовать себя непринужденно в ее обществе.

Нина бросила взгляд на скромные парусиновые туфли
гостьи. Анастасия Васильевна смущенно спрятала ноги
под стул. — Вы героическая женщина. Жить в лесу и не
тяготиться, — улыбаясь, сказала Нина. — Но вы, вероятно,
живете не скучно? — Она пудрилась, разглядывая себя
в зеркало. — В лесном шалаше удержаться долгие годы
может только пылкий Ромео. Правда, в наше время
рыцари любви так редки.

Анастасия Васильевна ничего не ответила, но от Нины
уже ускользнула быстрая усмешка гостьи. «О, эта женщина

не такая простушка, как кажется с первого взгляда!» — отметила она про себя, и хотя ей очень хотелось спросить Анастасию Васильевну, за что ее прозвали «царицей Тамарой», она не решилась.

Анастасия Васильевна поднялась:

— Мне, пожалуй, пора. Спасибо за чай. До свиданья.

Она теперь не прятала рук с обломанными ногтями: все время приходится иметь дело с топором, мотыгой, землей, она уже не смущалась своих туфель, скромного платья, стояла, выпрямившись, не скрывая скуки в глазах. Пина все поняла: эта женщина не станет добиваться ее дружбы, заноситься, она знает себе цену.

— Я рада, что мы познакомились, — Пина заученно улыбнулась. — Не забывайте нас. Заходите, пожалуйста.

Анастасия Васильевна сдержанно поблагодарила за приглашение.

— Как тебе нравится, Алеша, она даже не сказала мне, что рада моему приглашению? Оборвала разговор на полуслове и ушла. Деревенская баба! Никакого воспитания. Одичала в лесу, отвыкла разговаривать с культурными людьми. А как она одета ужасно! Обувь грубая, платье с плечами. Кто теперь носит такие плечи? А руки? Страшно смотреть.

Баженков хотел было защитить лесничую от несправедливых нападок, но решил, что благоразумнее помолчать; жена не терпела возражений. Он направился к письменному столу.

— Нет, нет, ты не садись за свои чертежи, Алеша. Мне скучно.

Баженков с тихим вздохом положил циркуль на стол и занялся приемником. Пина в розовом халате лежала на диване. Ей вспоминалась летняя поездка с Погребницким в Петродворец. Боже мой, как хорошо ей жилось в Ленинграде! Она не скучала. Алексей слепо доверял ей, он ревновал ее, он давал ей полную свободу.

— Алеша, иди сюда. Сядь. Помнишь, как мы встречали на Стрелке в Центральном парке белые почки?

Баженков сидел возле жены, держал ее руку в своей и с ласковой улыбкой слушал ее. А она все вспоминала и вспоминала, как они счастливо жили в Ленинграде, потом порывисто обняла его и стала просить его подумать о возвращении домой.

...Дома Анастасия Васильевна никак не могла избавиться от мыслей о Нине. Ей представлялась уютная комната на Первомайской, Нина, красивая, парядная, с деланно-милой улыбкой на полных розовых губах, слышался чуть виноватый, ласковый голос Алексея Ивановича, с любовью глядевшего на жену. «Что мне до них? Не хочу о них думать. Спать!» — приказала она себе, но уснула не скоро.

8

Поселок Отрада вырос недавно. На холмистой местности раскинулись ладные дома лесорубов. У подножья поселка бежит бурная речка. Выплескиваясь в низину левого берега, она лижет корни могучих елей, подобранных к самой воде. Рыжеватая вода бьется о камни, стремительно несется в гущу леса. Вид у поселка живописный. отрадненских лесорубов в шутку называют «курортниками».

Дом дяди Саши спрятался в леске за поселком. Сам хозяин тесал топором раму, а четверо его сыновей играли на подворье. Черная дворняжка рвалась с цепи и жалобно скулила.

Увидев Анастасию Васильевну, дядя Саша приветливо закивал:

— А, хозяйюшка наша! Добро пожаловать, дорогая гостюшка. А я плотничаю. Сорвали строптели денежки с лесхоза, а рамы тян-ляп и корабль. Руки бы им поотрубить! Переделывай заново. С такими рамами зимой не проживешь.

Анастасия Васильевна осмотрела новое жилище лесника. Две просторные комнаты с общей русской печью, окна большие, терраса. Свежий добротный сруб пахнет смолой.

— Жилье хорошее, дядя Саша, мне нравится.

— Хорошее, — согласился лесник. — Света, тепла хватит. Мы с Лизушей сроду в таких хороминах не жили. А рамы сам подлажу, неча казенные денежки тратить — Дядя Саша сбросил с табурета цветное тряпье. — Садись, Настасья Васильевна. Я мигом самовар вздую. Моя Лизуна в магазин за сахаром пошла.

— Чай я пила. Спасибо. А я думала вы на обходе.

Лесник несколько виновато, по прямо взглянул на Анастасию Васильевну.

— С обеда собирался. Надо же рамы пригнать. Вторую неделю с утра допоздна в лесу. Охотники шатаются по моему обходу, костры жгут. У Змейной сельги горячую золу оставили, сушняк затлелся, ладно вовремя подоспел, затоптал.

Анастасия Васильевна встала:

— Поедем со мной, дядя Саша.

— Куда?

— А в лес...— неопределенно ответила Анастасия Васильевна.

Дяде Саше почудилось в ее голосе скрытое недовольство.

— Приключилось что?— спросил он осторожно.

— Хочу показать вам одну вырубку.

— Лесорубы набедокурили?

Анастасия Васильевна не ответила, вышла из комнаты. Дядя Саша торопливо надел выдавший виды пиджак, шапку, дал наказ старшему сынишке стеречь избу и отправился с Анастасией Васильевной к диспетчерской. Дорогой рассказывал: «Вчера куренковская команда валила лес на шестом. Пни выше положенного. Я им: «Не по правилам рубите»— и на карандашик. Куренков поначалу в амбицию, а опосля с насмешечкой: «Каждый день щупаешь, гляди, спину сломаешь, дядя Саша. Невелики деьги платит тебе лесничество за твое усердие». Говорит, а сам в бумажнике вроде что-то ищет, а бумажник евопный деньгами набит, четвертными да полусотенными».— Дядя Саша вздохнул, помолчал. «Вчера отрадненские курортники собрались возле пивного ларька и давай глущить ликер стаканами. Питье дорогое, а им нипочем. Денег у них куры не клюют...»

Анастасия Васильевна беседы не поддержала, и дядя Саша умолк.

У диспетчерской дымил паровоз, притянувший из центрального поселка пустые платформы. Они сели на первую платформу. Ехали медленно, рискуя свалиться под откос. Дорога зимняя: насыпь расползлась, рельсы ходили ходуном. Платформа качалась, скрипела. Дядя Саша уснул. Ничто вокруг не ласкало глаз. Мхи, болота, мелколесье. Леспромхоз пренебрег тонкомерным лесом. Директор рас-

судил: «Зачем тратить время на рубку мелкоты, когда в Карелии столько великоленных деревьев?»

Дорога шла на подъем. Паровоз трусил по искривленным рельсам, пыхтел, жалуясь: «Как мне трудно, как мне трудно»... Изредка попадались сваленные по обе стороны узкоколейки груды древесины. Это — аварийный лес. Дорога не выдерживала груза, и платформы с древесиной опрокидывались. Машинист остановил паровоз, постучал гаечным ключом по рессоре и выругался. Однако на этот раз паровоз дотянул до переезда, забрал груженные платформы и направился на центральный склад.

Дядя Саша против обыкновения утратил свою словоохотливость, когда Анастасия Васильевна повела его по вырубке. Он начинал догадываться, почему лесничая хмурилась в его избе.

На вырубке недавно закончилась валка леса. Пни, еще желтые и свежие, блестели под солнцем и походили на круги сливочного масла. Дядя Саша немного приотстал. На его лице было такое выражение, будто он искал случая улизнуть. Он виновато заморгал, когда Анастасия Васильевна остановилась у большого черного пятна, «кострища», где сжигались сучья и ветви спиленных деревьев.

— Дядя Саша, вы это называете: «обработать кострище?»

Лучше бы ему провалиться сквозь землю, чем слышать такой вежливый вопрос!

— Казни, Настасья Васильевна, виноват. Сбил меня с толку Гаврила Семеныч. Пойдем, говорит, на тетеревиные тока, потом доработаешь. Соблазнился я... Каюсь. Опосля времени никак не выкроить, все в бегах. И посевная подкатилась, как на грех.

Темные, в ревматических узлах руки лесника мяли шанку, которой он вытер потное лицо, рыжие усы раскаянно повисли. Смотрел он в сторону, переминаясь с ноги на ногу.

Анастасия Васильевна укоризненно покачала головой:

— Не ожидала я от вас этого, дядя Саша. Можно подумать, что вам надоела работа лесника. Обходы, охрана, а тут еще кострища? А, может, и верно надоела, а?

В глазах лесника промелькнула обида. Разве он плохо работает? Разве он и его Лизуша отказывались сеять лес? Ребятишки и те копались в лесной земле... Уж больно

строга Настасья Васильевна. Сама понимает, плата лесникам маленькая, а спрос с них большой. За все в ответе и за старый лес, и за новый, что еще не родился.

— Переделаю я кострища, Настасья Васильевна Лизуша поможет. Грабли я в кустах припрятал.

Дядя Саша пошарил в ближних кустах, достал грабли

— Дайте-ка их мне.

Анастасия Васильевна тщательно смешала пепел кострища с верхней подстилкой, разровняла граблями площадку — будущее ложе для семян деревьев. Семена на кострище забросит ветер, они приживутся на благоприятной почве, дадут всходы.

Дядя Саша следил, как старательно ворошила лесная пепел кострища, переходила от площадки к площадке с таким видом, будто она одна на вырубке. Что ж, так и стоять ему целый день? Он не пень, а живой человек. Провинился, поругай, взыщи, а не казни человека молчашкой.

— Дядя Саша, возьмите.

Слава богу, не очень осерчала!

Дядя Саша обрадованно ухватился за грабли. Конечно, он переделает всю работу, и на совесть, пусть она не тревожится. Анастасия Васильевна слушала дядю Сашу, задумчиво поглаживая ветвь молодой елки.

— Дядя Саша, вы знаете, что в нашей работе самое главное?

Лесник собрал морщины на лбу:

— Да-к, оно известно... работа есть работа. Честно выполняй что положено. Старайся... Ну, и прочее.

— Самое главное, дядя Саша, любовь к лесу. В инструкции это не написано.

— Да-к, мы понимаем, Настасья Васильевна... — начал было дядя Саша и вдруг завопил, роняя грабли:

— Куртину-то пашу, батюшки! Глядите-ка, рубят!

Величавая ель, стоявшая на фоне зеленевшей недалеко куртины, медленно падала на землю. У Анастасии Васильевны перехватило в горле. Спотыкаясь о пни, она побежала к куртине.

Тойво оглядел ель. Хороша! Стройная, — верхушка пикой вонзается в небо. Тойво подтянул пильный кабель, сделал надрез на дереве. Его помощник Иван, медлитель-

ный украинец, подрубил дерево у надреза, выскдал, пока пила подгрызла ствол, толкнул ель рукой. Дерево уало на землю. Меньше минуты понадобилось Тойво для того, чтобы ель, прожившая на земле столетие, навсегда перестала шуметь кроной и нышние. У второго дерева пила с визгом вырезала у самого основания большой ломоть, похожий на краюху серого хлеба. Топор Ивана вогнал в рез три березовых клина с железными кольцами на утолицепной части. Минута, и толстая ель покорно легла рядом с сестрой. Перешли к третьему дереву. Упираясь коленом в мотор пилы, Тойво сделал надрез тыльным краем пилы. Он плавно покачивал пилу в резу, чтобы она лучше вгрызалась в древесину. На землю фонтанчиками брызгали желтые опилки. Тойво изредка двигал пилой в продольном направлении, чтобы зубья пилы не захватывали опилки обратно в рез и не мешали пилить. Тойво знал свое дело. Недаром о нем говорили и в соседних леспромахозах, как о лучшем вальщике. Двадцатипятилетний мастер только за один месяц спилил больше тысячи кубометров леса. Видно, старый вальщик Эйно сумел передать сыну свой многолетний опыт.

Тойво уже сделал надрез на очередной ели, а Иван занес было топор, чтобы вырубить ломоть древесины, как вдруг перед ним появилась Анастасия Васильевна и заслонила собой пораненный ствол. Глаза ее горели гневом. Ошеломленные лесорубы замерли на мгновение. Иван побледнел, опуская топор, а когда обрел дар речи, заорал во все горло, подхлестнутый пережитым страхом:

— Скаженная тетка! Под топор кидается! Под тюрьму чуть не подвела.

— Нон отсюда!— гневно, потрясая кулаками, закричала Анастасия Васильевна.— Убирайтесь из куртины спю минуту! Слышите? Чтоб ванего духа здесь не было!

— Черга лысого!— Иван тряхнул чубом, низко навалившим на глаза. Смотрел он по-бычьи,— вот боднет.— Нам мастер велел пилить. Поняли? Мастер. Ступайте к нему. Под мой топор не лезьте!

— Мастер?— Анастасия Васильевна с неожиданной силой, нажав руками на плечи Ивана, повернула его посом к свежоотесанному столбу с табличкой.

— Читай!

Иван туно уставился на табличку: «Семенная куртина. Не рубить».

— Иль вы с Тойво ослепли?

Тойво — высокий паренек в ладной синей спенцовке — стоял в сторонке, отворачиваясь от лесничей.

— Чего ее читать? — нагло вато усмехнулся Иван. — Стенгазета, что ли?

— Веточки не троньте в кургине, пока я не приведу Куренкова. Вы меня поняли? — сдержанно, но твердо сказала Анастасия Васильевна.

— А за простой кто нам заплатит? — сердито выкатил глаза Иван. — Вы, извиняюсь, нас не понимали, мы вас не знаем. Так что, будьте ласковы, ищите себе на здоровьечко мастера и с него спрашивайте, а нам не мешайте дело делать. — Иван полоснул топором по коре дерева. — Давай, Тойво. Прения кончились.

Тойво нерешительно наклонился к пиле.

— Стойте, сукины дети! — закричал дядя Саша, сплывший изо всех сил к месту валки. — В моем обходе нахальничать? Кто дозволил? — Голос лесника сорвался, лицо побагровело.

Иван, широко расставив ноги, с топором на плече, смотрел на лесника с затаенной усмешкой. Тойво потупился. Дядя Саша напустился на вальщиков:

— Разбойники!

— Не ругайся, дядя, — процедил сквозь зубы Иван. — Мы не твои дети.

— Куртина на племя оставлена, головы, вы садовые! Соображайте! Сей минут марш отсюда!

— Не шуми, дядя... — Иван шагнул к товарищу, гаркнул: — Что стоишь, как статуя? Включай пилу!

Дядя Саша понял, что помощник вальщика играет первую скрипку в бригаде, подчинив своему влиянию Тойво.

— Стервец ты, Иван! А пу-ка, уходи отсюда! Слышь? — Дядя Саша топнул ногой.

— Ты, дядя, потише. Не замай, — не моргнув глазом, сказал Иван и зло крикнул другу: — Пили, давай! Их слушать, день прстоишь, шиш заработаешь. Пехай с мастером лезут на кулачки, а наша хата с краю.

Тойво, не поднимая головы, включил пилу.

— Не трожьте дерево, мазурики! — вне себя закричал дядя Саша, но Анастасия Васильевна сделала ему знак: «молчите» и, обращаясь к вальщику, заговорила, стараясь заглянуть ему в лицо:

— Послушай меня, Тойво. Ты хороший вальщик. Лес-промхоз тобой гордится. И мы, лесоводы, тоже ценим тебя. У всех нас цель одна: дать стране много древесины. Поэтому мы должны не только рубить лес, но думать и о том, как вырастить новый на нашей земле. Ты меня понимаешь, Тойво?— Вальщик молчал, опустив глаза. Анастасия Васильевна продолжала:— Ты родился в Карелии, ты любишь лес, я знаю. Посмотри на вырубку, Тойво.— Вальщик повел глазами в сторону вырубки с черными платками кострищ.— Разве ты не хочешь, чтобы на пустыре выросли новые деревья? Дядя Саша — пожилой человек, как и твой отец. Нелегко ему подготовить вырубку для самосева. Если ты уничтожишь куртину, его труды пропадут зря. Откуда возьмутся семена для нового леса? Не тронь куртину. Дядя Саша и я просим тебя. А Куренкова мы сейчас же отыщем и все уладим.

— Идемте. Я помогу вам найти мастера,— смущенно сказал Тойво и покосился на товарища. Иван с сердцем плюнул и отвернулся.

— Молодец, парень!— Дядя Саша обрадованно тряхнул Тойво за плечи.— Ты, сынок, настоящий комсомолец. Лес-то наш, народный, его беречь надо. Мастер что-то, видать, напугал с чертежами. Выправит! Ступай, ступай, милоч, с Настасьей Васильевной.

— Дурень!— мрачно бросил Иван уходившему Тойво.

— Эх ты, пережиток!— укоризненно покачал головой дядя Саша.— Сознательности в тебе ни на грош.

Иван исподлобья посмотрел на лесника:

— Также воспитатель нашелся! Мне монету не за сознательность платят, а за работу.

— Отсталый ты человек, Иван.— Дядя Саша бросил окурочек цыгарки в ямку, засыпал землей.— Помоги-ка, лучше, укрепить никетные столбики. Вишь, как их разворотили!

— А паряд ты подпишешь? Лесничество заплатит?

— Ах ты жила! Душа скаредная,— возмущился дядя Саша, плюнул, взял топор Ивана и направился в глубь куртины.

Ишачить на вас — дураков нема,— пробурчал Иван, укладываясь на ватник, брошенный на грудь сухого вереска. Уснул он под мелодичное посвистывание рябчиков и тихий шелест осиновой листвы.

Рабочие склада сказали Анастасии Васильевне, что Куренков уехал на соседний участок. Тойво приуныл. Не избежать ему наказания за своеволие. Может, вернуться? Когда мастер приедет? И технорука нет. Он обрадовался, когда раскряжевщик попросил его немного поработать пилой. Безделье мучило его.

Работа на складе кипела. На магистральном волоке показался трактор. Машина тянула большую пачку древесины. Разметчик заторопился, отмеривая резы. Тойво распиливал, рабочие откатывали раскряжеванный лес к краю эстакады, спешили освободить место. Трактор, пригибая настил, пополз по горбу эстакады. Залязгали гусеницы, густо облепленные болотной грязью и прошлогодней травой. Разметчик — пожилой, сухощавый и очень юркий, скользнул быстрыми глазами по внушительной пачке древесины и одобрительно крикнул.

— Шесть кубиков, не меньше. С Филиппычем простоя не будет.

Тракторист жадно пил воду. Рослый, широкоплечий, с крупными чертами, руки чернее сажки, лицо тоже черное, комбинезон пропитался мазутом. Его знали все лесорубы Карелии, как инициатора соревнования за лучшее сохранение механизмов. Не так давно он приехал в Хирвилахти из сибирского совхоза, начал чокеровщиком, потом получил машину и после упорного труда вышел в лучшие трактористы-трелевщики республики.

— Эй, осторожней! Пришибу! — гаркнул чокеровщик, возясь у пачки.

Анастасия Васильевна поспешно отошла в сторонку. С тракторного щита один за другим падали хлысты, освобожденные от чокеров. Настил содрогался от тяжелых ударов. Тракторист отвел машину к будке, заправил березовой газочуркой и, не обмолвившись ни единым словом с работающими на эстакаде, направил машину к пасеке. Разметчик, берясь за мерку и топор, сказал, обращаясь к Анастасии Васильевне:

— Характерный человек наш Филиппыч. Минуты жалеет на перекур. Скромняга. Другой бы на его месте нос кверху. Как же! Три тыщи часов откатал на своем тракторе, и ни одной значительной поломки. Об нем и в газете, и по радио, министр письмо прислал. Пятнадцать тысяч кубиков древесины притянул на склад. Это

тебе не баран начихал. С Филиппычем щели в кошельке не увидишь.

— Вы не знаете, где технорук?— спросила Анастасия Васильевна разметчик.

— С главным на шестом.

— Баженков в лесу?

— Я и говорю: был у нас и на шестой уехал с техноруком.

Разметчик занялся своим делом. Вернулся раскряжевщик и отобрал у Тойво свою пилу. Откатчик, сваливая на тележку раскряжеванный лес, спросил у Тойво, почему он слоняется по складу. Тойво молчал. Два сортировщика крючьями подкатили к краю эстакады несколько бревен, сбросили на тележку и велели откатчику двигать. Откатчик — здоровенный мужик с угрюмым скуластым лицом, толкнул тележку, обернулся к Тойво:

— Эй ты, оболтус! Будет тебе от мастера на орехи. Привели теленочка на веревочке.

Тойво вспыхнул, но промолчал.

— Не путайся под ногами, паря!— прошипел сортировщик, хотя Тойво ему нисколько не мешал.

— Не ори на паренька,— вступился за Тойво разметчик.— Волок-то через куртину, оказывается, тянем. Не гоже рушить семенные деревья. А вы, хозяева лесные,— обернулся разметчик к Анастасии Васильевне.— Пошго раньше с нашими не дотолковались? Живем-то все мы в одном поселке? Ай-яй, как неладно получилось! У нас каждая минута на счету, сами понимаете — план, и вот-те, пожалста, застопорилось дело.

Анастасия Васильевна объяснила, как получилось с куртиной. Разметчик только головой покачал.

— Берегись, дамочка!— крикнул сортировщик, подкатывая бревно к ногам Анастасии Васильевны и с ходу обращаясь и не глядя на лесничую.

Приемщица — молчаливая девушка в синих шароварах, ставившая отметки на древесине, тихо сказала Анастасии Васильевне:

— Вы бы лучше куда-нибудь ушли...

— Некоторым делать нечего, так они ходят и придираются,— сердито сказал раскряжевщик, ни к кому не обращаясь и не глядя на лесничую.

Анастасии Васильевне стало горько. Почему ее не любят? Лица рабочих склада хмурые, раздраженные,

а у откатчика глаза Ивана: съесть готов от злости. Когда же вернется Курепков? Она посмотрела на Тойво. Вальщик сидел на чурбачке и чертил прутиком на запыленном настиле эстакады. В его позе чувствовалось уныние и раздражение. Как с ним быть? Отпустить нельзя, а время бежит. Вот несчастье! Хотя бы технорук появился. Как жаль, что она не застала Баженова. Торчать на эстакаде просто неудобно. Сейчас вернется откатчик и начнет пускать свои шпильки. Вот он с товарищами, вытаскивая стойки, сбрасывает крючьями бревна с тележки. Как все продумано на складе. Вот хотя бы штабели древесины. Расположили их весьма разумно. Против эстакады — шпальник, пиловочник, спецлес. По краям эстакады — тонкомерные сортименты: рудстойка, баланс, деловая береза. Такое размещение ускоряет и облегчает работу сортировщиков. Сколько леса дает стране ее лесничество! Горы древесины.

Приемщица подошла к картонному кружку, прибитому к сосне, напоминающему по форме циферблат часов, и поставила стрелку на цифру «3». Третий час работы. Девушка наступила на прутик Тойво. Вальщик поднял голову.

— Тойво, ты забыл про обязательство?

— С меня спросит секретарь, — ответил Тойво.

— Мы все с тебя спросим. Зачем ребят подводишь, а?

— Чего тебе надо? Не твое дело. — Тойво повернулся к приемщице спиной.

— Ах, так... Хорошо. Я первая скажу секретарю.

— Ну и говори! — не оборачиваясь, процедил сквозь зубы Тойво.

Анастасия Васильевна мягко объяснила приемщице, почему Тойво не рубит. В светло-синих глазах девушки отразилось недоверие:

— Наш Михайло Кузьмич знал, что это куртина? Не может быть...

Две девушки бежали от куртины по направлению к складу. Белые платки на головах так и мелькали.

— Эй, Тойво! — крикнул сортировщик. Твоя бригада скачет.

— Куда баран, туда и стадо, — заметил откатчик.

Рабочие засмеялись. Анастасия Васильевна вглядывалась в полотно узкоколейки, черневшее за вырубкой. Если бы сейчас приехал Баженов!

Девушки вбежали на эстакаду. Тойво втянул голову в плечи, словно ожидая удара.

— Иван спит, как сурок, а ты здесь прохлаждаешься? — налетела на вальщика Оксана.

— Быть бычку на веревочке, — вставил откатчик.

— Бессовестный! Обязательство заваливаешь! — наступала на земляка всегда тихая и застенчивая Хельви.

— Девушки, я просила Тойво подождать мастера.

Оксана скосила на Анастасию Васильевну сердитые глаза:

— А вы нами не командуйте. У нас свой бригадир есть. Сорвали Тойво с работы. Вся бригада на простое. Что мы дадим вечером в «молнию»? Другая бригада вон как работает!

В километре от эстакады дымились костры. Сучкожоги жгли сучья. На пасеке валялись деревья. Урчал трактор, собирая хлысты в пачку. Второй трактор медленно полз к эстакаде.

— Чего стоишь, как истукан? — закричала Оксана на своего бригадира. — Из-за тебя хлопать глазами перед мастером, перед секретарем и всеми ребятами?

— Оксана, ты неправа. Нельзя рубить куртину. Оставь Тойво в покое. Перед мастером я отвечаю за него.

Девушка вскинулась на Анастасию Васильевну:

— А что нам с вашего ответа?

Эстакада задрожала. Трактор взбирался на покатый настил.

— А ну, ребятинки, киш с эстакады! — весело скомандовал разметчик.

Девушки, не сговариваясь, схватили Тойво за руки и потащили за собой.

— Девки, держите его крепче! Не выпускайте! — озорно крикнул сортировщик.

Молодежь скрылась за штабелями древесины.

Анастасия Васильевна смотрела на удалявшуюся тройку. Вот молодежь миновала склад и направилась к куртине. Сейчас начнется уничтожение семенников. Как помешать? У кого попросить помощи?

Она оглянулась вокруг, как бы ища, с кем посоветоваться. Никто на нее не обращал внимания. Разметчик хлопотал возле пачки хлыстов с сосредоточенным выражением, орудую своей неизменной меркой, приемщица

следила за распиловкой, желтый складной метр в ее руке поблескивал на солнце, сортировщики выхватывали крючьями части распиленного хлыста, от штабелей к эстакаде катилась тележка, готовая подхватить свою поклажу. Люди работали четко, слаженно. Как же ей быть? Вот молодежь уже подходит к куртине, сейчас Тойво возьмет пилу, включит ток и... Ток! Вот что спасет ее куртину.

Анастасия Васильевна побежала к стоявшей неподалеку от эстакады будке, в которой помещалась передвижная электростанция.

Электромеханик Бондарчук на ее приветствие ответил кивком головы и наклонился над генератором.

— Товарищ Бондарчук, не включайте пилу Тойво до приезда Куренкова. Я очень прошу вас. Помогите нам спасти куртину.

Электромеханик не спеша вынул серебряный портсигар с монограммой, закурил дорогую папиросу. Ему не было двадцати трех лет, но он умел держаться, как солидный специалист, знающий себе цену. Это о нем говорила Анастасия Васильевна Баженову в первый вечер знакомства, называя имя электромеханика в числе пытливой, способной молодежи леспромхоза.

— Извините, вашу просьбу выполнить не могу.— Бондарчук стряхнул пепел в пустую консервную банку: он не забывал, как надо обращаться с огнем в лесу.

— Как вам не стыдно! — возмутилась Анастасия Васильевна.— У меня не частное дело. Я спасаю куртину в государственных интересах.

— А план лесозаготовок вы срываете в чьих интересах?

— Товарищ Бондарчук, вы думаете над тем, что говорите?

Бондарчук горделиво вскинул голову, прищурился:— Вы не имеете права запрещать нам валить лес. Нам может приказать только наш начальник.

Бондарчук швырнул окурки в банку и отвернулся. Глядя на широкую спину механика, склонившегося над мотором, она чувствовала, что убеждать, просить — бесполезно.

В куртине стали падать на землю одна за другой могучие ели.

В это время к складу мчался юркий мотовоз Сергея. Он вез Баженова и Куренкова.

Куренков растянул рот в заискивающей улыбке, когда увидел спешившую к погрузочной площадке лесничую.

— С хорошей погодкой, Настасья Васильевна. К нам приехала? Добро! Давно не была, хозяйка лесная, на нашем участке.— «Не отвечает. Темна, как туча. Быть грозе»,— подумал Куренков, шаря по карманам комбинезона в поисках папироски.

Анастасия Васильевна обдала мастера взглядом презрительным, уничтожающим и стремительно подошла к стоявшему у погрузочного крана Бажену. Инженер дружелюбно протянул ей руку:

— Приятная встреча. Здравствуйте.

Она пожала его руку и заговорила быстро, горячо:

— Его рабочие в куртине.— Она кивком головы показала на Куренкова.— Пусть прекратит. Немедленно!

Куренков подошел к ней и просительно начал:

— Не срывай ты, ради бога, нам плановую рубку, Настасья Васильевна. Пойми, в нашем деле — трелёвка — гвоздь заготовки. Куртину пощиплем самую малость: двести пятьдесят метров в длину да в ширину метров с пяток. Погляди сама, склад в низинке, очень нам подходит протянуть волок через куртину, чтоб, значит, уклон был в грузовом направлении.

Брови Анастасии Васильевны круто сошлись на переносье:

— Что вы мне толкуете про уклон, Куренков? Вы смеетесь? Гибнут семенники под вашим топором, а вы мне лекцию про волок читаете? Идемте к Бондарчуку, пусть включит ток.

Мастер не двинулся с места. Он только глубоко вздохнул, сбивая кожаный шлем на затылок.

— Что же вы стоите? Алексей Иванович, прикажите ему убрать рабочих с куртины.

Бажену неторопливо поднял с земли оброненную ею косынку и молча подал ей. Очень милая женщина, но зачем так горячиться...

— К сожалению, я должен огорчить вас. Михайла Кузьмич со мной советовался, и я разрешил ему рубить.

— Вы... вы разрешили?..

Куренкову стало жаль лесничую. Разволновалась, голос дрожит, еще, чего доброго, заплачет.

Баженев спокойно заметил, что он не видит в этом большой беды, хотя искренне огорчен, что доставил ей неприятность.

— Неприятность?— повторила Анастасия Васильевна, и ее глаза потемнели.— Вы мне ответьте: по какому праву вы разрешили рубить куртину? Разве она на карте не показана? Разве в лесорубочном билете не помечена? Или для вас документ лесхоза — пустая бумажка? Пока еще хозяйева леса — мы. Я требую убрать рабочих с куртины!

«Думал, заплачет, а она вон как заговорила. Сорвет волок,— забеспокоился Куренков.— И чтобы ей завтра сюда приехать!» Мастер решил спасти положение.

— Алексей Иванович, может, пойти по краю куртины? Правда, трасса будет с кривинкой, поворотов больше.

— И по краю не разрешу!— Анастасия Васильевна стукнула кулаком по ладони.

— Михайла Кузьмич, рубите, как намечено. И не забудьте: слой отходов на укладке не меньше полуметра,— твердо и серьезно сказал Баженев, обращаясь к Куренкову.

— Слушаю, Алексей Иванович. Мы чин чинком. Не беспокойтесь.

Куренков поспешно отошел, не глядя на лесничую.

— Куренков, погодите!— крикнула ему вслед Анастасия Васильевна, но мастер не оглянулся.— Что вы делаете, Баженев? — резко обернулась она к инженеру.

— Анастасия Васильевна, поговорим спокойно. Я все объясню.

— Это издевательство! Как можно сейчас разговаривать спокойно! Вы образованный человек, от вас многого ждали! Как вы можете так варварски истреблять лес! Вы хуже Чистякова! Он не кончил академии, был грубым. Когда лесорубы косили семенники, он даже не оправдывался перед лесничеством, а кричал нам в лицо: «Ваши куртины нам поперек горла! Кто их придумал? Ценный лес и оставляй по вашей прихоти на корню!» Чистяков был наш открытый враг, а вы... Баженев перебил ее:

— Чистяков был прав.

— Еще бы! Вы же продолжатель его дел!

Баженев продолжал, не меняя спокойного тона:

— Прав мой предшественник. Ну, посудите сами. Для куртин вы отбираете лучший лес. Десятую часть гектара. Сколько государство теряет цепной древесины только

в одном нашем лесничестве! А по всей Карелии? Тысячи кубометров... Это бесхозяйственность. Согласитесь, ваши порядки не во всем выгодны государству.

— Вы прикрываете незаконие этими фразами. Остановите рубку. Как вам не совестно. Вы — инженер леса...

— Позвольте, я объясню вам,— начал Баженов, но она резко оборвала его:

— Нет, товарищ Баженов, я потребую вашего объяснения в другом месте!

Немедленно ехать в Хирвилахти! Вот мотовоз Сергея. Он отвезет ее...

Она побежала к узкоколейке, но в это время мотовоз свистнул и, гремя платформами, покатиł со склада.

Чувствуя непреодолимую усталость, Анастасия Васильевна медленно пошла вдоль дороги

9

Парфенов, вздыхая, ворочался на жестком ложе. Ласка лежала у его ног.

— Труба мне пришла, Ласка. Лежи, Гаврила — раб божий, один, как бревно, и подыхай. Умрешь — похоронят на горюшке и через неделю забудут, что жил на свете. Что, псина, жалко тебе хозяина?

Ласка лизнула хозяина в руку. Парфенов сунул под мышку градусник, натянул на плечи замусоленное одеяло. В открытое окошко заглядывала березка, свесив нежную ветку. Где-то играла гармонь, молодой мужской голос пел о яблоне в цвету, о любви. Песня и светлый весенний вечер усиливали тоску Парфенова.

Эх, Гаврила, приближаешься к финишу, а что хорошего видел ты в жизни? Ласочка, подойди ближе. Ну, поди, поди сюда, собачка. Псина ты, тварь бессловесная...

Лайка положила лапы на грудь Парфенова, смотрела преданными глазами, тихонько повизгивала от восторга.

— Был твой хозяин начальником, спихнули в помощники, а потом записали в симулянты. Лесная фея в кирзовых сапогах на собрании разделала под орех: «Вы, Гаврила Семенович, как только нужно контролировать работу лесозаготовителей, принимать вырубki, так и в постель. То у вас печень, то зуб»... А знаешь, что сказал

Рукавишников, старый волокита, бабник? Будто я хожу в лес только на охоту. Подхалим! В рот глядит лесничей. Забыл, как сам целыми днями пропадал на тетеревиных токах. Я тогда слова ему не говорил, хотя мог дать выговор или прогнать со службы ко всем чертям. А сейчас я для него ничего не значу... Эх, псина, дружок ты мой верный.— Парфенов погладил морду собаки.— Ну, ну, не лезь с поцелуями, не люблю... Дядя Саша, усатый черт, тоже против меня. Молол всякий вздор.— Парфенов посмотрел на градусник и снова сунул его под мышку.

— Говорильню развел,— продолжал он вслух с нарастающим раздражением.— «Вы, Гаврила Семенович, старый лесной работник. Я не верю, чтобы вы не понимали важности наших задач. Мы отвечаем перед потомками за состояние леса.» Громкие слова, грош им цена! Потомки! Скажите, пожалуйста, почему я перед ними должен снимать шляпу? Выходит, живи только для потомков. Для меня никто не жил и не живет. Обо мне никто не беспокоится. Вот лежу, как пласт, и никому до меня дела нет. Воды подать некому. Собачья жизнь! — Парфенов долго всматривался в шкалу градусника.— Что за ерунда? Второй день на одной точке. Тридцать шесть и семь. Нормальная. Быть не может. Вероятно, градусник испорчен.

Ласка повела ушами, спрыгнула с топчана. Вошла Матвеевна с корзиной.

— Лежишь, сердешный? Небось, тоска одолела, а?

Парфенов молчал. Матвеевна вынула кувшин из корзины, поставила на стол.

— Вставай, молочка топленого принесла. Болезнь твоя неопасная, приключилась она от твоей гордости. Скажу напрямик, хитрить с малолетства не обучена. Не моего ума дело тебя учить, однако характер твой тебе и лесничеству во вред. Тебя не поругай, ты через губу не плюнешь. Привык ты, батюшка, лежать на боку. А в лесничестве дел — непочатый край.

В глазах Парфенова загорелся недобрый огонек.

— Мамаша, какое вам, собственно, дело до нашего лесничества? Вы не служите, не работаете.

Матвеевна покачала головой:

— Образованный ты человек, Семеныч, а настоящего понимания у тебя нету. Да разве я в лесничестве чужая? Настя мне родная дочь. У нее за дело душа болит,

и в моем сердце ее боль разве не отзывается? Сушит мою Настю заботушка. Сколько кровушки перевели ей нелады с леспромхозовскими да вражда с тобой!

— Оставьте меня в покое с вашей дочерью. — Парфенов натянул на голову одеяло.

— Ох, и трудный ты человек, бог с тобой! — вздохнула старуха, наливая в чашку молоко. — Моя Настя зла тебе не желает. А коли строга с тобой, так за дело. С нее тоже спрашивают. Не гонится моя Настя за славой, аль за личной корыстью... Попей молочка горяченького, хворь как рукой снимет.

— Не нужно мне ваших подачек! — Парфенов оттолкнул руку Матвеевны. Молоко из чашки выплеснулось на пол.

— Ошалел! — рассердилась Матвеевна, унося чашку. — Коли так, не стану навещать.

В сенях раздался стук каблуков, и в избушке появилась нарядная Стрельцова с пакетом в руках. Она жеманно спросила Парфенова, как он себя чувствует.

— Неважно, — прохрипел Парфенов, не поднимая головы от подушки.

Стрельцова покосилась на Матвеевну и неприязненно поджала накрашенные губы.

— Я попрошу Николая Алексеевича, он пошлет машину в район за врачом.

— Не нужно. Меня вылечивает только покой и тишина.

Стрельцова присела на край топчана:

— Да... Лесничеству не повезло, дорогой Гаврила Семенович. Начальник, который не бережет свои кадры — плохой начальник. Она понимает, что вам нельзя переутомляться?

— Это моя-то Настя — плохой начальник? — голос Матвеевны задрожал от обиды.

Стрельцова пренебрежительно пожала плечом и стала развязывать шпегат на пакете.

— Чем же моя Настя плоха, Анна Корнеевна? Говори, коли начала, досказывай.

Старуха, сдерживая обиду и гнев, стояла перед секретаршей с поднятой головой, высокая, прямая.

Грохнула входная дверь, в сенях застонали половицы, через порог шагнул Куренков. На нем была новая льняная сорочка с русской вышивкой, новые сапоги

— Лежишь, как роженица!— гаркнул мастер во всю силу своих легких.— Вставай, лекарство принес.— Он поставил на стол большую корзину с бутылками и кульками.— Денег я получил кучу: премия, зарплата... Куда девать, а, Матвеевна?— Куренков ласково дотронулся до плеча старухи. Он был в отличном настроении. Его участие занял первое место в соревновании, газета хвалила, трест премировал.— Э, да ты, мать, чем-то расстроена? Что приключилось?

— Скажи, Кузьмич, моя Настя — плохой начальник? В серых на выкате глазах Куренкова блеснула лукавинка.

— Э, мамаша, ежели Настасья Васильевна была плохим начальником, нам всем легче жилось бы. Верно говорю, Аннушка?

Стрельцова только бровями повела.

— Уж не Гаврюха ли жалуется на свое начальство?— с веселой издевкой продолжал Куренков.— А ты, мать, не расстраивайся. Наплюй тому в глаза, кто говорит, что твоя дочь — плохой начальник.

Матвеевна торжествующе посмотрела на Стрельцову.

— Аннушка, организуй стол. Гаврила, вставай, ты от лени мохом оброс.— Куренков стянул с друга одеяло.

Матвеевна ушла. Парфенов подсел к столу, морщась выпил «старки» и налег на судака в томате. Куренков пил водку, ел черный хлеб с горчицей и не хмелел. Раскупорив бутылку вина, он предложил выпить за женщину с головой и характером. Стрельцова кокетливо повела глазками, поправила кружевной воротничок на шелковом синем платье. Парфенов потянулся к ней со своим стаканом.

— Дорогая Анна Корнеевна, вы украшаете мое убогое жилье...

— Погоди, Гаврила. Я предложил выпить за женщину с головой. Дай мне сказать. Умница она, разумница, не в пример тебе, кисель гороховый. Верно говорю, Аннушка?— Куренков прикрыл огромной ладонью лежавшую на столе руку Стрельцовой.— Ума да характера на двоих мужиков хватит. Люблю!

Стрельцова, жеманясь, опустила глаза.

— Положила она тебя, Гаврила, на обе лопатки, — продолжал Куренков. — Она проветрит твою голову,

старый барсук. Мой совет тебе, собутыльник дорогой, не ершись, сдавайся. Она, что утес: не сдвинешь, не расколешь. Много от нее беспокойства. И мне, и тебе, друг ситный. Однако люблю правных женщин. Выпьем! — Куренков поднял стакан с густо-красным вином.

— Постой, — растерялся Парфенов. — Ты пьешь за Самоцветову? А я думал — за Анну Корнеевну.

— Аннушка — особь статья. Мы за нее раздавим следующую чару. — Куренков подмигнул Стрельцовой.

— Спасибо, — прошипела Стрельцова, резко отставляя в сторону свой стакан. Вино выплеснулось из стакана и растеклось по столу кровавой лужицей.

— Анна Корнеевна, я пью за вас, только за вас — торопливо проговорил Парфенов, придвигаясь к Стрельцовой. — Михайла шутит. Не обращайтесь на него внимания.

— А я пью за Настасью Васильевну. За женщину с головой и характером. Вы не хотите, сам выпью.

— Куренков чокнулся стаканом о бутылку, залпом выпил вино.

— Дорогая Анна Корнеевна, прошу вас, не обращайтесь вы на него внимания. Михайла — мужик дубоватый. Выпьем вдвоем, доставьте мне такое удовольствие.

Стрельцова с обиженным видом осушила свой стакан. Куренков посмеивался, глядя на друзей, налил себе второй стакан, и, как ни в чем не бывало, сказал, что «этот пьем за Аннушку — вдовушку, бедовую головушку», выпил и стал с аппетитом есть голландский сыр.

— И я с удовольствием выпью еще раз за ваше здоровье. — Парфенов поспешно налил себе вина, заискивающе заглянул в накрашенное лицо Стрельцовой. — Мы с Михайлой — ваши друзья до гроба. Выпейте со мной за дружбу.

— Наливайте, — кивнула головой Стрельцова.

Парфенов наполнил стаканы золотистым «токаем».

— За наше сокровенное желание, Гаврила Семенович. Будем надеяться, что все станет на свое место. — Стрельцова снизила голос до шепота: — Мы надеемся. Николай Алексеевич молчит, но я читаю в мыслях моего директора. Ваше место заняла нахальная баба. Вы должны ее выжить...

— О чем вы шепчетесь? — спросил Куренков.

Стрельцова вызывающе усмехнулась:

— Наша тайна, Михайла Кузьмич. А вот вас я отказываюсь понимать. Самоцветова — грубая и злобная баба. Взъелась на леспромхоз и всем портит кровь. Кучу актов на нас состряпала, нервирует Николая Алексеевича. С ней ни о чем не договоришься. Эта женщина способна только на неприятности. Советую вам быть с ней пачеку. Вам она никогда не уступит. Никогда!

Куренков вдруг задумался, потом выпил в одиночку еще стакан вина и неожиданно для друзей весело засмеялся, сотрясаясь всем своим могучим телом.

— Гаврюха-то наш — герой! Градусником прикрылся, а она его бьет и в хвост и в гриву. Не верит она в твою болезнь, рак-отшельник. Ее не проведешь. И я не верю в твою хворь, старый лис. Здоров ты, как бык. Водку хлещешь стаканами и хоть бы хны! Привык валять дурака, работать неохота, придумал хворобу и отлеживаешься, шельмец!

— Замолчи! — Парфенов с силой ударил кулаком по столу. Бутылка опрокинулась на стол, разбила тарелку.

Куренков опешил. Впервые он видел друга таким разъяренным: глаза выкатились, лицо перекосилось, посинело.

— Пропади она пропадом! Мне покой нужен! Уходи ко всем чертям!

Парфенов, шатаясь, добрался до топчана и, как снап, повалился на постель.

— Зачем вы его расстраиваете? — нахмурилась Стрельцова. — У человека больное сердце.

— Не умрет, — угрюмо буркнул Куренков, уже жалея, что наговорил другу лишнего.

— Самоцветова много на себя берет, — свистящим полусшепотом продолжала Стрельцова. — Она не считается даже с нашим директором. Самому Николаю Алексеевичу грубит. Говорят, она два раза была замужем, и оба мужа от нее сбежали.

Куренков тяжелым взглядом следил за пухлой рукой Стрельцовой. Вот она попудрила полное желтоватое лицо — лицо увядающей женщины, подкрасила губы, послунывила палец и провела по бровям — лоснящимся полоскам кожи с редкими белыми волосинками.

— Молодишься, Аннушка?

В выпуклых глазах Куренкова светилась откровенная насмешка.

Стрельцова вспыхнула, поднялась из-за стола.

— Вы пьяны и начинаете грубить! Что за хамство говорить женщине в лицо гадости!

— Одна, только одна есть в поселке красивая, умная женщина. Такую бабой не назовешь, — с грустью сказал Куренков, не обращая никакого внимания на Стрельцову, будто ее и не было в избушке.

Анастасия Васильевна вошла и остановилась на пороге.

— Легка на помине, — процедила сквозь зубы Стрельцова и с гордым видом прошла мимо лесничей к двери.

— Настасья Васильевна?! — обрадованно закричал Куренков, ринулся к ней и схватил за руки. — Дорогая ты гостья наша! Идем к столу, попотчую сладким вином.

Анастасия Васильевна отвела его руки, отступила.

— Послушайте, Куренков, если Гаврила Семенович в самом деле болен, то не стыдно ли вам спаивать его?

— Да разве мы пьяные? Ни в одном глазе. Рюмку красного Гаврила, верно, выпил. Да-к, красное и доктора велют пить для подкрепления. Я не принуждаю. Его добрая воля...

Куренков заслонил собой угол стола с батареей бутылок. Парфенов тяжело поднялся с топчана, сделал шаг, качнулся, схватился за спинку стула, уставился на лесничую осоловелыми глазами.

— Многоуважаемая начальница! Справку о моей болезни вам представят в контору. В кон-то-ру. Ясно? Могу я просить вас, не проявлять ко мне вашей чуткости? Могу я просить вас забыть дорогу к моему...

— Брось, Гаврюха! — поспешно перебил друга Куренков.

Анастасия Васильевна спокойно смотрела на своего помощника.

— Я пришла к вам по делу. Вы знали о том, что Куренков будет рубить куртину на восьмом? Вы говорились?

— Он не знал, не знал. Я — сам, — торопливо ответил за товарища Куренков.

Парфенов, не выпуская стула из рук, обернулся к нему, заорал трезвея:

— Почему не сказал, что полезешь в мою куртину? Мою!

— По старой памяти, Гаврила, — примирительно сказал Куренков.

— Ты про старые времена забудь! Куртину я отводил, старался. Мои труды насмарку!

Анастасия Васильевна поверила в искренность возмущения Парфенова, но все же переспросила:

— Так вы не знали?

На нее глянули запухшие от сна и пьянства глаза. В них горела откровенная злоба.

— Не знал... и... не желаю знать! Я болен. Дайте мне покой!

— Спокойной ночи, Гаврила Семенович.

Анастасия Васильевна вышла, не взглянув на Куренкова.

— Мое не тронь! Не тронь! — Парфенов постучал ребром ладони по столу. — Ее куртины можешь... И ну вас всех... Пойду спать.

Куренков постоял у окошка, вернулся к столу, подержал в руках нераскупоренную бутылку, поставил обратно, тронул за плечо лежавшего на топчане друга.

— Гаврила, выпьем? Пес с ней, с куртиной.

— Не хочу.

— Давай, в картишки перебросимся. Иль партию в шашки?

— Нет желания.

Куренков снял со стены гитару, тронул струны.

— Спой, Гаврила, мою любимую.

— Не хочу.

Куренков повесил гитару на прежнее место.

— Давай в воскресенье закатимся с ружьишком в Черनावолоки, а?

— Михайла, — угрюмо сказал Парфенов, спуская ноги с топчана. — Сколько лет мы дружим?

— Ну шесть. А что?

— Гляди, Михайла, чтоб нашу дружбу не смяла бабья юбка.

— Ты о чем?

Парфенов поймал ускользающий взгляд друга:

— Запомни, Михайла: она — мой враг. Навечно.

Куренков притворно зевнул:

— Завел глупый разговор. Давай-ка лучше выпьем.

Парфенов, не глядя на товарища, залпом выпил полстакана водки, понюхал хлебную корочку и, ни слова не говоря, улегся на топчане.

Куренков пил до поздней ночи в одиночку. На топчане тяжелым сном пьяного человека спал Парфенов. На полу светились осколки разбитого градусника.

10

Анастасия Васильевна постояла на крыльце. Воздух пьянит свежестью. Ночью прошел теплый дождь, и молодая трава блестит на солнце. Поселок давно проснулся. На лесобирже стрекочет пила, возле депо попыхивает свежеевыкрашенный паровоз, звонкий призыв рожка приветствует трудовое утро. Вдали раскинулась покатая гора, похожая на степной курган. На вершине — каменный обелиск — памятник воинам, павшим в Отечественную войну. Солнечные лучи горят на розовом камне. По скатам горы разбежались избы соседнего колхоза. Куском пламени горит флаг сельсовета. За горой потянулись леса — дремучие, еще не тронутые топором. Скоро и до них доберутся лесорубы, и синяя зубчатая стена, подпиравшая небо, рухнет, раздвинется полоса горизонта, и глаз по привычке еще долго будет искать исчезнувшие навеки леса. Но почему навеки? Разве не выращивают новый лес ее собратья по профессии? Во всех лесничествах идет борьба за восстановление леса. Ее коллектив: объездчики, лесники, рабочие, семьи сотрудников — не жалеют сил. Но им мешают, не уважают их труд. Оставили куртину на восьмом участке, а Куренков с благословения главного инженера содрал обсеменители с лица земли.

Возмущение, приглушенное тишиной утра, всколыхнулось с новой силой.

Анастасия Васильевна уже не замечала ни ласкового солнечного света, скользившего по речной ряби, ни кружевной березовой листвы, свисавшей над крыльцом, она видела только один дом на краю поселка. Сейчас она отправится в этот дом и потребует уважения к порядкам лесничества.

В конторе леспромхоза ее встретили холодные глаза Стрельцовой.

— Николай Алексеевич разговаривает с трестом. Вы по какому вопросу?

— По служебному.

— А конкретнее?

— Конкретнее я объясню директору.

— Пожалуйста,— с вежливым пренебрежением сказала Стрельцова, не поднимая глаз от бумаг, чтобы не удостоить взглядом лесничую. Стрельцова привыкла встречать у посетителей почтительность к себе. В этом она видела уважение и к «нашему Николаю Алексеевичу». Но эта гордычка в простых чулках никогда не спросит «Николая Алексеевича», а только «директора», когда сам министр лесной промышленности обращается в письмах к Любомурову только по имени-отчеству. Рабогала Стрельцова с увлечением, с любовью, с временем не считалась, знала до тонкости производство и добрую половину рабочих, приходивших на прием к Любомурову, сама направляла в отделы, где успешно решались их дела.

Ждать пришлось недолго.

Любомуров показал Анастасии Васильевне на кожаное кресло:

— Прошу.

Говорил он хрипловатым баском, глаза под густыми бровями поблескивали, движения сухощавой, несколько сутулой фигуры были по-юношески живы, хотя ему перевалило за пятьдесят, а время и заботы посыпали голову снежком и вырезали на лбу глубокие морщины.

— Товарищ Любомуров, до каких пор будут продолжаться безобразия в лесу? Свалили лучшие деревья, не нашли другого места для волока. — Анастасия Васильевна пересела на стул, уютное кресло не располагало к воинственности. — Участок оголен. С неба не посыплются семена. Вырубать семенники — это... вредительство!

Любомуров заставил себя принять дружеский, миролюбивый тон.

— Ну, зачем такие страшные слова? Утрясем с куртиной.

— Что утрясать? Деревья спилены.

— А вы заранее предупредили бы народ. Мол, глядите, не заденьте куртину. Может, наши не знали, что лесок оставлен на племя.

— Не знали? Вы шутите! План у Куренкова. В лесу куртина обозначена столбами. предупредительные таблицы, номера, затески на деревьях. О порубке мастер советовался с главным инженером.

Любомиров бегло просмотрел какую-то бумажку, расписался на ней.

— Хорошо, Анастасия Васильевна. Я разберусь. Виноват Баженов — он ответит. Если — мастер — с него спросим, с начальника лесопункта. Обещаю вам.

— Я не могу вам поверить. Вы не всегда выполняете свои обещания.

Стрельцова приоткрыла дверь, подслушивала, возмущалась.

Любомиров скорбно вздохнул, поднял глаза на лесничую:

— Тяжело нам с вами живется, ой, как тяжело...

— А нам с вами еще тяжелее. И все идет от вас. В свое время вы воспользовались слабым характером Парфенова и почти бесконтрольно хозяйничали в лесу добрый десяток лет.

— Что мы с вами не поделили, Анастасия Васильевна? — продолжал Любомиров с притворной сокрушенностью. — Портим кровь из-за двух десятков деревьев. Неужели у нас с вами нет дел поважнее?

Стрельцова прикрыла дверь кабинета. Удивительно, сколько терпения у Николая Алексеевича! Он так вежлив с лесничей. Да, приходится терпеть. Самоцветова — лесная администрация и со зла может написать столько актов, что леспромхозу во век не расплатиться. Без ее разрешения ни одного дерева не срубишь, сена корове не накосишь, машины песку не возьмешь. Она отпускает лес, она подсчитывает, сколько леспромхоз должен уплатить лесхозу. Она ни одного пня не пропустит: это не Парфенов.

За дверью продолжался разговор. Анастасия Васильевна остановилась у большой карты, висевшей на стене.

— Посмотрите, вот наша территория, наши леса. Через пять лет вы прочешете ее пилами и перекочуете на новые места.

— Совершенно верно, — подтвердил Любомиров. — Переберемся на север, осваивать новые лесные мас-

сивы. Наше предприятие, как известно, на колесах. Где нет леса, там и нам делать нечего.

Анастасия Васильевна подошла к столу, в упор посмотрела на директора:

— Но если вы и дальше будете так хозяйничать, вы, как Мамай, всюду будете оставлять после себя растерзанную землю.

— Помилуйте, Анастасия Васильевна! — в глазах Любомирова загорелся злой блеск, но голос по-прежнему оставался спокойным. — Директор передового леспромпхоза и попал в Мамай? Ай-яй, как вам не совестно!

— Вы не любите лес, Карелию...

— Я?! — Любомиров снисходительно улыбнулся. — Я не люблю Карелию?! Я здесь родился, работал всю жизнь, воевал в здешних местах с оккупантами, кровь проливал, жизни не жалел. Любомирова в Карелии знают. Любомиров — коренной работник леса, а не гастролер. Некоторые товарищи получают путевки в наши края, с годик пошумят, да и выдохнутся — чемоданишко на спину, и давай бог ноги. А слова громкие произносили: мы-де, Карелию любим, трудов на нее не пожалеем.

— Я пока не собираюсь укладывать чемоданы. Я приехала в Хирвилахти надолго. С этим вам придется примириться.

Вошла Стрельцова с письмом в руке.

— Из Ленинграда, Николай Алексеевич.

Любомиров быстро прочитал и аккуратно сложил письмо.

— Из Лесотехнической академии к нам едут. Анна Корнеевна, распорядись, чтоб Полина привела в порядок дом для приезжих. Освободите две больших комнаты.

— Все будет сделано, Николай Алексеевич, — с готовностью отозвалась Стрельцова и деловитой походкой вышла из кабинета.

— Итак, когда вы сообщите нам свое решение о куртине? — спросила Анастасия Васильевна.

Любомиров встал из-за стола.

— С куртиной я выясню, товарищ Самоцветов, — в его голосе слышалось скрытое раздражение. Он быстро взглянул на Анастасию Васильевну и взялся за фуражку.

Мотовоз уходил в лес через двадцать минут. На железнодорожных путях широкой колеи маневрировал паровоз. Стрелочница — высокая девушка в мужской спецовке — взмахнула желтым флажком, протрубила в рожок, что-то прокричала машинисту. Паровоз, лязгая колесами на стыках рельс, попятился назад, ударился в вагон с лесом, подхватил его и потянул за собой. Снова запел рожок, желтый язык флажка затрепетал в воздухе, щелкнула путевая стрелка, и паровоз, громыхая, переполз на третью платформу, подобрался к стоявшим в тупике вагонам. Двенадцать вагонов, нагруженных древесиной, дрогнули, лязгнули буфера, и состав, заметно прогибая рельсы, тронулся в путь «Ве-зу-у-у!» — прокричал паровоз, прощаясь с поселком. Стрелочница глядела ему вслед. Каждый день она провожала поезд с лесом в неведомые ей края. Анастасия Васильевна спросила девушку, куда пошел лес.

— В Донбасс, на шахты.

В кабине мотовоза Анастасия Васильевна увидела Баженова. Он поздоровался с ней с обычной своей улыбкой, предложил ей свое место в кабине. Анастасия Васильевна отказалась и села на платформу: она не хотела от него никаких одолжений. Она ехала и думала о предстоящем совещании по поводу куртины. Вчера в лесничество звонила Стрельцова: «Николай Алексеевич вас ждет».

На развилке Анастасия Васильевна слезла. Баженов подошел к ней.

— Очень рад, что увидел вас до совещания, — заговорил он с обычным спокойствием и сдержанностью. — Вы давно были в семнадцатом квартале?

— Не помню, — ответила она сухо.

— А вы вспомните, это очень важно.

— С месяц. А что?

— Я там был вчера. Мы там кончили рубку и забирали «ус». У меня мало времени, Анастасия Васильевна, но я готов сейчас проводить вас туда. Надеюсь, после того, что вы там увидите, вы перестанете обвинять меня в варварском отношении к лесу.

— О чем вы говорите? — насторожилась Анастасия Васильевна.

— Идемте, увидите сами.

В его голосе было что-то такое, что невольно заставило ее встревожиться и поверить ему. Он не уговаривал, не настаивал, он просто хотел проводить ее в семнадцатый.

— Пойдемте, — коротко сказала Анастасия Васильевна и решительно направилась вперед.

Что собирался показать ей Баженов в семнадцатом? Там все хорошо. Великолепная куртина, прекрасные семенные деревья, добросовестно обработанные кострища. Люди лесничества потрудились честно, с любовью, все, что можно, сделали для рождения нового леса. Баженова не интересуют семенники. Он — как Чистяков. Рад пустить их под топор. Деловая древесина! Убыток государству? Какая близорукость! Спросить бы его, что он предлагает взамен куртин. Он такой же, как все. Вырубить лес, а потом хоть трава не расти! Будем жить с вами в мире, Анастасия Васильевна, — с горечью вспомнила она их первый разговор.

Вышли к болоту с белеющими березовыми лежнями. Баженов пошел по лежням с посохом: так меньше опасности увязнуть в болоте. Анастасия Васильевна шла по кочкам. Жидкая грязь выплескивалась из-под сапог. Балансируя на пружинистых обрубках дерева, Баженов подождал, пока она приблизилась к нему, и предложил ей свой посох.

— Возьмите. Увязнете в болоте, мне же придется вас вытаскивать.

— Так же, как и мне вас, если вы увязнете, — недружелюбно отозвалась она, но посох взяла. — Все-таки может, скажете, зачем мы идем в семнадцатый?

— Потерпите. Придем, сами поймете — зачем.

Болото кончилось. Шли по старой вырубке. Местами землю густо покрывал вейник. Длинные стебли вейника примяли дожди. Из-под травы торчали почерневшие пни. Никаких признаков поросли ели или сосняка. Где уж там пробиться всходам! Если не принять мер, вырубка останется пустырем, только неприхотливая осина проберется сюда.

Анастасия Васильевна смотрела на мертвое поле, где некогда шумела лесная жизнь. В чаще пели птицы, бродили лоси, ветер качал вековые деревья, хлопотуньи-белки собирали на зиму шишки, звенели роднички. Лесо-

заготовители вырубili и семенные деревья. Парфенов, который в то время был лесничим, может быть и возражал, но с ним не посчитались. Второй год она в лесничестве, а что успела сделать? Вот эта серая вырубка — доказательство ее бессилия. Механизмов нет, чтобы взрыхлить почву, рабочих нет. Семь гектаров погибшей земли.

— Как хорошо! Золотая погода! — Баженов снял фуражку. Он успел загореть, обветриться. Бронзовый загар лег на высокий лоб, прямой нос, несколько впалые щеки. Он стоял, распрямив плечи, обливаемый лучами солнца. От всего облика веяло мужеством, спокойствием, силой.

«Доволен! Для него все хорошо вокруг. Посадить бы его на мое место», — недовольно подумала Анастасия Васильевна, пробираясь сквозь заросли вейника.

Слава богу, проклятому вейнику конец.

— Осторожней! — вдруг вскрикнула она. — Не растопчите!

Она наклонилась к земле и любовно потрогала метелочки крохотных сосенок. Баженов только плечами пожал. Лесная мелкота. Люди ходят по ней в лесу, не задумываясь.

На поляне в полном одиночестве стояла сосна, прямая, как стрела, с кудрявой кроной, резко выделявшейся каждой веткой на светло-голубом небе. Солнце щедро обливало теплом и светом северную красавицу. Не ошибся лесничий в своем выборе, когда в густом бору ставил на сосне клеймо — запрет лесорубам. Уже давно ее сестры, росшие с ней плечом к плечу, легли шпалами на полотно железной дороги или стали стенами школы в деревне, а она продолжала жить на родной земле и сеять вокруг свои семена. Ее окружали многочисленные дети — веселые, радостные сосенки, густо укрывшие поляну. Они росли дружной семьей, а мать смотрела на мир гордо, с сознанием выполненного долга.

Баженов невольно залюбовался крепкой порослью.

— Роскошная семья. «Здравствуй, племя, младое, незнакомое! Не я увижу твой могучий поздний возраст... Но пусть мой внук услышит ваш приветный шум»... Какой жизнерадостный вид у поляны, а, Анастасия Васильевна?

Она в раздумье смотрела на «племя младое». Вот что может сделать одна сосна. Здесь, по-видимому, проходил волок, и семена упали на взрыхленную почву. Если бы вот так все вырубки покрывались молодым лесом, а это же капля в море. Кругом осина, вейник, дерн, болота. Чувствуешь, как стихия превращается в непреодолимую силу, и сломить ее нечем: ни людей, ни техники. Сдаемся на милость природы. Лесозаготовители тоже ставят палки в колеса...

Поляна осталась позади. Скоро семнадцатый квартал.

— Смотрите: следы лося.—Баженков показал на крупные вмятины на сырой земле.— Один, два, три... Да тут целое стадо прошло в направлении семнадцатого. Там есть чем поживиться. Еда лежит на земле.

— На земле? — переспросила Анастасия Васильевна.— Вы не вывезли всю древесину?

— Вывезли и «ус» убрали. Но там есть лес, который вам придется убирать, чтобы спастись от короедов.

— Какой лес?

— Увидите, увидите,—загадочно усмехнулся Баженков.

Брови Анастасии Васильевны нахмурились: что за загадочные речи о семнадцатом? Но тревога не покидала ее, и она заторопилась. Уже недалеко. Тропинка свернет к небольшой возвышенности с молодняком сосен по гребню, оттуда хорошо виден весь квартал. Среди кустарника мелькнула извилистая полоска «уса». Рельсы убраны, остались лежни, и на них в беспорядке валяются шпалы — обрубки березы, осины. Десятки кубометров топлива. Как мы расточительны! И все потому, что богаты лесом. Не жаль, пусть гибнет. Но что это? Тропинка кончилась, а знакомых елей не видно. Куда они девались? Или она идет не в ту сторону? Анастасия Васильевна растеряннo оглядывалась вокруг. Нет, она идет правильно. Знакомые приметы на месте: валун, ламбушка — синий-синий глазок среди ельника. уступчатая каменистая гряда. Отсюда были хорошо видны сли-семенники. Но где же они?

Баженков стоял на гребне гряды.

— Поднимайтесь, Анастасия Васильевна. Отсюда видна вся панорама.

С нарастающим чувством тревоги она взбиралась вверх. Баженков спустился к ней, предложил руку.

— У меня такое ощущение, будто я заблудилась. Узнаю и не узнаю местность. Не вижу семенников.

— Нет, вы не заблудились. Поднимемся выше, вон к той высотной точке.— Сильная рука Баженова помогла Анастасии Васильевне взобраться на крутой гребень гряды.

— Смотрите на ваши обсеменители, товарищ лесовод.

У Анастасии Васильевны захватило дыхание. Она увидела семнадцатый квартал — гордость лесничества — таким растерзанным, что слезы помимо ее воли выступили на глаза. Она отвернулась от Баженова, чтобы он не видел ее лица. Что сделала буря с деревьями! Ели были вырваны с корнями. Сосны сломаны, кроны уткнулись в землю. Сколько труда потратили люди, чтобы отобрать каждое дерево, поставить на нем клеймо, уберечь от лесорубов заповедные экземпляры. Погибли семенники, некому будет дать жизнь новому лесу.

Буря жестоко расправилась и с куртиной. Особенно пострадали первые шеренги деревьев. Так в боевом строю, под натиском сильного врага, падают самые храбрые, самые сильные, прикрывающие собой тыл. Сраженные бурей деревья хаотически переплелись кронами, корневищами, образовали мертвый высокий вал. Сломленная береза припала кудрявой вершиной к земле. Ее ветви глодали два лося, могучие животные, темно-бурые, со светло-пепельным брюхом. Ветер веял со стороны куртины, звери не чуяли человека и спокойно поедали вкусный корм. Анастасия Васильевна опустила на землю и тяжело вздохнула.

Баженов тщательно потушил папиросу, окурок затоптал в землю.

— Видите, Анастасия Васильевна, сколько загублено ценнейшей древесины.

В его голосе было не сожаление, что здесь пролетела свирепая буря и смела труды лесоводов, а упрек лесничеству: видите, сколько добра бросили вы на ветер по своей прихоти! Анастасия Васильевна поднялась.

— Здесь буря, а там — вы! — она показала рукой на восток, гневно глядя Баженову в лицо. — Здесь — стихия, а там Куренков, с вашего разрешения, истребляет семенники. Вы привели меня сюда, чтобы оправдать налет на куртину?

— Нет, я не собирался оправдываться. За порубку куртины я готов нести ответ. Я пригласил вас сюда, чтобы вы доказали мне, что оставлять на корню ценный лес разумно. Буря развеяла в прах ваши надежды на семенники. На что они годятся, ваши отборные экземпляры? Разводить короедов? Ругаете нас. «Лесозаготовители оставляют хлам на вырубках», а сами превращаете золото в хлам.

Он не оправдывался, а обвинял ее в расточительстве народного достояния.

— Что же вы предлагаете? Рубить все подряд? А дальше что? Оставлять после себя вместо карельских прославленных лесов — осину, болота, мертвое пространство? Вы об этом думали?

Баженов пожал плечами:

— О будущем лесе: как его выращивать, сохранять и прочее, пусть думают ваши лесоводы. Жрецы лесной науки. Я — лесоруб, лесопромышленник, лесозаготовитель. Меня интересует существующий лес и хозяйское к нему отношение. Я вижу загубленную древесину и возмущаюсь.

Анастасия Васильевна прислонилась к старой сосне, опаленной грозами, и, сдвинув брови, глядела вдаль. Баженов отряхивал с пиджака хвоинки и тоже молчал. Вид у него был спокойный: он убедил, доказал, неприятности — конец. Она — женщина милая, умная, поговорить с ней приятно.

— В чем ваша правота, скажите? — снова спросила Анастасия Васильевна. — Вы возмущаетесь: «Древесина загублена!» Согласна. Сама вижу. Гибель куртины — для нас большое несчастье. Вы обвиняете нас в бесхозяйственности, а сами замахиваетесь вон куда! Рубить все, что под руку попадется, прикрываясь хозяйским отношением к лесу! Не бывать этому, Алексей Иванович!

Баженов снисходительно улыбнулся:

— И все-таки я прав.

— Нет, вы неправы.

— Хорошо. В другой раз я постараюсь быть убедительней, а сейчас нам пора возвращаться.

— Я остаюсь здесь.

Ей нечего было делать в этом квартале, но она не хотела возвращаться с ним вместе.

— До свиданья.

Баженев приподнял фуражку. Анастасия Васильевна выждала, пока он скроется в лесу, и устало побрела прежней дорогой.

В ельнике кукушка завела свою тоскливую песню. Дальний лес отзывался на ее кукованье слабым эхом.

12

В конторе леспромхоза сидели двое: директор и главный инженер. Они обсуждали вопрос о куртинах, ради которого завтра созывается совещание.

— За порубленную куртину на восьмом нам придется заплатить штраф. Иначе она не отступится, — говорил Любомиров. Он хмуро ходил по кабинету, заложив руки за спину. — Но нужно же решить, в конце концов, что дальше нам делать с их куртинами. Из-за этих семенников ломаешь план строительства. Не раз уже так было. В прошлом году на участке мастера Савинкова хотели построить эстакаду в низине пятого квартала, а оза в этом месте подсунула свою куртину. А крику сколько! — продолжал Любомиров, раздражаясь. Тронешь семенник — сразу вопль раздается: «Вредительство! Разбой!» Надо что-то решать. — Любомиров остановился перед Баженовым.

— Пусть семенники свои отводят в лесу на здоровье, но нам не мешают работать!

Баженев, прищурясь, смотрел на карту Хирвилахтинского лесничества, висевшую над столом директора. Он мысленно представил себе сотни куртин, разбросанных по всему лесу. Искусственный барьер для лесозаготовок. Прав директор: где-нибудь да и наткнешься на куртину. Да, надо что-то решать.

До позднего вечера в конторе леспромхоза не гас свет. Директор и главный инженер обсуждали свой план, который они завтра предложат лесничеству. На улице пиликала гармонь, смеялась молодежь.

В день совещания Анастасия Васильевна советовалась со своим помощником.

— Как вы думаете, Гаврила Семенович, к чему мы должны подготовиться?

— Не знаю, — буркнул Парфенов, не поднимая головы, склоненной над чертежом делянки.

Анастасия Васильевна прошла по конторе.

— Я опасаюсь,— сказала она раздумывая.— Любомиров может обернуть дело так, что и мастер, и главный инженер выйдут сухими из воды.

— Может быть, они — люди сильные, а мы с вами...— Парфенов поднял угрюмые глаза.— Наша с вами власть в лесном хозяйстве ни черта не стоит. Вы думаете, я только и знал, что на печке отлеживался да на зайцев охотился? Было время, и я сражался за лес, не один год воевал, а когда понял, что сила солому ломит — отступился...

— Отступились и успокоились?

— А что разглагольствовать?— с досадой промолвил Парфенов и склонился над чертежом. Его перо вяло зачеркнуло по бумаге, рисуя крестики, обозначающие отдельные семенные деревья.

Всю дорогу до леспромхоза он молчал. Анастасия Васильевна не пыталась заговорить с ним. В голову запали слова: «И я сражался за лес»... Она искоса взглянула на него: пиджак продрался на локтях, ворот сорочки несвежий, сапоги в лепешках засохшей болотной грязи, небритый, волосы на шее отросли косичкой.

В кабинете Любомирова сидели мастера участков, начальник лесопункта, главный инженер. Все шумно спорили о чем-то, но увидев лесоводов, сразу умолкли. Парфенов мрачно сел в угол у двери, Анастасия Васильевна прошла вперед. Совещание началось.

— Товарищи, мы виноваты перед лесничеством,— начал Баженов без всякого предисловия, и Анастасия Васильевна поняла по его взгляду, брошенному на Любомирова, что он и директор договорились о каком-то общем решении. — Да, виноваты, — повторил Баженов, обводя глазами всех присутствующих.— Мы не согласовали заранее с хозяевами леса вопрос о проведении трассы через куртину. Но мы уже думаем над тем, как в дальнейшем избежать подобных недоразумений. — Взгляд Баженова задержался на Анастасии Васильевне.— И решили, что все будет зависеть от работников лесничества. Если лесничество не будет нам мешать, все пойдет хорошо.

— Что это значит?— воскликнула Анастасия Васильевна, откидываясь на спинку стула.— Мы не должны мешать вам рубить куртины?

— Минутку терпения. Я поясню. Выслушайте нас. Ваши куртины мы пальцем не тронем, если вы наметите их после нашего строительства. Дайте нам больше простора в лесу! Мы построим волока, склад, «усы», словом, все, что нам нужно, и там, где нас устраивает, а вы после нас отметите на чертежах и в натуре ваши обсеменители. Подходит вам такое предложение?

Взоры всех обратились на лесничую. Анастасия Васильевна молчала. Что может она ответить? В словах главного инженера есть здравый смысл. Куртины не должны мешать лесозаготовителям. Это она понимает, но... Надо все взвесить, хорошенько продумать. Не торопиться с ответом.

— Чего еще лучше! — не дождавшись ее слова, заговорил Куренков. — Куртина, она, что бельмо на глазу. Обязательно поперек дороги станет. В самый раз волок протянуть, ая нет, поворачивай на болото, упаси бог, зацретную елку свалишь. Или возьмем «ус». Ему прямая линия положена, а куртина, обратно, не дает ходу.

Куренков старательно избегал взгляда лесничей, говорил, обращаясь к мастерам, ища у них поддержки. Анастасия Васильевна с пристрастием слушала его. Как ему хочется уйти от ответственности за порубленную куртину!

— Порог на реке — ваши куртины! — Куренков глянул на нее и тотчас же отвернулся. — Были бы мы хозяевами леса, нашли бы подходящее место и куртинам.

— И хорошо, что вы не хозяева, — усмехнулась Анастасия Васильевна.

— Мы просим вас, Анастасия Васильевна, серьезно подумать над нашим предложением, — сказал Баженов, закуривая.

Стрельцова наклонилась к директору, зашептала:

— Не знаю, как вести протокол. Не совещание, а реверанс перед лесничей.

— Все записывайте, — сердито бросил Любомиров.

Анастасия Васильевна посмотрела на Парфенова. Он сидел сгорбившись, с устремленными в одну точку глазами. «Сидит, как бедный проситель, хорош помощник!»

— Товарищи, для пользы дела мы, пожалуй, сможем принять ваше предложение, — медленно начала она. — Действительно, куртины иногда являются помехой для строительства в лесу...

— Ну, вот и дело с концом!— воскликнул довольный Куренков. Мастера одобрительно закивали головами. Стрельцова быстро записывала в протоколе. Любомиров облегченно вздохнул: так быстро и легко решилось неприятное дело.

— Я не все сказала, товарищи. Ваше предложение мы примем, но с условием.— Анастасия Васильевна подчеркнула последнее слово. Все, кроме Парфенова, настояжились.— Без нас на новом участке вы ничего не должны предпринимать. Нужно вам построить волок, или эстакаду, позовите нас, покажите нам место. Если куртина вам будет мешать, мы вместе обсудим: перенести ли ее, или, предположим, сдвинуть трассу волока.

— И опять пойдут скандалы! — махнул рукой Куренков.

— Что же вы хотите? Полной свободы действий в лесу? Без нашего контроля? Этого не будет, товарищи. Куртины мы оставляем на племя. Нам нужен отборный лес и в соответствующих местах делянки. Лес — народное достояние. Будем смотреть на него с государственной точки зрения. Будем соблюдать интересы и леспромхоза и лесничества. Только так, иначе мы не согласны.

Поднялся шум. Мастера единодушно выражали свое недовольство. Больше всех кричал Куренков. Любомиров постучал ладонью по столу. Шум улегся.

— Я считаю... условия лесничества,— Любомиров кинул взгляд на главного инженера,— надо принять. Лесоводы нам уступают. Будем работать дружно.

— Хороша уступка! А ежели куртина ляжет поперек волока, и лесничество не захочет уйти с дороги?— горячился Куренков.— Характер Настасьи Васильевны мы знаем — железо! Нет, пущай лесоводы приходят на делянку после нас! Когда мы все построим. Так, Алексей Иванович?

Баженов притушил напиросу о край мраморной пепельницы. Анастасия Васильевна ждала его слова с затаенным беспокойством. Если он будет отстаивать свое, мастера распряшутся в лесу: главный, в случае чего, защитит. И опять ей предстоит война. Но разве за всеми участками уследишь? Штрафы за порубку — тоже не выход. И все-таки она не уступит Баженову, если он не примет условий лесничества.

— Я согласен с Николаем Алексеевичем.

У Анастасии Васильевны отлегло от сердца.

— Лес в нашем районе хороший,— продолжал Баженов.— Думаю, что лесоводам не придется нас гнать. Попробуем поработать так, как предлагает Анастасия Васильевна. А вы, товарищи,— Баженов обратился к мастерам,— не особенно слушайте Михайла Кузьмича. Он перед лесничеством грешен, и вас наталкивает на грех. Он думает так: отвечать — так всем, не мне одному.— Баженов засмеялся, засмеялись и мастера.

— Вот как вы со мной поступаете,— с дружеской укоризной покачал головой Куренков.— Ежели так, я первый принимаю условия лесоводов.

Любомиров поднялся из-за стола:

— Все. Вопрос решен, товарищи.

Анастасия Васильевна тоже встала:

— Нет, не все. А порубка куртины на восьмом? Кто отвечает? Алексей Иванович признал вину леспромхоза, но лесничество не собирается прощать. За каждое срубленное дерево мы возьмем штраф. Десятикратную таксовую стоимость. Вы оплатите все расходы по лесовосстановлению.

— Дороговато нам обойдется волок,— сокрушенно вздохнул Куренков, почесывая затылок.

— Придется вам составлять акт, Алексей Иванович,— угрюмо сказал Любомиров.

В коридоре ее окликнул Баженов. Улыбаясь, он попросил ее зайти к нему и просмотреть чертежи двадцатого квартала. Анастасия Васильевна молча прошла за ним в его кабинет. Он предупредительно развернул перед ней чертеж.

— Я очень рад, что мы с вами так быстро договорились. Откровенно говоря, когда вы грозили за куртину штрафом, жалобой в парторганизацию, я боялся совсем другого: вдруг вы перестанете ходить к нам в гости. Это было бы для меня самым большим наказанием.

На душе Анастасии Васильевны стало горько. Втайне она надеялась, еще с первой встречи, что он станет искренне помогать ей в защите леса, что в нем она найдет своего союзника. Но даже сейчас, когда, казалось бы, он помог ей, он внутренне не уважал в ней работника, равного ему. Он относился к ней снисходительно и был уверен, что всегда сумеет сделать так, чтобы она ему не мешала.

— Где вы собираетесь строить верхний склад? — спросила Анастасия Васильевна, наклоняясь над чертежом, не желая поддерживать его тон.

Баженов, улыбаясь, посмотрел на нее. Он взял циркуль и стал объяснять ей мягким, ровным голосом. Анастасия Васильевна слушала, не глядя ему в лицо.

В кабинет вошел Любомиров, взглянул на чертеж, сел, слушал объяснения Баженова и поглядывал на лесничую так, будто открыл в ней такое, чего раньше не замечал. Седая с чернью голова его была наклонена чуть вперед, живые острые глаза светились умом и иронией. Когда главный инженер закончил, Любомиров сказал, обращаясь к лесничей:

— Вы знаете, чего в вас недостает, как в работнике лесничества? Широты взгляда. Вы уперлись в свои ворота, и вас не сдвинешь никакими силами. А надо смотреть в корень вещей. Государству нужен лес. Понимаете: ле-ес!

— А вам я скажу одно. — Анастасия Васильевна обратила на Любомирова спокойный взор: — Наша ответственность перед государством обоюдная: работать так, чтобы наш лес непрерывным потоком шел туда, куда требуется стране. Но это не значит, что надо рубить без оглядки. Государство нам за это спасибо не скажет.

— Вас бы на мое место! — возразил Любомиров. Ему не нравилось, когда его поучали. — Посмотрел бы я, как вы вели себя.

— Меня сажать на ваше место нельзя: у меня нет вашего опыта, знаний. А вам доверить пост лесничего — преступно.

Баженов посмотрел на ошеломленного директора и вдруг весело рассмеялся.

Из конторы Стрельцова вышла вместе с Куренковым. Стараясь идти с ним рядом, она часто перебирала туфлями на высоком каблуке.

— Все склонили головы перед лесничихой, а вы, Михайла Кузьмич, упали ниц.

— Аннушка, не подкусывай, — добродушно отозвался Куренков. Скажи, отчего промежду вами, бабами, виноват, женщинами, вражда? Ты не взвидела лесничиху, а она, сдается мне, не очень тебя жалует.

— Я не терплю ее за гонор! Власть свою показывает. Хочет быть на равной ноге с Николаем Алексеевичем и главным инженером. Парфенов знал свое место, а ей троп подавай.

— Гаврюха — тюфяк. Прямо говорю, хоть он мне и приятель. Когда он в лесничих ходил, наши вертели им, как хотели. С ним было выгодно.

— Ага, сами признаетесь, что Самоцветова зажала вас в кулак.

— Что ж поделаешь, — вздохнул Куренков.

— А кто ей потворствует? — сказала Стрельцова. Вы, главный инженер, и даже сам Николай Алексеевич.

— Эх, принесла она мне заботушки! — Куренков задумчиво посмотрел на реку, па темную купу деревьев за мостом.

— Не уступайте ей, Михайла Кузьмич. Она хочет, чтоб все под ее музыку плясали.

Куренков молчал.

— Начальница. Хозяйка леса! А у самой ни одного дорогого платья. Поселковые девушки в шелках в клуб приходят, а она в штапеле.

Куренков украдкой оглядел наряд Стрельцовой, спросил:

— Что за мануфактура штапель, Аннушка?

— Дешевый. Ситец, потом штапель.

На площади, возле магазина, Стрельцова остановилась, порылась в сумочке.

— Аннушка, а какая мануфактура у вас, баб, извиняюсь, женщин, самой дорогой считается?

Стрельцова закрыла сумочку:

— Панбархат, Михайла Кузьмич. До свидания. Мне нужно в магазин.

— Погоди, Аннушка. А в нашем магазине есть этот самый пан?

— Панбархат? — подхватила Стрельцова, и ее маленькие глазки загорелись. — Есть. Зайдемте, Михайла Кузьмич, в магазин.

Продавец любезно раскинул перед Стрельцовой отрез. Жадными руками она гладила нежную шелковистую гкап. Розовые тюльпаны, как живые, цвели на черном поле. Она представила себя в длинном платье, и ее сердце замерло.

— Вроде, ничего.— Куренков пощупал ткань.— Так это и есть... как его, Аннушка?

— Панбархат, Михайла Кузьмич. Предмет мечтаний всех жепщин.

— Предмет, говоришь?— раздумывая, повторил Куренков и спросил продавца о цене.

— Дороговато... Ну, да ладно. Заверни, друг, и перевяжи красной лентой.

У Стрельцовой перехватило дыхание. Неужели ей? Вчера она говорила ему, что в субботу ее день рожденья. Куренков щедр: восьмого марта он подарил ей шелковый шарф и кожаную сумку.

Куренков отсчитал несколько сторублевок, бросил деньги на прилавок, взял покупку и вышел из магазина. Стрельцова поспешила на улицу. Куренков стоял на тротуаре с видом нерешительным и озабоченным. Не спуская глаз с пакета, она сказала, что ждет его в субботу на пирог.

Куренков рассеянно ответил:

— Беспременно буду. Жди нас с Гаврилой. Бывай здорова.

Стрельцова озадаченно смотрела мастеру вслед. Он мог бы сейчас подарить ей панбархат. Зачем ему понадобилось оставлять у себя отрез до субботы? Или он купил не для нее?..

Куренков пришел в лесничество. Дома была одна Матвеевна. Куренков торжественно развернул перед ней пакет. Старуха ахнула.

— Мать, когда день рожденья Настасьи Васильевны?

— В марте было.

— Маленько запоздал. Однако не беда. Передай ей этот... Тьфу! Опять забыл, как называется! Скажи ей, Куренков, мол, поздравляет и просит не обижаться.

Шелковистая ткань легла на колени старухи. Она ласкала ткань, которую держала первый раз в жизни в темных, натруженных руках. Ворсинки бархата цеплялись за шершавую кожу рук. Мать, царица небесная, а цветы-то какие! Так и горят. Весь поселок позавидует Насте, а Стрельцова умрет от зависти.

— Куда же ты, Кузьмич? Чайку попей со мной. Скоро Настенька придет.

— Спасибо, мать. Я Гавриле обещал. Он меня поджидает.

Куренков ушел. Матвеевна отнесла отрез в комнату дочери. Старуха нетерпеливо поглядывала в окно.

Анастасия Васильевна удивилась. Отчего мать вдруг так и засияла, когда она вошла в дом?

— Настюша, ступай в свою комнату.

— А что там?

— Ступай, ступай,— загадочно улыбнулась мать.

Когда Анастасия Васильевна увидела на своей кровати спящее своим великолепием покрывало, лицо ее выразило крайнее изумление.

— Панбархат?! Откуда, мама?

— Михайла Кузьмич тебе пожаловал.

Брови Анастасии Васильевны гневно сдвинулись, в глазах пробежали молнии.

— Да как он смел?!

Матвеевна съежилась, оторопело забормотала:

— В честь ангела твоего... рожденья, стало-быть.

Анастасия Васильевна свернула ткань, вложила в руки матери.

— Отнеси ему сейчас же!

Матвеевна не двигалась. Анастасия Васильевна вышла на кухню.

Через час Матвеевна постучалась в избушку Парфенова и, вызвав мастера в сени, отдала ему злополучный отрез.

13

Анастасия Васильевна не пошла бы к Баженовым, если бы не книги.

Алексей Иванович привез много литературы по вопросам лесного хозяйства и предложил ей пользоваться его библиотекой. Это явилось для нее кладом.

Открыла Нина в нарядном шелковом халате, напудренная, благоухающая.

— Как мило, что вы пришли. Почему вы так редко посещаете нас? Я о вас спрашивала Алексея.

— Благодарю вас. Алексей Иванович дома? Я за книгами.

— Алексей Иванович скоро придет. Он у Куренкова со своими чертежами. Проходите, пожалуйста.— Нина пропустила Анастасию Васильевну в комнату и плотно

прикрыла дверь. — Комары измучили, нет сил! Как вы можете работать в лесу?

— Ничего, комары нас не пугают. Мы их не замечаем.

— А мне они не дают покоя. На улицу не могу выйти. Нина опрыскала себя из серебряного флакончика. В комнате запахло сиренью. — Алеша целый день в лесу, ему нипочем. Садитесь, пожалуйста, на диван. Хотите конфет? Ленинградские. Мама прислала.

Красивые пальцы Нины с розовыми лоцеными ногтями выбирали в коробке конфету. Анастасия Васильевна невольно взглянула на свои руки, знавшие физический труд с детства.

— Моя ленинградская косметичка прислала мне крем. Делает с кожей чудеса.

Нина открыла дверцу шкафа. На вешалках нестрелли платья, халаты, пижамы. На полке стояла батарея банок с кремами, флаконов с одеколоном, коробок с пудрой. Нина взяла синюю баночку.

— Хотите, подарю?

Анастасия Васильевна поблагодарила и отказалась. Она не употребляла косметики. От постоянного пребывания на воздухе кожа утратила белизну, но приобрела здоровый смуглый оттенок. Нина оценивающим взглядом смерила фигуру Анастасии Васильевны, про себя отметила: «Грудь, бедра красивые, а лицо грубоватое. Глаза, правда, хороши, но брови слишком густы и широки». Анастасия Васильевна думала о своем: «Эта холерная, всегда хорошо одетая и причесанная женщина — его жена. Он любит ее. Она красива, не глупа, но любит она больше всего себя».

— Вы меня простите. — Нина под села на диван к госте. — Но я не могу понять, как вы могли избрать такую специальность? Женщина — лесничий. Работать в лесу тяжело и опасно. Алеша говорил, вы часто бываете в лесу, и одна. А если медведь? Или бежавший из лагерей преступник?

— В лес я беру с собой пистолет.

— О, вы храбрая!

Нина поиграла кистями пояса своего халата, осторожно сказала:

— Простите, но мне, кажется, профессия лесничего женщину огрубляет и... старит.

Быстрая усмешка пробежала по губам Анастасии Васильевны.

Нина, казалось, ее не заметила.

— Конечно, я понимаю ваше положение, приходится работать из-за куска хлеба.— Она полюбовалась своими ногтями.— Но можно же подыскать работу более спокойную и легкую.

— Я работаю не только ради куска хлеба, Нина Петровна. Я люблю свою профессию. И ни на что ее не променяю. А что касается «огрубляет и старит», то это, извините меня, рассуждения барынек.

Нина повела плечом. Помолчала. Ну что ж, она останется при своем мнении. Анастасия Васильевна перебирала книги на этажерке. По радио диктор говорил о событиях на Ближнем Востоке. Нина выдернула вилку из штепселя.

— На международной арене все так сложно, беспокойно,— сказала она, прижимая пальцы к вискам.— Лучше не вникать. Я вижу, вы увлеклись литературой о лесе. Как вы можете читать такие скучные книги?— Нина небрежно взяла одну из брошюр: «Мой опыт работы на трелевочном тракторе»,— увидела портрет автора на обложке: лицо приятное.— Правда, он немного похож на артиста Самойлова? О чем он написал?

— О своей работе тракториста. Он работает на севере, в бригаде прославленного в стране электропильщика.

— Вот как? И в лесу можно прославиться па всю страну? Мне и в голову это не приходило.

Нина закурила сигарету, ее рука в кармане халата нащупала письмо Погребицкого. Нет, она должна вытянуть Алексея из этой дыры во что бы то ни стало. Погребицкий поможет мужу устроиться в городе — у него значительные связи,— и тогда для нее начнется настоящая жизнь. В поселке ей все было ненавистно: улицы, дома, люди и даже блеющие козы. Она с отвращением закрывала наглухо окна, когда на улице раздавалась песня подвыпившего рабочего. Ее раздражал собственный дом: печка, маленькие окна, примус, колодец. Она немного оживилась, когда в Хирвилахти приехали ученые из Ленинграда. Баженов пригласил их к себе. Нина страдала от того, что муж—маленький, незаметный инженер, без заслуг и ученого звания, и после гостей особенно

ядовито корила мужа за неумение жить, за то, что он по доброй воле заточил себя и ее в лесу.

— А, у нас, оказывается, гости! — воскликнул Баженов, входя в комнату. — Добрый вечер, Анастасия Васильевна. Нашли для себя что-нибудь?

— Нашла, Алексей Иванович. Докучаев, Высоцкий, Морозов... С вашей библиотекой легко закончить институт.

Баженов снял с полки книгу в старом переплете:

— Читали первое сочинение о лесе? Нет? — Баженов открыл книгу. — «Лесной знатель», формейстер Фокель: «Описание естественного состояния растущих в северных российских странах лесов с различными примечаниями и наставлениями, как оные разводить», год 1766-й. Вас интересует, как «оные леса разводить»?

— Очень. Позвольте мне ее взять домой.

Баженов отдал гостю Фокеля и стал рыться в книжном шкафу.

— Сейчас я найду одну книжицу. В ней первые высказывания о природе леса. Слушайте.

О, вы счастливые науки!
Прилежны простирайте руки
И взор до самых дальних мест.
Пройдите землю и пучину,
И степи, и глубокий лес.

— Ломоносов?

— Он, Михайла Васильевич. Хорошо сказал, неправда ли? Завещание нашим ученым.

И они заговорили о людях лесной науки. Анастасия Васильевна больше слушала и спрашивала. Алексей Иванович столько знает! Ей все интересно, все ново. Он отвечал на ее вопросы, листая книги, показывая страницы, на которые ей следует обратить внимание. Они стояли у раскрытого книжного шкафа, а Нина сидела на диване и наблюдала за их оживленными лицами. «Алеша любит ее общество. Не понимаю, что он в ней нашел? Станный вкус у моего мужа. Его друзья: мастер, лесничая. Он мог бы выбрать друзей среди преподавателей курсовой базы, инженеров».

— Друзья мои, не довольны ли о высоких материях? — Нина мягко улыбнулась.

— Да, да, конечно, — спохватился Баженков. — Я и Анастасию Васильевну уморил. Он торопливо поставил книгу на прежнее место.

— Будем лучше чай пить.

Анастасии Васильевне было жаль прерванной беседы. Баженков ушел на кухню поставить на примус чайник. О чем ей говорить с Ниной? Пожалуй, лучше всего уйти, но что-то удерживало ее. Нина накрыла стол голубой скатертью, поставила красивые фарфоровые чашки, розетки для варенья.

— Алеша, нарежь сыру.

— Хорошо, Ниночка, — отозвался из кухни Баженков.

Нина разливала чай. За столом Баженков, принимая от нее чашку, благодарил влюбленными, счастливыми глазами. Они очень подходили друг другу: оба рослые, красивые, воспитанные. Анастасия Васильевна с досадой подумала, что она завидовала их счастью.

Поговорили о погоде — рано началось тепло, обменялись мнениями о недавно просмотренном кинофильме «Живой труп». Разговор снова перешел на дела в лес-промхозе. Баженков сетовал, что на нижней бирже не хватает людей. Из семи бревноспалов работают только пять, сцепы простаивают.

— С рабочей силой — катастрофа, — жаловался он, обращаясь к Анастасии Васильевне. — Идем сезонников из колхозов. Сезонники тоже нас не спасут. Неквалифицированная рабочая сила. Их быстро не сделаешь трактористами, крановщиками, машинистами. А капитальное строительство? Черепашьи темпы. До сих пор возятся с фундаментом центральных ремонтных мастерских. А строительство лесовозных дорог?

— Алеша, ты — дома, — выразительно сказала Нина.

— Хорошо, хорошо, — виновато улыбнулся Баженков.

В комнате наступило молчание. Баженков звенел ложечкой в чашке, Анастасия Васильевна допивала свой чай. В открытую форточку влетали тихие и нежные звуки музыки. В доме напротив кто-то играл на скрипке.

— Как тосклива наша жизнь, боже мой! — вздохнула Нина, облокотясь на стол и держа свои красивые руки вровень своих губ. — Дни серые, однообразные. А время летит и летит...

— Чего тебе не хватает? — ласково усмехнулся Баженков.

— Ах, Алеша, ты прекрасно знаешь, чего мне не хватает! Нормальных человеческих условий, культурных развлечений. Того, что и тебе. Но ты притворяешься, что всем доволен, а я не могу притворяться.

— Я притворяюсь? — Баженов удивленно пожал плечами. — Зачем мне, Ниночка, притворяться? Мне здесь нравится. Работа, люди... А что касается нормальных человеческих условий, извини меня, но ты несправедлива. Жаловаться нам с тобой грешно. Нам дали хороший дом, просторный, светлый, теплый. По-честному признаться, не такое уж роскошное жилье мы имели в Ленинграде. Одну комнату.

— Одну, но в Ленинграде, — подчеркнула Нина.

— Понимаю, — согласился Баженов. — Здесь нет театров, филармонии, музеев. Приходится довольствоваться радиоприемником.

— Анастасия Васильевна, посочувствуйте мне. Мой муж не хочет понять, что я погибаю от скуки, — сказала Нина тоном избалованной женщины.

Анастасия Васильевна промолчала.

— Готовил я тебе сюрприз, Ниночка, но так и быть, открою тайну. — Баженов сделал хитрое лицо. — Угадай, что я выписал тебе из Ленинграда?

— Говори, Алеша. Не люблю загадок.

Баженов поднял указательный палец правой руки вверх, торжественно произнес по слогам:

— Пи-а-ни-но!

Баженов сиял. Он хорошо придумал. Теперь она не будет вечерами скучать. Он так любит слушать ее игру, ее пение.

— Ты с ума сошел! Немедленно дай телеграмму, чтоб не отправляли.

У Баженова вытянулось лицо:

— Почему?

— Мы скоро уедем отсюда. Подумай, сколько будет возни с отправкой пианино в Ленинград.

Баженов с минуту сидел молча, чертил ножом по скалтерти.

— Нина, мы приехали сюда надолго, — мягко сказал он.

— Но не на всю жизнь, Алеша? — Нина говорила ласково, спокойно, но Анастасия Васильевна заметила непотухающий злой блеск в ее глазах. — Я понимаю,

ты хотел сделать мне приятное. но ты знаешь, я очень люблю свое пианино, а в пути его могут попортить.

— Как хочешь,— покорно согласился Баженов,

— А телеграмму пошли сегодня же.

— Хорошо.

Пока между супругами шел разговор, Анастасия Васильевна перелистывала книгу «лесного знателя» Фокеля и думала: «Лисичка. Умна, хитра. Обведет его вокруг пальца, он и не заметит. Он — воск в ее красивых лапках».

— Ради бога, вы нас извините, — обратилась Нина к Анастасии Васильевне. — Мы с мужем отвлеклись от общей беседы. Позвольте, я налью. — Она улыбалась, протягивая руку к чашке гостыи.

Анастасия Васильевна поблагодарила и отказалась.

Она попросила у Баженова «Общее лесоводство» Ткаченко и стала прощаться.

— Вы к нам заходите почаще. Без церемоний. Мне очень приятно с вами беседовать,— сказала Нина, искусно налепляя на губы улыбку.

Баженов проводил Анастасию Васильевну до калитки, пожал на прощанье руку и сказал, что он и его библиотека всегда к ее услугам.

— Надеюсь, служебные недоразумения не помешают нам быть добрыми друзьями. Я и жена всегда рады видеть вас в нашем доме.

Тяжелая связка книг оттягивала руку Анастасии Васильевны. На шоссе она немного отдохнула. Из головы не выходила чета Баженовых. Чужое счастье. А у тебя ничего нет... Не надо к ним ходить. А как же книги, беседы с Алексеем Ивановичем? Но только ли из-за бесед и книг она ходит в его дом?

Недовольство собой не покидало ее и дома.

Нина в полосатой шелковой пижаме сидела с ногами на диване, обхватив колени руками и слегка покачиваясь. Баженов стелил постель. Вдруг Нина весело рассмеялась. Баженов обернулся, держа подушку в руках.

— Что с тобой?

— Алеша, она в тебя влюблена.

— Кто?

— Царица Тамара.

— Глупости!

Баженов взбил подушку, положил на кровать.

— Влюблена, Алешка. Ты бы видел, какими она смотрела на тебя глазами, когда ты что-то читал ей у шкафа.

— Выдумщица!

Баженков взял жену на руки, отнес на кровать, заботливо прикрыл одеялом.

— Спи. Я немного поработаю.

Он зажег настольную лампу и сел за свой письменный стол.

14

Над лесом поплыл тягучий звон колокола. Оксана с размаху вогнала острый топор в красный ствол сосны.

— Обед, ребята! Хельвочка, хватит махать топориком!

— Оксана, убери топор. Сосна клейменная. Увидит лесничая, влетит нам по первое число.

— А я Самоцветихи нисколько не боюсь, — задорно отозвалась Оксана на замечание подруги. — Нехай ее Куренков боится. Мастер дрожит перед лесничихой. Дрожит и очей с нее не сводит. Приворотным зельем опоила его Самоцветиха. Трава есть такая: любисток называется. — Оксана рассмеялась, показывая белые крепкие зубы.

— Выдумываешь, Оксанка. А топор убери. Зачем поранила дерево?

— А, ну ее к бесу, твою царицу Тамару. Ходит по лесу, к людям придирается: «Сучья не пожгли, пни высокие оставили, молодняк смяли».

Оксана выдернула топор. На землю посыпались красноватые кусочки коры. К девушкам подошли Тойво и Иван, сели с ними под сосной обедать. Тойво наливал из термоса кофе, а Хельви угощала товарищей калитками. Иван съел половину буханки хлеба с изрядным куском сала и завалился спать.

За просекой стоял сплошной сумеречный ельник с зубчатыми вершинами. На взгорье сонно дремал величавый красный бор. Над ним в высоком небе гуляло солнце. Молодежь расположилась на отдых в глубине лесосеки. Раскаленные лучи солнца пробивали лесной полог. Пахло лесными травами, звонко перекликались невидимые птицы. На поляне, под густыми листьями, Оксана нашла сладкие и нежные ягоды земляники. Тойво сорвал ландыш, дал цветок Хельви. Сияющие глаза

девушки ласково поглядели на Тойво. По лицу ее бродила смутная улыбка. Оксана под села к подруге.

— Как вспомню нашу Украину, Хельвочка, аж сердце заболит. Сколько ж у нас в селе садов! Возле нашей хаты — вишневый садок. Ты бачила, Хельви, як вишня цветет? На всех веточках густо-густо белые цветы. А пахнет как! Идешь по саду, аж голова кружится.

— Договор кончится, уедешь домой, Оксанка?

— Ага! — мотнула головой Оксана и легла на траву. Солнечные зайчики заскользили по смуглому лицу девушки.

Не видела никогда Хельви, как цветут вишневые сады на Украине, не выезжала она из Карелии никуда за всю свою двадцатилетнюю жизнь, но кажется ей, что краше родного края ничего нет на свете. И Тойво так думает. Она не спрашивала его, но она знает. Хельви посмотрела долгим и влюбленным взглядом на Тойво, лежавшего под рябиной. Спит. Усталость сморила и Хельви. Прилегла она возле Оксаны и задремала.

Неожиданно, словно из-под земли, вырос Куренков. Комбинезон на груди распахнут, кепка сдвинута на затылок, на квадратном лбу застыли капельки пота.

— Загораете, рябчики? Обед кончился пять минут назад. Лес вались по щучьему велению... А на собрании руками махали: мы, де, утрем нос бригаде Савинкова. Эх, вы! Глядите, как бы у самих не оказалось под носом мокро.

— Мы не слышали сигнала, Михайла Кузьмич. В колокол не звонили, — оправдывалась Оксана, незаметно толкая ногой храпевшего Ивана.

— В царь-колокол вам звонить, что ли? — Куренков одной рукой поднял Ивана и поставил его на ноги. — Просыпайся, Иван-царевич. Жар-птицу упустишь.

Молодежь живо заняла свои места.

— Темпы, рябчики! Давай темпы! Шевелитесь, ребята-тишечки.

Тойво включил ток, пила плавно и послушно врезалась в мякоть ели. Вот ветви ели, отягченные смолистыми шишками, тревожно зашелестели, и дерево, словно не желая расстаться с синевой небес, медленно покидая высоту, рухнуло на землю, обрызгав траву зеленым хвойным дождем. Тревожно качает вершиной белоствольная красавица-береза. Стальная пила Тойво коснулась

атласной коры, из-под топора Ивана брызнул березовый сок. Медленно, словно не веря, что жизнь ее кончена, береза падает. Пышная листва дрожит, трепещет.

— Чистая работа! — похвалил Куренков.

Голубоглазый Тойво, с нежным, как у девушки, цветом лица, ловко управляется с тяжелой пилой. Он не делает ни одного лишнего движения. Полминуты, три четверти, минута, и могучие деревья уже не жители лесного края, а обыкновенная деловая древесина. Шумит, гудит зеленый цех, редеем деланка. Все шире небо над лесом, все больше на лесосеке света, и на землю, всегда покрытую густой тенью, впервые падают солнечные лучи. Стараются молодые лесорубы. Бойко стучат острые топоры подруг. С урчаньем ползет трактор Пети Захарова, с ласковой кличкой «котик», волоча пачку хлыстов к эстакаде, на узкоколейке нетерпеливо кричит воткин-ский паровозик, притаившийся порожняк на верхний склад. «Да-вай ле-е-ес!» На гудки паровоза бор отзывается многоголосым эхом. Испуганная шумом кукушка летит в дальний лес, где нет людей, чтобы в тишине тосковать о своем одиночестве.

Куренков успел побывать на участке второй бригады и опять вернулся на деланку Тойво. Лесная косовица идет успешно. Покорно валяются лесные великаны, подмина-ная под себя хрупкую поросль. Деланка заметно редеем. «Рябчики» Куренкова давали темпы. Неустанно стрекотала пила Тойво, ухала земля под ударами валившихся деревьев, дробно и звонко перекликались топоры сучко-рубков. Участок Куренкова шел в леспромхозе первым. Куренков был болезненно самолюбив, и когда его обгоняли «дружки-мастера», он чаще, чем обычно, наведывался на их участки, внимательно присматривался к работе, учил своих лесорубов новым приемам валки, обрубки сучьев, обсуждал с ними, как экономить время, наращивать темпы в работе. Его участок незаметно подтягивался и вновь вырывался вперед. В такие дни Куренков был особенно щедр, и вся его зарплата и премия, что составляло довольно круглую сумму, уходила на «пиры», куда приглашались «мастера-дружки», которые откровенно завидовали ему. У Кузьмича, мол, тракторы не выходят из строя, рабочие не прогуливают. Любомиров ему благо-говолит. К нему и парторг на участок чаще наведывается, и председатель рабочкома, и главный инженер. Куренков

любил выпить, но на работу приходил всегда вовремя, трезвым и требовал от лесорубов порядка и дисциплины. К бригаде Тойво он питал отеческую нежность. «Рябчики» его никогда не подводили.

Не видел за деревьями Куренков, как с тыла приближалась к его делянке Анастасия Васильевна. Она шла по вырубке. Кучи веток, кроны сосен, как отрубленные гигантские головы с пышной шевелюрой, сломанные рябиновые кусты и, куда ни глянь, раздавленные сосенки и елочки. Зачем понадобилось лесорубам так зверски уничтожать молодняк? Ох, этот Парфенов! Не проследил вовремя за работой лесозаготовителей. И как у него поднялась рука принять такую вырубку? Крепко сжала рот Анастасия Васильевна, недобро сверкнули зеленые глаза из-под нахмуренных бровей.

Куренков заметил лесничую. Рука мастера машинально подтянула застёжку «молнию» на комбинезоне. «Эх, не вовремя идешь сюда, моя желанная! — беспокойно подумал он. — Лучше бы сторонкой прошла, лесная орлица». В поселке он сам искал с ней встреч, но в лесу тщательно избегал ее: так работалось спокойнее.

— Команда, к порядку! Хозяйка лесная жалуется. Чтоб мне ни сучка, ни задоринки!

И вдруг, сердито выкатив глаза, Куренков закричал Тойво:

— Что ты делаешь, бестолковщина!

На лице Тойво отразилось изумление. Уж не ослышался ли он?

— Не трожь! — Куренков даже попридержал пилу, боясь, как бы вальщик не смахнул хлипкое дерево, жавшееся к вековой сосне.

Тойво пожал плечами. Он все время убирал «мелочь». Все вальщики расчищают рабочее место. Раньше мастер ничего не говорил, а сейчас вдруг рассердился.

— Постарайся, голубок, не смять мелкоту, будь она неладна! — попросил Куренков.

Тойво пристроил пилу у корня дерева, оставив жизнь его потомству. Куренков одобрительно крикнул, когда спиленное дерево грохнулось на землю, не задев своего слабого детеныша. Пусть лесничая успокоится. Молодняк Куренков бережет. Вдруг он коршуном метнулся к поверженной сосне. На рыжей коре чернело клеймо. Слово не доверяя своим глазам, Куренков потрогал его рукой.

— Куда ты смотрел! — гневно обрушился он на вальщика. — Семенник подрезал, крот слепой!

— Случайно, Михайла Кузьмич. — Тойво виновато опустил голову.

Гнев Куренкова сменился отчаянием.

— Убил! Без ножа зарезал. Мать честная! Прямо-хонько к нам идет. Она меня сейчас живьем проглотит. Берись за пилу поживее! Чего уставился на клеймо, как баран на новые ворота?

Тойво молча перенес пилу к соседнему дереву. Курепков растерянно посмотрел на мелькавший среди деревьев оранжевый платок, наступил сапогом на злополучное клеймо и загрохотал на всю делянку:

— Иван, подруб делай ниже! Ниже, тебе говорю! Чтобы мне расщепа не было!

С Анастасией Васильевной Куренков поздоровался с притворной радостью, но с плохо скрытой растерянностью в глазах.

— Настасья Васильевна, ты, что солнышко ясное в летнюю пору: рано поднимаешься, поздно ложишься. Устали не ведаешь. Обходишь владения свои богатые? Твой помощник Гаврила Семенович тоже старается, но, как говорится, свой глаз — алмаз. Я сам не люблю в чужие очки глядеть.

Говорил Куренков ласковым, рокошующим баском, а сам все крепче нажимал сапогом на клеймо, словно оно могло вырваться па волю.

— Не знаете, где Парфенов?

— Утречком был здесь, Настасья Васильевна.

— Пьян он был, что ли, когда принимал от вас вырубку за кражем?

— Напраслину возводишь на нашего брата, Настасья Васильевна. Пеньки оставлены в меру, семенники обошли, маленько, разве, подрост помяли.

— Маленько? Весь молодняк вытоптали. Варвары вы...

— Экое слово ядовитое отыскала, — обиделся Куренков. — Какие же мы варвары? — Он повернулся к ней всем корпусом, сдвинув сапог с клейма, по тотчас же поспешно принял прежнее положение. Он видел, как лесничая шевельнула бровями и окинула его с ног до головы взглядом, и, как ему показалось, довольно подозрительным. От волнения его пот прошиб. «Неужто приме-

тила? Скажет: «Уберите погу с клейма!» — и перед рабочими начнет честить. Пронеси, господи! И что за женщина! Дома приветливая, ласковая, а в лесу — гроза!»

Покашливая, Куренков искал трубку в карманах, больше всего опасаясь встретиться глазами с лесничей.

— Крушите все подряд. Как браконьеры.

Куренков ослышался, приняв слово «браконьеры» за «бракоделы» и не на шутку обиделся за честь своего участка.

— Мы бракоделы? Неправда твоя, Настасья Васильевна. Сама знаешь, первыми идем по качеству древесины. Самый высокий выход у нас. Ученые из Ленинграда наш участок изучали. Стало быть, не лыком мы шиты, работаем не тят-ляп. На высоком уровне стоим.

— А ученые не записали, сколько леса загубил напрасно мастерский участок Куренкова? — повысила голос Анастасия Васильевна. — Идите сюда. Посмотрите на плоды вашей работы.

Тойво и Иван приостановили валку, перестали стучать топоры девушек. Любопытная Оксана подобралась поближе и не сводила глаз с мастера и лесничей. Ее удивляла поза Куренкова. Поставил ногу на поваленную сосну и как-то сбоку поглядывает на лесничую.

Анастасия Васильевна подняла тоненькую елку, которую спилил Тойво, расчищая рабочее место. Ветки деревца зашевелились, как живые, сломанными костями белела древесина на месте сруба. Молча, не выпуская из рук елки она смотрела на лесорубов укоризненно и осуждающе. Тойво, опустив глаза, трогал носком сапога пыльный кабель. Иван равнодушно почесывал затылок, девушки с любопытством поглядывали на мастера.

— В лесу да плакать по хворостинке, — виновато начал Куренков и умолк. «Слава богу, клейма не заметила. Скорее бы ушла». Нога у него затекла, но он боялся сдвинуть сапог с клейма и не шевелился. Но вдруг его осенило. Он сел на клеймо, с наслаждением вытянул затекшую ногу и не спеша стал набивать трубку табаком, следя глазами за лесничей.

Анастасия Васильевна подошла поближе к молодежи.

— Товарищи! Михайла Кузьмич не понимает, что рубить вот такие деревца, значит сознательно вредить нашему лесному хозяйству. Посмотрите на делянку. Сколько

вы напрасно погубили подроста! Зачем вы это сделали? И как ваша рука поднимается на молодые деревья, верную смену старого леса? Разве вам все равно, будет ли здесь шуметь через двадцать-тридцать лет новый лес или раскинутся мертвые земли? Вы же комсомольцы, передовые лесорубы, вы не можете оставаться равнодушными к судьбе леса. Тойво и Хельви, вы родились в Карелии, работаете в родных лесах. Ваши товарищи: Иван и Оксана приехали издалека. Вы объясните им, научите их беречь молодой лес. Михайла Кузьмич очень хороший мастер, уважаемый в леспромхозе человек, но дальше «кубиков» он ничего не хочет видеть. Давайте вместе беречь и растить молодой лес. Это большое государственное дело, друзья!

Куренков обрел дар речи только после ухода Анастасии Васильевны. И кто придумал назначать в лесничие таких ядовитых баб! Его, Куренкова, перед молодежью вздумала отчитывать. Вроде он сам без понятия. Он оставил, наконец, злополучную сосну, сунул нераскуренную трубку в карман и напустился на молодежь.

— Слыхали? За вашу несознательность мастера бьют по шее. Совестно за вас. Вы не детки малые, несмышлениши, чтоб без разума ломать, ломать все, что под руку попадается. Чего уставились? На лбу у меня нету узоров. Идите, работайте, да глядите в оба, чтобы ни одной царапинки на семенниках, и мелкоту не крошите. Не позорьте своего мастера, не кладите пятно на участок.

Молодежь обиженно молчала. Разве они плохо работают? Никто не виноват, что деревья при спиливании валятся на землю и крошат молодняк.

— Михайла Кузьмич, — осмелился Тойво. — Вы сами говорили: «Лес по дереву не плачет».

— Соображай, голова! — зыкнул мастер на вальщика. — Дерево дереву — рознь. Убери семенники, еще как лес заплачет.

Куренков ушел на склад. Тойво обошел старую ель вокруг. Клейма нет, можно спокойно пилить.

— Как придет, так и расстроит Михайла Кузьмича, — сердито сказала Оксана, берясь за топор. — Чтоб ее черти взяли! Ведьма киевская. Носится по лесу на помеле. Что она говорила? Беречь лес? Мы завербовались рубить, а не беречь. Нехай своим лесникам приказывает, мы у нее не занимались.

Оксана надвинула платок на брови. Проклятые комары совсем замучили. Руки Оксаны в кровавых расчесах, в мозолях от топора. Нелегкий труд у сучкоруба. Дрожит под топором сосна, летят срубленные сучья, сыплется хвоя. Двигается Оксания топор от комля к вершине. На пути — хлипкая сосенка, царапает лицо девушки, лезет в глаза. Взмах топора, и сосенка ложится па груду сучьев.

— Оксанка, зачем ты ее срубила?

Оксана разрубила деревцо на части.

— Нехай лесничиха разбирается, где сучья, где деревцо.

— Бессовестная! Если еще раз так сделаешь, ты мне не подруга. — Голос Хельви дрожит, руки наносят неверные удары топором по сучьям старой ели.

— Ну, и не надо, — зло отзывается Оксана. — Милуйся со своей лесничихой. Что мне очи повыкалывать об ту сосенку? Лицо поцарапать? — Удар топора, хруст, и второе деревцо летит на груду сучьев.

Хельви возмущенно смотрит па подругу.

— Мешало?

— Да, мешало! — вызывающе бросает Оксана.

На глазах Хельви навертываются слезы. Как легко Оксана отказывается от дружбы! Зачем она на зло лесничей губит деревца? Просила же их Анастасия Васильевна беречь молодняк. Хельви жаль молодые елки и сосны. Лесничая сказала: «Не будете беречь подрост, раскинутся мертвые земли по всей Карелии». Мертвые земли... Ни леса, ни птиц, ни цветов, ни ягод. Оксанке все равно. Она вербованная. Кончится договор, уедет на свою Украину, в родное село, где цветут вишневые сады...

Оксана смягчается при виде расстроенного лица подруги: ей тоже не хочется терять дружбу.

— Чудачка ты, Хельви. Чего губы надула? Я ж рублю только те, которые мешают. Вот эту елку я ж не тронула. На беса мне ее рубить, силы тратить, она мне в очи не лезет.

Конечно, Оксана хитрит: елка ей мешает, но она сумела ее обойти. Хельви молчит, Оксана продолжает рубить. Сучья и ветки так и сыплются из-под ее топора. Оксана — лучший сучкоруб в леспромхозе. Острый топор Хельви обрубаёт лапы замшелой ели, старой жительницы дремучего леса. Тяжелые ветви примяли тоненькую елочку. Хельви

освобождает деревцо. Елочка расправляет веточки и стоит такая пушистая, веселая, что у Хельви пропадает желание сердиться на подругу.

— Погляди на елочку, Оксанка. Мы уйдем, а она останется. Будет себе расти и расти...

— А что ей еще делать?— отзывается Оксана, голос у нее насмешливый, но мирный. Она довольна, что ссоре — конец.

Тойво сумел спилить старую ель, не трогая ее детенышей. Но когда он подошел с пилой к очередному дереву, окруженному кольцом молодняка, он, не задумываясь, срезал два деревца — они ему мешали. Спеленное дерево при падении поломало еще два подростка. Пришел за хлыстами трактор. Стальной трос петлями сжал больше десятка стволов, стянул их в пачку, а когда машина потянула за собой хлыст, от лесной семьи не осталось и следа.

15

Баженев сидел за столом, подперев голову руками. Лицо его выражало тяжелую думу. Нина стояла у окна, как изваяние, устремив глаза на сосны, в беспорядке толпившиеся в усадьбе. Густое пламя заката обливало деревья и розовые валуны, разбросанные по усадьбе. Гранитные глыбы вызвали у Нины новый прилив раздражения. Стариться в этой глуши? Нет, нет...

Нина подошла к мужу и ласково погладила его волосы.

— Алеша, пойми... Не могу я здесь больше жить. Не могу!

Баженев молчал.

— Подумай, дорогой. Жизнь так коротка. Зачем же нам хоронить себя в глуши? Ты приехал сюда добровольно, партия тебя не посылала. Ты ничем не рискуешь, если оставишь леспромхоз. Скажешь, что тебе нужен город, консультация ученых. Ты умница, сумеешь без осложнений и последствий покончить здесь со всеми делами. Что мне тебя учить, ты сам знаешь.

В открытое окно ворвалась песня, переборы баяна. Нина сморщилась, как от зубной боли. Бог мой, когда же, наконец, она не будет слышать песен горластых

лесорубов, визг гармошки? Нина прикрыла окно, задернула занавески.

— Алеша, если ты сейчас не сможешь устроить с отъездом, я подожду. Месяц, два... Хорошо? Ты мне обещаешь?

Баженов, не поднимая головы, сказал:

— Ничего не могу обещать.

Злые слезы навернулись на глаза Нины. Неужели она не сумеет подчинить его себе?

— Алексей, или мы уедем, или... расстанемся.

Баженов вскинул на жену глаза.

— Подумай, что ты говоришь!

Нина отвернулась, прижала платок к глазам, всхлипла.

— Я для тебя всем пожертвовала, а тебе дороже всего твои дела...

— Нина, пойми меня правильно,— осторожно начал Баженов.— Я знаю, тебе очень хочется в Ленинград, но я не могу все бросить и уехать.

— А твое изобретение? Сколько ты бьешься над ним? Погребницкий зовет тебя в город, чтобы помочь.

— Я буду работать над машиной здесь.

— Ты не думаешь обо мне!

— Ты несправедлива, Нина. Ты знаешь, как много ты значишь в моей жизни.

— Если ты меня любишь, уедем.

— Нина, будь благоразумна. Давай поговорим серьезно.

— Я для тебя ничего не значу. Ты обо мне не думаешь... Я не могу здесь больше жить...

Она упала на диван и заплакала.

Баженов сел возле нее, ласково погладил ее по голове. Она прижалась мокрой щекой к его ладони и затихла. Баженов сидел не шевелясь, слегка откинув голову, напряженно думал. Нина приподнялась, обвила его шею обнаженными руками, прижалась головой к мягкому шелку косоворотки. Баженов обнял ее.

— Мы уедем... Уедем, да?

Она знала, если муж скажет «да», потом он не откажется от своего слова. Ей нужно было получить его согласие сейчас, в эти минуты, когда он был размягчен ее слезами.

— Ты согласен, я чувствую, Алешенька. Мягкими губами она крепко поцеловала его в губы.

— Нина, ты умная, хорошая, ты поймешь...

Глаза Баженова просили, умоляли. Она оттолкнула его, встала перед ним, сказала резко:

— Хорошо! Я уеду одна. И сына заберу с собой.

— Нина!

— Я все сказала,— холодным, жестким голосом проговорила Нина и вышла.

Баженов долго сидел, облокотясь на колено, курил и тупо глядел в пол.

Поздно вечером Нина стелила ему на диване с каменным лицом, с крепко стиснутым ртом, чужая, враждебная. Она раздевалась, заслонив ширмой кровать. Баженов слышал, как падала на стул ее одежда, потом скрипнула кровать, и все затихло. Он знал, что она лежит с открытыми глазами и ждет в настороженной тишине его слов. Знал и молчал, мучительно желая, чтобы она заговорила первая. Молчала комната, улица. Баженову показалось, что жена застонала. Он приподнялся на локте, прислушался. Тихо. «Завтра мы поговорим спокойно. Она поймет»,— подумал он, не представляя себе жизни без нее и сына.

Утром Нина, не проронив ни слова, стала укладывать вещи в чемоданы.

16

Вечерами Баженов старался подольше задерживаться в конторе или на курсовой базе. Вот уже скоро месяц, как уехала жена, не простившись с ним. «Если я и сын тебе дороги, бросай свой леспромхоз и приезжай в Ленинград. В Хирвилахти я никогда не вернусь. Запомни.» Какие у нее были холодные, почти враждебные глаза, когда, садясь в вагон, она в последний раз посмотрела на него. Генка плакал: «Не хочу к бабушке. Хочу с папой». Поезд ушел, а в ушах Баженова еще долго звучал Генкин плач. После работы Баженов возвращался в дом со стесненным сердцем, включал свет и встречался с глазами сына. Генка смотрел на него со всех стен. Вот он совсем малыш: пухлые щечки, волосы колечками, Нинина надпись на карточке: «Нашему дорогому пупсику восемь

месяцев». Вот Генка на деревянной лошади, Генка на лыжах, Генка — черкес. Баженов тяжело опускался на диван, тоска овладевала им. Он убрал со стола портрет Нины, спрятал вышитые ею диванные подушечки, на которых она валялась целыми днями с книжкой в руках. Он всячески избегал расспросов о семье. Соседка — жена главного механика — маленькая татарка с сияющими черными глазами и угольными волосами, изредка приходила к нему с тремя мальчиками-сыновьями и звала его в гости. Баженов мягко отказывался, но женщина повторяла каждый раз одну и ту же фразу: «Моя муж велела. Зачем обижаешь?» Она спросила о Нине и неодобрительно зацокала: «Це, це, це... Совсем уехал? Нехорошо, ай нехорошо»...

Иногда Баженов приходил к механику, сажал его малышей на колени, испытывая острую тоску по Гепке. Он умолял Нину вернуться, но она не отвечала на его письма. Раньше он торопился поужинать и сесть за работу, хотя Нина и ворчала на него, что он только и знает свою машину, сейчас ему никто не мешал, но машина опротивела ему. Чертежи покрылись слоем пыли, тушь побурела.

Он ложился на диван, курил папиросу за папиросой, думал, вспоминал прошлое. Семь лет семейного счастья. Семь... Быстро пролетели годы. Нина... Его любовь, молодость, радость, чистота, надежды. Он любил ее задолго до того, как осмелился сделать ей предложение. Теща не влюбила его с первого дня: она благоволила Погребницкому. Баженову было душно в квартире жены. Теща берегла съеденные молью гобелены, ковры, старинную мягкую мебель с продавленными и звеневшими на все лады пружинами, картины — безвкусную мазню неизвестных художников. Иногда ему казалось, что он по ошибке попал в этот дом. Когда он принес молодой жене диплом лесоинженера, теща сказала за вечерним чаем, прошивая его острыми, колючими глазками: «Надеюсь, вы не испортите Ниночке карьеру?» Баженов поставил на блюде чашку с изображением франта в белом парике и малиновом камзоле, целующего руку девицы в пышных фижмах, — и спросил, как понимать ее слова. «Я не позволю увозить Нину в лес. Разве только через мой труп!» Баженова так и подмывало сказать этой старой, встрепанной вороне, что она и так похожа на труп.

Ему хотелось попасть в гущу настоящей жизни, — под этим он подразумевал леспромхоз, — но он уступил жене и после академии устроился в тресте «Ленлес». Потратил годы на работу в аппарате. Нина говорила: «Я хочу посвятить себя сцене. Мне нужен большой город». Но с работой у нее не ладилось: она меняла театр за театром, жаловалась на закулисные интриги, ссорилась с режиссерами, пока не остановилась перед фактом: если она не уживется в Доме культуры, как руководитель кружка самодеятельности, она должна распрощаться со сценой. Генка на время отвлек ее от болезненно-самолюбивых переживаний из-за ее неудавшейся театральной карьеры. Когда Баженов сказал, что намерен оставить трест и поработать в Карелии — это было ему необходимо, чтобы закончить работу над конструкцией машины, — Нина поплакала, но согласилась поехать.

И вот она уехала и молчит, молчит. Ни одного письма — на поток его писем и телеграмм. Он звонил ей из Петрозаводска, к телефону подошла теща: «Что вам от нас надо? Моя дочь не будет с вами разговаривать! Не будет! Вы — хам! Слышите, хам!» Старуха сразу бросила трубку, но он позвонил еще раз и потребовал, чтобы ему сказали о здоровье сына. После нового потока брани, теща прокричала ему в ухо: «Геночка здоров, присылайте деньги!»

Сегодня суббота. На курсовой базе уроков нет. Баженов пришел домой раньше обычного. Он разжег примус, напился на кухне чаю. Пришел письмоносец. У Баженова замерло сердце. Нет, письмо не от Нины. Остап Панченко — бывший его курсант — молчаливый, чубастый и самый усидчивый парень, — писал ему из поселка «Светлый ручей»: «...Я получил новую электростанцию и шесть электропил. Поселок наш состоит... из одного барака и продуктового ларька. Лес у нас средний, но беда в том, что люди не могут обращаться с пилой. Мне приходится их учить. Очень мне тяжело бывает, дорогой Алексей Иванович. На курсовой базе куда было проще. По схеме все понятно, а в лесу заstopорится пила, памучаешься, пока наладишь. Ребята посмеиваются: «Без пяти минут инженер!» Трудностей я не боюсь, но мне очень нужна ваша поддержка. Алексей Иванович, вы меня покрепче поругайте, чтобы я не раскисал»...

«Кто бы меня поругал, чтобы я не раскисал?» — подумал Баженов. Он ходил по комнате и курил, пока не закружилась голова, потом надел плащ и вышел из дому.

Над поселком стоял ясный, розовый вечер. В палисаднике противоположного дома, освещенного в упор низким солнцем, стояла молодая женщина с маленькой девочкой на руках — жена начальника лесовозных дорог. Баженов поздоровался с ней. Женщина проводила его любопытным взглядом серых больших глаз. Возле почты — деревянного дома с синей вывеской над высоким крыльцом — Баженов увидел Стрельцову в оранжевом платье и лакированных туфлях.

— Прогуляться вышли, Алексей Иванович? — кокетливо улыбнулась Стрельцова.

Баженов ответил, что у него дела, и опасаясь, как бы Стрельцова не увязалась за ним, поспешно покинул ее. Он миновал шоссе — самое оживленное место в поселке, куда стекалась вечерами почти вся молодежь с гитарами, баянами, — место песен, споров, свиданий и игр, — и направился к нижнему складу.

На нижнем складе работала третья смена. Бревновалы, возвышающиеся над эстакадой, походили на мачты гигантского корабля. Сходство с кораблем усиливали прозрачно-синеватые волны болотного тумана, заволакивающие высокое основание эстакады. Шумели электропилы, скрипели блоки, цепи. На транспортере — полукилометровой движущейся ленте — работал старый мастер. Он жаловался Баженову: «Хлыст идет сучковатый. Беда!»

По узкоколейке паровоз тянул три груженных сцепа. Сцепы остановились против бревновалов. Помощник лебедчика подвел разгрузочные тросы под хлысты, прицепил их к крюкам полиспаста, открыл стойки и дал сигнал лебедчику: «Все в порядке. Можно переваливать хлысты со сцепа на площадку». «Лавизи», «Руотси», «Иванов» — читал Баженов надписи на хлыстах: это бригады. На площадке лежит сосна, в диаметре не меньше метра. Сосне лет триста. Старый мастер ворчит, толкая древнюю старуху ногой: «велика Федора, да дура». Сердцевина у сосны гнилая.

— Куренковский лес. Гонит Кузьмич без остановки, — сказал мастер, когда на площадку покатались хлысты с очередного сцепа. — Каков мастер, такова и работа.

— А это что? — Баженов тронул носком сапога сосновый ствол, на рыжей коре которого чернела цифра «32». — Да ведь это клеймо лесничества. Куренков рубит семенники. Нехорошо. — Баженов записал в блокнот: «Непременно поговорить с Куренковым». Что сказала бы Анастасия Васильевна, если бы увидела на транспортере клейменную сосну? Ему вдруг захотелось увидеть ее, поговорить, рассеять свою тоску.

Медленно ползет цепь транспортера. Откатчики скатывают распиленный хлыст на ленту. Приемщица быстро измеряет диаметр плывущего мимо нее хлыста, смоляным мелком пишет на нем цифру, а ее сотрудница торопливо записывает под ее диктовку: «Метровый баланс восемь, гидролес сорок четыре, строительный двадцать два»... Руки приемщицы так и мелькают. Зевать не приходится. «Ей, вероятно, и во сне видится транспортер, древесина, черные цифры» — подумал Баженов, наблюдая за работой бракера. Приемщица была хороша собой, с ладным станом, в аккуратной спецовке и в сапогах со стальными подковками. Она на мгновение подняла на него глаза цвета спелого терна и опять занялась своим делом.

Баженов вышел за высокие, распахнутые ворота склада. На том берегу — за полноводной рекой — усадьба лесничества. Он машинально направился к мосту. Розовый свет на домах Заречья, голубиная стая в бледном, чистом небе, вечерняя тишина. Навстречу Баженову шла женщина. Он узнал ее издали.

— Мне очень хотелось встретить вас, поговорить...

Анастасия Васильевна смотрела на Баженова с изумлением.

Он сказал то, что она приготовилась сказать ему.

Они пошли по полотну узкоколейки. За рекой сидело солнце. Небо на западе полыхало розовым заревом. Река покрылась сиреневыми и золотыми красками. Анастасии Васильевне казалось, что такого чудесного вечера никогда еще не было.

— Как ваша машина, Алексей Иванович?

— Забросил, все забросил. Не могу спокойно думать, работать... Зачем она увезла Генку? Я так просил оставить мне сына.

— Позовите ее обратно, — тихо сказала Анастасия Васильевна, терзая в руках рябиновую ветку.

— Не придет. Звал, просил... Не отвечает на письма.

Анастасия Васильевна молчала и думала о Нине: «Ей счастье дается легко, поэтому она не дорожит им».

Закат погас. От леса потянуло сыростью. В Заречье, надрываясь, пел пьяный: «Реве та стогне Днипр широкий». «Ю-хи-им! Ю-хи-им!» — звал женский голос за рекой, и ему вторило эхо. Пьяная песня оборвалась.

— Может, я во всем виноват... — покачал головой Баженов.

Руки Анастасии Васильевны оборвали последний лист на ветке рябины.

— Она, а не вы во всем виноваты, — с трудом сказала Анастасия Васильевна, не поднимая на него глаз.

До диспетчерской будки они шли молча. Песок хрустел под ногами. Загудели рельсы узкоколейки, задрожало полотно. Из лесу выплыли две светлые крупные звезды. Паровоз с натугой тянул нагруженные древесиной платформы. Из паровозной будки показалась голова Куренкова. Мастер пристально, во все глаза смотрел на стоявших у обочины Баженова и Анастасию Васильевну, смотрел до тех пор, пока платформы не закрыли их. У диспетчерской поезд остановился. «Давай на четверту-ю!» — недовольно прокричал стрелочник. Паровоз выпустил свистящую струю пара и двинулся к складу.

— Сыро становится. Возьмите мой плащ.

Баженов заботливо набросил плащ на плечи Анастасии Васильевны.

В усадьбе лесничества они сидели на скамейке. Баженов рассказывал о своей прошлой студенческой жизни. Трудное было время, но хорошее. Он оживился, повеселел.

— А знаете, что написал мне мой бывший курсант. У него не все ладно в работе. «Алексей Иванович, вы меня покрепче поругайте, чтобы я не раскисал». Я подумал: кто бы меня поругал?

— Я могу вам оказать эту услугу, — улыбнулась Анастасия Васильевна и, сменив шутливый тон на мягкий и упрекающий, добавила: — Зачем вы забросили чертежи машины? У вас так хорошо шло. Возьмите себя в руки.

Баженов задумчиво посмотрел на нее.

— Да, пожалуй, пора за дело.

Он попрощался и ушел. Анастасия Васильевна сидела на скамейке, спрятав руки в рукава шерстяной кофточки, чувствуя, как обливает холодной сыростью ее тело.

— Как я ей завидую! — сказала она тихо, с болью. — Ее здесь нет, а я ревную не меньше...

Матвеевна поставила перед дочерью кувшин с горячим топленным молоком.

— Небось, зазябла, сидевши? — осторожно начала старуха.

Анастасия Васильевна не ответила. Мать налила себе молока в чашку с синими разводами и заговорила не торопясь.

— Давеча в магазине была. Завмаг в три погибели перед директоршей и Стрельцовой. Стрельцова поглядела на меня и усмехнулась. Змея подколотная!

— Не обращай па них внимания, мама, — рассеянно сказала Анастасия Васильевна.

— Враг она тебе, Настенька, первейший. Опасаться ее надобно. Коли бы не ее язык, на поселке не болтали бы про тебя... — Старуха запнулась.

— Что, мама? — жестко спросила Анастасия Васильевна в упор.

— Бабы болтают... про тебя и главного. Часто, мол, вместе.

Анастасия Васильевна усмехнулась.

— Не сердись, Настенька. Обидно мне за тебя.

— Пусть болтают, что хотят. Ты, мама, не расстраивайся. На чужой роток не накинешь платок.

Матвеевна огорченно вздохнула.

— Господи, чего людям от нас надо? Живем мы тихо, никого не трогаем. Шла бы ты, Настенька, замуж. За мужем, что за каменной стеной. Верная защита, и кормилец верный.

— Где такого найдешь? — рассмеялась Анастасия Васильевна.

«Есть такой человек, — подумала старуха. — Не шибко образованный, как твой инженер, да зато свободный, верный человек». Но сказать дочери не набралась храбрости. Засмеет.

— Одно скажу тебе, доченька: чужая пуба — не одежда, чужой муж — не надежда. Любить чужого мужика — себя губить.

Анастасия Васильевна встала из-за стола.

— Разбуди меня, мама, в шесть утра.

Баженков долго сидел над чертежами. Уснул на диване, не раздеваясь. Всю ночь ему снился сын.

В конце недели в лесничество пришла необычная почта из Петрозаводска: Карельский филиал Академии наук приглашал лесничую на совещание ученых. Удивленная и обрадованная, Анастасия Васильевна немедленно начала собираться.

— Мою Настю в Петрозаводск к ученым пригласили на заседание,— гордо объявила с порога Матвеевна, придя в избушку Парфенова.

Но тот не преминул отравить радость старухи:

— Нашла, чему радоваться! Что твоя дочь поймет? Ты знаешь, мамаша, что такое академия?

— Ох, и недобрый же ты человек, Гаврила,— укоризненно покачала головой Матвеевна.— Такие люди, как ты, без радости живут и помирают прежде времени.

В Петрозаводск Анастасия Васильевна уезжала вместе с Баженковым.

17

В Петрозаводске, на солнечной гористой улице расположилось скромное двухэтажное здание филиала Академии наук. Совещание открылось в небольшом зале заседаний. Анастасия Васильевна с волнением оглядывала переполненный зал. Здесь собрались представители большого отряда ученых, специалистов лесной промышленности и лесного хозяйства. Здесь она услышит их веское слово. Она будет знать, что ей делать дальше.

Места в президиуме заняли ученые и представители советских и партийных организаций. Председатель Президиума Верховного Совета Карельской республики — седой крупный мужчина — смотрел в зал спокойными изучающими глазами. Таким Анастасия Васильевна видела его на портретах.

На кафедру поднялся первый докладчик, ученый филиала, мужчина средних лет, атлетического сложения,

с крупной красивой головой. Говорил он рокочущим басом, нажимая на букву «р», изредка жестикулируя. Анастасия Васильевна жадно слушала. Он говорил о возможностях лесной промышленности, о требовании Девятнадцатого съезда партии осваивать новые лесные районы, о Карелии, ее большом удельном весе в лесной промышленности страны. Анастасии Васильевне виделось, как в тайгу приходит мощная техника и срубленный лес потоком устремляется во все концы Советского Союза. Карельский лес — это не только древесина, но и суда, стандартные дома, бумага, целлюлоза, лыжи, мебель. С какой молниеносной быстротой будут вырубаться леса Карелии! Что от них останется через два-три десятка лет, если положение в лесном хозяйстве не изменится? Запасы леса, особенно в южной части республики, уже сейчас заметно поубавились. Конечно, ученые-лесоводы забьют тревогу и, конечно, они скажут сейчас, что они предлагают для восстановления леса на вырубках... Это то, что больше всего волнует ее и всех работников лесничеств.

Анастасия Васильевна старалась не проронить ни слова и тщательно записывала основные мысли доклада.

Председатель президиума предоставил слово кандидату сельскохозяйственных наук из института леса Академии наук в Москве. Кандидату наук вероятно, за пятьдесят, борода лопаточкой цвета меди с солью, глаза — черные подвижные жучки. Энергичный жест тонкой кисти руки сопровождал быструю речь. Его доклад назывался: «Основные направления и проблемы научно-исследовательских работ в области лесного хозяйства таежной зоны СССР». Что скажет этот бодрый человек с бородой старца и голосом юноши? Она ждала от него откровений. Он говорил о перебазировании заготовок в многолесные районы на Север, в Сибирь, на Урал, в Карелию, в так называемые леса третьей группы, о связи интересов лесного хозяйства и лесной промышленности, о правильном использовании лесных богатств, о восстановлении лесов, улучшении их состава, защите лесов от пожаров, говорил красиво, правильно, но чем больше Анастасия Васильевна его слушала, тем сильнее росло ее недовольство докладом. Ученый делает энергичные ударения на словах «мы должны», подкрепляя их легким пристукиванием кулака по кафедре. «Мы должны иметь точные сведения о лесоустройстве. Мы должны изучить природу северных

лесов. Мы должны изучить климат таежной зоны. Мы должны изучить почву. Мы должны изучить сосну и ее плодоношение на концентрированных вырубках. Мы должны разработать вопросы очистки лесосек, влияние тракторной трелевки на подрост и почву. Мы должны активно содействовать лесовозобновлению путем механической подготовки почвы...» И еще десятки подобных «должны» сыпались с кафедр.

— Должны! — невольно громко вырвалось у Анастасии Васильевны. На нее оглянулись. Она смущенно склонилась над тетрадью, куда заносила некоторые положения доклада.

Ей представился выступавший в Москве, в лаборатории, среди книг, карт, бесшумных лаборантов, сосредоточенный, углубленный в свои научные исследования. Ученые всегда казались ей особенными людьми. Она питала к ним почтение и нечто похожее на чувство благоговения. Конечно, кандидат знал не только свою лабораторию, кабинет и столичную жизнь. Он, безусловно, бродил по лесам, в дождевике и сапогах, почевал в палатках, а то и просто у костра, жарил на вертеле боровую дичь на ужин. Она смотрела, как его указка энергично путешествовала по многочисленным картам и схемам, развешанным на стенах у кафедры, раздумывая над его словами. Запас древесины возрастает с севера на юг? Ясно! Карельские леса богаче Мурманских и Архангельских и Коми? Безусловно! Приезжайте в Хирвилахти, посмотрите на штабеля древесины на складах, полюбуйте поездами, увозящими наш лес во все концы Родины. Недаром совещание собралось в скромной столице лесной республики. И откуда только ни приехали сюда гости! Восточная Сибирь, Урал, Казань, Москва, Ленинград, Западная Сибирь, Белоруссия, Архангельск, Коми АССР, Латвия, Эстония, Дальний Восток. Пожалуй, никогда еще этот небольшой зал заседаний не видел в своих стенах столько людей науки. Не каждому лесничему удалось попасть на такое важное совещание... Анастасия Васильевна снова заставила себя слушать. — «Мы должны позаботиться о реализации наших планов. Мы еще мало делаем для производства, но практические работники и этого малого не используют. Содружество науки и производства должно быть тесным», — с подъемом закончил докладчик. Ему вежливо похлопали. Он быстро собрал свои бумажки, молодо сбежал

с кафедры и с довольным видом сел за стол президиума. Поблескивая глазами, он что-то зашептал на ухо седому и нахмуренному председателю с депутатским значком на лацкане черного пиджака. Председатель слушал, кивая головой, потом поднялся и объявил фамилию следующего докладчика.

Анастасия Васильевна вырвала листок из тетради, написала крупными, косо падающими буквами: «Если вы сами признаете, что «должны изучить... разработать... активно содействовать», то что мешает вам осуществить ваши намерения? Мы — практики — ждем ваших указаний. В лесничествах дело обстоит очень плохо». Она сложила записку, надела фамилию и передала записку впереди сидящему молодому человеку в спортивной куртке. Тот положил ее на стол перед председателем. Только что выступавший ученый прочитал ее послание, собрал морщины на лбу, посмотрел туманно-черными глазами в зал и спрятал записку в боковой карман пиджака. Анастасия Васильевна ждала ответа на свою записку до конца совещания, но так и не дождалась.

Участников совещания отвозили в гостиницу на машинах. Анастасия Васильевна с Баженовым ждали своей очереди у подъезда. Со стороны озера веял свежий ветер. По улице шли прохожие, у светлого здания кинотеатра «Сампо» толпилась молодежь.

— Каковы ваши впечатления? — равнодушно спросил Баженов. Он смотрел в сторону, казался усталым.

— Пока еще очень неопределенные, Алексей Иванович. Пытаюсь переварить все, что слышала с кафедры.

Анастасия Васильевна проследила глазами за подъехавшим зимом, в который садился кандидат наук из Москвы. Зажав пухлый новенький портфель под мышкой, он юркнул в машину, мелькнув лапами серого макинтоша.

Площадка у подъезда опустела. Они остались ждать машину.

Баженов порылся в карманах своего синего плаща, достал портсигар, молча закурил, сбивая пепел в урну. Он явно не хотел поддерживать разговор.

Анастасия Васильевна украдкой наблюдала за его лицом.

— Вы чем-то обеспокоены, Алексей Иванович?

— Нисколько, — сухо ответил он.

Анастасия Васильевна пожалела о своем вопросе. Но что с ним? Как плохо он настроен,— с тревогой думала она.

Баженков посмотрел в даль улицы, на подходивший зим:

— Кажется, ковер-самолет за нами...

Предстояло два дня напряженной работы на секциях. Анастасия Васильевна по-прежнему внимательно выслушивала каждое выступление, стараясь не упустить ничего полезного для себя.

Большое впечатление произвел на нее доклад известного ученого-лесоведа из Ленинграда.

Большелобый, с пышной седеющей бородой, в сером старомодном костюме, он говорил резким тонким голосом, немного картавя.

Седые вьющиеся брови то взлетали наверх, то падали на сухие веки. При его появлении на кафедре все оживленно заулыбались. Профессор не держал перед собой никаких бумажек. Он говорил быстро, раздражительно.

— На вырубках береза, ольха, осина вытесняют сосну и ель. Десять процентов площадей вырубок совершенно не возобновляется. Это относится и к Карелии, товарищи. В соответствии с директивами Девятнадцатого съезда партии лесозаготовки перебазируются в таежные районы, а это значит, что площади вырубок возрастут. В нашей среде бытуют взгляды: «Лесные ресурсы страны неистощимы». Явное прсувеличение! Спелых и перестойных деревьев хватит рубить лет на сто. Согласен. Но мы должны думать о расширении производства сейчас, мы должны думать о будущем.

Профессор отпил глоток холодного чаю и продолжал в повышенном тоне, словно сердясь на кого-то.

— Процесс возрождения леса на вырубках затягивается. Площади заболачиваются. Происходит смена пород. Ни осина, ни береза не являются породами, равноценными сосне и ели. Сохранение семенников на вырубках часто не обеспечивается. Иногда лесозаготовители, ничтоже сумняшеся, вырубает куртины, хвойный молодняк. Молодняк гибнет под гусеницами тракторов, отдельные семенные деревья губит ветровал. Всю эту неприглядную картину я видел в наших лесах собственными

глазами. За примерами далеко ходить не надо. Карелия. Я часто здесь бываю.

Анастасия Васильевна жадно слушала. Сколько в нем огня, темперамента! Наверное, ему за семьдесят, а горяч, как юноша. Такой ученый не засидится в тиши кабинета и в сто лет.

Профессор поставил и тот вопрос, который недавно принес столько неприятностей Анастасии Васильевне — вопрос о куртинах.

— Леспромхозы предъявляют нам справедливые претензии в отношении семенников. Наши обсеменители часто создают неудобства для процесса лесозаготовок, к тому же лесозаготовители теряют ценной древесины более четырех процентов.

«Вот тебе и раз! — подумала Анастасия Васильевна. — Хорошо, что Алексей Иванович не слышит. Припомнил бы он мне куртину! Но, что же вы предлагаете, профессор?»

— Мы должны помочь молодому лесу подняться. Лесные культуры без больших затрат ручного труда...

Анастасия Васильевна ловила каждое слово ученого. Он говорил о широкой механизации лесного хозяйства, называл орудия рыхления почвы: плуги одноотвальные, двухотвальные, навесные, фреза, якорный и ротационный иокровосдиратели. Сколько, оказывается, есть лесных машин! Где же они?

— Почти все эти орудия, можно сказать, уникальны или имеются в ограниченном количестве, — продолжал докладчик. — Жизнь не ждет. Я предлагаю... — И профессор, все больше горячась и переводя голос на самые высокие ноты, стал объяснять, в чем состоит задача сегодняшнего дня по развитию лесокультур.

— Здорово разбирается! Его бы директором нашего лесхоза, — восхищенно сказал за спиной Анастасии Васильевны знакомый ей помощник лесничего, задиристый молодой человек с усиками.

— Болеет за наше дело, — коротко подтвердил его вихрастый товарищ.

«Верно! — пронеслось в голове Анастасии Васильевны. — Профессор говорит с болью, с возмущением, горечью и злостью. Он не бесстрастен и не равнодушен к судьбе леса, как некоторые его коллеги».

Профессор заговорил об аэросеве. Аэросев хвойных — вещь прекрасная, но аэросев годится только на свежих

вырубках и гарях. На старых участках, где почва покрывалась сорняками, сеянцам не взрасти. Аэросев нужно производить сразу, как только лесозаготовители ушли с участка, пока почва не утратила своих свойств.

Анастасия Васильевна видит свое лесничество, свежие пустыри с черными волоками и кострищами. И над ними — самолет. Она слышит рокот мотора, видит, как ба лесную землю падает золотой дождь семян. В мечтах можно перенестись на пятьдесят-сто лет вперед. Это во власти человека. Ей видится на месте вырубок дремучий бор, таинственный, чудесный. Его вырастили люди. Зеленый памятник двадцатого века.

Профессор повернул сердитое лицо в сторону кандидата наук из Москвы:

— А с вами, уважаемый коллега, я не согласен. Вы в своем докладе начисто отменяете семенные хозяйства.

— Вы меня не совсем верно поняли, профессор, — не очень уверенно возразил кандидат с места.

Профессор продолжал говорить. Зал слушал ученого тихо, внимательно, не пропуская ни одного слова. Он знал все леса страны и говорил о них, как о местах близких и родных. Зал понимал: все свои силы и знания ученый отдал лесу, всю свою жизнь посвятил любимому делу.

Профессор, гремя стулом, сел за стол президиума и, нахохлившись, как воробей, уткнулся в свои бумаги. После мгновенной тишины весь зал вдруг разразился аплодисментами. Особенно неистово хлопали в ладоши последние ряды, где сидели производственники, представители лесничеств. Профессор поднял большелобую голову, смотрел в зал глубокими темными глазами, пышная серебряная голова с чернью придавала его выразительному лицу какую-то особенную красоту. Анастасия Васильевна аплодировала вместе со всеми. По улыбающимся лицам участников конференции она видела, что профессора многие знают, любят и уважают, а если не знают, как она, — то люди почувствовали в его речи ученого горячую, страстную защиту «зеленого друга», большое беспокойство о судьбах леса — источника народных богатств. «Он сказал, что часто бывает в Карелии. Вот бы приехал он в наше лесничество. Как бы мы его встретили!» — подумала Анастасия Васильевна с глубоким уважением к выступавшему.

Председатель объявил очередной перерыв.

Анастасия Васильевна взяла в буфете стакан чаю. Два старика в парадной форме директоров лесхоза — темно-синих двубортных пиджаках с пятью звездочками в петлицах — пили за соседним столиком лимонад. У окна, тесно сгрудившись над пивными бутылками, спорили молодые люди в форме помощников лесничих. Черноглазый парень с пушистыми усиками, в новеньком черном кителе и брюках бриджи громко говорил товарищу, вихрастому, как мальчишка, с озорными глазами:

— Мы — стреляные воробьи! Видали виды. На своем горбу испытали трудности. Твое лесничество под Петрозаводском. Ты — дачник. А вот поработай в Кестеньге, не то запоешь.

Ругали в один голос какого-то Петьку Кульбаша: «Переметнулся в леспромхоз. Шкурник, за длинным рублем погнался».

В фойе помощники лесничего окружили плотным кольцом аспиранта филиала Академии наук — такого же молодого, как они, с огненно-рыжими волосами, густыми, как непроходимая тайга.

Аспирант сделал на совещании интересное сообщение об использовании химических средств для борьбы с сорняками в лесу. Несколько килограммов химиката на гектар вырубки, и хвойный молодняк растет без помехи. Тот, что с усиками, задорно насккивал на аспиранта:

— Что нам ваш опытный участок? Изобрели химикаты, давайте нам и в лесничества. Мы сами сумеем их применить... Приезжайте, увидите.

Анастасия Васильевна поддержала своих товарищей:

— Верно. Научные открытия дальше лабораторий или опытных лесхозов не идут. Почему?

— Дайте срок,— качнул буйной шевелюрой аспирант, и его глаза цвета бутылочного стекла блеснули задорно и самоуверенно.

— Все сроки давно прошли,— возразила Анастасия Васильевна.

— Вот именно! — подхватил помощник лесничего с усиками.— Мы с сапками-тыпками да косой воюем с сорняками. Техника времен царя Гороха, а достижения науки двадцатого века нам недоступны.

Спасительный звонок, означавший конец перерыва, избавил аспиранта от наседавших на него собеседников.

После перерыва председательствующий предоставил слово Погребницкому. Анастасия Васильевна удивилась: Погребницкий? Так вот, оказывается, кем он стал? Как высоко он поднялся! Он выступает с научным докладом на совещании всесоюзного значения. Кто же он? Кандидат наук, специалист лесного хозяйства?

Погребницкий медленно поднялся на кафедру, положил перед собой голубую папку и объявил, что он приехал на совещание с поручением прочитать доклад заболевшего профессора Окуневского.

Ах, вот что!— Анастасия Васильевна усмехнулась. С каким вдохновением он читает чужой труд! К чему эти актерские интонации, жесты? Она не вникала в смысл доклада, она смотрела на его приторно-красивое лицо и вспомнила войну, эвакуацию, сибирский городок. Погребницкий тогда заведовал питомником и отпускал ей саженцы для озеленения городка. Прошло почти десять лет, и он мало изменился. Вчера встретила с ним в фойе. Он шел ей навстречу, не узнавая ее. Она поздоровалась первая и напомнила о себе. «Ах, это вы? Какими судьбами вы здесь? Как же, помню, помню... Хотя вы, признаться, очень изменились»... Как списходительно он разговаривал с ней, оглядывая ее с ног до головы!

Погребницкий закончил чтение, плавным жестом закрыл папку, с медлительной важностью прошел к своему месту возле рояля, показав всему залу, как ловко сидит на нем дорогой костюм песочного цвета.

Кто-то сказал за спиной Анастасии Васильевны: «Зачем это все? Доклад можно было размножить на стеклографе и раздать делегатам».

Из президиума на кафедру поднялся ученый из Архангельска. Высокий, худощавый, с крупным лбом и светлыми холодноватыми глазами, в безукоризненном черном костюме, он держался уверенно, голос его звучал красиво, но ровно, без взлетов. Мысли свои ученый излагал ясно, просто. Мягкой, неслышной походкой он спускался с кафедры в зал к картам и схемам, иллюстрирующим тезисы доклада. Он поднял тему, очень близкую Анастасии Васильевне, волнующую ее. Речь шла о рубках и возобновлении леса в таежной зоне. Таежная зона — это поле битвы. Но если бы в жизни было все так гладко, как в докладе! Речь его текла, как полноводная река в безветренный летний день. Пожилой ученый, сидевший впереди

Анастасии Васильевны, сказал своему соседу: «Около ста научных трудов. Скоро в академики. Уверен». — «Сто научных трудов!» — ахнула Анастасия Васильевна.

Затем выступил профессор из Белоруссии с темой: «Методы исследования хода роста и состояния перестойных деревьев в Карельской республике». Анастасии Васильевне было ясно: речь идет о старожилах леса, могучих соснах и елях, вызывавших восхищение лесорубов — вот где кубики! Ну, а дальше? О чем говорит профессор, розоволицый, гладковыбритый, с косым пробором тусклых темных волос?

В водной части доклада профессор высказал ясную до предела мысль: директивы Девятнадцатого съезда партии о перебазировании лесозаготовок в многолесные районы требуют углубленного и всестороннего изучения запасов древесины в лесах. Казалось, чего проще! В Карелии надо учесть запас «зеленого золота». Профессор добросовестно и подробно объясняет, как это делается. Диаграммы, таблицы, математические выкладки. Шуршит бумага, ровный бесстрастный голос посылает в зал цифру за цифрой, и кажется, однообразному жужжанию и цифрам не будет конца. Ионстине, темный лес, как выразился вчера Алексей Иванович, а она, простая лесничая, силится что-то понять? Сиди, милая, спокойно!..

Анастасия Васильевна наблюдала за сидящими в зале. У многих на лицах была явная скука, равнодушие, томление. Некоторые дремали, а у окна старичок в форме директора лесхоза сладко спал. Председатель слушал с ровным почтительным вниманием, украдкой посматривая на ручные часы. В президиуме перешептывались, передавали друг другу записки, тихо улыбались. Две stenografistki, сидевшие впереди кафедры, бойко строчили, не поднимая головы от бумаг. Анастасия Васильевна усиленным воли заставила себя слушать доклад. Брови ее были сдвинуты.

Досада, разочарование, недовольство овладели ею. Пусть она не понимает сугубо-научных докладов о лесе, но она знает лес, запущенные вырубki. Встать бы сейчас и сказать залу: «Товарищи, поедem в наше лесничество. Вы потеряете день, но вы увидите, как мы живем, работаем, как боремcя за лес, за зеленого друга. Он просит вашей помощи. Научите нас, работников лесничества, понастоящему выращивать новые леса».

С кафедры, кружась, упал лист бумаги. Профессору подали лист, он поблагодарил, и опять в зал понеслось тихое жужжанье.

Все с облегчением вздохнули, когда закончился странный доклад. В зале раздались запоздалые жидкие хлопки. Профессор сел на свое место и, придерживая на коленях папку с тезисами, устало прикрыл глаза.

Анастасия Васильевна многого ждала от прений. Наверное, выскажутся товарищи, выльется все, что на душе наболело. И что-то, все-таки, решится...

И вот наступил последний день совещания. Начались прения. И опять ученые один за другим выходили на трибуну и спорили по теоретическим вопросам.

Анастасия Васильевна мало понимала в их спорах. Ее товарищи по профессии — лесничие из Медвежьегорска, Кестеньги и Ухты, с которыми она познакомилась в гостинице, — сидели с лицами скучными, явно разочарованными. Так далеки были споры ученых от жизни лесничеств.

Но вот слово получил представитель Главного управления лесного хозяйства. «Практики заговорили», — подумала Анастасия Васильевна, молчаливо обменявшись взглядом с лесничим из Кестеньги. Немолодой человек с резко очерченным профилем и большими залысинами на лбу быстро поднялся на кафедру. Он крепко ухватился жилистыми руками за крышку кафедры и подался вперед.

— Товарищи! Через три-четыре года мы будем вырубать огромные территории. Как восстанавливать леса? Поезжайте по южной Карелии — в Прионежье, на Ведлозеро, Олонец. Четвертая часть вырубок превратилась в пустыню, а из возобновившихся лесов — почти три четверти лиственные. А нам нужны хвойные леса. Как решить проблему восстановления? Костриша, лесные культуры, аэросев — вот пути выращивания нового леса. Объем этих работ надо утроить. Рабочих в лесном хозяйстве нет. Нужны машины, а на совещании о технике ни звука.

Почему в нашем хозяйстве до сих пор не появился якорный покровосдиратель? Ведь это орудие давно изобрели сотрудники научно-исследовательского института в Ленинграде.

Анастасия Васильевна черкнула в тетрадке: «В Ленинграде узнать».

— Товарищи ученые, дайте нам, практическим работникам, дельные советы, где и как производить лесовозобновление. Вопрос серьезный. Дальше. Нам нужно широко развивать аэросев. Решите и эту проблему. Леспромхозы стремятся вырубать защитные зоны вдоль Онежского, Ладожского озер, рек и каналов и сплавных путей. Мы запрещаем, а они говорят: «Надуманно, необоснованно, отсебятина — ваши запретные полосы». Пусть наука скажет свое слово... Далее: некоторые ученые считают, что недорубы могут обсеменить вырубки. Мы, практики, в данном случае, с учеными не согласны. Недорубы — это осина, береза, неполноценные, фаутные сосна и ель. Какие же это источники обсеменения? От худого семени не жди хорошего племени...

Анастасия Васильевна внимательно слупала оратора. Президиум не отрывает глаз от выступающего. В зале ни кашля, ни скрипа стульев. Не только содержание, но и интонации голоса представителя управления заставили всех напряженно слушать. Тут было и возмущение, и упрек, и просьба, и требование...

— Мы, практики, понимаем содружество с наукой, как действие, — закончил свое выступление представитель управления.

В зале стояла тишина. В президиуме тихо переговаривались.

— Вот именно, как действие! — слишком громко сказал директор лесхоза, тот самый, что пил в буфете лимонад с таким же пожилым, как он сам.

— Можно мне слово? — послышался из глубины зала чей-то робкий голос.

На кафедре появился седой, морщинистый мужчина. Назвав себя директором одного из лесхозов северного района Карелии, он одернул парадный китель, медленно вынул из футляра очки, водрузил их на крючковатый нос и стал похож на доброго старого учителя. Вот сейчас он заговорит мягко, неторопливо: «На прошлом уроке мы с вами...»

Но неожиданно для всех директор заговорил с горячей болью, обидой и осуждением. Он в тупике. Управление и министерство ничем не могут помочь. Как быть дальше? Мириться с существующим положением, работать и не думать о будущем? Ждать директив? Ждать машин, помощи ученых в улучшении пород леса? Или не

лезть вперед и жить спокойно? Но он уверен, что армия лесоводов не может оставаться равнодушной к судьбам леса в Карелии. Да и не только в Карелии. Во всей стране. Положение в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке не лучше. Все ли ученые видели лес после рубки? Видели ли они, что оставляют после себя лесорубы? Пространство, зарастающее лесными сорняками, и на тысячах гектаров вырубок рождаются болота.

«Да, он говорит то, что я думаю! Если бы наш Зайцев был таким», — подумала Анастасия Васильевна, пропикаясь к нему симпатией.

Директор отпил из стакана воды, аккуратно вытер рот платком и продолжал:

— Если бы в каком-нибудь колхозе оставили весной поля необработанными и не посеяли хлеб, все забили бы тревогу: и сельсовет, и райисполком, и райком партии, и, наверное, здесь, и в Центральном Комитете стало известно... Как же! Не посеять хлеб! Неслыханное дело. А на вырубки в лесу все смотрят спокойно. В министерстве сельского хозяйства, которое ведает нашими лесами, нам, лесоводам, говорят: «Лесничество — не колхоз, беспокоиться нечего, лес сам по себе растет, а вот хлеб надо посеять».

— И леса надо сеять, — произнес кто-то в зале, воспользовавшись наступившей паузой.

— Но, чтобы на голом месте вырос новый лес, его тоже надо посеять, — продолжал директор, обращаясь к президиуму. — Мы оставляем семенные деревья, их валит буря, мы отводим куртины — в них залезают с топором лесозаготовители. Все время идет война с лесорубами. Тракторы и лебедки мнут и ломают молодняк. Конечно, никто из лесоводов не восстает против механизации лесозаготовок, но дайте и нам машины, освободите нас от лопат и мотыг. Каждый год мы вырубам в Карелии лес на площади, равной Крыму, а новый выращиваем крохами.

— Вы к нам приезжайте, посмотрите наше хозяйство. Похвалиться нечем, — с горечью произнес он и устало сел на свободный стул в первом ряду.

«По всей Карелии картина одна и та же», — подумала Анастасия Васильевна, спускаясь по лестнице в гардеробную.

Здесь ее ждал Баженов.

— Признаюсь, я устал. Столько докладов. А вы еще что-то записывали? — Баженов кивнул головой на тетрадь Анастасии Васильевны, которую она держала в руках. — Руководство к действию?

Он шутил, улыбался, но глаза его оставались невеселыми.

— Ждала я, Алексей Иванович, от совещания большего. В сугубо-научных докладах мне трудно разобраться, судить о них не берусь, но сами ученые признаются, что сделали для нас мало. Лесная наука, мол, отстает от запросов производства, все еще в долгу перед практиками. Хочется сказать ученым: «Так не отставайте, товарищи! Все зависит от вас».

— Слава богу, что я не лесовод, — усмехнулся Баженов, подавая ей пальто. — Мы, лесорубы, говорили о конкретном. Наши ученые связаны с жизнью, с нами, производственниками. Все их доклады были интересны. Нам наука помогает в осязуемых формах: техникой, практическими советами. Наш союз с учеными дает материальные результаты: кубометры древесины. Завидуйте нам, товарищ лесовод.

— Давно завидую, — принужденно улыбулась Анастасия Васильевна. — Вы держитесь на ногах твердо. Ученые лесной промышленности, изобретатели — частые гости в леспромхозах. А вот к нам в лесничество редко кто из ученых наведывается. В прошлом году, например, приезжал в Хирвилахти работник сектора леса филиала Академии наук, но делами лесничества он не интересовался. Он собрал материал для диссертации и уехал. Какая же нам польза от таких ученых?

— Вот если бы побольше было таких ученых, как профессор из Ленинграда. Какой чудесный доклад, вернее, не доклад, а проникновенную речь сказал он о лесе! Жаль, что вы не слыхали...

У подъезда стояла вереница машин. Они заняли места в одной из них. К машине подошел Погребницкий. Водитель распахнул перед ним дверцу кабины. Погребницкий хлопнул дверцей, уселся, не оглядываясь назад. Машина, зашипев, мягко тронулась, через минуту набрала скорость и понеслась по улице.

Когда машина подошла к гранитной обочине у розового здания гостиницы, пассажиры встретились лицом

к лицу. Увидя Баженова, Погребницкий изобразил на своем лице нечто вроде приятного изумления.

— О, Алеша! Оказывается, мы с тобой сходили в одной машине? — Он мягко, почти ласково улыбнулся, сияя золотыми коронками. — Ну, Алексей, совещание закончилось, теперь мы можем с тобой поговорить.

— После, — угрюмо пробормотал Баженов.

«Они знают друг друга?» — удивилась Анастасия Васильевна.

Погребницкий открыл перед ней тяжелую дверь подъезда. Поднимаясь по лестнице, он бесшумно касался черными ботинками красной ковровой дорожки, прихваченной к лестнице медными прутьями, сбоку поглядывал на Баженова. Погребницкий не хотел отпускать «старых друзей», как он называл их.

— Вы должны со мной поужинать.

Баженов попробовал сослаться на усталость, но Погребницкий пропустил пальцы ему под руку и взял за локоть, сказав, что ни за что не отпустит. Так он и довел его до высокой двери, облицованной карельской березой. У себя в номере он усадил Анастасию Васильевну в кресло, а сам расположился на стуле перед зеркалом, изредка посматривая на себя. Дорогой костюм песочного цвета сидел на нем безукоризненно.

— Совещание замечательное, друзья. Столпы науки! Звезды первой величины. Алексей, ты видел, кто сидел в зале? — Погребницкий, захлебываясь, перечислял фамилии ученых, их труды и кафедры. Баженов молчал. Анастасия Васильевна слушала, внимательно глядя на обоих.

— Ну, старина, — Погребницкий коснулся рукой колена Баженова. — Рассказывай, как живешь, работаешь? Что твоё изобретение? Подвигается или забросил свой лесной комбайн?

В широких, с холодноватым блеском глазах Погребницкого отразилось скрытое торжество. Они говорили: «Я знаю: ты всегда презирал меня, но преуспеваю я, а не ты».

В разговоре с Погребницким Баженов избегал какой бы то ни было формы обращения. Впрочем, он не был в особенном затруднении. Погребницкий говорил почти все время один: о себе, о своих успехах.

— Работаю над диссертацией, как вол. Не считаюсь с временем, здоровьем. Хочу принести посильную пользу

науке, народу. В этом вижу смысл своего существования. Диссертацию будет рецензировать профессор Окуневский. Ты помнишь его, Алеша? Он чертовски строгий судья. Да, я очень устал за последний год. С сердцем нехорошо. — Погребницкий положил руку на грудь, розовое, упитанное лицо его на мгновение опечалилось. — У нас в Ленинграде инфаркт буквально косит людей среднего возраста. По-внятно. Война, блокада... Нервная система распатана...

Анастасия Васильевна с усмешкой подумала: «Война, блокада тебя, голубчик, не коснулись. Ты очень сытно и тепло жил в эвакуации, в глубоком тылу. Я-то знаю.» Она спросила, о чем он пишет диссертацию.

— Тема прозаическая, но вам, лесоведам, очень пужная. О корчевании пней.

Принесли ужин. Баженов взял стакан чаю. Погребницкий ел с аппетитом ветчину с горошком, пирожки, сыр. Чай он помешивал собственной серебряной ложечкой.

— Зря ты, старина, отказался от Ленинграда, — мягкая улыбка тронула розовые губы Погребницкого, но глаза его оставались холодными. — Я понимаю, производство дает тебе некоторый материал, наблюдения и прочее, но наши конструкторы не покидают научно-исследовательские институты, чтобы на всю жизнь поселиться в лесных дебрях. У нас есть экспериментальные базы в Ленинградской области. На Мшинской — прекрасный леспромхоз, на Сиверской — опытный лесхоз. Зачем ты уехал за тридевять земель? Что тебе взбрело в голову добровольно изолироваться от научного мира? С кем ты советуешься? У кого консультируешься? Не понимаю я тебя, Алеша, хотя мы с тобой давние друзья. Как говорится: пуд соли вместе съели.

«Ах, вот оно что! Они — давние друзья» — мелькнуло в голове Анастасии Васильевны.

Баженов выбирал папиросу из портсигара и молчал. Его мучила мысль о жене, ее отношениях с Погребницким. Недавно в Хирвилахти приезжали два инженера, его бывшие сокурсники по академии. Они занимались реконструкцией транспортера эстакады, жили у него в доме и довольно прозрачно намекнули ему на то, что Нина проводит время в обществе Погребницкого. Их видели вместе в театре, в ресторане. «Неужели правда?» — думал Баженов, с трудом подавляя нараставшую в нем злобу и ненависть к этому самодовольному человеку, который с такой

развязностью называет его «старинной», «приятелем». В Ленинграде он надеялся примазаться к его изобретению. Метил в соавторы. И сейчас не оставляет этой мысли. Недаром так назойливо уговаривает его вернуться в город.

— Друзья, вы ничего не едите. Анастасия Васильевна, пожалуйста.— Погребицкий придвинул госте тарелку с пирожными.— Алеша, друг мой, если решишь с Ленинградом, я помогу тебе. Я знаю, какие пужно нажимать кнопки, чтобы перед тобой открылись заветные двери.

Анастасия Васильевна смотрела на Погребицкого. Руки белые, ногти отполированные, на безымянном пальце — массивное золотое обручальное кольцо. Женат... Но кто сейчас носит кольцо? Почему Алексей Иванович молчит? Почему не расскажет «приятелю» о своей работе над машиной? О Куренкове, Пете Захарове? Почему не возразит? Ведь он не изолировался от научного мира. Ему помогают ленинградцы из академии, из треста. Она-то знает, он сам рассказывал ей.

Погребицкий доел пирожное, вытер рот салфеткой, взял папиросу из раскрытого портсигара Баженова.

— А ты, Алеша, изменился за последнее время. Не то похудел, не то постарел. Где собираешься проводить отпуск? В Ленинграде?

Баженов медленно поднял глаза на Погребицкого.

— Возможно, в Ленинграде. Еще не решил.

— А я закончу диссертацию и покачу на юг. Мы... я,— поправился Погребицкий,— хочу па Черное море. В Крым или на Кавказ.

Погребицкий усмехнулся краешками губ и как-то странно посмотрел на Баженова.

— Извините.— Баженов резко поднялся.— Я должен покинуть вас. Я устал за день, хочу отдохнуть.

«Что с ним такое делается?»— терялась в догадках Анастасия Васильевна.

Баженов, не прощаясь, пошел к двери.

— Алеша, ты вправе сердиться на меня, но поверь...— начал Погребицкий, идя вслед за товарищем.

Анастасия Васильевна слышала, как он что-то говорил Баженову за дверью. Вскоре он вернулся растерянный, смущенный.

— Я понимаю, — заговорил он притворно-участливым голосом. — Ему тяжело. А кто виноват? Сам. Мне его жаль, как близкого друга. Но нельзя с головой уходить в работу... Семья требует внимания.

Анастасия Васильевна молчала, удивленная всем происходящим.

— Алексей самолюбив... Я понимаю его состояние и прощаю ему резкость... грубость... Но перед ним я не виноват. Нина Петровна сама сделала выбор.

«Ах, вот оно что! — внутренне поразились Анастасия Васильевна. — Нина уехала к Погребницкому!»

Она встала:

— Пожалуй, мне пора.

Погребницкий ее не удерживал.

Лежа на жесткой кровати в своем номере, Анастасия Васильевна долго не могла успокоиться. Нина ушла к Погребницкому, к этому самодовольному позёру. Променила Алексея Ивановича на пикетного человека. Как же! Погребницкий пишет диссертацию, он будет ученым. Ученым!

Анастасия Васильевна усмехнулась. Она вспомнила Сибирь, Погребницкого на посту заведующего питомником, свои столкновения с ним. «Украшать город в войну акациями и березами? — говорил он, когда она настаивала на озеленении улиц. — Запомните, мы здесь, в тылу, работаем только для фронта. Витамины, черная смородина, — вот наша задача». Но черная смородина ловко уходила из его рук на рынок. «Нашла героя!» — с злой иронией подумала она о Нине.

Анастасия Васильевна глубоко вздохнула. Алексей Иванович любит жену. Ему больно... Он так близко сейчас, всего в нескольких шагах. Прийти бы к нему в эту минуту, утешить, сказать ему, как он ей дорог. Только она одна понимает, что творится сейчас у него на душе...

Баженов не сразу понял, что такое он услышал от Погребницкого. Он не помнил, как очутился в своем номере. Голова у него кружилась. Он опустился на диван и долго сидел в оцепенении. Зазвонил телефон. Баженов вздрогнул, подошел к аппарату, поднял трубку и опустил ее на рычажок, добрал до дивана, лег. По коридору ходили, разговаривали, хлопали двери номеров, потом все затихло. Баженов машинально потянулся за папиросами, закурил. В пепельнице росла гора окурков. По номеру

плавали клубы синего дыма. Перед ним в табачном дыму носился образ Нины, насмешливый, дразнящий, желанный. Он задыхался от ревности, злобы, ненависти. Как она могла? Он вспоминал прошлое, первый год своей жизни с ней. Погребичкий был частым гостем в его доме, возил Нину на прогулки, в театр, а он так слепо доверял жене. Может, уже тогда она обманывала его и вместе с любовником смеялась над его простодушием, доверчивостью?

Всю ночь он не сомкнул глаз.

Днем Баженов пришел к Анастасии Васильевне в номер сказать, что он остается в Петрозаводске по делам леспромхоза дня на два.

— А это вам на память о совещании.

Он преподнес ей большую книгу в добротном переплете.

— «Калевала»? Спасибо, Алексей Иванович. Я давно хотела приобрести эту книгу.

— Прочтите из второй песни о севе леса в Карелии.

Анастасия Васильевна нашла нужную страницу, прочитала вслух:

Засевает он прилежно
Всю страну и все болота,
Все песчаные поляны,
Каменистые равнины.

На горах он сеет сосны,
На холмах он сеет ели,
На песках он сеет вереск,
Сеет кустики в долинах.

Сеет он по рвам березы,
Ольхи в почве разрыхленной
И черемуху во влажной,
По местам пониже — иву,

На болотистых — ракиту,
На святых местах — рябину,
На песчаных — можжевельник
И дубы у рек широких...

— Чудесно! — воскликнула Анастасия Васильевна.

— Вайнямёйнен знал лесоводство не хуже наших ученых, — пошутил Баженов. — Герой Калевалы занимался

делом. Он не ездил на совещания, не писал диссертаций, не получал повышенных окладов. Он работал. И с каким знанием дела! «На горах он сеет сосны... Сеет он по рвам березы...» А вы, товарищи-лесоводы, занимаетесь разговорами. Разве не так? Сколько людей получило и получает ученые степени благодаря лесу. Лес их кормит. Пора бы ученым отдать лесу должок.

Анастасия Васильевна слушала Баженова, чуть прищурив глаза.

— Перед лесом, Алексей Иванович, мы все в долгу. Разве только вот такие ученые, как профессор из Ленинграда, я вам о нем уже говорила,— оплатили лесу свой долг сполна. Вся их жизнь была посвящена лесу, их наука не оторвана от практики. Честь им и слава. Ими мы гордимся, на них наша надежда. А вот такие ученые, как профессор из Белоруссии, чувствуется, что они заперлись в своих кабинетах, углубились в «чистую науку», забыли о производстве, ради которого, собственно, и надо делать открытия,— им, как вы выражаетесь, пора отдать лесу должок. А мы, лесники, заняты тем, что готовим вам лесосеки для рубки: отводы съедают все наше время, всю нашу энергию. Новым лесом на вырубках мы почти не занимаемся. Вы же, лесорубы, одержимы одним желанием: взять у леса все и ничего не делать для его возрождения.

— Поклеп на наших лесорубов. Чистейший!— попробовал отшутиться Баженов.

— Нет, Алексей Иванович, все правда.— Анастасия Васильевна закрыла книгу, положила на стол.— К сожалению, такова действительность. Плохо мы еще заботимся о новом лесе. Что мы ответим нашим внукам, когда они спросят нас: «Это вы так хозяйничали в лесах, дорогие дедушки и бабушки?»

— Пока наши внуки вырастут, много воды утечет,— улыбнулся Баженов: ему не представлялось, как это он будет «дедушкой».— А расцвет лесного хозяйства наступит раньше, чем вы думаете. Кстати, какие же, все-таки, планы намечены вашей секцией? Вы мне расскажите.

Анастасия Васильевна стала рассказывать.

Баженов молча слушал ее. О Погребницком ни он, ни она не сказали ни слова. Будто его и не существовало на свете.

Анастасия Васильевна в тот же день уехала кемским поездом. Дорогой она не скучала. Ее соседкой в купе оказалась старушка-сказительница. Интересная старушка. Глаза живые, не затуманенные годами, речь журчит, льется, словно родник среди камней.

— Одна живешь, Настасьюшка? Иди замуж. Молодая ты, видная. За пьяницу не ходи, намаешься. Женатого с женой не разводи: на чужих слезах счастье непрочное. Иди за хорошего человека, а за плохого не ходи, живи лучше одна.

Сказительница выходила раньше. На прощанье она сказала:

— Приезжай к нам в гости, Настенька. Речка у нас красивая, вода гремит, камни сердятся. Дом у меня хороший, сад, малина есть. Живу я с невестушкой, сыночка в Отчественную войну потеряла.

Когда Анастасия Васильевна сошла с поезда на своей остановке, она подумала о том, что Алексей Иванович вернется послезавтра, и в ее сердце шевельнулась радость. Он вернется сюда, в Хирвилахти...

19

На старых вырубках давние посевы дали богатые всходы. Лесок радовал. Анастасия Васильевна и Рукавишников в одном гнезде насчитали двадцать семь штук. Сосенки крохотные, сапогом затоптать можно. Трехлетние елочки — зеленые мохнатые звезды на стебельках. У одной сосенки обнажились корни — ниточки. Рукавишников присыпал их землей.

— Оживай, малолеточка. Вырастай красавицей. — Живые, непогашенные глаза объездчика тепло улыбались. — Эх, дожить бы до того дня, как сомкнутся кроны наших сеянцев! И ждать-то немного. Годков тридцать. Короток век у человека. Сосна в двести пятьдесят лет трухлявится, ворон в триста стареет, а мне бы до сотенки дотянуть, да чтоб помирать не на печи, а на травушке-муравушке лесной, под небом ясным, под солнышком ласковым, и чтоб птицы лесные пели.

Всходы радовали глаз. Не все они выживут, часть погибнет от дождей, солнца, копыт лосей, осиновая поросль и войник у более слабых отнимут жизненные соки, но те,

что приживутся, с годами войдут в силу, вытянутся и зашумят кронами.

— Славный денек, Настасья Васильевна.

Да, день чудесный. Синь небес, жаркое солнце, яркая зелень хвойного бора, цветущие лесные травы. Тишина и простор.

— Всем семейством на свет божий вышли. Держи, Настасья Васильевна. — На широкой ладони объездчика сорванные в березняке белые грибы: золотистые шляпки на плотных белых ножках.

— Больно хороша рощица, а?

Березовая роща ослепительно сияла под солнцем чистым серебром стволов.

— Лысеет мой объезд, Настасья Васильевна, — вздохнул Рукавишников, когда вышли на открытую вырубку, густо поросшую лиловато-красными колосьями иван-чая.

На вырубке, среди нежной зелени сеянцев, черпели труны трех молодых слок, трех сестер — старшей, средней и младшей. Вместе им до полсотни лет. Их опалили огнем костра бездумные сучкорубы. А сколько таких, напрасно загубленных, по всему лесу! Тысячи...

— Больно шибко косят лесозаготовители, — покачал головой Рукавишников. — Давно ли Святозеро было, что тайга сибирская. Одна радость — зеленое кольцо: я на Святозере душой отдыхаю.

За вырубкой — зеленый оазис, запретная лесная зона. Берег реки в густой зелени нависших над водой кустов. В затоне цветут белые кувшинки и желтые водяные лилии. Дремотные струи реки чуть заметно колышут цветы. Поляны в белой пене ромашек.

...Святозеро. Не гуляет ветер по озеру, лежит оно, что зеркало, гладкое, неподвижное. Окружили его деревья плотной стеной, заглядывают в синюю глубину. Покойно ему в зеленой броне. Не сорвут люди его одежду. Святозеро значится в списке озер и рек, по берегам которых установлены запретные зоны.

Рукавишников сорвал ветку малины, усыпанную переспелой ягодой, уселся на пригорке под сосной. С пригорка хорошо видны дальние берега озера, узкая полоса реки Северянки. Святозеро для Северянки — естественное водохранилище. Быстрая река не проводит время праздно. По ее водам плывут вереницы бревен. А кругом лес, старый,

дремучий, первозданнй. Замшелые ели простерли над землей тяжеленные лапы, навечно скрыли от солнца лесную землю. Таким нипочем ни ветер, ни буря. Лесной полумрак сделал их вечнозеленый убор почти черным, и на этом мрачном фоне стволы редких берез кажутся вылепленными из девственно-белого снега. Вzgорьем завладел сосняк. От медно-красных стволов исходит теплый свет. На прогалинах, полянах буйно разросся черничник, розовели изгарины иван-чая, а в низких местах пестрели на кочках мхи. Непотревоженная лесорубами дрема лесная приютила под своей сенью много птицы и зверя. В прошлом году Рукавишникову посчастливилось в святозерской пуще убить медведя.

— Тишина! Люблю с лесом с глазу на глаз. — Рукавишников налил из термоса две кружки чаю, поделился с Анастасией Васильевной сдобным пирогом и продолжал: — Признаться, не по душе мне уничтожение лесов. Понимаю, дерево на то и растет, чтоб его срубили, иначе сгниет оно от старости, и никому от него пользы не будет... А жалко мне леса нашего. Я здесь родился, шесть десятков прожил. Сколько на моих глазах лесу произвели, ай-яй! К деревне нашей вон какие болота подступились. Кочкарник да моховина, а еще зыбун. У самой околицы — «окна», того и гляди, скотину засосет. Кое-где кустарник да жиденький лесок. А раньше на том месте лес дремучий шумел. Помню, заблудился я в лесу мальчонкой, всей деревней меня искали, а сейчас каждую кочку за версту видеть.

— Да, Василий Васильевич, хирвилахтинские болота родились с помощью людей. Карелия — край северный, дождей и снегу выпадает много, местность не гористая, стока воды нет. Лес работает, как мощный насос. Деревья вытягивают воду из почвы, испаряют ее в воздух. Срубили лес — исчез насос. Никто не позаботился о выращивании нового леса, и землей овладели болота. На совещании ученые говорили, что если на севере не бороться с болотами, тундра начнет свое наступление, откроются ворота для ледяных ветров Арктики, а это, несомненно, отразится на климате Центральной России.

— Скажите-ка! — удивился объездчик. — У нас вырубят, а в Воронеже, к примеру, похолодает?

— Не сразу. Но климат изменится к худшему.

— Так надо болота сушить, а не ждать, пока тундра пожалует к нам в гости. Этак всю землю заморозить можно. Ученые, говоришь, пугали ледными ветрами?

— Пугали, Василий Васильевич.

— А что совещание решило делать с болотами?

— В резолюции записали: строить мелиоративные станции.

— Эх, сколько бумаг изводят на всякие резолюции! А бумага делается из дерева. А дерево, сама говоришь, насос, воду из почвы выкачивает. Дерево — помеха болоту. Резолюциями болота не осушишь. Мы тебя, Настасья Васильевна, ждали из Петрозаводска с нетерпением. Ну, думаем, привезет наша начальница хорошие вести и пойдет наша лесная жизнь по новой дорожке. А на проверку выходит, что надежды наши напрасны.

— Нет, Василий Васильевич, пойдет наша жизнь в лесничестве по новой дорожке. Не теперь, через год, два, три, по пойдет. Есть где-то техника, аэросев... О нашем лесе очень взволнованно говорил один ученый-лесовод, требовал к нему внимания. И товарищ из управления горячо выступал. И директор одного из северных лесхозов. Должны быть перемены. А пока не будем опускать рук. Будем работать...

Анастасия Васильевна задумалась. Рукавишников вдруг воскликнул:

— Гляди-ка, лось!

На берег озера из чащобы вышел лось, могучее животное в блестящей темно-бурой шубе. Высоко подняв горбоносую голову, отягченную ветвистыми рогами, зверь сторожко поводил большими ушами и, обнюхивая воздух, медленно переставлял длинные сильные ноги в светло-пепельных чулках. Потом он вошел по колено в воду и окунул в нее гупую морду по самые уши.

— Экий красавец! — восхищенно сказал Рукавишников. — Спокойный. Знает: человек не обидит, пуля не тронет. Заповедник наше Святозеро для зверья и птиц. Сколько тут схоронилось зайца, лисицы, боровой дичи. Вся живность с окрестных вырубок сюда сбегалась. Правильный закон — не рушить запретные леса. Запретный лес — зверью убежище, озерам да рекам — теплая одежда, от болот спасение, от стужи — защита, семена древесные — на племя.

Лось напился и, не торопясь, скрылся в чаще. А вскоре на берегу озера появился человек.

— Чужак аль свой? — Рукавишников поднес ко рту свисток. На трель свистка лес отозвался веселым многократным охом.

— В милиционеры записался? — насмешливо спросил Куренков, поднимаясь на пригорок. — Здравствуй, Настасья Васильевна. Приятного аппетита. Лесной царь, что в твоей посудинке, а?

— Стоградусная с китайской заваркой. Налить?

— Спасибо, дядя Вася. Такого зелья перед обедом не потребляю.

Куренков сел, облокотясь на заросший брусничником пенек, закурил, украдкой поглядывая на Анастасию Васильевну.

— Гуляешь, Михайла? — спросил объездчик, укладывая термос в сумку.

— Гулять некогда, дядя Вася. По делу я здесь. На Святозеро технику, рабочих перебрасываем.

— Михайла, а ты не того? — Рукавишников pokrutil указательным пальцем у седого виска.

— При полном здравии и разуме, дядя Вася, — пичуть не обиделся Куренков. — Неужто не знаете? Есть распоряжение.

— Чье распоряжение? Это же немыслимо! Посмейте тронуть хотя бы одну ветку! — гневно воскликнула Анастасия Васильевна.

Куренков горестно вздохнул. Наказал же бог! Что ни день, то война.

— Ты пойми, Михайла, — поднялся с места Рукавишников. — Вырубите лес, озеро обмелеет, реку загубите. Северянка вам же служит. Сколько она вашей древесины сплавляет?!

— Чудак ты, дядя Вася. Я, что ль, распорядился рубить?

— Кого вы уговариваете, Василий Васильевич? — Анастасия Васильевна потуже завязала косынку, облив мастера презрением. — Скажи ему: «Руби, Куренков, яблоневый сад», — у него рука не дрогнет... Идемте.

Рукавишников подхватил свою сумку и поспешил за лесничей. Куренков оторопело смотрел им вслед, пока они не скрылись в чаще.

— Вот чертова работа! — проговорил он и плюнул.

Куренков углубился в лес. Еловые ветви хватали его за одежду, оставляя на комбинезоне космы мха. Сапоги мастера мягко скользили по плотному слою давней травы и мертвых игл хвой. В чаще то возникал, то пропадал образ лесничей. Куренкову виделось ее гневное лицо, слышался презрительный голос. «Скажи ему начальство: «Руби, Куренков, яблоневого сад...» Оса! И у осы мед есть, а у этой только яд. Какой черт знал! Если трест дал сигнал: «рубить», — значит, можно?

«Ай-да лесок!» — Куренков с умилением смотрел на бор. Неохватные сосны, прямые, как струны, подпирали густым частоколом высокое небо. Исполинские ели вытеснили всю лесную мелкоту. Вот где кубики! Счастье, что Святозеро — его участок! Держитесь, «мастера-друзьки»! Не угнаться вам за Куренковым. Да, весенне-летние заготовки — тяжелое дело. Рабочих оттягали на строительство узкоколейки, а план не снизили. Ну, ничего, Куренков выкрутится. Да...

Куренков сел на замшелую колоду и закурил. Ухо привычно уловило шорох справа. Среди серых стволов ели глаза ясно различили зайца. Зверек сидел на задних лапках и сторожко поводил ушами. Куренков свистнул, заяц сделал огромный прыжок в сторону и пропал в чаще. «Ах ты, разбойник!» — крикнул Куренков. Ему ответило эхо. «Нынче зайца много, — год сухой», — подумал Куренков, и мысли его вернулись к Святозеру. «Почему все неприятности валятся на его голову? Куртипа, Святозеро... «Друзьки-мастера» живут поспокойней. «Она вам никогда не уступит». Это Аннушка Стрельцова его уколола. «Руби, Куренков, яблоневый сад»... Возненавидит, на порог не пустит...

«Так-так, так-так», — подтвердил дятел, застучавший у мастера над головой.

— Ах ты, длинноносый! — Куренков потряхнул сосну. Дятел вспорхнул и улетел в чащу.

...Любомиров был не в духе. Настроение испортилось после телефонного разговора с трестом. Попробуй обеспечить бесперебойную заготовку леса, когда машины простаивают из-за поломок, запасных частей не хватает. Опежский завод затянул ремонт тракторов, свои мастерские не справляются. С утра неприятности. У мастера

Савинкова поломался трактор, в Отрадненском лесопункте — авария: сошли с полотна две груженные платформы.

— Анна Корнеевна! — крикнул Любомиров.

Стрельцова стремительно вошла в кабинет.

— Да, Николай Алексеевич?

— Письмо готово?

— Пожалуйста, Николай Алексеевич. Вот оно.

Стрельцова в ожидании, пока директор прочтет бумагу, устало опустилась в кресло. Столько работы за последние дни! А неприятностей еще больше. Николай Алексеевич и пяти часов в сутки не спит.

— Так... Хорошо... — Любомиров дочитал бумагу. — Отошлите немедленно.

— Николай Алексеевич, а лесничество знает?

— Зачем им знать? — желчно усмехнулся Любомиров. — Просить их ходатайства? С лесоводами каши не сваришь. Они — народ ограниченный. На все смотрят со своей колокольни. Придумали в самых удобных местах запретные полосы. У рек лес не руби, а там его легче всего гнать водой. Вокруг озер не руби, а там лучшая древесина.

— Да, конечно... У вас очень усталый вид, Николай Алексеевич.

Любомиров взглянул на нее и уткнулся в бумаги.

На пороге кабинета Стрельцова столкнулась с Анастасией Васильевной и посторонилась.

— Вы послали Куренкова на Святозеро? — Голос Анастасии Васильевны прерывался от волнения, пальцы вцепились в край стола, лицо ее оказалось так близко от лица Любомирова, что он невольно отшатнулся. — Вы забыли, что это запретный лес?

— Анастасия Васильевна, кричите на своего директора, если он вам позволит! — рассердился Любомиров. — Нам надоели ваши бесконечные нападки. Вы мешаете нормально работать! Мы с вами чересчур деликатничаем. Пудожский леспромхоз рубит зеленую зону вокруг города, и никто не кричит. Велика потеря — Святозеро! А вы знаете, что береговые зоны рек Рагнуксы, Черной Сомбы, Колоды, Сумы и озеро Нижнее Сумозеро вырубаются?

— Это неправда! Вы хотите оправдать собственный произвол?

— Я имею точные сведения, — Любомиров посмотрел на лесничую в упор сердитыми глазами. Я вам не все

места назвал. Если рубят, значит, запретное перестало быть запретным. Я считаю это нормальным. В Карелии сорок три тысячи озер, больше семнадцати тысяч рек — и не руби по берегам лес! Что, нам прикажете в сибирскую тайгу перебиваться?

— Хватит вам рубить и нашего леса на долгие годы. А понадобится государству — и в тайгу перекочуем. Но Святозеро не троньте! Мы не разрешим!

Любомиров поморщился. Он не ждал такого оборота дела.

— Вы нас обвиняете в собственном произволе, — продолжал он. — Но ведь это не так. На лес у нас есть разрешение.

Любомиров подал Анастасии Васильевне бумагу с голубой заставкой. Она читала и не верила своим глазам. Да, на разрешении стояла подпись министра сельского хозяйства, в ведении которого находилось лесное хозяйство республики. Любомиров не смотрел на лесничую: он делал вид, что ищет что-то в папке.

— Как же так! — У Анастасии Васильевны вдруг пересохла губы. — Это какое-то недоразумение...

— Все законно, как видите, наша уважаемая хозяйка леса. — Умные глаза Любомирова спокойно смотрели на нее. — Пожалуйста, сделайте отводы с Баженковым. Алексей Иванович зайдет в лесничество вечером. Прошу вас, не задерживайте. Нам дорог каждый час.

Анастасия Васильевна положила бумагу на стол. — Никаких отводов у Святозера мы не станем делать! — твердо сказала она Любомирову и вышла из кабинета.

Анастасия Васильевна с такой силой хлопнула дверью, что задрожало оконное стекло.

Анастасия Васильевна приехала в Крутогорск товарным поездом. Крутогорск — красивый городок. Окрест протянулась цепь холмов с лесами, с запада к городу прильнуло прозрачное озеро, с востока его заслонила от ветров огромная бурая гора. Улицы городка расположились ярусами: верхние у подножья горы, нижние — по берегу озера. Улицы ровные, дома добротные. Воздух в Крутогорске целебный.

Анастасия Васильевна мпновала городской парк, прошла по висячему мостку, переброшенному через ржавую речку, поднялась в гору по улице Карла Маркса. Контора лесхоза помещалась в одноэтажном доме в конце улицы.

Зайцев сидел в своем директорском кабинете — маленькой комнате, где едва уместались стол и три стула. Всю стену занимала карта Крутогорского лесхоза.

— Что случилось? — несколько встревоженно спросил Зайцев. Маленький, с тихим голосом, в аккуратной форме: китель, брюки-бриджи из черного сукна, фуражка с темно-зеленым околышем. Он почти никогда не сердился, не кричал. «Надо обязательно выполнить», — говорил он сотрудникам и работникам лесничеств, и все старались выполнять его приказания добросовестно и в срок.

— Семен Петрович, что же это такое? Вы молчите, а Любомиров нас, как обухом по голове. У него бумажка из министерства на столе, а мы ни сном, ни духом. Лес ведь наш?

Зайцев вытер клетчатым платочком вспотевший лоб, перевел глаза на плакат «Как тушить пожары» и тихо вздохнул.

— Что поделаешь? Приказ.

— И вы не протестовали?

— Как же, как же! В управление ездил. Отстоял сорок третий квартал.

— А Святозеро?

— Придется подготовить к рубке. Ничего не попишешь. Я указание заготовил. Возьмите у секретаря.

— Семен Петрович, — медленно и решительно проговорила Анастасия Васильевна, стараясь поймать взгляд директора. — Мы не выполним вашего приказа.

Зайцев расстегнул верхнюю пуговицу кителя. На петлице блеснули пять звездочек.

— Надо выполнить, Анастасия Васильевна. Приказ управления.

— Но вы же понимаете, что отдавать Святозеро в рубку нельзя! Вы работаете в Крутогорском лесхозе больше тридцати лет. Вы трудитесь честно, добросовестно. В управлении вас ценят, с вами считаются. Не соглашайтесь! Протестуйте, доказывайте. Вас поддержит весь коллектив.

Зайцев растерянно смотрел на лесничую. Рука его потянулась ко второй пуговице кителя, голос его был все так же тих:

— Распоряжение поступило. Управление с нас потребует. Вы, голубушка, успокойтесь, поразмыслите...

— А зачем управление согласилось? Правы мы, а не лесозаготовители. Давайте позвоним в министерство.— Анастасия Васильевна положила руку на трубку телефона.

— Через голову управления? Не согласен! — Зайцев отрицательно покачал головой.

— Хорошо! Свяжемся с Иваном Степановичем. Попросим его добиться отмены распоряжения.

— Диктовать управлению? Нет, не согласен.

— Какой же выход вы предлагаете?

Зайцев глубоко вздохнул, растирая пальцами желтый лоб, потом медленно заговорил. Неподдельная горечь зазвучала в его словах:

— Вы думаете, у меня душа не болит за Святозеро? Тридцать пять лет живу я здесь. В лесу, как в родном доме. С завязанными глазами отыщу любой уголок. Самый роскошный, самый богатый лес на Святозере.— Зайцев задумчиво посмотрел в окно, на синие линии горбатой горы, что придавала городу величественный вид, потом перевел глаза на лесничую:— Но что поделаешь? Управление согласилось отдать лес в рубку, и нам остается только подчиниться.

— Ни за что!— Анастасия Васильевна прошла по тесному кабинету, постояла у окна и с решительным видом села напротив директора.— Семен Петрович, поезжайте в Петрозаводск. Сегодня, сейчас... Мурманский поезд будет в Крутогорске через полтора часа. Поговорите еще раз с Иваном Степановичем. Вместе с ним постарайтесь попасть к министру. Министр вас выслушает, разберется. Я уверена, что все решится в нашу пользу. Поезжайте, Семен Петрович. Вы — старый производственник. С вами считаются.

Маленькая, сухонькая фигурка Зайцева оставалась неподвижной, полузакрытые глаза смотрели устало. Анастасия Васильевна ждала. Минуты текли, а Зайцев молчал.

— Семен Петрович, если вы не хотите, я сама поеду...

Зайцев встрепенулся, неожиданно грохнул кулаком по столу, закричал:

— Я запрещаю!

Таким Анастасия Васильевна видела его впервые. Ее испугало его побагровевшее лицо.

— Ах, боже мой! — простопал Зайцев, кладя руку на сердце. На его лице проступило беспомощное выражение человека, страдающего тяжким недугом. Анастасия Васильевна торопливо налила из графина воды.

— Выпейте, Семен Петрович.

Зайцев отодвинул стакан, виновато улыбнулся слабой улыбкой.

— Спасибо, уже прошло. Извините, погорячился... А леса мне жаль, поверьте! Но, что поделаешь, голубушка. Приказ есть приказ, надо выполнить... Поезжайте домой, сделайте отводы. Про куртинки не забудьте. Авось, больше не тронут наш лесхоз, откупимся Святозором.

Анастасия Васильевна хотела что-то сказать, но, взглянув на бледное лицо директора, попрощалась и вышла.

Зайцев с облегчением вздохнул. Слава богу, неприятный разговор окончен. Горячий человек — эта Самоцветова. Чего только не наговорила! Разве он не воевал за Святозеро? Сам Иван Степанович ничего не мог поделать. Зайцев потер поясницу. Ноет... Видно, старость подобралась, не даст покоя. Уйти на пенсию? Он достаточно потрудился на своем веку...

Анастасия Васильевна успела на поезд Кемь — Ленинград. Поезд мчался вдоль извилистого берега озера. По каменистым крутым берегам к воде спускались сосны с зонтичными кронами. Свинцовые волны лизали прибрежные валуны. Вдали чернели холмы, покрытые лесами. Суровая торжественная красота. Поезд удаляется от озера, скользит вдоль цепочки гранитных скал. Скалы, отполированные ледником, образовали узкие террасы. В щелях террас растут сосны. Зажатые камнем, они тянутся к солнцу. На глазах меняется ландшафт. С каждым километром редсеет лес. Мелькают знакомые станции: Лижма, Илемсельга, Кивач... Далеко, насколько хватал глаз, открывалась взору голая равнина с редкой щеткой кустарников, скупая каменистая земля, болота, пустыри. Грустный пейзаж, чуждый духу карельской природы. А ведь недавно здесь были густые леса. «Ну, хорошо, — думалось Анастасии Васильевне. — Лес для того и существует, чтоб его пустили в дело, но наш священный долг

сделать вновь эти земли живыми. На них должны зашуметь новые леса»...

Всю дорогу ей вспоминался Зайцев, бледный, беспомощный, растерянный, слышался его тихий голос: «Наде выполнить приказ...» Рядом с ним возникал образ Любомирова, спокойного, уверенного в своих силах человека. Он говорил ей: «Ну что вы вздумали тягаться со мной, Любомировым? Меня знают в республике. Наш леспромхоз — ведущий. Зачем вы поднимаете шум? Пустое это дело. Делайте, что вам приказано. Не мешайте нам работать...» Анастасия Васильевна мысленно возражала ему: «Мы тоже гордимся, что наш леспромхоз ведущий. Здесь есть доля труда и нашего коллектива лесничества. Этого вам не следует забывать. А за Святозеро мы повоюем».

21

Сотрудники лесничества собрались в конторе.

— Отводов не делать, не давать рубить, пущай Зайцев хоть двадцать раз приказывает! — горячился Рукавишников. — Он сам понимает, что на нашей стороне закон и совесть. Пошто он не отстаивал накрепко в управлении Святозеро?

— Партизанщина, Василь Васильевич, — подал голос сидевший в сторонке Парфенов. — Приказ Зайцева есть, надо выполнять.

Рукавишников обиделся. Между ним и Парфеновым началась перепалка. Дядя Саша и Коля взяли сторону объездчика. В конторе поднялся шум. Анастасия Васильевна стучала карандашом по столу, просила успокоиться. Спорщики понемногу уgomонились.

— Иди, Настасья Васильевна, к парторгу, — сказал Рукавишников после долгого молчания. — Кованен — человек справедливый, обиду нашу разберет, рассудит, поможет.

— Верно, верно! — подхватил дядя Саша, сбивая шапку на затылок. — Мы его знаем. Он рассудит, решит по совести. Иди, Настасья Васильевна, в партийную организацию и заявляй от всех нас несогласие.

— Кованен — секретарь партийной организации леспромхоза, а мы — лесничество! — вразумительно

проговорил Парфенов.— Он не станет защищать нашу позицию.

— Сказал! — пасмешливо протянул объездчик. — Да разве дело в том, чей он секретарь? Леспромхозовский аль лесхозовский? Правда-то одна? Дело-то мы делаем одно? Ох, и отсталый ты человек, Гаврюха!

— А ты меня перевоспита! — насмешливо бросил Парфенов.

— Ничего. Мы тебя всем коллективом перевоспитывать будем. Сам потом спасибо скажешь,— беззлобно усмехнулся объездчик.

— Товарищи, давайте о деле. У нас нет времени препираться друг с другом. Что же мы решим?

— Иди, Настасья Васильевна, к парторгу. Послушай, что он скажет. Мы тебя подождем, домой на щи успеет-ся,— сказал Рукавишников и взялся за свою трубочку.

Анастасия Васильевна вывела на улицу стоявший в сенях велосипед и через десять минут уже была в кабинете парторга.

Павел Антонович Кованен до войны заведовал клубом в районном селе. С фронта он вернулся старшим лейтенантом, демобилизовался, закончил двухгодичную партийную школу в Петрозаводске, был вначале замполитом в небольшом леспромхозе Кондопожского района, затем получил назначение в Хирвилахти, и вот уже пятый год как работал с Любомировым. Старший лейтенант запаса, он послал военную форму без нашивок и погон, сохранив от военных лет выправку, походку и точность. Кованен начинал прием в точно назначенное время, партийные собрания открывал точно в срок, на лекции являлся минута в минуту и даже в лес умудрялся приезжать точно в назначенный им час. В клуб на собрания и вечера он приходил при всех орденах и медалях. Кованен был со всеми на «вы». Любомиров вначале обращался к нему на «ты», но Кованен упорно подчеркивал «вы», и директор стал говорить ему «вы». В леспромхозе Кованена побаивались, но защиты от несправедливости искали у него, а не у директора. Лесорубы о нем говорили: «Павел Антонович — хозяин своего слова. Не обидит понапрасну».

Анастасия Васильевна не раз беседовала с Кованеном о судьбе леса. В первую встречу с ней он откровенно признался:

— Никогда не задумывался над тем, что будет с нашим лесом через пятьдесят-сто лет. Вероятно, будут так же рубить, как мы все рубим.

С резкой прямоотой, свойственной ее характеру, Анастасия Васильевна рассказала парторгу о готовящемся покушении на запретный лес, не скрыла и того, что Зайцев дал согласие на рубку и приказал ей подготовиться. Она знала: Любомиров добивался разрешения на рубку в то время, когда парторг был на районной партийной конференции.

— Вы не допустите, Павел Антонович. Мы уверены.

Сухощавое лицо Кованена с гибкими бровями и прямым носом хранило непроницаемое выражение, смуглые руки лежали на письменном столе. Отбросив со лба прядку волос, Кованен встал, прошел по кабинету — небольшому помещению с желто-восковыми сосновыми полами. Его полувоенная одежда, выправка, развешенные на стенах карты — отдаленно напоминали штаб воинской части. «Сколько ему было лет, когда он пошел на фронт? Восемнадцать, двадцать?» — подумала Анастасия Васильевна, следя за ним глазами. За дощатой стеной гудели приглушенные голоса.

— Святозеро? — повторил Кованен, поглядев на карту Крутогорского лесхоза. — Помню, знаю...

— Мы нашу древесину сплавлием по озеру и реке Северянке, — подхватила Анастасия Васильевна и стремительно подошла к карте. — Здесь Святозеро, а здесь река. Защитный лес идет вот таким пояском. — Она прикрыла ладонью зелено-голубой островок. На щеках горел румянец, от волнения голос срывался. — Павел Антонович, мы надеемся на вас. Наши люди уверены, что вы не допустите...

— Да вы не волнуйтесь. Садитесь, пожалуйста...

Анастасия Васильевна села. Сосредоточенно-внимательные глаза Кованена смотрели прямо. Она старалась угадать, что скрывается за строгим выражением его лица. Похоже, что он ждал от нее еще каких-то слов, убедительных, веских. Она продолжала:

— Мы понимаем: лес нужен государству. Лесничество делает все, чтобы леспромхоз выполнял план. Как вы знаете, отводы мы делаем в срок, контроль за рубкой у нас постоянный, финансовые расчеты точные... Себя от вас мы не отделяем. Ваши успехи — наши успехи.

Но мы, лесники, за разумный подход к нашим богатствам. Нужен взгляд на лес не с точки зрения одного леспромпхоза, треста, а с точки зрения государственной...

В кабинет постучали. Вошел парень в черной замасленной спецовке, с комсомольским значком на груди.

— Павел Антонович, депо я оповестил и ремонтные мастерские тоже. После смены все ребята соберутся.

— Хорошо, — кивнул ему Кованен. — Ровно в шесть я буду. Вопросов ко мне никаких? Все ясно?

— Ясно, Павел Антонович.

Паренек, громко стуча сапогами, вышел. После небольшой паузы Кованен спросил Анастасию Васильевну, о чем говорили на совещании в академии. Она коротко рассказала о выступлениях ученых и специалистов лесного хозяйства, о их взглядах на судьбу леса. Кованен слушал внимательно. Анастасия Васильевна снова заговорила о Святозере:

— Наше управление согласилось на рубку под чьим-то нажимом. Зайцев — человек мягкий, хотя он хороший производственник. Наше лесничество понимает, что такое дисциплина на производстве... но, Павел Антонович, завтра Любомиров начнет рубку. — Анастасия Васильевна поняла, что она не говорит, а кричит, что с ней случилось в те редкие минуты, когда нервное напряжение достигало предела и ее душевное состояние было близко к отчаянию. Она вдруг спохватилась и стала извиняться.

— Ничего, — спокойно сказал Кованен, глядя ей в лицо.

Она вдруг явственно почувствовала в его голосе скрытые нотки сочувствия и понимания. Это придало ей сил.

— В лесничестве меня ждут наши. Они послали меня к вам.

Анастасия Васильевна встала, ждала, что скажет Кованен.

— Хорошо. Я сегодня же поговорю с Николаем Алексеевичем, — сказал Кованен и протянул ей руку: — До свиданья.

Любомиров мял темными узловатыми пальцами телефонный шнур, кричал охрипшим голосом в трубку:

— Где же я возьму? Шестнадцать тракторов на ремонте в Петрозаводске! Вы что, с луны свалились! Без

пожа режете меня! А? Что? Куда смотрит техпору? Где Курепков? Какого дьявола они разрешают перегружать трактор?..

Кованен вошел в кабинет, когда Любомиров закончил разговор по телефону и вытирал платком вспотевший лоб. Его кожаное пальто свисало со спинки стула. Коричневая кожа пальто давно потеряла свой первоначальный цвет, потрескалась, краска местами осыпалась, но хозяин ни за что не хотел с ним расстаться, летом носил вместо плаща, а зимой вместо шубы, пристегнув на пуговицы меховую подкладку.

— А, Павел Антонович! — устало кивнул Любомиров. — Садитесь, поговорим. Какие новости привезли из района?

Кованен сел. Держался он прямо, белый подворотничок туго облегал его загорелую шею.

— Николай Алексеевич, что за история со Святозером?

Живой, острый взгляд Любомирова изучающе прошелся по лицу парторга, недобрая усмешка скользнула по губам:

— Самоцветова пожаловалась? Успела? Но из ее атаки ничего не выйдет. Нам разрешили. Лесничеству дано задание подготовить участок. Все ясно. Вы, Павел Антонович, ее не слушайте.

Кованен слегка повел тонкой бровью и невозмутимо продолжал:

— Но лесники категорически отказываются делать отводы.

Любомиров уперся ладонями в стол, как бы собираясь встать, заговорил с нарочитой беспечностью:

— Не хотят? А мы и просить не станем. Оформим отводы после рубки. Никуда они не денутся. Святозерский участок нас выручит, вытащит из временного прорыва. Сосняк там великолепный. Чего ему зря трухлявиться... Ну, что было на конференции?

— О конференции после, Николай Алексеевич. — Кованен убрал со лба непокорную прядку волос. — Как нам быть с лесниками? Может, не стоит трогать приозерный лес? Доводы у Самоцветовой серьезные. С ними пельзя не считаться.

Из-под клочкастых бровей Любомирова насмешливо блеснули глаза:

— То-те-те! Я вижу, Павел Антонович, лесная царица тебя околдовала. Не поддавайся ее чарам. Она — баба с характером. Любит поставить на своем.

Кованен пропустил мимо ушей шутку директора. Лицо его оставалось строгим, спокойным.

— Николай Алексеевич, лесничеству точно известно, что управление лесного хозяйства протестовало, но наш трест сумел как-то добиться разрешения на рубку. Очевидно, в министерстве сельского хозяйства, когда давали согласие нашим трестовским работникам, просто не задумались серьезно над тем, что такое защитный лес. Мы не должны воспользоваться их ошибкой.

Любомиров с трудом подавил закипавшее в нем раздражение:

— А Пудож? А Суоярви? Тоже ошибка? Рубят в запретных полосах, значит, можно. А нам с тобой тужить печего. Не обмелеет Святозеро за каких-нибудь полсотни лет, а там новый лес вырастет и прикроет. Ну, что тебя так тревожит? Разговоры лесников? Но ведь сам хозяйин — директор лесхоза — не возражает против рубки. А он больше нас с тобой понимает в лесоводческом деле.

— Самоцветова говорит, что Зайцеву жалко отдавать Святозеро. Он ездил в управление, хлопотал, но не сумел на своем настоять.

Любомиров вместе со стулом отодвинулся от стола, сердито уставился на Кованена, заговорил быстро, слегка заикаясь:

— Ты ей верь, она наговорит! Задалась целью ставить нам палки в колеса. Управление для нее ничего не значит. Тратить на уговоры и реверансы дорогое время, когда у нас без лесничества своих дел — гора! Бульдозер с ремонта не вернулся, ус прокладываем вручную, оттянули людей с лесосеки, а трест паседает, требует развернуть заготовки во всю силу. Нам каждый час дорог. Будет она делать отводы или не будет — ее дело, а мы завтра начнем рубку.

Любомиров долго чиркал спичкой по коробке, пока зажег. Курил нервно, роная искры на бумаги. Кованен поставил перед ним пепельницу. Молчание затянулось. В кабинет заглянула Стрельцова и тотчас же скрылась за дверью. В приемной слышались приглушенные мужские голоса.

— Павел Антонович,— заговорил Любомиров обыденным голосом, давая понять, что он считает разговор о Святозере законченным. — Баженов свой доклад к сроку не успеет подготовить. Уж очень большой материал. Выполнение плапа по качеству. Как ты смотришь, если партсобрание отодвинуть на недельку? Пусть главный инженер как следует подготовится. Поговорить народу есть о чем. Качество, сам знаешь, не на высоте.

— Хорошо, перенесем собрание на пятнадцатое,— подумав, согласился Кованен.— И все же мое мнение, Николай Алексеевич, запретное кольцо не трогать.

Любомиров ткнул недокуренную папиросу в пепельницу, исподлобья взглянул на парторга:

— Иными словами, сорвать план весенне-летних заготовок?

— Начнем рубку на Маньге,— спокойно возразил Кованен.

Любомиров досадливо пожевал тонкими губами, рука нервно взъерошила седой ежик жестких волос. Он заговорил сдержанно, стараясь придать хриловатому голосу мягкую убедительность.

— Маньга от нас не уйдет. Поймите, Павел Антонович, одно: если управление лесного хозяйства согласно, директор лесхоза не возражает, то ничего плохого здесь нет. А Самоцветова покипит-покипит и остынет.

Кованен молчал, Любомиров искоса поглядывал на парторга, ожидая его слов, но сухощавое лицо Кованена хранило непроницаемое выражение.

— Святозеро — для нас находка, Павел Антонович.— Любомиров говорил все так же сдержанно и мягко.— Древесина под боком, добавочные усы шить не надо, переброска механизмов займет немного времени...

— Все это так, Николай Алексеевич, но я остаюсь при своем мнении.

Любомиров закричал, багровея:

— Да поймите же вы, наконец, самую простую вещь! Не справимся с заданием, отвечать будем мы с вами, а не ваша подзащитная, гражданка Самоцветова!

Рука Кованена сжала карандаш, смуглое лицо порозовело. Он поднял потемневшие глаза на своего собеседника и после небольшой паузы заговорил глухо, но спокойно:

— Николай Алексеевич, оставим лесничую в покое: не в ней суть. Дело в принципиальном отношении к вопросу. Прежде всего, мы с вами коммунисты, а потом уже лесозаготовители. Упирайтесь взглядом только в свое корыто, значит, не понимать своего долга, соответственно...

— Постой, постой! — перебил Любомиров, вновь вскипая. — Ты меня не учи. Я тебя вдвое старше, и в партии не повичок. Я свой долг очень хорошо понимаю. Мой долг — работать на своем посту так, как я работаю. Мой труд правительство орденом отметило.

— Николай Алексеевич, я ценю ваш жизненный и трудовой опыт, но позвольте мне до конца высказать мою мысль.

Любомиров молчал, смотрел в окно на полосу леса за рекой. В глазах застыла усталость, по рот был сжат крепко, упрямо.

Кованен продолжал ровным, терпеливым голосом:

— Да, наша с вами задача — рубить лес. Но ведь защитный лес — это не просто деловая древесина, «кубики», что помогут нам вытянуть план? Защитные леса — это климат, семенной источник для нового леса, одежда для озер и рек. Водоемы мелеют, высыхают, если оставить их незащищенными. От защитных лесов зависят и наши рыбные богатства. Вся земля — наша, и относиться к ней бесхозяйственно мы, коммунисты, не имеем права. — Кованен помолчал. — От Святозера мы должны отказаться. Правы лесники, а не мы.

— Да, но трест... — начал было Любомиров, но Кованен перебил его:

— Трест вы сами просили, Николай Алексеевич. Трест — сторона заинтересованная, им дали, они взяли, а что за лес, они даже не стремились разобраться. А мы с вами должны на Святозеро посмотреть иными глазами, Николай Алексеевич. В Хирвилахти мы живем, работаем, каждую пядь земли знаем. Нам бы с лесоведами посоветоваться, а мы, выходит, потихоньку от них выпросили бумажку на защитный лес. Отошлите ее обратно в трест, и дело с концом. А заготовки развернем на Маньге, как было намечено по плану.

Любомиров долго молчал, хмурился. Кованен терпеливо ждал. Зазвенел телефон, Любомиров поднял трубку и вновь опустил на рычажок.

— Кажется, у нас с вами, Павел Антонович, никогда не было серьезных разногласий. И Святозеро, я думаю, не должно нас посорить.

Кованен понял, что убеждать дальше бесполезно.

— Ну, что ж, давайте завтра соберем бюро и обсудим все обстоятельно.

— Бюро? — переспросил Любомиров, помрачнев. — Завтра надо начинать валку, а не дискуссию. Зачем поднимать вопрос, когда все ясно. Учти, Павел Антонович, на бюро я скажу то же самое. Только времени проволочка.

Кованен посоветовал еще раз подумать и вышел.

«Вот дьявол баба!» — Любомиров хватил сухим и крепким кулаком по столу: высокий стаканчик из карельской березы подпрыгнул на столе и свалился на пол, просыпав на ковер разноцветные карандаши, старательно отточенные Стрельцовой.

22

Любомиров возвращался в контору. Целый день он провел в лесу и очень устал. Он посмотрел на темнеющую за мостом усадьбу лесничества и чертыхнулся. «Чтоб тебе провалиться со своей владелицей!» Он прикинул, кто из членов бюро его поддержит. Куренков его союзник, конечно. Мастер кровно заинтересован в святозерском лесе. Мастер Сузи, пожалуй, займет нейтральную позицию. Ему нет расчета «восставать» против директора: он на Святозере не будет рубить. Баженов? У него с Самоцветовой что-то завелось интимное, он часто бывает у нее в гостях. Но дело есть дело, на ее сторону он не станет. А остальные? Лебедчик Карху, машинист Гутаев и тракторист Филиппыч? Кто сумеет их убедить: он или парторг? Любомиров тяжело вздохнул. Если бы кто знал, как ему хочется спать. Он с шести утра на ногах, за день прошагал по лесу до двух десятков километров. Любомиров посмотрел на часы и прибавил шаг. Кованен точен, как командир воинской части.

— Добрый вечер!

С Любомировым поравнялся старый мастер Сузи, отец шестерых взрослых сыновей. Это самая богатая семья в поселке. Годовой бюджет лесорубов Сузи составлял больше

ста тысяч рублей. В их личном гараже стояли четыре мотоцикла и «москвич».

— Терве, терве, Эйнари Оттович,— приветливо кивнул Любомиров, любивший щегольнуть знанием финского языка.

Молчаливый по своей натуре Сузи за всю дорогу не произнес ни слова.

Все уже были в сборе, когда директор и мастер Сузи вошли в кабинет парторга. Кованен опустил штору и зажег свет. Любомиров сел в сторонке возле столика с газетами. Кованен взглянул на свои золотые часы, переставил на письменном столе статуэтку — у него была привычка переставлять вещи — и начал ровным голосом:

— Товарищи, мы собрались с вами решить один вопрос. Мы получили разрешение на валку леса у Святозера. Лесничество протестует против рубки. Это — защитный лес. Мое мнение: отказаться от святозерской древесины и приступить к лесозаготовкам у Маньги. Трест действовал через министерство лесной промышленности, которое добилось согласия на рубку у хозяина леса, в министерстве сельского хозяйства. Формально как будто бы мы ничего не совершаем противозаконного. Документ есть, подписи на нем авторитетные, но мы не формалисты, товарищи. Слепо следовать написанному на бумаге мы не должны. В министерстве тоже люди, а не боги, они могли ошибиться, и поправить их нужно вовремя, а не тогда, когда срубим лес...— Кованен бросил многозначительный взгляд на Любомирова, уткнувшего нос в газетную подшивку, сел и добавил после короткой паузы.— Прошу, товарищи, высказывайтесь.

Все молчали. Кованен терпеливо выждал.

— Какие будут мнения, товарищи?

— Позвольте мне, Павел Антонович.— Баженов поднялся со стула.— Прошу извинения,— бросил он Куренкову, которого нечаянно толкнул.

Любомиров, скрипя стулом, круто повернулся в сторону главного инженера. Усталое лицо его выражало напряженное ожидание. У Баженова был благодушный вид, сиреневая шелковая рубашка молодила его, а непросохшие после душа каштановые волосы лежали на крупной голове волнами.

— Мне кажется, товарищи,— начал Баженов по-домашнему просто,— что мы с вами бьем напрасную тре-

вогу. Павел Антонович, если в Петрозаводске порешили: что рубка защитного кольца возможна, то у нас с вами нет никаких оснований тревожиться. Взгляды и в науке меняются. Раньше ученые считали, что защитные полосы необходимы, а сейчас, возможно, существует иная теория.

У Любомирова отлегло от сердца. Ну, теперь держись, товарищ парторг! Баженов не самоучка. За его плечами — лесотехническая академия, он работает над изобретением, пишет диссертацию, он знаток лесного дела, и не вам с ним тягаться!

— Давно ли вы были на совещании в Петрозаводске? — спокойно возразил Кованец. — Ученые не могли переменить свои взгляды за такой короткий срок.

«Въедливый! — раздраженно подумал Любомиров. — Наседает. Поддался агитации Самоцветовой.»

Баженов слегка откинул голову назад. Под электрическим светом засеребрилась седина. Все смотрели на него и парторга с ожиданием: «А, ну-ка, сразитесь! А мы посмотрим, кто кого положит на лопатки».

— Да, но почему в таком случае, — продолжал Баженов в прежнем тоне. — Почему министр сельского хозяйства и начальник Главного управления лесного хозяйства — хозяева леса — согласились отдать защитный лес? Давайте рассуждать логически. Если защитные полосы не отменены наукой, то почему они сами подрубают сук, на котором сидят? Я хотел бы, чтобы Павел Антонович объяснил, в чем здесь дело.

Любомиров, ободренный поддержкой главного инженера, закивал ему головой в знак согласия с ним. Остальные члены бюро с интересом ждали ответа Кованена.

Кованец посмотрел главному инженеру в лицо:

— Вы знаете: ответить на ваше «почему» я не смогу. Но я убежден: разрешение мы получили по ошибке.

— А за чужие ошибки мы не отвечаем.

«Правильно!» — мысленно воскликнул Любомиров.

Все тем же ровным голосом парторг сказал:

— Извините меня, Алексей Иванович, но так рассуждает человек без чувства гражданского долга.

Баженов вспыхнул, но тотчас же взял себя в руки, иронически улыбнулся:

— Благодарю за аттестацию.

«Вежливый человек Алексей Иванович,— подумал Куренков.— Обругал его секретарь, а он обиды не показывает, улыбается».

— Вы все сказали?— спросил Кованен с непроницаемым лицом.

— Да,— спокойно ответил Баженов, садясь на свое место.

Любомиров сделал подряд несколько глубоких затяжек и погрузил горящую папиросу в блюдце с водой. Папироса зашипела и погасла.

— Дай-ка мне, Павел Антонович,— Любомиров поднялся и вяло подошел к столу.— Нового я ничего не скажу, товарищи. Вы знаете наше положение. Трест дал повышенное задание, а план наш трещит по всем швам, того и гляди сорвемся и покатымся под горку. Святозерский лес для нас — спасение. Что получается, товарищи? Мы сами просили, добивались, подняли на ноги не одну организацию, а теперь начнем крутить колесо в обратную сторону? Извините, мы раздумали, нас лесничая не признала, запрещает, а она-де у нас — высшая лесная власть.— Любомиров усмехнулся.— Пусть меня извинит Павел Антонович, но что бабу слушать? Мало ли что ей взбредет в голову. Подумайте, товарищи, ради каприза Самоцветовой мы день упустили. С утра мы должны были рубить полным ходом, а мы дискуссию затеяли, о высоких материях рассуждаем. Алексей Иванович правильно сказал: не нам разбираться в науках о лесе. Мы — производственники. Наше дело — не дискутировать: ошиблись ученые или не ошиблись, наше дело — рубить. Сорвем план — отвечать придется нам, а не соседям. Зачем нам самим осложнять дело? — Любомиров устало опустился на стул, налил из графина воды, отхлебнул и поставил стакан на поднос.— Я все сказал, товарищи.

В кабинете наступило молчание. В открытую форточку проникала с улицы песня, далекая, грустная. Очевидно, пели в женском общежитии. Тракторист Филиппыч тихо покашливал в кулак, лебедчик Карху чиркал спичкой о коробку, спичка ломалась, он брал другую, машинист Гутаев чертил ногтем по кумачевой скатерти стола, Куренков шарил в карманах комбинезона, ища папирасы. Баженов раскрыл перед ним свой портсигар. Сузи попыхивал короткой трубочкой и смотрел в пространство.

— Кто хочет сказать, товарищи! — Кованен устало оглядел сидевших. Взор его остановился на Куренкове. — Михайло Кузьмич, ваши соображения? Святозеро — ваш участок.

— Мой, — охотно согласился Куренков, метнув быстрый взгляд в сторону директора. — Мои соображения? Могу сказать. Лес святозерский, товарищи, очень подходящий для нас лес. Сосна строевая, ель резонансовая, береза лыжная. Дерево к дереву. Тонкомеру мало, осины не густо. Вот в Черноволоках, Павел Антонович, осины — сила, лесной ее побори! Пока кубик хвойняку наберешь, семь цотов сойдет. На таком лесе плана не вытянешь.

— Михаила Кузьмич, — перебил его Кованен. — Я прошу вас, ближе к делу. Время позднее, мы все устали.

— Можно ближе к делу, хотя я так думаю: весь лес — наше дело. — Хитроватые глаза Куренкова стрельнули в директора. — Конечно, лесничая на нас в обиде за куртинку. Есть на нас грех, лишнего брать не следовало бы. Настасья Васильевна — женщина занозистая, праву ее не перечь, однако, с озером, я думаю, надо разобратся по всем статьям. Слово мы свое скажем, как бюро постановит, так и сделаем. Дело серьезное, обмозгуем и решим, чтоб, значит, без ущерба.

Куренков потянулся к портсигару, попросил у лебедчика «спичечку», закурил, обежал товарищей глазами, еще раз повторил: «Как бюро решит, так и сделаем» — и сел.

— Вы тоже член бюро, — спокойно сказал Кованен. — Мы не поняли: вы за рубку или против?

Куренков громко вздохнул:

— Лес больно хорош, Павел Антонович.

— Жаль рубить? — не отставал парторг.

— А отказываться, Павел Антонович, неужто пожалко?

— Значит, вы — за рубку? — не отступал Кованен.

Любомиров сверлил глазами мастера, но он упорно избегал его взгляда.

— С планом, конечно, горим. — Рука Куренкова по привычке подтянула к горлу застёжку «молнию» на комбинезоне. — Что и говорить, святозерский лесок выручил бы здорово... Но ежели государству в ущерб, придется поступиться.

Любомиров послал про себя в адрес мастера крепкое словцо. Полез в защитники лесоводов! «Государству в ущерб!» Совсем рехнулся. Проваливает плап и бубниг о государственной пользе.

— Лесники встревожились. Стало быть, не зря, — проговорил Куренков, как бы оправдываясь.

— Угу, — кивнул Сузи, не вынимая трубочки изо рта. Кованец с живостью обернулся к нему:

— Пожалуйста, ваше слово.

«И этот туда же!» — с отчаянием подумал Любомиров.

Сузи, не торопясь, спрятал потухшую трубочку в карман куртки, стряхнул табак с колен. Его маленькое круглое лицо сплошь было исчерчено морщинами. Мастеру давно перевалило за шестьдесят, но он был вынослив, неугомон в работе, никогда не заговаривал о покое и пенсии.

— Лесу в Карелии много. Побережем Святозеро.

Сузи был скуп на слова, все это хорошо знали.

— Коротко и ясно, — одобрительно кивнул Кованец и посмотрел на тракториста. — А вы, что скажете?

Филиппыч — лучший тракторист республики, пользовался большим уважением у лесорубов Хирвилахти. Любомиров старался по лицу тракториста угадать, на чью сторону он станет. Кому, как не Филиппычу, выгодно вывезти побольше древесины. Святозерская древесина — крупномерная, на такой легче всего набрать «кубиков». Но о чем он говорит? Не трогать лес? Коробка спичек, зажата в руке Любомирова, хрястнула. Да что они, с ума посходили? Можно подумать, что на партбюро сидят не лесозаготовители, а работники лесничества. Ах, дьявольщина! Уже трое против него. Кованец четвертый... Остаются Карху и Гутаев. Если они его поддержат, силы уравновесятся.

Когда слово взял лебедчик Карху — старый, опытный производственник и предложил запросить трест, как быть с злополучным Святозером, Любомиров понял, что он останется на поле сражения с единственным верным соратником — главным инженером. На старого машиниста Гутаева он уже не рассчитывал: человек он осторожный, против большинства не пойдет. Но Гутаев неожиданно для Любомирова стал возражать парторгу.

— Нам что за дело, заговорил он с сердцем, забыв даже попросить слово. — Бумажку нам прислали по форме,

наше дело — рубить и точка. — Гутаев пристукнул по столу большим темным кулаком. — Чего сидим, чего решаем? В толк не возьму. Что же это такое получается? Приходит, значит, к секретарю партийной организации дамочка и фырк-фырк! Мол, не желаю подчиняться приказу; лес мой и вы не имеете права, наука запрет наложила. Все дураки, одна она умная. Ее, видите ли, не спросили, без ее ведома бумагу подписали. А мы ее спрашивать не станем. Бумага законная, правильная. Лес добываем государству, не кому-нибудь. — Машинист закашлялся и махнул рукой, давая понять, что свое он сказал.

— У меня к вам одно замечание, — спокойно обратился к машинисту Кованен. — Лесничая — лицо служебное. У нее есть фамилия.

— За «дамочку» извиняюсь, — буркнул машинист.

Итак, против рубки голосовало четыре человека, Бажевов и машинист поддержали директора, лебедчик воздержался. Любомиров тяжелыми шагами подошел к столу. Все смотрели на него в полном молчании.

— Я уважаю мнение большинства, — начал он с запинкой. — Я всегда подчинялся решениям партийной организации, но в данном случае я не могу согласиться...

Поймите, товарищи, мое положение исключительно тяжелое. Я — руководитель предприятия, я отвечаю за план. Весенне-летние заготовки требуют большого напряжения сил. Против зимы план не снижен. Трест понимает, что нам нелегко. Поэтому он пошел нам навстречу, выхлопотал близкий к вывозке участок. Как можно нам самим отказываться? Директор лесхоза Зайцев не возражает, а он — прямой хозяин леса. Я знаю, он дал срочное распоряжение Самоцветовой сделать отводы. Что ж нам еще нужно? — Любомиров помолчал. — Завтра мы приступаем к валке. Спокойной ночи, товарищи. — И ни на кого не глядя, Любомиров вышел.

Пока, расстроенный и раздраженный, Любомиров добирался до дому, Кованен ходил по кабинету и в одиночестве обдумывал создавшееся положение со Святозером. Поехать завтра в район? Ну, хорошо, он поедет, райком вызовет Любомирова, а тот скажет то же, что на бюро. Как же быть? И посоветоваться не с кем... Он очень устал, но домой не торопился. Там его никто не ждал: жена с сыном уехала в Беломорск к родителям.

Кованен облокотился на стол, подпер ладонями голову. Что же все-таки предпринять? Завтра Самоцветова придет и спросит...

Кованен испытывал внутреннее недовольство собой: он, парторг, не смог убедить директора. Что же предпринять?.. Стенные часы звонко и весело пробили двенадцать. Кованен машинально взглянул на свои ручные и снял телефонную трубку. Междугородняя долго не отзывалась. Районная телефонистка соединила его с квартирой секретаря райкома. Ему ответил женский голос. Кованен назвал себя, извинился, что беспокоит в неурочное время и попросил пригласить к телефону Леонида Яковлевича. Женщина ответила: «Мужа нет. Он на лесопункте, в Лебяжьем». «Минуточку, не вешайте трубку! — закричал Кованен. — Простите, пожалуйста, за беспокойство. Еще один вопрос. Мне очень пужно знать, когда вернется Леонид Яковлевич». На другом конце провода медлили с ответом. Наконец он услышал: «Я знаю, что завтра Леонид Яковлевич собирается ехать в Петрозаводск». Кованен поспешно переспросил: «Завтра?» «Да», — громко и отчетливо прозвучал голос жены секретаря райкома, будто она стояла рядом с Кованеном, в его кабинете. Звякнул звоночек отбоя.

Домой Кованен пришел голодный и усталый. Хотелось горячего чаю, но он поленился разжечь примус, поел холодных котлет и выпил молока. Комната без жены и сына казалась слишком просторной, неуютной и тоскливой. Игрушечный грузовик со сломанным колесом лежал на этажерке рядом с букварем. На столе белели аккуратно сложенные стопочкой носовые платки, подворотнички: уезжая, жена позаботилась, чтобы их хватило до ее возвращения. Кованен подшил к гимнастерке чистый подворотничок, снял с кровати покрывало, аккуратно сложил его и повесил на спинку стула. Спать не хотелось. За стеной тоненько заплакал соседский ребенок и тотчас же умолк. Кованен распахнул окно. Белые ночи уже отошли, но еще было светло. Волны свежего воздуха вливались в комнату. Тихо в поселке. Где-то за лесом рокочет мотор самолета, глухо и далеко. Кованен закрыл окно тяжелой шторой, зажег свет, разделся и лег в постель.

Рано утром, когда поселок еще только начал просыпаться, Кованен выкатил из сарая мотоцикл, завел его

и, будоража тишину улиц, выехал на шоссе, сизое от ночной сырости. В лицо ударил свежий пьянящий ветер. Впереди, по шоссе, бежал грузовик. В автомобильные очки Кованена застучали крупные песчинки, поднятые в воздух колесами грузовика. Кованен рванулся вперед и оставил позади грохочущий грузовик. Навстречу ему понеслись придорожные леса, полосатые километровые столбы, белые стрелки указателей населенных пунктов, обрывистая цепочка гранитных скал. Шоссе зазмеилось параллельно полотну железной дороги. В ушах свистел ветер, замирало сердце, захватывало дух. Все его существо охватило щекочущее, веселящее чувство. Оторваться бы от земли, врезаться в прозрачную синь утреннего воздуха и лететь со скоростью ракеты. Кованен любил езду быструю, головокружительную. Все, кому он предлагал проехать с ним на мотоцикле, неизменно отказывались с веселой шуткой, вроде: «Спасибо. Мне еще жизнь понадобится».

Через два часа Кованен въехал на своем стремительном транспорте в районный центр и значительно сбавил скорость. Он остановил запыленный мотоцикл на главной улице у двухэтажного дома с узеньким палисадником, за оградой которого теснились кусты шиповника и тоненькие деревца — клены. Кованен стремительно избежал по ступеням деревянной лестницы на второй этаж. В коридоре уборщица мыла полы. На его вопрос она ответила, что все отделы еще закрыты: рано. Кованен спустился вниз. «А вдруг Леонид Яковлевич прямо из дому отправится на станцию?» — подумал он и решил подождать на улице. Квартира секретаря в доме напротив, он его встретит. Кованен сел на крыльце, достал из кармана куртки вчерашнюю газету, стал читать.

— Что случилось, друже?

Кованен поднял глаза. Перед ним стоял секретарь райкома. Кованен быстро поднялся, поздоровался. Рука секретаря крепко пожала его руку.

— Смотрю в окно: знакомая фигура. Жинка сказала, что ты вчера ночью звонил.

Секретарь говорил, слегка растягивая слова, с мягким южным акцентом человека, которому с детства был близок украинский язык. В светлых глазах светился ум и что-то хитровато-добродушное пряталось в их глубине и в складках крупного рта, полного белых крепких

зубов. На вид ему было не больше сорока пяти. Широкоплечий, плотный, со здоровым цветом лица, выбритый и причесанный, он был одет в серый костюм с депутатским значком на лацкане пиджака.

— Времени у меня маловато. В Петрозаводск еду. Поднимемся ко мне. Расскажешь, что там у вас стряслось.

Секретарь легко поднялся на второй этаж, своим ключом открыл кабинет — просторную комнату с низким потолком, ковровой дорожкой на крашеном деревянном полу, с портретом Ворошилова над нисьменным столом.

Кованен рассказал, что заставило его звонить ночью и сейчас примчаться в район. Секретарь слушал, собрав складки на лбу.

— Что вам посоветовать? — медленно повторил он, чуть выпячивая нижнюю губу. — Откровенно скажу тебе, первый раз сталкиваюсь с таким делом. Никто из лесников мне на вас никогда не жаловался. Говоришь, у Любомирова бумага из треста? М-да... Сложная ситуация... — Секретарь поскреб ногтем подбородок: — И лесники, говоришь, очень встревожились?

— Да, Леонид Яковлевич, очень встревожились. Коллектив лесничества маленький, с техническим персоналом не больше двадцати человек, но народ трудолюбивый и принципиальный.

Обращение секретаря па «ты» не задевало Кованена. Он питал к нему сложные чувства — уважение, как к старшему товарищу, опытному в партийных делах, — и чувство личной симпатии, как к человеку: секретарь никогда не подчеркивал свое положение, не распекал за промахи в работе, а с большим внутренним тактом указывал на ошибки, убеждал, терпеливо поправлял.

— А Николай Алексеевич никак не соглашается с тобой?

— Нет, Леонид Яковлевич. Ни со мной, ни с бюро.

— Узнаю и здесь его характер. Скала!

Секретарь добродушно усмехнулся, приглаживая широкими ладонями зачесанные назад густые волосы.

— Мне непонятно, почему управление лесного хозяйства подписало приказ? Они-то знают, что лес защитный?

— Конечно, знают, Леопид Яковлевич.

Кованен облизал пересохшие губы, взглянул на графин с водой. Секретарь перехватил его взгляд.

— Чаю выпьешь? — неожиданно спросил он и, обращая внимания на протестующий жест Кованена, встал и приоткрыл дверь в приемную. — Наталья Ивановна, принесите-ка, пожалуйста, пару стаканчиков чаю.

Пожилая женщина принесла на подносе чай и несколько бутербродов.

— Леонид Яковлевич, спасибо. Я дома... — начал было Кованен, но секретарь перебил его:

— Ешь, друже. Ты — человек молодой, дома еще раз позавтракаешь: лишняя еда тебе не повредит.

Секретарь подошел к окну и, легонько постукивая пальцами по подоконнику, думал, устремив прищуренные глаза вдаль. Кованен наскоро поел, выпил стакан теплого чаю и отнес поднос на тумбочку. Секретарь вернулся на свое место.

— И директор лесхоза Зайцев, говоришь, не возражает?

— Нет, только лесники, — подтвердил Кованен.

Секретарь погладил пальцем гладко выбритую щеку, с минуту думал, потом обратился к Кованену глазами цвета морской воды, когда она скорей голубая, чем синяя, — и медленно заговорил, чуть растягивая слова:

— Любомиров — директор хороший, опытный. Леспромхоз Хирвилахти — крупнейший, требуем мы с вас крепко. С лесозаготовками начинаем отставать. Недодасм государству древесиныу. М-да...

Кованен сидел прямо, слушал, и по лицу секретаря старался угадать его мысли о Святозере. Он видел: секретарь говорит, а сам думает, как человек, который еще не определил своего отношения к вопросу и ищет правильного решения.

— Древесины нам, конечно, нужно много, но рубить надо с умом, по-хозяйски.

— Совершенно верно! — подхватил Кованен с необычной для него живостью. — Мы не убедили Николая Алексеевича. Требуется ваша помощь.

— Распутывать узелок надо начинать с треста, — немного помолчав, продолжал секретарь. — Если святозерский лес — защитный, как говорят ваши лесники, то логически рассуждая, рубить его можно только по недомыслию. Как я себе представляю эту историю? Нашему инициативному Николаю Алексеевичу приглянулся святозерский лесок. Он не откладывает дела в долгий

ящик, подает такую соблазнительную мысль тресту и трест начинает действовать. Вот здесь бы и стать на дыбы управлению лесного хозяйства, а оно почему-то проявило пассивность. Отсюда все и пошло. Одним словом, во всем этом деле надо разобраться. В Петрозаводске я попробую все выяснить.

— Любомиров уже начал валку,— заметил Кованен. Секретарь продолжал:

— М-да... Горопится наш Николай Алексеевич... По дело не в одном Любомирове, не в одном леспромхозе и не в одном нашем районе. Если трест получил бумагу на Святозеро, то почему бы ему не получить на другие участки: дорожка проторенная!

Он встал, взял со стола портфель: — Ты хорошо сделал, что приехал. Я постараюсь срочно выяснить положение со Святозером. А сейчас прошу извинить меня: поезд через час, я должен еще зайти домой.

Они вместе вышли на улицу.

— Ждите моего звонка,— сказал секретарь, на прощанье пожимая Кованену руку.— А лесники ваши — молодцы! — прибавил он и легкой походкой направился к своему дому.

23

В это утро Рукавишников был неласков со своей Валюшей. Не шутил, не подтрунивал добродушно, как обычно, а сердился и ворчал за столом: рыбу недожарила, картофель переварила. Явно придирался к жене Василий Васильевич. А когда она сделала попытку убрать с полки и вынести в кладовую партизанское снаряжение мужа: старый котелок, фляжку, ржавый нож и компас,— рывкнул на всю избу:

— Не трожь!

Бойкая и языкая Валентина Карповна присмирела. Что стряслось с ее Васенькой? Против обыкновения она даже не спросила, когда он вернется домой, робко подала холщевую сумку с едой и только вздохнула. Васенька пошел со двора, не оглядываясь.

Пока Рукавишников добирался до лесничества, Анастасия Васильевна побывала у Кованена. Парторг только что вернулся из района.

— Как же нам быть? — упавшим голосом спросила она, когда он ей сказал: «Пока ничего определенного не могу сказать. Придется подождать...»

О разговоре с секретарем райкома Кованен не говорил.

Анастасия Васильевна бросилась искать Баженова. У мастерских Баженов встретил ее со спокойной приветливостью:

— Ну зачем так волноваться? На вас лица нет.

Из ворот мастерской выполз трактор, гремя гусеницами по каменистой земле. Тракторист Петя Захаров — «мой консультант», как ласково называл его Баженов, — махнул кепкой, широко улыбаясь. «На Святозеро, к Куренкову», — подумала Анастасия Васильевна, глядя вслед трактору, и сердце ее сжалось.

— Николай Алексеевич просил меня поговорить с вами, — мягко сказал Баженов.

— О чем?

Имя Любомирова вызвало в ней ожесточение.

— Об отводах, — почти ласково ответил Баженов.

Анастасия Васильевна от возмущения задохнулась:

— И вы говорите мне об этом? Как вам не совестно? Пусть Любомиров, но вы... вы лишаете диссертацию о лесе.

— Анастасия Васильевна, я не хочу с вами ссориться из-за путаницы в головах ученых-лесоводов. Ваша лесная наука не сказала твердого слова о защитном лесе. На совещании мы с вами были вместе.

— Но мы не слышали на совещании: «Рубите запретный лес». Есть закон, а вы обошли его и радуетесь. Как я вас ненавижу за предательство!

Анастасия Васильевна резко повернулась и пошла по дороге.

— Какое предательство? — крикнул ей вслед Баженов.

Она не оглянулась. Она кипела от негодования. Да, он предатель. Сколько вечеров они провели вместе, сколько книг она перечитала о лесе с его пометками. Он помогал ей готовиться к экзаменам, он знал не меньше преподавателей института лесного хозяйства, знал и спокойно пошел с топором на Святозеро...

...Все сотрудники лесничества собрались в конторе и ждали, что она скажет. Коля отложил в сторону пачку счетов, дядя Саша теребил усы, бормотал: «Ну и оказии! Поди, рассуди!» Рукавишников угрюмо раскуривал

трубку. Употреблял он курево редко, в тех случаях, когда его обуревали гнетельные думы. Была у объездчика своя печаль. Жаль ему было святозерский лес, как память о минувших партизанских днях. «Зеленый друг» был верным союзником в борьбе с оккупантами. А где лучше всего охотиться? Водятся в святозерской чаще медведи, рыси, волки, лисицы, много белок, боровой дичи.

— Что будем делать, товарищи! — задала вопрос Анастасия Васильевна.

— Споем Святозеру «вечную память» и разойдемся, — усмехнулся Парфенов.

— Смеешься, Гаврила? — Рукавишников сердито застучал трубкой по столу, выколачивая пепел.

— Плакать что ли? Леспромхозу до нас дела нет. Помогли ваши пламенные речи, Анастасия Васильевна? Плетью обуха не перешибешь. Пусть голова болит у Зайцева. На то он и наш вождь. Мы — синцы в колеснице.

— Говоришь как по писаному. И вашим и нашим, — заметил Рукавишников.

— Я сам по себе, — огрызнулся Парфенов. — Не делайте из-за пустяков шума.

— Святозеро — не пустяковина! — вскипел Рукавишников. — Ты леспромхозовским низко кланяешься. Кабы твоя воля, весь лес подарил бы им, поднесли бы только чарку.

Парфенов побагровел:

— Ты меня не оскорбляй! Подхалимаж — твое призвание.

— Помолчите вы, петухи! — прикрикнул дядя Саша на бывших друзей. — Эх, Гаврила Семенович, чужак ты в нашей семье лесной. Сила наша — в мире да согласии. — Лесник с гоской поглядел в окно. — Мы грыземся промеж собой, а там, знай себе, валят заветный лесок, и взятки с них гладки. Мой обход, братцы. Оставят одни пеньки, карауль, дядя Саша. Да неужто не найти управы на них? Пошлем жалобу в центр, там разберутся. Виноватых по головке не погладят.

Рукавишников махнул рукой:

— Время не терпит.

— Всея артелью подпишем, — продолжал лесник, увлеченный своей мыслью.

— Я предлагаю послать телеграмму на имя Председателя Совета Министров,— сказала Анастасия Васильевна.

— Это дело! — оживился Рукавишников.

— Пиши, Настасья Васильевна. Заявляй от всех нас,— оживленно поддержал их дядя Саша.

Люди обрадовались, в сердца вселилась надежда. Парфенов сидел в стороне и хмуро глядел на товарищей, сгрудившихся вокруг лесничей, потом встал и подошел к столу.

— Так вот,— начал он, и все обернулись к нему,— заявляю официально: я человек дисциплинированный и действовать через голову директора Зайцева не стану. Прошу мое личное мнение записать в протокол. А сейчас я отправляюсь в лес, на свой пост.

Парфенов быстро вышел из конторы, сопровождаемый возмущенными взглядами сотрудников.

Вечером звонил Зайцев и распекал Анастасию Васильевну за то, что она не оформила отводы у Святозера. Она сказала ему о телеграмме. Зайцев потерял дар речи. Анастасия Васильевна различила только одно слово «своеволие».

Парфенов втайне торжествовал. Заварила кашу лесная королева — пусть одна и расхлебывает.

Из Крутогорска полетела телеграмма в Петрозаводск на имя начальника Главного управления. Зайцев предупреждал «о своеволии» Самоцветовой и просил принять во внимание его непричастность к «скандальной истории».

Телеграфистка под «большим секретом» повсела своей подруге Стрельцовой о жалобе лесничества «само-му Председателю Совета Министров на нашего Николая Алексеевича».

Стрельцова всполошилась:

— Клапечка, умоляю, подожди передавать телеграмму. Десять минут, прошу у тебя.

Добровольный курьер Нюша вихрем помчалась отыскивать Любомирова. Красные ленточки Нюши замелькали в дено, на пижней бирже, в мастерских, на лесопилке. Быстроногая девчонка постигла Любомирова в диспетчерской.

— Получай, сипичка, и лети обратно. Скажи: скоро буду.— Любомиров насыпал в Нюшину ладошку леденцов, которыми сам любил лакомиться.

Почта напротив конторы. Стрельцова зашептала в окошечко телеграфа:

— Кланечка, только пять минут. Николай Алексеевич идет.

Дежурный диспетчер и Любомиров встревожены. На Отраду давно ушел порожняк за хлыстами, пора бы ему вернуться, а сигналов никаких нет. Отправлять в лес очередной состав нельзя: дорога в одну колею с разъездами.

— Расписание летит к черту! Куда он запропал? Звони,— теребил Любомиров диспетчера — высокого парня в синей куртке с маленьким спортивным значком на груди.

Наконец-то долгожданный звонок! Диспетчер прижимает к уху кружок телефонной трубки, слушает, и у него вытягивается лицо.

— Крушение, Николай Алексеевич!

— Что?! — Любомиров вырывает трубку у диспетчера.

Да, верно, состав с древесиной сошел с полотна. К счастью, человеческих жертв нет.

— А паровоз! Паровоз! — надрываясь, кричит Любомиров в трубку.

Ему отвечают, что неизвестно: цел ли паровоз, или поврежден.

— Шляпы! Куда смотрели, когда шили ус! — возмущается Любомиров, и в адрес строителей лесной дороги из уст директора сыплются крепкие выражения.

Депо рядом. Любомиров бежит туда, и через пятнадцать минут Сергей выводит из депо начищенный до блеска мотовоз. Любомиров сидит в кабине с лицом встревоженным и злым.

К диспетчерской, сломя голову, бежит Ньюша.

— Дяденька Ко-оля! Дяденька Ко-о-ля, тетенька Аня велела...

Мотовоз трогается. Топенкий голосок Ньюши топот в частом стуке колес мотовоза. Ньюша, чуть не плача, возвращается в контору.

Любомиров вернулся домой лишь поздно вечером, злой и усталый. На Отраде скапливалась древесина, а вывозку можно будет начать только завтра, когда закроют ус, иначе опять авария.

— Коля, тебя Анна Корнеевна дожидается, — сказала жена, снимая с него пиджак.

— Пусть подождет. Давай умываться,— проговорил Любомиров.

Жена торопливо подала ему мыло. Пока он гремел умывальником, она с полотенцем в руках стояла возле него с выражением покорной готовности на лице, поблекшем прежде времени. С утра до вечера она возилась по хозяйству, мыла, стирала, чистила, скребла. Антонина Григорьевна редко показывалась в клубе или на улице. Даже в праздничные дни у нее всегда находилась работа в большом доме, где шумела, кричала, плакала и смеялась орава ребятнишек.

— Коля, ты не забыл: Анна Корнеевна ждет,— напомнила Антонина Григорьевна мужу, принимая от него мокрое полотенце.

— Подождет. Давай есть. Я голоден, как волк.

Антонина Григорьевна носила из кухни тарелки и молча ставила перед мужем.

— Не греми! — поморщился Любомиров и посмотрел на жену. Антонина Григорьевна вышла из комнаты, тихо притворив за собой дверь. Любомиров думал о том, — успеют ли рабочие за сутки отремонтировать узкоколейку. Тяжелый выпал день. На дороге — авария, у Савинкова сломался трактор. План трещит, а тут еще придется снимать рабочих с лесозаготовок на прокладку усов: дороги надо строить летом по талой земле. Сколько забот, голова трещит. Куренков начал валку леса, пока там все в порядке, но эта Самоцветова отказалась делать отводы. И даже Баженов не сумел ее уговорить. Ладно, обойдется без лесничей, после валки Зайцев оформит все честь по чести. Зря Кованец шумел на бюро...

Любомиров зевнул, поскреб пятерней мохнатую грудь. Жена за ширмой тихонько баюкала ребенка, ласково и полусонно пела что-то про «серенького котика». Ребенок заплакал и тотчас же затих. Умолкла и колыбельная.

— Топя,— тихо позвал Любомиров жену.— Дай переодеться. И стели. Спать хочу.

Любомиров на ходу стянул рубашку, открыл дверь в соседнюю комнату и тотчас же попятился. В кресле сидела Стрельцова с кипгой в руках.

— Виноват,— пробормотал Любомиров, отступая за дверь.

— Я же тебе говорила, Коля...

Антопина Григорьевна торопливо набросила на плечи мужа пиджак.

— Председателю Совета Министров? — переспросил Любомиров, потемнев лицом, когда Стрельцова сказала ему о телеграмме.

— Да, да, Николай Алексеевич, — испуганно и возмущенно подтвердила Стрельцова. — На такое только Самоцветова и способна. Парфенов пытался ее образумить, но разве эта зазнайка считается с людьми?

— Вот что придумала, — тихо проговорил Любомиров, не слушая секретаршу.

— Я просила Кланю не отсылать, подождать, пока вы вернетесь из лесу.

— Что не отсылать? — очнулся Любомиров.

— Телеграмму, Николай Алексеевич.

— Вы с ума спятили? — заорал Любомиров, багровея от гнева. — Да вы понимаете, что это такое?

Стрельцова растерянно заморгала ресницами:

— Николай Алексеевич, я думала... Я считала... Я полагала — так будет лучше для вас... для нас...

— Ваше дело работать, а не думать за меня!

Любомиров стукнул кулаком по столу. Синяя ваза с цветами опрокинулась, залила плюшевую скатерть.

— А, черт! — Любомиров выбросил цветы в окно, ваза скатилась на пол и разбилась.

— Николай Алексеевич, успокойтесь, — робко начала Стрельцова. — Кланя отказалась ждать. Телеграмма ушла в Петрозаводск в тот час, когда вы уехали в лес на место аварии.

— Отказалась? — недоверчиво переспросил Любомиров.

— Да, да! — Стрельцова закивала завитой головой. — Наотрез отказалась: «Не могу, не имею права, за это судят».

— Гм... Отказалась, говоришь? — Любомиров тяжелым взглядом окинул свою верную помощницу. — Твоя близкая подруга, говоришь? Твоя Кланя — честный работник. Бери с нее пример.

— Николай Алексеевич, — голос Стрельцовой задрожал от обиды. — Я старалась для вас...

Любомиров, не обращая внимания на гостью, принялся ходить по компате. Под ногами захрустели осколки вазы. Стрельцова ушла, обиженная.

За стеной слышался тихий и ласковый голос Антонины Григорьевны: «Спи, маленький, спи, мой котик sereneкий...»

Любомиров опустился на стул у открытого окна, выходящего в небольшой дворик — палисадник с густо разросшимися кустами черной смородины. В комнату бесшумными шагами вошла жена. Любомиров не обернулся.

Антонина Григорьевна, потихоньку вздыхая, собирала с полу осколки фарфора. Ваза свадебная. Жалко. Напомнить Коле, что сегодня двадцать лет, как они поженились? Вазу подарила Колина покойная мать в день свадьбы. Нет, мужу не до того. Расстроила его Анна Корнеевна какой-то телеграммой. Подойти к мужу, спросить, что случилось, Антонина Григорьевна не решалась. Коля не ответит, не любит он, когда она заговаривает о его делах. Конечно, он прав. Что она понимает?..

Антонина Григорьевна взглянула на сутулую спину мужа, на поникшую седую голову, и сердце ее сжалось. Нелегкая у Коли жизнь. С утра до вечера на работе, как заведенный, каждый день неприятности, домой редко приходит в хорошем настроении. В отпуске не был. Не бережет себя. А года немолодые...

— Коля, ты бы лег. — Антонина Григорьевна робко положила руку на плечо мужа. — И не расстраивайся так... Не знаю, что у тебя, но мне на тебя больно глядеть.

Любомиров тяжело поднялся, устало вздохнул:

— Да, пожалуй, пора на отдых.

Под его сапогом хрустнул осколок. Любомиров взглянул под ноги, раздраженно сдвинул брови:

— Что за черепки по всей комнате?

Жена тихо отозвалась:

— Ваза свадебная. Ты разбил. Сегодня двадцать лет...

— Двадцать лет? — повторил Любомиров, наморщив лоб. — Жена смотрела на него с грустью и укором. — Ах, да! — воскликнул Любомиров виновато. — Извини, Тоня, за вазу и плохую память.

Он ласково взял жену за плечи, посмотрел в ее усталые глаза и вдруг ему так ясно представился день свадьбы, как будто это было вчера, и она, Тоня, его невеста, в легком белом платье с сияющими глазами, с толстыми косами и он, бравый, сильный парень, только что отслуживший в армии свой призывной срок.

— Да а... Стареем мы с тобой, жена... Двадцать лет... Когда они успели пролететь, а?

Антонина Григорьевна тихо заплакала, прижимая голову к груди мужа. Он слышал, как гулко бьется ее сердце, и нежно гладил ее волосы с серебряными нитями на висках. Антонина Григорьевна была счастлива этой редкой и грустной лаской.

Ночью она часто просыпалась. Она слышала, как муж ворочается на своей кровати за перегородкой, вздыхает, чиркает спичкой, курит.

Утром Любомиров встретился с Кованеном на узком тротуарчике против конторы. Кованен сказал о поездке в райком. Любомиров потемнел лицом, но ни слова не произнес.

— Николай Алексеевич, подождем до вечера.

Любомиров смотрел в сторону диспетчерской: рабочий поезд ждал стравления на Святозеро.

— Николай Алексеевич, я уверен: распоряжение отменят.

Любомиров перевел угрюмый взгляд на парторга:

— А если нет? Вы будете отвечать за срыв плана? Каждый час простоя — это кубометры древесины. Механизмы на местах, валка идет, а мы объявим перекур на полный рабочий день?

Кованен что-то хотел сказать, но директор не дал ему говорить:

— Павел Антонович, я тороплюсь. Диспетчер ждет меня. Я еду с рабочими на Святозеро.

Любомиров взглянул на свои ручные часы и широким быстрым шагом пошел по узкой утоптанной дорожке к полотну узкоколейки.

24

Святозерский лес стоял ошетиженный, угрюмый. Звери и птицы покидали свое вековечное убежище. Тяжело падали на землю спиленные деревья. Ухала и стонала земля. Дрожали пышные зеленые берега озера. В тревоге шумели сосны. По озеру бсжала рябь. В прорубленный коридор ворвался ветер. В небе металась и сталкивались рваные дымчатые облака.

Рукавишников совершал обход дальнего участка. Он глядел на леса, прильнувшие к озеру, и вспоминал парти-

занскую жизнь. Вот и знакомый блиндаж — землянка. Прогнивший потолок провалился, иструхлявились ступеньки, на земляной насыпи густой щеткой разросся ельничек. Старые ели силели тяжелые ветви над бывшим убежищем партизан. Рукавишников провел ладонью по шершавым стволам. Скоро и они падут долу. Уже долетает сюда слабое рокотанье трактора, тонкий свисток воткинского паровоза. Прощай, лес, прощай, старый друг...

В хвойном лапнике притаился глухарь. Огромная птица склонила на бок бородатую краснобровую голову с серым клювом, прислушивалась к лесным шорохам. Отшельник, древний житель глухих лесов, чуял надвигавшуюся беду.

Анастасия Васильевна приехала на Святозеро с Парфеновым и лесниками. Возле электростанции она увидела Баженова. Главный механик и Любомиров наблюдали за работой погрузочного крана. Связка бревен, поднятая краном, мягко опустилась на платформу. На эстакаде усердно трудились рабочие: разметчик, раскряжевщик, откатчики и сортировщики. Трактор сгружал хлысты, второй выползал из лесу. Да, при таких темпах работы святозерскому участку жить недолго.

Баженов протянул Анастасии Васильевне руку. Она сделала вид, что не заметила его протянутой руки, сухо ответив на его поклон. Лицо у нее было усталое, под глазами — синева, рот строго сжат, взгляд враждебный.

— Алексей Иванович, дайте нам двух рабочих для клеймения семенников. Мы сами не успеем отметить. Вот схемы лесосек.

Баженов с подчеркнутым вниманием склонился над листом ватмана, который развернула перед ним лесничая. Вычерчено тушью, аккуратно, не наспех. Цепь куртин в виде островков у самой воды и множество крестиков по участку — отдельные семенные деревья.

— Не много ли? — Баженов положил ладонь на ватман и с мягкой улыбкой посмотрел Анастасии Васильевне в лицо.

Она сердито вскинула на него глаза:

— Вы еще торгуетесь?

— Пожалуйста. Я согласен, — миролюбиво кивнул головой Баженов. Синяя бумажная куртка и простые сапоги делали его похожим на заправского лесоруба.

Дядя Саша процедил сквозь зубы, не глядя на ппжепера:

— Погодите маленько, орлы залетные! Подвяжут вам крылья.

Подошел Любомиров, поздоровался с лесоводами, мельком взглянул на схемы и, подозвав проходившего мимо Куренкова, приказал ему выделить рабочих.

— В полное распоряжение Анастасии Васильевны,— подчеркнул директор. В его голосе звучала наигранная доброжелательность, но в глубине глаз таилась плохо скрытая досада.

К эстакаде торопился Рукавишников. Ни с кем не здороваясь, он остановился перед Любомировым, глухо заговорил:

— Не трожь третий квартал, Николай Алексеевич. Там паша партизанская землянка. Ели стародавние, от вражеских пуль нас хоронили. Неужто ты и командира нашего отряда забыл? Забыл, как принесли мы его, раненного, и положили под те ели... Святозерский лес был нашей крепостью, домом, другом верным в тяжелую годину. Почто сейчас без крайней нужды с топором пошел на бывшего защитника? — Рукавишников на мгновение умолк, вздохнул. — Не верю я, что забыл ты партизанские дни... Не трожь, Николай Алексеевич, третий квартал, совесть твою прошу.

Любомиров молчал. Все смотрели на него.

— Что в третьем? — отрывисто спросил Любомиров у Куренкова.

— Ель первосортная, Николай Алексеевич.

— Первосортная, говоришь? — переспросил Любомиров, задумчиво глядя на синеющий вдали мыс. — Не рубить! — коротко бросил он Куренкову.

— Спасибо тебе, — тихо сказал Рукавишников. — Уважил.

— Гм! — взъерошился дядя Саша, как воробей в драке. — С пашей плошки, да пашей ложкой, а мы еще в пожки.

Любомиров ничего не ответил.

Дядя Саша справил заплатанную рубаху, задорно вскинул рыжеволосую голову, прикрытую старенькой кепочкой.

— У тебя, Николай Алексеевич, извини, народ — не в счет. Своей волей живешь. Однако смотри: споткнешься.

Любомиров оторопел.

— Ты что, друг, с похмелья?

— Не гляди так грозно, не испугаешь. Всем пародом тебя упрашивали, не трогать лес, а ты свое. Мой обход, понимаешь? — с отчаянием воскликнул дядя Саша. — Мы лес берегли, а ты его под корень?

Дядя Саша прихлопнул кулаком свою сбившуюся на бочок кепочку и твердыми шагами удалился от удивленно-растерянного директора. За лесником ушли и другие сотрудники лесничества. — Скажите-ка! — насмешливо протянул Любомиров. И больше не нашел, что сказать.

Целый день лесоводы клеймили семенники. Никто не говорил о телеграмме, но все только о ней и думали. Прилетело бы из центра одно слово, строгое, справедливое, и святозерский лес остался бы жить на века. Утром, уезжая в лес, Анастасия Васильевна сказала Коло: «Будет ответ, не медли ни минуты, скачи к нам». Не волновался один Парфенов. Ждал с нетерпением, чем кончится «история с бунтом в Хирвилахтинском лесничестве». Клеймил он старательно: никто не скажет, что он саботажник. Когда вывел на сосне черной краской цифру «45», вдруг вспомнил, что сегодня день его рождения.

— Сорок пять мне стукнуло, Василий Васильевич. Да... года летят, считай, жизнь прошла, проскочила.

Рукавишников вдохнул полной грудью напоенный смолистым ароматом воздух, огляделся вокруг: все цветет, зеленет, лежит земля в первоцветной красе.

— Эх, Гаврила, мне бы твои года!

Парфенов вяло переступил, раздавил сапогом семейство желтоватых лисичек.

— А мне все равно: мои или твои года. Сорок пять или шестьдесят. — Парфенов сорвал красно-лиловый колос иван-чая, смял и бросил. — Радость одна — умру теперь или через двадцать лет. Живем, тянем лямку, а зачем — не спросим.

Рукавишников вынул из сумки шнур, положил на полнос, рыхлое плечо Парфенову.

— Возьми, Гаврюха, спрячь и носи с собой. Задумаешь удавиться, искать не надо.

— Дурацкие шулки! — рассердился Парфенов, отшвырнув шнур.

— Не удавишься, знаю, — насмешливо прищурился объездчик. — Любишь свою скучную жизнь. А чтоб тебя

не теребили, придумал жалкие слова про жизнь, про смерть. Погляди вон на ту березу.

На поляне, в стороне от своих красавиц-сестер, росла одинокая береза с пятью искривленными стволами, с черными пятнами на белой коре.

— В сторонку ушла. Стесняется своего уродства. Вишь, как ветки опустила, прикрывается. А некоторые люди свое уродство выставляют напоказ.

— Философ! — криво усмехнулся Парфенов и, забрав ведерко с краской, ушел от объездчика на другой участок.

Всечерело. За вершины деревьев уходило на покой гаснущее солнце. Кончали на делянках работу лесорубы, затихал лес. Так Коля и не появился на Святозере. Петрозаводск не отвечал на «молнию».

Домой Анастасия Васильевна ехала с Рукавишниковым в тамбуре вагончика: не хотелось ей сидеть среди лесорубов. Вместе с объездчиком они почти бежали в контору. А вдруг есть ответ? Коля показал ей отпечатанный на папиросной бумаге приказ Зайцева: он получил его утром. Директор лесхоза объявлял лесничей Самоцветовой выговор за отказ сделать отводы на Святозерском участке. Первый выговор за все время ее работы!

— Вот тебе «молния»! Куда торопится старик наш? — с досадой сказал Рукавишников.

Анастасия Васильевна вывесила приказ на доске объявлений.

— Сними, Васильевна. Зачем ты его? — кивнул объездчик на бумажку, белевшую на синей фанере.

— Я его в папку. — Коля сдернул приказ с доски.

— Коля, повесьте обратно. — В сдвинутых бровях Анастасии Васильевны таилась суровость. Коля неохотно подчинился.

Стрельцова встревоженно смотрела на правительственную телеграмму — «молнию». Позвонила на почту. Телеграфистка Клара ответила: «Копия доставлена. Самоцветова в лесу, расписался бухгалтер». Тем лучше, что в лесу: и Самоцветова, и Николай Алексеевич с Баженовым. Пусть рубят. Дель только начался. Ну и язва

лесничая! У Николая Алексеевича и без того куча неприятностей. В папке к докладу для него приготовлена бумажка. С леспромхоза требуют десятки тысяч рублей за простой вагонов, цистерн, за недогруз, за неокорку рудничной стойки и еще, и еще...

Стрельцова положила телеграмму в ящик стола, подошла к окну. На пижнем складе дымил паровоз, притянувший длинный хвост платформ с древесиной. На широкой колее шла погрузка в вагоны-пульманы. Среди грузчиков один выделялся исполинским ростом. На плечах он нес две шпалы. Стрельцову не покидала мысль: как быть с телеграммой? Оставить до вечера? Или отправить в лес? Что лучше для Николая Алексеевича? Как бы не попасть впросак и не вызвать его гнева. И посоветоваться не с кем... Стрельцова вынула из ящика бланк с косо наклеенными буквами, положила его в конверт и, заперев приемную на замок, вышла на улицу.

Матвеевна заставила Колю несколько раз перечитать телеграмму «самого председателя», прослезилась от радости за Настеньку и побежала в поселок добывать творогу для калиток. Вернется дочка, поест горяченьких. День праздничный.

Коля на гнедом мерине поскакал в лес. У диспетчерской он увидел мотовоз и Сергея в кабине. Узнав о том, что товарищ едет на Святозеро, он поручил сынишке стрелочника отвести копия в лесничество, а сам сел в кабину мотовоза.

Через два часа друзья уже были на Святозере. Сергей пошел директора на эстакаде и вручил ему письмо от Стрельцовой.

Прочитав телеграмму, Любомиров потемнел лицом. Стоявший с ним рядом Баженов спросил, что случилось.

— Вот, полюбуйтесь! Чертова баба!

Баженов пробежал глазами телеграмму, неопределенно проговорил:

— М да.

— Ах, дьявольщина! Как же быть, а? — Любомиров уставился в телеграмму. — «Прекратить немедленно»... Ах, чтоб ей! Но, что же делать, а?

— Выполнять приказ, Николай Алексеевич.

— Легко сказать... Оставить такой лес! — Любомиров сжал в кулаке бланк. — Это только начало. А наше письмо в трест? Кто теперь нам разрешит новые участки?

Пока Любомиров бушевал, Коля, задыхаясь и падая, бежал к лесосеке. Он издали увидел красную косынку лесничей. Потрясая над головой телеграммой, Коля закричал во все горло: «Ура-а!» Лесоводы бросили работу. Телеграмма переходила из рук в руки.

— Ура-а! — кричал Коля, подбрасывая кепку в воздух.

— Так и должно быть, так и должно быть, — повторяла Анастасия Васильевна, не скрывая своего ликования. Она чувствовала необыкновенный прилив энергии. — Идемте к Любомирову.

— Ага, я говорил. Пошли, голубе. Ай да мы! Нас голыми руками не возьмешь.

— Эй, Гаврила, ноги подкосились от радости, что ли? — обернулся Рукавишников к Парфенову, который уселся под елью.

— Демонстрация обойдется и без моего участия.

— Ну и сиди один, как черт на болоте! — рассердился объездчик.

— Оставьте его, Василий Васильевич.

Парфенов достал из сумки бутерброд с зайчатиной. Он представил Любомирова в ту минуту, когда ему преподнесут «приятное известие», и при всей своей враждебности к лесничей, почувствовал злобное удовольствие. Не цепил Любомиров его, Парфенова, когда он был лесничим, пусть теперь выкручивается.

— Идут. Они уже знают. — Любомиров смотрел на кучку лесоводов. Красная косынка Анастасии Васильевны флагом плыла над вырубкой. — Э, нет, я не доставлю вам удовольствия мне приказывать. — Любомиров обернулся к стоявшему у будки электромеханику: — Бондарчук, выключите ток!

— Что? — округлил глаза механик.

— Выключите ток. Мы прекращаем работы.

— Почему?

— Выключайте! — сердито повторил Любомиров.

Мотор электростанции замолк. На лесосеке перестали падать деревья.

— Алексей Иванович, удовольствие беседовать с этой милой женщиной я предоставляю вам. Ее речами я сыт по горло. — Любомиров прсгрохотал сапогами по эстакаде, пересек склад, сел в кабину мотовоза. Сцеп с древесиной потянулся за мотовозом. и вскоре хвост его скрылся за лесом.

Баженов испытывал двойственное чувство по отношению к Анастасии Васильевне: раздражение — сорвали план заготовок, и уважение — она добилась-таки своего. Сколько в ней упорства и веры в правоту своего дела. Вот она идет широким, энергичным шагом, а за ней — ее маленький огряд. Сколько хорошего волнения в их сердцах в эти минуты! Как недобро она усмехнулась, прищутив глаза, когда он сказал, что рад за лесничество.

Рабочие, узнав в чем дело, сгрудились у эстакады, подняли ропот: не работа, а игра в бирюльки. Лесничество виновато, ставит палки в колеса. Дядя Саша обиделся за свое лесничество.

— Палки в колеса вы нам ставите. Лес-то защитный, мы его бережем, а вы под корень! Мешаете нам работать!

— Мы мешаем? — угрюмо проговорил Иван, помощник Тойво. — Неправда твоя, дядько! Мы в ваши дела нос не суем, а вы каждый наш шаг под контроль взяли. «Не так пилите, не так трелюете, не там волок протянули». Надоели вы нам. Очи наши на вас не глядели б! Из-за вас простой. Заработок теряем.

— Иван, ты — личность несознательная, всяк скажет. Мало мы вашего брага учим! Мало штрафуем за лесонарушения. Вот!

— Дядя Саша! — тихо, но строго сказала Анастасия Васильевна. — Прекратите, пожалуйста!

— А нам с ними детей не крестить! — не унимался лесник. — Полезли на заповедник и еще бранятся. Закачать бы им штрафу тысяч на сто, век бы помнили!

— Какой приткий, а? — рассмеялся Куренков. — Почему ты не директор лесхоза? Строгость, усы подходящие...

Шутка мастера вызвала улыбку на хмурые лица рабочих. Анастасия Васильевна подошла к краю настила, над которым черными веревками повисли на стойках кабели электростанции.

— Товарищи! — прозвучал ее голос. — Оставим взаимные обиды. Не в них дело. Посмотрите на озеро.

Головы рабочих невольно повернулись в ту сторону, куда показывала лесничая. Озеро лежало тихое, как полная синяя чаша. Зеленое кольцо вокруг него было изуродовано вырубками. Только на том берегу, куда не успели добраться пилы, синела мощная стена зубчатого бора.

— Зеленое кольцо, товарищи, ни в коем случае нельзя было трогать. Лес предохранял озеро от обмеления и высыхания. Озеро питает нашу Северянку, а Северянка в горячую сплавную пору несет на себе целые флотилии древесины. Защитный лес обсеменял вырубки. Больно и обидно, что мы сами его попортили...— Анастасия Васильевна замолчала и отошла в сторону.

Рабочие молчали. Пожилой раскряжевщик, сидевший на чурбаке, поднялся и подошел к Бажену:

— Алексей Иванович, объясни-ка ты нам...

Глаза рабочих устремились на главного инженера.

— Ну, что ж поделаешь, товарищи,— развел руками Бажен.— У всех бывают ошибки.

— Лесу, что ли, мало? — пожал плечами раскряжевщик.— Пошто рушить, коли защитный? Не дело. Мы-то понимаем. Наше...

Рабочие зашумели, слышались отдельные голоса.

— Время теряем!

— Лесники — народ прижимистый.

— Нет, лесники правильно за свое стоят!

— Досада какая! План срываем.

— Такую ошибку не поправить. Лес-то свалили?

— Хорошо, еще не весь под корень!

Анастасия Васильевна, дядя Саша, объездчик жадно прислушивались к голосам рабочих. Нет, духом падать нельзя. Среди лесозаготовителей много друзей леса...

Бажен распорядился закончить распиловку хлыстов, погрузить древесину, привести в порядок вырубки.

Лесоводы осматривали поле боя, где они потерпели еще одно поражение. От множества пней, усеявших вырубку, рябило в глазах. Люди жалели, что телеграмма не пришла на день раньше. Но, все-таки, половина леса осталась жить. Рукавишников обрадованно говорил, показывая третий кваргал:

— У Куренкова совесть заговорила. Любомиров велел оставить один третий,— я просил, партизанская землянка там,— а Кузьмич нам и четвертого добрую половину подарил. Глядите-ка, стоит сосняк да ельничек целехонек! Спасибо мастеру!

Восточную часть озера прикрывал такой роскошный лес, что у лесоводов дух захватило. А могло бы случиться, что скосили бы...

— А седьмой и восьмой, посмотрите-ка, тоже не успели. Мой обход.— Дядя Саша почти с нежностью смотрел на синевший вдаль лес.

Анастасия Васильевна склонилась над журчащей струйкой родничка. Живая влага была ключом из сердца земли. Родничок блистал в траве и пел свою незатейливую песенку, тихую, радостную, как трель жаворонка в поднебесье.

— Живешь,— ласково сказал дядя Саша и, припав к родничку, попил прохладной воды.— Лесок над тобой шумит, солнышко тебя не высушит. А водица, что слева.— С большой рабочей ладони лесника падали кристально прозрачные капли.

— Из таких лесных родников рождаются наши северные реки,— сказала Анастасия Васильевна.— Но будем работать. Остатки кольца спасены.

Лесоводы вернулись на вырубку.

Между тем Кованен закончил беседу с рабочими депо и вернулся в контору. Вызывала междугородняя. Кованен с волнением сжимал в руках трубку, слушал далекий гул проводов, шорохи, писк зуммера. Он повторял терпеливо и настойчиво, как в былые фронтовые дни: «Слушаю, слушаю... Говорите, Хирвилахти слушает...» Наконец, до его слуха донесся приглушенный расстоянием знакомый голос. Кованен закричал: «Да, да, я слушаю вас, Леонид Яковлевич!» Кованен слушал. Строгое лицо его вдруг осветила улыбка, гибкие брови приподнялись, глаза заблестели, голос зазвучал по-юношески звонко. «Да, да! Конечно, знаю. Ковригин. Понимаю... Тоже и в Совете Министров?» Кованен кивал головой, поддакивал, будто секретарь райкома говорил с ним с глаза на глаз, а не за десятки километров от поселка. «Пока здесь дело решалось, пришла телеграмма от твоих лесников. Ты меня слышишь?» Кованен подтвердил, что слышит он великолепно. «Напористый народ в вашем лесничестве! — весело сказал секретарь.— Совет Министров послал распоряжение Любомирову «прекратить», копию — лесничеству. Выясни. Я подожду у трубки».

Кованен бросился в приемную. Его стремительная походка, разгоряченное лицо и нетерпение в голосе крайне удивили Стрельцову.

— Да, Павел Антонович, телеграмма из Петрозавод-

ска была.— Я ее отправила в лес. Такая неприятность! Подумать только, из-за лесничей...

Кованен не стал слушать и почти бегом пустился по коридору, опасаясь, как бы междугородняя не разъединила.

Кованен ждал в диспетчерской, когда со склада придет порожняк и отправится на Святозеро. Диспетчер узкоколейной железной дороги — женщина лет тридцати с тонкими чертами лица сидела в своей дежурке, украшенной букетами лесных цветов и ветками серебристой хвои. Диспетчер была явно расстроена.

— Как же так, Павел Антонович? Расписание дороги составили на полный день, а теперь весь наш график нарушился? Наш участок в заготовках самый важный и трудный. С кого больше всех требуют? С нас. Мы срываем вывозку, мы недодаем древесины. Мы не умеем работать без заминки, ритмично. Ну, как же так получилось, а? — Диспетчер сокрушенно покачала головой с аккуратно уложенными завитками волос.

— Ничего, — ответил Кованен, поглядывая в открытое окно дежурки. — Завтра все пойдет своим порядком. Случай с Святозером исключительный.

— А все лесничество вмешивается! — недовольно поджала губы диспетчер.

— Нет, здесь целиком наша вина. Лес защитный, не надо было рубить.

— Может, и не надо было, — неохотно согласилась диспетчер. — Из-за этого леса у нас график нарушился.

Объяснить диспетчеру, почему не надо было рубить защитный лес, Кованен не успел: пришел порожняк, и диспетчер тотчас же дала ему направление.

В лесу, на развилке, порожняк ждал встречный мотовоз с грузом. Кованен ходил вдоль полотна узкоколейки. Августовский день подходил к концу. Прозрачный воздух окутал лес. Солнце еще пекло, но в тени было прохладно. Пряно пахло травой. Кованен увидел на березе первые желтые листья. Вестники осени. С радостным волнением он вспомнил, что на днях возвращается жена с сыном из Беломорска. Мальчишке пора готовиться в школу. Он улыбнулся: так явственно представился ему сын, глаза — звездочки, светлые волосы взлохмачены, шумный,

озорной. Глухой перестук колес отвлек Кованена от мыслей о семье. Он увидел вдали мотовоз и ряд груженных древесиной платформ. На развилке мотовоз остановился, из кабины выглянул Любомиров.

— Мы там кончили,— хмуро сказал директор, не сходя с полножки кабины.

— Полностью? — спросил Кованен.

— Да,— сухо отозвался Любомиров.

— Леонид Яковлевич звонил. Просил проверить, получены ли телеграммы.

— А-а,— неопределенно протянул Любомиров и замолчал.

— Поедете с нами? — спросил Любомиров.

— Нет, Николай Алексеевич. Я на Святозеро.

— Добро,— двинул бровями Любомиров и поднялся в кабину. Моторист Сергей поглядел на директора, потом на Кованена. Поезд тронулся.

Через полчаса Кованен был на Святозере.

В лесничество приехал Зайцев. Матвеевна всполошилась: Настенька еще в лесу. Предложила «чайку с горяченькими калитками», но он отказался и прошел прямо в контору. Матвеевна подкараулила дочь у ворот и встревоженно сообщила: «Петрович приехал, с виду больно невеселый, все хмурится».

— Ох, Настенька, боюсь я. А вдруг тебе увольнение привез? Куда денемся? На свое горе-злосчастье переехали мы в Хирвилахти. Ты постарайся, Настюш, ни слова поперек. Смолчи, пес с ним. К поселку-то я привыкать стала, жалко уезжать.

Настя улыбнулась, обняла мать за плечи, успокоила: — Никуда мы не уедем, горевать нечего.

В полуоткрытую дверь конторы Матвеевна увидела, как Семен Петрович сам пошел навстречу Настеньке и двумя руками потряс Настенькину руку. У старухи отлегло от сердца.

В контору набилось народу. Все пришли: лесники, рабочие, сторож, конюх. Зайцев неожиданно попал на «собрание». Люди радовались: секретарь райкома и партторг помогли лесничеству, многие рабочие леспромхоза поняли, что рубить защитное кольцо не следовало бы, теперь можно смелее требовать должного отношения

к лесному хозяйству. Событие со Святозером обсуждали долго, шумно, оживленно.

Потом заговорили о нуждах лесхоза. До каких пор будем работать по старинке, надо требовать технику. Рукавишников вставил свое слово: под лежащий камень вода не течет, с мотыгой далеко не уедешь, мы-де сами не больно печемся о своем хозяйстве, поучиться бы у колхозников. Дядя Саша высказал свое: «атом изобрели, полет на луну готовят, а чтоб в нашем лесном деле не было никакого движения, не верится».

— Подождать надо, подождать, товарищи,— отбивался Зайцев от наседавших на него сотрудников.— Москва строилась не вдруг. Будет и у нас техника. Управление позаботится. Придет наше время, получим машины.— А сам думал с щемящим беспокойством: «Ни один лесхоз в Карелии не шумит, люди трудятся тихо, мирно. Вперед выскакивать, быть на виду — хлопотно. Добро, что с Святозером обошлось благополучно.»

— Настасья Васильевна в Ленинград собирается по своим учебным делам,— начал Рукавишников, обращаясь к Зайцеву.— И мы всей нашей артелью вот что надумали, Семен Петрович. Пущай она найдет свободное времечко да отыщет опытную станцию лесных машин: есть такая под Ленинградом...

— Зачем?

— Да хоть поглядит на технику и нам расскажет,— подхватил дядя Саша.

— Непременно съезжу и посмотрю,— пообещала Анастасия Васильевна.— На совещании ученых об этой станции много говорили. И наше управление бросало упрек совету, что, мол, машины есть, но почему-то их не направляют в леса.

У Зайцева тоскливо заняло сердце. Опять что-то затевается в этом беспокойном Хирвилахти! Догадалась бы она с заочного факультета перейти на очный. Он сам бы помог ей уволиться и переехать в Ленинград.— Зайцев задумался.— А ведь люди в лесничестве старательные. И лесники, и объездчик, и рабочие. Хорошие люди. За свое дело болеют, беспокоятся. В самом деле, дагь бы технику в лесхозы, славно зажили бы лесоводы. Пустырям да вырубкам не устоять бы с нашим пародом...

Разговор перешел на текущие дела лесничества. Беседа затягивалась. Зайцев вдруг заторопился: он может

опоздать на поезд. Анастасия Васильевна пошла проводить его до переезда.

На обратном пути у ворот усадьбы ее догнал Куренков. В руках у мастера были кульки и свертки, из кармана его пиджака торчал хвост сушеного окуня. Он откровенно признался, что путь свой держит к «дружку Гавриле выпить за удачу лесников».

— Вот как!— с незлобивой усмешкой воскликнула Анастасия Васильевна.— Вам-то что за радость пить за нашу удачу. Мы вам помешали план выполнить.

Куренков весело блеснул на лесничую хитроватыми глазами:

— Куренкову выполнить план не помешает и сам бог. Мы свое возьмем на других участках. С моими-то орлами! Экая печаль, что нас вежливенько попросили со Святозера. Мы народ необидчивый. А между прочим.— Куренков перешел на серьезный тон.— Я лично был против рубки. Не веришь, Настасья Васильевна? Однако факт. Спроси парторга. Кованен скажет тебе про мою позицию.

Весельем, дружелюбием и добродушием веяло от этого рослого, плечистого человека, и что-то большее, чем чувство симпатии, уловила Анастасия Васильевна в его пристальном взгляде и рокошующем баске.

— Я вам верю, Михайла Кузьмич. Спасибо за четвертый квартал.

— Слава тебе господи!— воскликнул Куренков, обнажая в широкой улыбке белые крупные зубы.— Не совсем я, стало быть, пропащий человек, ежели мне еще верят да спасибо говорят.

— До свиданья, Михайла Кузьмич.

Куренков шел к избушке приятеля и удивлялся сам себе. Отчего это так? Стоит ему только перекинуться с ней словом, увидеть на ее губах скупую улыбку, он чувствует в себе такой прилив сил, что готов дерево выдернуть с корнем. Она вносит много беспокойства в его дела, но он не хотел бы, чтобы она уехала из Хирвилахти навсегда. А вечер хорош. Посидеть бы с ней вот здесь у реки под плакучей ивой. Куренков постоял у реки. Рыба всплеснула вблизи берега и ушла вглубь. Догорающая заря тронула алой краской тихую воду. Как в зеркале, отражаются облака в полусонной реке.

Куренков застал друга в хорошем расположении духа. Парфенов чистил ружье и насвистывал. Собака

лежала у его ног, положив морду на вытянутые передние лапы.

— Здорово, Гаврила. Ты, я вижу, весел? Рад, что ваша взяла?

Парфенов щелкнул затвором ружья, провел тряпкой по стволу:

— Ты про Святозеро? Для меня — это не событие.

Куренков положил снедь на стол, сел на табуретку против хозяина.

— А наш директор сбежал с лесосеки, чтоб с Настасьей Васильевной не встречаться. Вот женщина! Да-а...

Парфенов повесил ружье на стенку:

— Королева недолго продержится на троне. Ликовать ей рано. Кто захочет новых походов с мечом нашей хир-вилахтинской воительницы, лесной Жанны д'Арк?

Куренков пристально посмотрел на друга:

— Понимаю... Ее долой, а лесной трон тебе?

Парфенов разворачивал кульки с едой и молчал, но по его виду не трудно было догадаться, что он именно так и думает.

— Гаврила, не надейся попусту. Сидеть тебе в помощниках до гроба.

— Я о себе не думал,— мрачно обронил Парфенов, парезая кусками колбасу.

Куренков шутливо погрозил ему пальцем:

— Ой, врешь, друг-приятель! Я тебя насквозь вижу. Спишь и во сне видишь золотые деньки, когда сам себя хозяином был. Признаться, мы при твоём правлении повеселее жили, ты умел потрафить нашему брату-лесорубу. Однако, Гаврюха, уважаю я Настасью Васильевну за правильную линию. Ваши все от тебя отшатнулись? Факт.

— Подхалимажники!— Парфенов швырнул на стол ржавый консервный нож.

Куренков поглядел на друга с хитрой усмешечкой:

— Хорош помощничек! Ждет, когда начальник оступится и полетит в яму.

— Мне на своем месте хорошо,— пробубнил Парфенов и, пнув сапогом скулившую у двери собаку, выгнал ее в сени.

Куренков открыл банку килек, положил с десяток рыбешек на ломтик хлеба, густо смазанный горчицей,

хлопнул рядом сидевшего друга по колену широченной ладонью и сказал:

— Мой совет тебе, Гаврила: не лезь на рожон. Из лесничих тебя выперли за лень, а из помощников попрут обратно за лень. Она вожжи не спустит. Куда ты пойдешь? В другое лесничество? И на новом месте могут взять тебя, раба божьего, в такой переплет, что небо покажется с овчинку.

Парфенов налил рюмку водки, не чокаясь с другом, опрокинул в горло.

— Закуси, Гаврила. Что глядишь быком?

Парфенов молча взял из рук приятеля бутерброд и, мрачный, стал жевать.

26

Баженов сехал в Петрозаводск вместе с Анастасией Васильевной на «газике-вездеходе». Участок дороги новый, гудрон еще не успели положить, неокрепший настил разъела дождевая вода. Газик нырял в лужи, вода шумела под колесами и хлестала в борта. Но вот «вездеход» благополучно выбрался из полосы луж и выбоин на гудронированное шоссе и помчался мимо полосатых столбов и табличек. Внезапно он сбавил ход. Баженов иногда любил проехать по лесу «шажком».

Пейзаж манил своей суровой красотой. Вот на поляне сосна в два обхвата. Такой никакая буря не страшна. Раздвинув многочисленное семейство осины, высится могучая ель, подобно египетской пирамиде. Вырастить такую могла только карельская земля. Хороши белоствольные березы в осенних золототканых одеждах. Рябина — краса севера, щедро осыпанная рубинами, кивает кудрявой головой. Среди живых деревьев грудami лежат мертвые — жертвы бури, ветра и старости.

Дорога резко пошла в гору. Выехали на плато. В долине раскинулось озеро, по-осеннему тихое, без ярких красок и пышных берегов. К береговой полосе жались избы с рассыпанными у воды баньками. На луговине паслось колхозное стадо, на полях шел сбор картофеля. Когда миновали деревню, Баженов предложил:

— Посмотрим «Дворцы»? Крюк не больше семи километров.

От развилки началось шоссе. Оно струилось черной блестящей рекой среди розовых, дымчатых и серых скал. По шоссе мчались грузовики, легковые машины, автобусы.

— «Нехоженые тропы», «край непуганых птиц», — сказала Анастасия Васильевна.

Баженов понимающе кивнул.

Вот и «Дворцы». Направо у шоссе — несколько домиков. На холме высится деревянная церковка с пузатыми куполами и острыми шпилями. Каменные террасы уступами спускались к Габозеру. Террасы покрыты густым лесом. Среди зелени сосен и елей золотые облака берез, багровое пламя кленов. пышная осенняя краса. Вода Габозера неподвижна и серебриста. Тысячелетиями лежит Габозеро на мягком ложе из целебной грязи. Петр Первый основал здесь первый русский курорт, построил храм, написал правила, как пользоваться марциальными водами и габозерской грязью. После смерти Петра курорт был заброшен. Сгнили и распались от времени «дворцы», сохранилась лишь церквушка и в ней стол и два стула, выточенных Петром на токарном станке. Сейчас во «Дворцах» музей. В беседке стоит бронзовый бюст основателя Петербурга и Петрозаводска. Неподалеку от беседки — деревянный павильон. Внутри павильона — источник целебных марциальных вод. Рыжая вода, булькая, бьет из-под земли, переливается через края каменного бассейна. Вода кисловата на вкус, пахнет железом.

Баженов сказал, что габозерская грязь по своим целебным свойствам лучше грязи Старой Руссы, Кавказа, а марциальные воды не уступают водам Железноводска, знаменитой группе минеральных вод Северного Кавказа.

— Петр не зря путешествовал по Карелии. «Там нашел он ключ целебный, там — серебряный рудник, там устроил дом учебный, там богатств открыл родник; там взрывает камней груды»... А почему бы там не построить здесь курорт с каким-нибудь поэтическим названием, — «Карельская жемчужина», например? Ездили бы мы с вами, Анастасия Васильевна, сюда в отпуск, а не за тысячи километров на юг.

Анастасия Васильевна задумчиво смотрела на нетронутые леса. Почему о Карелии говорят: край неласковый, скупой, суровый, неприветливый?! О ней надо говорить: величественный край. Не здесь ли, среди этой красоты

родился легендарный герой Калевалы, сковавший сампо — чудесную мельницу-самомолку, приносящую народу счастье?

— Едем.— Баженев взял ее под руку.

Она попросила подождать еще минуту. Ее рука лежала в его руке. Она ощущала ее теплоту. Если бы он знал, как много он значит для нее! Грудь ей приятно сдавило тревожно-радостное чувство, тишина наполнилась тихим звоном.

— Вы сегодня какая-то необычная! — Баженев сбоку посмотрел на ее шарфик, наброшенный на голову. Взгляды их встретились. Яркий румянец залил щеки Анастасии Васильевны.

— Какая же я? — спросила она, устремляя глаза на озеро.

— С вами что-то случилось. Вы такая тихая, покорная. Мне вы больше нравитесь ершистой, воинственной.

— Это правда?

— Честное слово, — улыбнулся Баженев.

По тропинке к озеру бежал мальчишка лет восьми. За ним катилась шариком черная лохматая собачонка. Лицо Баженова погрузнело. Где сейчас его Генка?.. Небо сеяло бисерный дождь. Капельки влаги повисали на мягком фетре шляпы Баженова. Он смотрел на юг, там за озером и лесами — Ленинград, сын...

Анастасия Васильевна испытывала счастливые минуты. Он был с ней рядом, и никого вокруг. Только небо, озеро да лес. И вся эта осенняя красота лежит перед ней, как дар земной, как сама жизнь, богатая и неповторимая.

— Спасибо вам за то, что привезли меня сюда, — тихо сказала Анастасия Васильевна.

Было в ее голосе и взгляде что-то такое, что невольно заставило Баженова отвлечься от невеселых дум. Он пристально посмотрел на нее, и его рука слегка пожала ее руку.

— Мне кажется, мы с вами будем хорошими друзьями.

— Да, да! — со сдержанной горячностью подхватила Анастасия Васильевна. Ее лицо светилось. — Я хочу быть вашим другом. Я вас никогда не... — Тут она замолчала... «Не разлюблю, не предам»... Нет, эти слова не вырвались у нее. — Быть вашим другом, утешить, чтобы вы не мучились...

Она хотела сказать — не мучились прошлым, — и не сказала.

Баженков внимательно посмотрел на нее, не говоря ни слова.

— Поедем дальше? — мягко напомнил он...

— Да, поедем, — задумчиво, как бы для себя, проговорила Анастасия Васильевна.

Поездка на Габозеро приблизила ее к Баженкову на маленький шаг. Она хорошо понимала: для нее к нему лежал долгий и трудный путь. Она не знала, что ждет ее в конце пути, может быть, боль и разочарование, но она уже не могла отказаться от него.

Газик бежал по накатанной до блеска дороге, мягко покачиваясь на новых рессорах. Анастасия Васильевна смотрела на руки Баженкова, лежавшие на рулевом колесе, на его твердый профиль, на сидящую прядь волос, упавшую на лоб, и испытывала волнение и нежность. Так бы и ехала она бесконечно.

Машина круто повернула в направлении к селу Шуя. Какой резкий контраст между пейзажем Габозера и этими местами, расположенными в двух-трех десятках километров от столицы республики. Кустарники, жердняк, болота. Глаз отдыхал на колхозных лугах и пашнях, но удобной земли меньше, чем заболоченных пустырей. Тут пахло тундрой. Люди вырубали лес, в почве накопилась вода, родились болота. Их затянула густая щетка мхов.

Древесным семенам тут никогда не прорасти. Кое-где мелькают хилые деревья. И на Карелию не похоже. Да, от человека зависит — изуродовать землю или украсить ее. Анастасия Васильевна подумала: «Спаси от болот может только мелиорация. В управлении поговаривали, будто уже отпущены средства на строительство мелиоративной станции».

В Петрозаводске, в гостинице, когда они расходились по своим номерам, Анастасия Васильевна чувствовала, что Баженков будет искать с ней встреч. Чувство светлой радости не покидало ее.

У Баженкова были дела в тресте, Анастасии Васильевне предстояли семинарские занятия. Она приехала на день раньше, чтобы познакомиться с сотрудником лесной опытной станции Столяровым. Ее заинтересовала его

статья в журнале «Лесное хозяйство» о сохранении слового молодняка на вырубках Прионежского района.

Лесная опытная станция помещалась за городом. Автобус довез Анастасию Васильевну до конца улицы Гоголя. Она миновала Высотную улицу, пересекла железнодорожное полотно, по деревянной панели поднялась на взгорье. С холма открывался вид на город. Над Петрозаводском светило по-осеннему ласковое солнце. Справа синели хвойные леса с золотыми островами берез. Внизу, насколько хватал глаз, привольно раскинулось Онежское озеро, голубое, как небо. Заозерные леса тонули в сизой дымке. С причала снялся большой пассажирский пароход, белый, с черными точками иллюминаторов. К порту двигалась вереница рыболовных траулеров. Белокрылыми чайками прильнули к воде яхты. Далеко, за окраинными улицами виднелась темно-красная цепочка вагонов товарного поезда, убегающего по извилистой местности на юг. Высокие трубы Онежского завода дымили в небо. На улицах и площадях теснились дома, освещенные солнцем: розовые, белые, серые. Новые дома. Их много. Как быстро меняется облик столицы Карелии. Анастасии Васильевне приходилось видеть много городов центральной России, Украины, Сибири. Каждый город привлекал по-своему. Прелесть Петрозаводска заключалась в Онеге. Озеро придавало городу красоту и величие.

Лесная опытная станция находилась на Пироговской улице, за строящимися корпусами больницы. Одноэтажный дом окружала усадьба с кустами белых и розовых астр, молодыми яблоньками, лесной рябиной. В ограде зелела гряда всходов лиственницы. На расчищенных дорожках стояли скамейки. Рабочее помещение станции было заперто. Во дворе возле штабелей дров пятнистая корова меланхолически жевала жвачку. Анастасия Васильевна постучалась в крайнее окошко дома. На крыльцо вышла седая женщина с монгольским типом лица, в меховой душегрейке на костлявых плечах. На ее руках спала полосатая кошка. Женщина провела Анастасию Васильевну в просторную комнату, жарко натопленную и пахнущую свежим хлебом, и, не выпуская из рук кошку, постучала коричневым кулаком в стену. За стеной кашлянули, потом в сенях скрипнули половицы, и в компате появился худощавый молодой человек в галифе защитного цвета и синей бумажной куртке.

— Федор Иванович, к вам,— сказала женщина, кивнув головой на стоявшую у двери Анастасию Васильевну, и, прижав кошку к груди, вышла.

У Федора Ивановича Столярова были светло-зеленые глаза со смешинкой, золотистые волосы, тонкие, умные черты лица. Лицо его было постоянно готово к улыбке, насмешливой и все понимающей, сдерживаемой изнутри. Держался он просто, приветливо, слушал с интересом. На ее вопрос, что он считает главным в восстановлении лесов на вырубках, он ответил, не раздумывая:

— Главное — сохранить молодняк. Судьба будущего леса зависит от того, сумеем ли мы уберечь от тракторов и лебедек хвойный подрост или не сумеем. — Тонкие пальцы Столярова убрали со лба прямую прядку волос. — Вы не знаете профессора Коронатова? Нет? Так вот, профессор отстаивает аэросев хвойных, как универсальное средство обсеменения вырубок. Я с ним не согласен, хотя он шеф нашей станции. Аэросев эффективен на свежих вырубках, притом на больших площадях и холмистой местности. К тому же, аэросев требует очень много семян. А сколько семян самолет бросает буквально на ветер! Я помню, в Кара-Кумах мы сеяли саксаул с самолета. Нам часто мешали туманы, порывистый ветер. Оказывалось, выгоднее было сеять при помощи обыкновенного верблюда, этого древнего жителя пустыни. Парадоксально, но факт. — Столяров улыбнулся. Улыбка у него была простая, глаза ясные. Они говорили о бесхитростном характере этого молодого ученого. Анастасия Васильевна почувствовала к нему дружеское расположение.

— Молодняк, Федор Иванович, не сберечь. У нас в Хирвилахти лесозаготовители сокрушают почти весь подрост.

— Убедите их,— мягко посоветовал Столяров.

Почему он улыбается? Ах, да, у него такое выражение лица. Наверное, он очень ласков со своей семьей. На детской кровати валяется пластмассовая кукла пупс, на стене — вышитый коврик: черные котята с голубыми глазами. В комнате чисто, уютно, на столе — цветы в вазе, на окнах — занавески, вышитые «ришелье».

— А знаете, в Деревянке лесорубы берегут молодняк.

— Не верится что-то.

— Пожалуйста, убедитесь.

Столяров высыпал из коробки на стол ворох снимков, изображающих на пустырях и вырубках оазисы молодых сосен и елей. Оазисы на местах, где орудовали электропилы, тракторы, лебедки. Анастасия Васильевна позавидовала лесничему Деревянки. Значит, он умеет работать, убеждать людей, а она...

— Мои опытные участки,— пояснил Столяров, явно любуясь снимками.

— Ах, опытные? — протянула Анастасия Васильевна. — В вашей знаменитой Деревянке с вами считаются, как с ученым.

Столяров улыбнулся.

— Нет, за Деревянку я абсолютно спокоен. Народ там хороший, особенно молодежь. Мы очень быстро нашли общий язык. Уверяю вас, не только на моих опытных участках, но всюду, где идет валка леса, молодняк жалеют, берегут.

— Может, мы мало, плохо убеждаем своих лесорубов,— в раздумье сказала Анастасия Васильевна.

Столяров кашлял в кулак: простудился в Деревянке, бродил по болотам, ноги промочил. Он заговорил с том, что напрасно оторвали лесное хозяйство от лесной промышленности. Живое тело разрубили пополам. Их необходимо слить, как было раньше.

— Объединить лесоводов и лесозаготовителей. Тесный союз, понимаете? Взаимная заинтересованность, богатые материальные ресурсы леспромхозов использовать в лесном хозяйстве и, вы увидите, как поднимется наше дело.

Столяров говорил с горячим убеждением. Анастасия Васильевна не перебивала его, но покачивала головой отрицательно.

— Вы говорите, Федор Иванович, что нужно слить лесную промышленность и лесное хозяйство, как было раньше? А я думаю о другом.

— Любопытно. Послушаем.— Светло-зеленые глаза Столярова засветились живым блеском.— Что думают паши производственники.

— До тысяча девятьсот сорок седьмого года,— продолжала Анастасия Васильевна,— почти двадцать лет, леса всей страны были в руках лесозаготовителей. И что из этого получилось? Лесорубы рубили лес — честь им и слава: трудиться они умеют, но вся беда в том, что

восстанавливать леса на вырубках они и не думали. Не зря же министерство потом разделило нас? Помните, когда образовалось Министерство лесного хозяйства СССР, мы неплохо зажили. Много было сделано хорошего в карельских лесах и лесах страны. Тогда нас не пугали вырубки, пустыри и гари, тогда мы знали, что у нас, лесоводов, есть крепкий, рачительный хозяин. Почему нас отдали под начало министру сельского хозяйства? Почему упразднили наше министерство, я до сих пор не могу понять. Скажите, большая ли страна Вьетнам, а у них есть министерство лесного хозяйства.

Столяров задумался. Анастасия Васильевна смотрела в окно, на пышный куст белых астр. В памяти всплыли слова: «Астры осенние, цветы запоздалые». Как незаметно подкралась осень! И неожиданный испуг кольнул в сердце: близка и твоя осень. Усилием воли прогнала прочь чувство, пугающее своей пустотой и, глядя на своего молодого собеседника, сказала:

— Так вот, Федор Иванович, дела наши незаметные.

— Нет, я с вами не согласен,— живо откликнулся Столяров.— Я уверен, что скоро надо ждать перемен и на нашем фронте. Правительство хорошо знает, что делается в лесах нашей страны. А нам, лесоводам, пока не следует опускать руки. Будем трудиться и ждать. Оптимизм, вера...

— И надежда,— подхватила Анастасия Васильевна с улыбкой.— А прежде всего, действие, работа, использование всех возможностей.

— Правильно!— с молодым задором отозвался Столяров.

— Вот вы нам и помогите, Федор Иванович. Вы сказали, что все лесничества Карелии — база вашей станции. Почему же вы нас обходите стороной? Помогите нам с аэросевом. Я знаю, в управлении с вами считаются.

Столяров, закусив губу, думал.

— Аэросев — не моя тема. В конце месяца из Ленинграда придет Мария Павловна. Свяжитесь с ней.

— А профессор Коронатов? Он недоступен?

— Профессор в Ленинграде,— ответил Столяров.

— В отпуске?

Столяров сказал, что профессор в научно-исследовательском институте.

— Знаю,— ответила Анастасия Васильевна. Ее слегка прищуренные глаза смотрели поверх плеча Столярова, словно видели сквозь стену одной ей понятные дали.

— Аэросев, может, и хорошо, но, все-таки, я — за молодняк. Молодняк на двадцать-тридцать лет раньше сеянцев станет взрослым лесом. Согласны?— Столяров с улыбкой смотрел на свою гостью.— Некоторые лесоводы настроены панически: «Карелия через пятьдесят-сто лет облысеет!» «На Карелию надвигается тундра!» И вы так думаете. А я совершенно спокоен за Карелию. От этих бед ее спасет молодняк, хвойный подрост.

Он проводил Анастасию Васильевну до калитки, по пути показал всходы лиственницы, «северного дуба».

— Мои опыты. Лиственницу надо сеять и сажать непременно. В Карелии лиственница должна стать постоянной жительницей. Она очень нам выгодна. Дерево растет быстро, улучшает почву, древесина высокого качества.

При солнечном свете лицо Столярова казалось старше, морщины резче, но в глубоких зрачках по-прежнему дрожали смешливые искорки, и губы едва удерживали улыбку. Он сказал, что они еще увидятся: на семинаре он прочитает лекцию: «Мичуринская биология и ее значение для лесного хозяйства».

— Федор Иванович, приезжайте к нам в Хирвилахти.

Анастасия Васильевна сказала это, не надеясь на его согласие, но Столяров вдруг согласился.

— Зимой приеду. Вас устроит?

Конечно, ее устроит! Она крепко пожала его сухую тонкую руку.

— А оружия в борьбе за молодняк не складывайте.

Глядя на его улыбчивое лицо, Анастасия Васильевна подумала: «Столкнуть бы его с нашими лесорубами, куда бы девалась улыбка».

На улице Анастасия Васильевна встретила все ту же женщину в меховой душегрейке. Женщина вела за руку маленькую девочку в красном пальтишке и красной шапочке. У девочки было умное большеглазое личико с золотыми волосами на лбу— лицо Столярова. На углу Пироговской Анастасия Васильевна оглянулась. Девочка вбежала в раскрытую калитку станции и взлетела на воздух, подхваченная Столяровым.

В гостинице дежурная вручила ей письмо: «Милая Анастасия Васильевна! Куда вы запропали? Пообедаем

вместе часов в шесть. Не убегайте от меня. Мне так не хватает Вас. Вечерами чувствую себя скверно, тоскливо, неуютно, не знаешь, куда себя девать среди незнакомых людей. Очень прошу подождать моего звонка».

Никогда Анастасия Васильевна не смотрелась так долго в зеркало, никогда так не жалела, что прошла пора ее молодости.

Баженов позвонил ровно в шесть.

В большом зале ресторана слышалось жужжанье множества голосов. Люстра лила ослепительный свет, отражая в хрустальных подвесках все цвета радуги. В углу, на помосте, окруженном пальмами в кадках, кто-то в черном брэнчал на рояле.

Официантка принесла ветчину, сыр, графеный графинчик с темно-красным вином.

— Ну, как, состоялось ваше знакомство с ученым мужем?

Анастасия Васильевна рассказала о Столярове, о его обещании приехать зимой в Хирвилахти. Баженов налил в бокалы вина.

— Так-так. Нашли верного союзника в борьбе против нас, бедных заготовителей.

— Да вы бедные! — рассмеялась Анастасия Васильевна.

— Конечно. Лесоруб в Карелии — так же почетно, как шахтер в Донбассе — все это верно, но за этим стоит большой труд, огромные усилия десятков тысяч людей. Ваша же работа, милая Анастасия Васильевна — благодать. За что вы отвечаете? За лес, который вырастет через сто лет...

— Вы решительно ничего не понимаете в лесном хозяйстве. Дайте-ка мне мое вино. — Анастасия Васильевна, смеясь, протянула руку к бокалу. — Какое это вино?

— Каберне. Надеюсь, вам понравится.

— Спасибо. Посмотрим, какой у вас вкус... Так вот, Алексей Иванович, если вы не хотите поссориться, договоримся: о лесе ни звука.

— Согласен, согласен. Как вы думаете — получится?

Они рассмеялись. Сблизив бокалы, чокнулись и выпили за дружбу. Щеки Анастасии Васильевны порозовели, глаза потемнели, приятно закружилась голова. Баженов разливал в тарелки солянку, принесенную офи-

цианткой в фарфоровом супнике, заставил Анастасию Васильевну выпить еще бокал «за Карелию». Она, подняв бокал и глядя ему в глаза, добавила: «За наше Хирвилахти», сделав ударение на слове «наше». Баженков согласился с поправкой, выпил и с аппетитом принялся за пожарские котлеты. Когда с обедом было покончено, он попросил разрешения закурить и вдруг вспомнил, что он купил для нее журнал со статьей английского ученого-лесоведа, который пишет о повреждении зеленого покрова нашей планеты. Журнал он оставил в номере.

— Что же он говорит, этот англичанин? — с интересом спросила Анастасия Васильевна, отодвигая вазочку с растаявшим мороженым.

— Он говорит в своей статье о том, какими быстрыми темпами идет уничтожение растительности на земле, и делает вывод: если люди не примут мер предосторожности, весь земной шар может обратиться в пустыню через одно или два тысячелетия.

— А что же, так и будет. Возьмите нашу южную Карелию... — с горячностью начала Анастасия Васильевна, но Баженков, смеясь, перебил ее:

— Э, нет, нет! Мы условились: о лесе ни звука. Журнал я вам дам, потом прочтете, а сейчас приглашаю вас прогуляться по городу.

Петрозаводск удивлял. Где год-два назад был пустырь, теперь высился многоэтажный каменный дом строгой и красивой архитектуры. Город строится. В лесах новое здание театра, вокзала, общежития университета. Вырастают новые улицы, проспекты. Красива площадь Ленина в полукруге зданий с белыми колоннами. В центре — гранитный памятник Владимиру Ильичу. Ленин — весь порыв, устремление в будущее. Лицо его чуть вскинуто вверх. Руками он опирается на трибуну. В левой руке зажата шапка, ветер откинул тяжелые полы пальто. Во всем облике — сдержанная, несокрушимая воля. Как тонко высечены из камня черты лица, как точно передан характерный ленинский прищур глаз, как выразительны складки рта, кажется вот-вот дрогнут губы, шевельнутся плечи...

— Лучшего памятника я не видела ни в одном городе, — сказала Анастасия Васильевна.

Они пошли по проспекту Карла Маркса. Слева — высились новые дома, добротные, красивые, с зеркальными

витринами магазинов в первых этажах, справа тянулась ровная и строгая аллея тополей, а за ними, внизу, на огромной территории раскинулись корпуса Онежского завода. За площадью Кирова начинался заречный район. Стремительная Лососинка несла свои воды в озеро, шумела и резвилась в камнях. Город, в котором не чувствуешь себя оторванным от природы. Озеро, река, сосновый лес на холмах. По широким улицам гуляет свежий ветер. В городе зажглись огни. Заозерные леса слились с наступающей темнотой.

— Пойдемте в театр,— предложил Баженов.

Они увидели автобус, подходивший к остановке на улице Урицкого, и, как дети, схватившись за руки, побежали к нему.

...На другой день Анастасия Васильевна проснулась рано. Завтра Алексей Иванович уезжает. Спит ли он еще или уже встал? Одеваясь, она посматривала на телефон. Пила чай в номере, рассеянно слушала радио. К девяти часам — на занятие семинара. Баженов позвонил, когда она уже надевала пальто.

— Я вам не надоел еще, Анастасия Васильевна? Нет? Тогда после вашего семинара пойдемте в музей? Вы ничего не имеете против? Прекрасно.

Обрадованная его звонком, она поспешила на занятия.

В просторных залах музея они были одни. Баженова увлекли экспонаты по истории. Пред ним предстала Карелия в прошлом: область Великого Новгорода, помощь карел Новгороду в его борьбе с немцами, Александр Невский, шведская интервенция в Карелии во времена Ливонской войны, Петр Первый — основатель Петербурга и Петрозаводска, восстание в Кижях, история страданий и мужественной борьбы карельского народа против царизма, кандалный звон ссыльных по дорогам края, Михаил Иванович Калинин в Повенецкой ссылке...

Анастасия Васильевна долго стояла перед гипсовыми бюстами двух героинь Советского Союза. Они жили и боролись здесь, в Карелии. Совсем еще девочки. Вот Мария Мелентьева. Короткие волосы, по-детски припухлые губы, скромное платье с воротничком. Много таких девочек встретишь в десятом классе или на первом курсе в институте. Сколько же было силы и воли у этой девочки, чтобы

выдержать бой с врагом и умереть геройской смертью во вражеском тылу. Может быть, та последняя осень в жизни Марии была такой же прекрасной, как эта, что стоит за окном музея. Как жила эта девочка до войны — знали все: училась, мечтала, дружила с такими, как она, скромная и чистая, как ромашка на полянах ее родины. Анастасия Васильевна с болью в сердце смотрела на личные вещи Марии под стеклом витрины: дешевенькая рубашка с мережкой, простенькая шапочка из голубого сукна, полотенце с кружевом, связанное ее руками...

Сколько же в тебе было мужества, милая, бесстрашная Аня Лисицына, если ты не позвала на помощь, когда тонула в Свири-реке, чтобы не привлечь своим криком белофиннов и не выдать им партизанскую тайпу? Как живое твое тонкое лицо, с вдохновенным взглядом, устремленным в будущее, ради которого ты отдала свою жизнь, юную, полную надежд и неисчерпанной любви и радости. Анастасия Васильевна склонилась над школьной тетрадью Ани. Крупным, неокрепшим почерком старательно выведены строчки: «Что представляла собой Германия X—XV вв.?» О Германии средних веков ты узнала из учебников, о фашистах — из жизни...

Анастасия Васильевна подошла к портрету Насти Звездиной. На нее глядела юность, вешняя пора человека, пора надежд, мечтаний, светлого горения души: смеющиеся глаза, губы, ясный свет во всем облике, таком нежном, таком прекрасном, как сама душевная красота, неумирающая, нетленная. Секретарь Олонецкого подпольного райкома комсомола. Выдержала три месяца пыток белофиннов и умерла, не проронив ни слова.

— Совсем еще юные, — тихо сказала Анастасия Васильевна подошедшему Баженову. — Они отдали жизнь, а мы так мало сделали. Я говорю о себе, — добавила она в раздумье.

В музей пришли студепты, заполнили все залы. Анастасия Васильевна и Баженов бегло осмотрели выставку русской живописи XIX века и покинули музей.

В сквере они посидели перед бронзовым памятником Петру Первому. Петр стоял во весь рост, в мундире и ботфортах, с андреевской орденской лентой через плечо, в левой руке он держал свиток, правой показывал на Опежский завод.

— Алексей Иванович, знаете, что означает его «указующий перст»? Он говорит: «Смотрите, что они сделали! Какой завод, какой великолепный город выстроили. Разве я мог думать, когда по моей воле здесь закладывалась заводская слобода, что они превзойдут все мои представления о их строительных талантах?»

— А что же, городок приятный,— согласился Баженов.— Растет, как в сказке.— Он задумался. Ему представился Ленинград. Он любил его ранней осенью, в солнечные дни, когда в парках начинали падать редкие золотые листья клена и в темных прудах, как в зеркале, отражались беседки, арки, ажурные перила мостиков и стояла такая же тишина, как здесь. Но хотел бы он сейчас вернуться под родное северное небо? Пожалуй, нет. Он не смог бы там спокойно жить, думать, работать.

В сквер прибежала ватага мальчишек, шумливая, голосистая, и облепила старинные пушки с кучами ядер у колес. Баженов смотрел на них, с болезненной остротой ощущая разлуку с сыном. Наверное, он слишком грустно, слишком пристально смотрел на мальчишек, если Анастасия Васильевна вдруг поднялась и, взяв его за руку, сказала с ласковой настойчивостью:

— Пойдемте, Алексей Иванович.

Они пообедали в новой столовой на улице Кирова, уютном зале с белоснежными скатертями и синими тонкими бокалами. Баженов пил кофе маленькими глотками, под ярким светом люстры были отчетливо видны морщинки вокруг удлинённых глаз и седина на висках.

Вышли на улицу. Солнце уже начало заходить за кромку заозерного леса. Косые лучи золотили дома, деревья, газоны. Гостиница «Северная», розовая, с пламенеющими в огне заката окнами, как замок возвышалась над домами, веселыми, празднично новыми. Баженов открыл тяжелую дверь гостиницы и пропустил Анастасию Васильевну вперед. В вестибюле в креслах сидели приезжие в ожидании свободных номеров. За круглым столом, покрытым темно-красной плюшевой скатертью, сидела жепщица в светло-сером пальто и черной кокетливой шапочке на белокурых волосах. Она держала в руках букет лиловато-белых астр. Мужчина в черном, сидевший напротив нее, что-то ей сказал. Женщина засмеялась. Баженов вздрогнул: так смеялась Нина. Он прошел несколько шагов и, поднимаясь по лестнице, оглянулся на

женщину с астрами. Невольно оглянулась и Анастасия Васильевна.

У себя Анастасия Васильевна закрыла окно шторой из белого шелка, переделалась в новое платье из синего файдешина. Она купила его в универмаге. Красивое платье. Она в нем нравилась себе. Кимоно, юбка прямая с веерными складками. Очень подошли бы к такому платью лакированные туфли. Ничего, туфли она купит в Ленинграде. Темные волосы заплетены в косу, коса в несколько рядов уложена на затылке. Что долго смотреть на себя в зеркало? «Ты не считай своих морщинок и лет себе не убавляй»... Как еще сказал поэт: «Тебе исполнилось сегодня тридцать восемь. И, может быть, хоть с виду весела, ты с грустью думаешь: подходит осень, а там — зима белым-бела»... И еще: «Ты со мной, и каждый миг мне дорог. Может, впереди у нас года»... Года... Их остается так мало.

Баженов в ожидании звонка междугородней — он заказал разговор с Ленинградом — ходил по померу, курил папиросу за папиросой и думал — думал о жене. Рядом с образом Нины возникал образ Погребницкого. Вот она обнимает его, ласково заглядывает в глаза, тихо смеется. Если она сейчас подойдет к телефону... Зажженная спичка дрожит в руке Баженова, он жадно затягивается папиросой. Нужно взять себя в руки и спокойно спросить о сыне. Генка с ними. Они каждую минуту могут видеть мальчика, который мешает им наслаждаться «счастьем», ребенок лишний, матери не до него. Второй месяц из Ленинграда ни строчки. Раньше теща отвечала на его письма короткими записками: «Гена здоров. Пришлите денег». «Мальчик вас целует. Деньги получили». Он стал чаще посылать деньги, надеясь, что ему ответят хотя бы двумя словами о здоровье сына, но теща и жена хранили упорное молчание. Месть за его «строптивость». Он, видите, не бросил леспромхоз, не приехал в Ленинград. А она? Она недолго скучала одна, кинулась в объятия своего старого поклонника. Конечно, они и раньше были близки...

Звонок. Междугородняя. Баженов стиснул в руках трубку, сердце заколотилось, в ушах загудело. Исчезло расстояние, всем своим существом он был в Ленинграде, в своем доме, ему казалось, он ощущает запах невского ветра, врывающегося в открытую форточку его комнаты, видит Генку на полу среди игрушек... Никто не подошел

к телефону. Он попросил телефонистку принять повторный заказ и устало прилег на диван. Он взял в руки топенскую книжку в ярком солнечном переплете. Он купил ее для Генки. Скоро день его рождения. Как любил его мальчик вечерами забираться к нему на колени и слушать, как он читал ему.

Баженков встал, заходил по номеру, разошедшийся паркетный пол скрипел, стонал под его ногами. По радио передавали концерт. Сиркка Рикка пела на финском языке что-то задорное, искрометное. Ее высокий звонкий голос наполнял комнату. Баженков то и дело поглядывал на телефон, на часы и опять на телефон, легонько постукивал пальцами по столу. Сиркка Рикка запела по-русски шаловливую, беспечную песенку о пастушке.

Услышав телефонный звонок, он торопливо выключил радио, жадно схватил трубку телефона, послушал и положил обратно на рычажок.

Он постучался в дверь номера Анастасии Васильевны.

— Никого нет дома. Целый день звонил и напрасно. Знают, как я волнуюсь за сына, и молчат. Ни писем, ни телеграмм. Сколько они мне причиняют страданий, будь они прокляты!

«Они» — это теща и жена.

— Не могу поехать в Ленинград. Трех дней не выкроить свободных.

Баженков подошел к окну, тяжело оперся ладонями о подоконник. Спина его ссутулилась, лицо, казалось, постарело. Анастасии Васильевне было больно за него. Подойти, обнять и сказать: «Не надо так мучиться. Мальчик, вероятно, здоров». Но нежность, любовь надо скрывать.

— Алексей Иванович, после семинара я поеду в Ленинград. Дайте мне адрес. Я постараюсь повидать мальчика.

Как он обрадовался! Он взял ее за руки, ласково заглянул в глаза.

— Только два слова телеграммой. Обещаете?

— Конечно, конечно!

— Как я вас буду ждать!

Сколько же в его глазах ласки и тепла! Какая у него светлая улыбка! И все это вызвал в нем сын, надежда услышать о нем. На душе у Анастасии Васильевны стало грустно. Да, он будет ждать ее возвращения

с горячим нетерпением только потому, что она привезет ему вести о сыне, только потому...

— Вы чем-то озабочены?

Он с дружеской лаской погладил ее руку.

— Нет, Алексей Иванович. Очевидно, я просто устала.

— Друг мой, вы от меня устали. Я вам надоел. Идите, отдыхайте. Хорошо, что сегодня мы никуда не собирались.

О билетах в кино он забыл. Анастасия Васильевна ему не напомнила. Он уезжал завтра рано утром. На прощанье он поцеловал ее руку. Она близко видела его склоненную голову, седые виски. Прядь волос коснулась ее руки, мягкая, шелковистая...

Новое платье небрежно брошено на стул. Где-то в номере играет скрипка. Нежную музыку заглушает джаз: рядом в номере кто-то включил радио. Потом замедляет и скрипка, и джаз. Тишина.

Уснула Анастасия Васильевна далеко за полночь. Ей приснилось, будто идет она по мосту, переброшенному через бурную реку, дошла до половины, поднялась буря и... свалила ее в воду.

Утром дежурная гостиницы принесла в номер небольшой букет огненно-красных настурций с запиской от Баженова: «До свиданья, милая Анастасия Васильевна. Жду вас в нашем Хирвилаhti. Ваш А. Б.» Утренние лучи солнца упали на букет, и каждый цветок стал похож на кусочек светлого пламени.

В Лесном, на Сердобольской улице — одной из оживленных магистралей Ленинграда, непрестанно звенели трамваи, грохотали по булыжной мостовой грузовики, кричали сирены автомашин. Шум улицы оглушил Анастасию Васильевну: в лесу она отвыкла от городской суеты. Тяжелые ворота парка Лесотехнической академии были закрыты. Сквозь решетку виднелась аллея Комсомольцев, широкая, красивая, похожая на лесную просеку. Она поднялась вверх, обошла парк справа и, миновав небольшое здание больницы, приютившееся под сенью старых лиственниц, вошла в калитку усадьбы научно-

исследовательского института лесного хозяйства. Белое двухэтажное здание множеством окон смотрело на палисадник с пышными осенними клумбами. Храм лесной науки! Не без робости она приблизилась к входной двери института.

В коридорах — тишина. Она читала таблички на дверях с указанием секторов института. В этом скромном здании пишутся ученые труды, изобретаются машины, репашется судьба леса. Здесь, в этих тихих лабораториях она найдет ответ на тревожащие ее вопросы.

Тонкая смуглая девушка вышла из двери, у которой стояла, раздумывая, Анастасия Васильевна. Девушка держала в руках синюю палку. На ней были узкая светло-серая юбка и белая изящная блузка.

— Кого вы ищете? — учтиво спросила девушка, движением головы отбрасывая назад выющиеся черные волосы, рассыпанные по плечам.

— Профессора Коронатова.

— Георгий Константинович у директора. Он сегодня уезжает в Москву. Он приглашал вас?

— Нет.

— Георгий Константинович просил его не беспокоить, — извиняющимся голосом сказала девушка, скользнув глазами по старой темно-синей жакетке Анастасии Васильевны. — Зайдите в кабинет. Я запишу ваш телефон, мы пригласим вас, когда профессор вернется из Москвы.

— Спасибо, не беспокойтесь. Я все-таки подожду.

Анастасия Васильевна прислонилась к стене: в коридоре не было никакой мебели.

Девушка растерянно посмотрела на нее:

— Но почему же здесь? Вы можете подождать в кабинете. Как доложить о вас? Я попытаюсь через секретаря директора.

Анастасия Васильевна назвала себя.

— Подождите, пожалуйста, в кабинете.

Девушка предупредительно распахнула перед ней дверь.

Кабинет профессора удивил Анастасию Васильевну своим видом. Белые голые стены, окна без портьер, дешевый матерчатый диван, два таких же кресла, простой письменный стол с недорогим чернильным прибором и лампой под зеленым абажуром. Украшал кабинет букет

бархатисто-красных георгинов на телефонном столике. Анастасия Васильевна с волнением ждала профессора Коронатова. Что скажет ей известный ученый-лесовод? Как встретит он ее, незваную? Сумеет ли она рассказать ему обо всем, что привело ее сюда? На беду, приготовленные для первых минут встречи слова от волнения выскочили из головы. Анастасия Васильевна посмотрелась в карманное зеркальце. Как плохо она выглядит! Лицо утомленное, она сюда прямо с поезда.

Дверь бесшумно отворилась. Высокий худощавый мужчина лет пятидесяти с удлинненным лицом и серебряными волосами, зачесанными на косой пробор, приблизился к ней и протянул руку.

— Здравствуйте. Я — Коронатов.

Колкие глаза профессора, как оказалось ей, смотрели с насмешливой пытливостью.

— Прошу. — Коронатов учтиво наклонил голову, показывая ей на кресло перед письменным столом.

На нем был элегантный темно-серый костюм, белоснежная рубашка с накрахмаленным воротничком и черный галстук. Держался он прямо, в кресле сидел, не сутулясь, развернув плечи.

— Прошу вас, профессор, извинить меня за вторжение. Вы уезжаете в Москву. Я понимаю, вам дорога каждая минута... Я потому хотела встретиться с вами... Вы один можете объяснить... Вы пишете о карельских лесах... — сбивчиво заговорила Анастасия Васильевна, чувствуя себя крайне неловко в глубоком кресле. Ей приходилось смотреть на Коронатова снизу вверх. Ее как бы давил взгляд его глаз, синих, холодных, как лед, с немигающими ресницами. Он видел ее растерянность, но ни одно слово поощрения не вырвалось из его тонких, плотно сжатых губ.

Зазвонил телефон. Коронатов извинился, взял трубку, послушал, сказал кому-то официально-вежливо: «Прошу вас пожаловать ко мне через пятнадцать минут», положил трубку на место и нежно коснулся рукой лепестков георгинов. На безымянном пальце тускло блеснуло золотое кольцо.

Анастасия Васильевна, волнуясь, стиснула в руках сумочку. Что она успеет за четверть часа? Секунды бегут, а она не может подавить чувство растерянности. С чего начать? О чем спросить, чтобы все понять,

уяснить? К нему скоро придут, он вежливо скажет ей: «Извините...» И все пропало! Ах, боже мой, какая она неловкая.

— Я вас слушаю.

Коронатов поднял на нее глаза. В них было ожидание, спокойное и холодное, как синева его глаз. Анастасия Васильевна села на край кресла и решительно отбросила чувство растерянности. Не для того она ехала в Ленинград, добилась приема у такого крупного ученого, чтобы посидеть перед ним школьницей и вернуться домой ни с чем. Она заговорила свободно, твердо и, пожалуй, резковато:

— Профессор, вы много пишете о лесах Карелии. Вы видели, что там делается. Не только у нас в Хирвнлахти лежат мертвые земли. А в районах Прионежья, Ведлозера, Олонца? Там их особенно много. Я внимательно читаю ваши статьи в газетах и журналах, в них вы даете советы: как выращивать новые леса на вырубках, но простите меня, профессор, одних советов мало, чтобы родился лес. В лесничествах ни одной машины.

Профессор откинулся к спинке кресла, как бы желая получше разглядеть сидевшую перед ним женщину с обветренным лицом, чуть грубоватым, но не лишенным красоты. Он ответил сдержанно, с едва заметной иронией, прикрывающей его растерянность и раздражение:

— Мы машинами не снабжаем. Обратитесь с вашими претензиями в министерство.

Анастасия Васильевна безнадежно махнула рукой:

— Что наши претензии, профессор? Я пришла к вам потому, что у меня вот тут жжет.— Анастасия Васильевна коснулась ладонью жакетки на груди.

Коронатов переложил папку на столе.

— Да, но мы...— начал он.

— Да, вы здесь, в институте,— подхватила Анастасия Васильевна, не дослушав его.— Изобретаете, конструируете машины. На совещании в Петрозаводске я слышала десятки названий лесных орудий, машин. Это вы, ваш институт. Когда вы придете к нам на помощь? Я не была на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, но я знаю: там такое же безрадостное положение в лесах.

У Анастасии Васильевны пересохли губы. Коронатов пристально смотрел на нее, черные зрачки глаз казались полыньями в синеве льда.

— Я отдаю должное вашей тревоге за судьбу леса.— Профессор слегка наклонил серебряную голову на бок.— Согласен, положение тяжелое, и его надо менять в корне. Мы знаем: вам, практикам, работать нелегко. Мы так же знаем, что творится в лесах Карелии. Хвойные вырубают, на вырубках происходит смена пород, осина вытесняет сосну и ель. Вырубки захламлины, молодняк усыхает, земля под посев хвойных обрабатывается примитивным способом.— Коронатов говорил четко, бесстрастно, как на лекциях, словно речь шла о какой-то отвлеченной материи и перед ним была аудитория.— Да, бесспорно,— продолжал он, положив на стол острые локти и соединив в один кулак тонкие кисти рук,— восстановление лесов отстает. Я об этом сам писал не раз. Но скоро вам на помощь придет авиация. С авиацией многое можно сделать для будущего леса. Подготовка почвы, посев хвойных, уход за молодыми лесами. Все это авиация сделает за рабочих.

Анастасия Васильевна молчала, слушала размеренную речь профессора.

— Авиация, только авиация возродит лесное хозяйство,— падали в тишину кабинета сухие и твердые слова.— Я уверен, что свою мотыгу вы очень скоро сдадите в музей.

Анастасия Васильевна посмотрела на него в упор и отрицательно покачала головой.

— Нет, профессор. Мотыга не скоро уступит место самолету. Извините меня, но вы мало знаете о нашей жизни, о работе. Мы еще не один год помучаемся с мотыгой.

— Почему вы так пессимистически настроены, collega?— Он снисходительно улыбнулся.

— Посмотрите, профессор.— Анастасия Васильевна положила на стол руки. На ладонях у основания пальцев бугорками желтели мозоли, кожа от черенка мотыги и лесной земли задубела и потрескалась.— Такие руки, профессор, у всех людей лесничества. Сеем новый лес под мотыгу, косою скашиваем побеги осины, чтобы не заглушали всходы, не жалеем ни рук, ни спины, ни времени, а много ли успеваем? Капля в море. А что нам делать? Ждать машин? Надеяться на авиацию? Все это в будущем, а время не ждет. Мы не имеем права терять годы: дерево растет медленно.

Анастасия Васильевна поправила свою косынку. Коронатов невольно проследил взглядом за движениями ее рук. Он в первый раз в жизни столкнулся с таким собеседником, которому не знает, что отвечать. Она права: время не ждет. Но он не может сказать ей: завтра к вам прилетят самолеты. Он только ученый, он пишет научные труды, ну а претворять в жизнь его теорию должен кто-то другой. И все-таки какая несуразность. Двадцатый век — век атомной энергии и реактивных самолетов и... мотыга! И эти мозоли на руках... Эта не очень молодая женщина в поношенной жакетке держится с достоинством, она не жалуется, она требует от него ответа, она пришла из леса в научное учреждение как делегатка от всей армии лесоводов. Им нужна помощь, реальная, осязаемая. Как объяснить ей, что институт ведет научно-исследовательскую работу, а министерство решает практические вопросы? Он — ученый, его область — наука.

Анастасия Васильевна заговорила, не дожидаясь его слова.

— Мы работаем и как будто добросовестно выполняем свои обязанности. Но мы, практики, чувствуем, что делаем мало. Мы должники перед лесом. Наша совесть требует: «Товарищи лесоводы, работайте лучше. Почему вы не добиваетесь, чтобы в ваших лесничествах был полный порядок? Вы — хозяева леса, вам доверили народное достояние». Ни для кого не тайна, что в лесном хозяйстве еще много крупных недостатков. Мы с ними боремся, как умеем. Люди у нас хорошие, трудолюбивые. Но, что можно успеть, если сеять лес ручным способом? Да и ручной способ очень дорого обходится государству. — Анастасия Васильевна помолчала. — Конечно, положение выправится. Но когда? Вот это нас всех волнует. Вы понимаете, профессор, как плохо себя чувствуешь, когда знаешь, что ты мало делаешь для своего народа, для своего государства. А мог бы делать больше. И так обидно терять дни, месяцы. Дали бы нам поскорее машины, мы каждую пядь земли на вырубках засеяли бы.

— Подождите немного, коллега.

— Не можем мы ждать, профессор...

Досада и огорчение отразились в ее глазах. Она встала: — Извините, я вас задержала.

— Вы торопитесь? — спросил Коронатов.

— Не-ет,— протянула Анастасия Васильевна, удивляясь его вопросу.

— Если не возражаете, продолжим немного нашу беседу.

Конечно, она не возражает.

Коронатов позвонил кому-то по телефону и попросил прийти не сейчас, а минут через двадцать.

— Простите, как ваше имя, отчество?

Она сказала.

— Позвольте спросить, какое учебное заведение вы окончили?

— Лесной техникум. Сейчас учусь в заочном лесотехническом институте.

Коронатов попросил ее рассказать о лесничестве. Анастасия Васильевна ничего не упустила, что составляло, по ее мнению, главное в жизни Хирвилаhti, все еще продолжая про себя удивляться, с чего это вдруг профессор заинтересовался ее лесничеством? И глаза его стали не такие колючие и холодные, какими ей казались в начале беседы, и даже что-то вроде улыбки мелькнуло на его губах, когда она рассказала о Столярове, который не верит во всемогущество аэросева.

— Знаю, знаю. Коронатов улыбнулся.— Мой бывший ученик одержим одной идеей: сохранить молодняк. На подрост он возлагает большие надежды и больше ни во что не верит. Но в лесном хозяйстве будущее принадлежит авиации.— Немного помолчав, он продолжал:

— Государство вкладывает в лесное хозяйство огромные средства. Противопожарные мероприятия, меры защиты от вредителей леса, защитное лесоразведение — все это проводится в широких масштабах. На миллионах гектаров проведено лесоустройство, леса разделены на группы, и хозяйство в них ведется по научно-разработанному методу. Но если говорить о восстановлении леса на вырубках, то, конечно, это — самое слабое звено. И только авиация, с моей точки зрения, даст жизнь новым лесам страны.

Анастасия Васильевна почувствовала себя легче и свободнее. Она даже села поглубже в кресло: так удобнее.

— Столяров за молодняк, вы, профессор, за аэросев, один московский ученый, выступавший на совещании,

за естественное лесовозобновление, а мы, практики-лесо-
воды, за все вместе. Нам все годится: и семенники, и мо-
лодняк, и аэросев. Только бы росли молодые леса.

— Вы, конечно, по-своему правы,— согласился Коро-
натов.— Но много ли остается молодняка, когда на лес
двинулась лавина лесозаготовительной техники? Нет,
вырубки нужно засевать с воздуха. Аэросев. Повсемест-
ный. И сразу же по свежим вырубкам. Вы курите? Нет?
Тогда позвольте мне.

Тонкие пальцы Коронатова выбирали папиросу из
портсигара. Анастасия Васильевна смотрела, как он рас-
куривает папиросу.

— Профессор, помогите нам с аэросевом. Наш лес-
промхоз передовой, вырубает огромные площади. Прове-
дите опытный сев у нас.

— Да, но...— Рука Коронатова поднесла папиросу
к пепельнице.— У нас уже есть опытные участки. О них
знает ваше управление.

— Вы защищаете повсеместный аэросев, профессор.
Ваша станция должна активнее бороться за расширение
опытных участков. Вы обошли наше лесничество. Чем же
мы хуже других? Возьмите над нами шефство,— попроси-
ла она.

Коронатов молчал, попыхивая папироской. Анастасия
Васильевна смотрела на него, ожидая ответа. Станные
у него брови: серебряные прямые полосы с изломом.
Может быть, поэтому его глаза кажутся холодными?
Красивые жесткие руки, указательный палец чуть по-
желтел от табака.

— Я ничего не могу вам обещать. Опытный аэросев
мы планируем с вашим управлением.

Сказано очень вежливо, тактично, пожалуй, даже
мягко. Анастасия Васильевна решила пока больше не
настаивать.

— Скажите, профессор, что сегодня более реально для
нас: авиация или наземная техника?

Коронатов ответил после небольшого раздумья, что
наземная техника дешевле, но, по его мнению, авиация
придет в леса раньше плугов, сеялок, сажалок. Анаста-
сия Васильевна сказала, что ей бы очень хотелось посмот-
реть лесные машины.

— Пожалуйста.

Коронатов написал записку директору машинно-испытательной станции, потом вынул из букета самый пышный георгин и подал ей со словами:

— «Улыбка осени». Сам вырастил.

Слегка смущенная такой неожиданностью, Анастасия Васильевна поблагодарила его.

— Так как вы называли вашу усовершенствованную мотыгу? — вдруг спросил он, постукивая карандашом по столу.

— «Царапалкой», профессор.

— М-да... — Коронатов на мгновение задумался, потом перевел взгляд с ее руки, ласкавшей георгин, на нее и спросил точный адрес лесничества.

Коронатов проводил Анастасию Васильевну до дверей и крепко пожал ей руку.

На улице Анастасия Васильевна еще раз посмотрела на институт. Солнце мягко освещало окна. Тихо в усадьбе. За домом — осенние деревья, тихие, неподвижные. У открытых дверей гаража — черный «зим». Солнечными зайчиками поблескивают крылья машины.

Что делать дальше? Ждать? — думала она. — Профессор убедительно говорил об авиации. Конечно, придет время, когда самолеты в лесном хозяйстве не будут исключением. Мы располагаем всем необходимым, чтобы вести образцово лесное хозяйство. Но дело во времени. Что можно сделать сейчас?

Коронатов прошел по кабинету, в раздумье остановился у окна.

Хирвилахти. Крутогорский лесхоз. Он хорошо помнит его. В прошлом году он пролетал над зелеными массивами Крутогорского лесхоза. Рубка идет интенсивно. И, конечно, с лесовозобновлением мы очень запаздываем. Но авиация — уже реальное явление в лесном хозяйстве страны. Начало есть. Это главное. Главное... — мысленно повторил Коронатов. — Передовая техника. Она поднимет лесное хозяйство. Авиация...

И опять перед ним выплыло лицо лесничей. Сколько он встречал за годы своей практики в лесничествах таких людей? Большинство из них — люди замечательные. Основные черты их характера — любовь к профессии, сознание своего долга. Огромная армия лесоводов. А если им придать на помощь армию лесозаготовителей?

Вот где главные силы, которые поднимут лесное хозяйство страны. Вот почему авиация в лесном хозяйстве должна совершить переворот.

«Сознание своего долга», — вслух проговорил профессор и склонился над своим докладом.

Невский. Пестрый людской поток, вереницы машин, нарядные витрины магазинов, рекламы на крышах домов, голубые тележки с цветами и мороженым. Возле кинотеатра «Аврора» Анастасия Васильевна остановилась. На афише — красивое женское лицо. Тарасова в роли Катерины. «Гроза». Она с удовольствием посмотрела бы еще раз этот фильм, но нет времени: нужно выполнить просьбу Алексея Ивановича: отыскать его сына. Анастасия Васильевна вышла на улицу Росси, строгую, красивую и тихую. Улица Росси кончается у площади Чернышева. Налево — мост через Фонтанку, за мостом направо — третий дом по набережной — бывшая квартира Алексея Ивановича. Он так и сказал ей: «Моя бывшая квартира».

Каменная облупленная арка, двор — темный колодец, запах плесени и ржавого железа. Дом серый, скучный, с невысокими окнами. В каком подъезде квартира «47»?

Ее вывела из затруднения пожилая женщина — дворник, в белом фартуке.

— Сорок седьмая? Пятый подъезд, вон в самом уголке. Вам кого: старуху или молодуху? Квартира ихняя на замке. Старуха на Кавказ уехала, на грязи, а дочка ее у нового мужа, на Петроградской стороне, живет у него без прописки.

Анастасия Васильевна пожалела, что не застала бабушку Генки. Встречаться с Нипой ей не хотелось.

Через четверть часа она была на Петроградской стороне, отыскивала на Большом проспекте нужный дом, испытывая неприятное чувство, позвонила у двери квартиры Погребницкого.

Открыла Нипа. На мгновение ее брови-дуги взметнулись, глаза удивленно расширились. Искусно скрыв удивление, притворно радуясь, она схватила Анастасию Васильевну за руку и потащила по длинному полутем-

ному коридору куда-то вглубь. В небольшой комнате, увешанной коврами, картинами, фарфоровыми тарелками, освещенной старомодной люстрой, пахло смесью пафталлина и крепких духов.

— Какая вы милая! Вспомнили обо мне! — флейтой пропела Нина и, прошуршав черным шелковым платьем с золотыми искорками, подошла к тяжелой плюшевой портьере, скрывавшей дверь: — Аркадий, к нам гостя, — мягко сказала она.

Портьера колыхнулась, и в комнате появился Погребницкий, выбритый, вытуженный, в коричневом костюме, с тщательно уложенными волосами. Увидев Анастасию Васильевну, он неприязненно поджал губы, но тотчас же сложил их в приветливую улыбку.

— А, наша старая знакомая! Очень приятно.

Голос деланно-ласковый, мягкий и как будто дружеское пожатие руки. Но она понимала, что искренность хозяев была наигранной.

— Садитесь, пожалуйста. Вы давно приехали?

Нина пылливо и пастороженно глянула неожиданной гостье в лицо. Черное платье делало ее моложе и еще красивее, белую гордую шею опоясывали три нитки матового жемчуга, искусно положенный грим подчеркивал изящную красоту правильных черт ее лица. Она сидела напротив Анастасии Васильевны, прислонившись головой к высокой резной спинке стула. Погребницкий расположился на тугом кожаном диване.

Анастасии Васильевне хотелось поскорее уйти, и она начала без всяких предисловий:

— Алексей Иванович просил меня узнать о здоровье сына. Он давно не получал от вас писем.

— Ах, вот что! — усмешка змеей скользнула по розовым губам Нины. — Право, у меня нет времени на переписку с Алексеем Ивановичем. О мальчишке ему писала моя мама. Когда она вернется с курорта, я скажу ей, она напишет.

Анастасия Васильевна внутренне возмутилась: какая подлость!

— Нина, — укоризненно сказал Погребницкий. — Извини, что я вмешиваюсь, но ты неправа, дорогая. Почему ты не отвечаешь на его письма? Он беспокоится о своем ребенке. В таком случае я сам напишу.

Погребницкий скрылся за портьерой. Анастасия Васильевна почувствовала к нему нечто вроде уважения.

— Ну, как живет Алексей Иванович? — очень тихо спросила Нина. — По-прежнему один? Так и живет, как рак-отшельник? Бедняга! — Нина воровато оглянулась на дверь, куда вышел Погребницкий. — Он просил передать мне что-нибудь?

«Он ей не пишет!» — подумала Анастасия Васильевна.

— Нет, Нина Петровна. Вам Алексей Иванович ничего не передавал. Он просил узнать о сыне и только.

В бархатных глазах Нины вспыхнули злые огоньки и погасли.

— Мой благородный, верный рыцарь! Он никого не посвящает в тайны своих сердечных мук. Вернись я к нему через двадцать лет, заплачет от счастья.

«В чем секрет ее власти над ним? — думала Анастасия Васильевна с ревнивой завистью. — Молодость? Красота? Но сколько в ней откровенного цинизма, пошлости, нечистоплотности...»

— О лесном поселке я вспоминаю, как о дурном сне. — Нина полюбовалась игрой света рубина в ее кольце. — Как он не мог понять... — с затаенной обидой начала она, но вдруг оборвала и заговорила с наигранным оживлением: — Ах, как чудесно мы провели лето! Июнь — в Сочи, июль — в Гаграх! Проехались па «России» от Сочи до Батуми. Теплоход — мечта. Сколько комфорта! Вы еще не были в отпуске? Советую прокатиться по Черному морю. Мне очень понравился Сухуми. Прелестный город. На улицах пальмы, мимозы...

«В твоей красивой жизни, к которой ты рвалась, что-то не совсем ладно», — подумала Анастасия Васильевна, уловив в голосе Нины притворное оживление.

— Нина Петровна, где ваш сын? Я хотела бы повидать мальчика.

Лицо Нины стало сухим, жестким.

— Это для Алексея Ивановича?

— Да. Я обещала ему.

Анастасия Васильевна спокойно и прямо смотрела на Нину.

Лицо Нины слегка порозовело. «Эта лесничиха, конечно, влюблена в него. Она старается сделать ему приятное, — мелькнуло в голове Нины. — А он? Не может быть... Я и она»...

— Геночки нет дома. Он на даче. В Вырице.

— Жаль... Алексей Иванович тоскует по мальчику.

— Тоскует? — злорадно повторила Нина, и в ее лице появилось что-то острое, собачье. — О сыне ему нужно было раньше думать. Передайте ему, мальчик в нем не нуждается. Он нашел второго отца. Аркадий Владиславович — человек чуткий, благородный. Он мальчика не обижает, он любит его. Я знаю, Алексей раскаивается, но... так ему и надо. — Нина подошла к туалетному столику, провела пуховкой по лицу. В зеркале Анастасия Васильевна видела ее злое, вдруг подурневшее лицо. Ей стало душно. В комнате столько вещей!

«Нет, не стану просить у нее адрес дачи. Сама отыщу мальчика», — решила Анастасия Васильевна.

— Пойдемте с нами на лекцию в Дом ученых, — пригласила Нина. — Там собирается изысканная публика, цвет ученого мира. Мы с Аркадием Владиславовичем там часто бываем.

— Спасибо, Нина Петровна. А что, Аркадий Владиславович защитил диссертацию?

— Он защищает через неделю. — В голосе Нины звучала гордость.

Она включила телевизор. На крохотном экранчике дрожали маленькие фигурки. Не оборачиваясь, Нина спросила:

— Мой муж по-прежнему изобретает или бросил?

— Алексей Иванович по-прежнему работает.

— Ну дай бог ему, — с иронией сказала Нина и капризно крикнула в сторону портьеры:

— Аркадий, почему ты так долго?

— Сейчас иду, Ниночка, — отозвался Погребицкий.

Нина одарила Погребицкого ласковой улыбкой, когда он положил перед ней на стол запечатанное письмо. Погребицкий вызвал по телефону такси. На улицу вышли троим.

— Ниночка, посмотри, жена профессора Окуневского, — громким шепотом сказал Погребицкий.

Черная шляпка Нины заметалась из стороны в сторону.

— Где, где она?

— У витрины «Ювелирторга».

Высокая полная дама в сером пальто с двумя черными бурками на плечах медленно и важно отплыла от витрины. Нина знала: от профессора Окуневского во многом

зависела судьба диссертации Аркадия. Профессор имел большое влияние на ученый совет. Ах, как жаль, что она не знакома с женой Окуневского. Нина вздохнула, мысленно перенесла чернобурок с плеч профессорши на свои плечи.

Анастасия Васильевна отказалась от такси: она пойдет пешком.

— Алексею Ивановичу передайте, что Геночка живет хорошо, — сказала на прощанье Нина.

— А что его изобретение? — будто невзначай спросил Погребницкий.

«Оно тебе все-таки не дает покоя!» — подумала Анастасия Васильевна. — Алексей Иванович почти закончил чертежи, — сказала она.

— О, я рад за него! — деланно улыбнулся Погребницкий. — Надеюсь, скоро мы будем читать сообщения в газетах об его успехах. — Погребницкий изящным жестом приподнял мягкую шляпу. — Всего доброго, Анастасия Васильевна. Кланяйтесь нашему изобретателю.

Нина помахала из машины черной лайковой перчаткой.

«Они посмеиваются над Алексеем Ивановичем. В их представлении он глупец. Отказался от города, карьеры, модного костюма. В этом они видят красивую жизнь. Но красивая жизнь не у вас, а у него», — думала Анастасия Васильевна, провожая взглядом машину.

Первые лучи солнца, скользявшие в окно, разбудили Анастасию Васильевну. В открытую форточку донесся слабый звук трамвайного звонка. Анастасия Васильевна оделась и вышла на улицу. Утро дышало свежестью. Солнце мягко освещало землю. На Морском проспекте машина шумно разбрызгивала воду по асфальту мостовой.

Трамвай наполнялся пассажирами. Кондуктор — молодая девушка в форменной курточке и голубом берете на белокурых завитках, сонным голосом объявляла остановки. Анастасия Васильевна смотрела в окно вагона.

Проехав Петроградскую сторону, трамвай вышел на мост. Сверкающая под солнцем Нева катила свои воды, покачивая на упругих волнах катера, баржи, лодки, голубя речными пристанями у гранитных набережных.

За Кировским мостом памятник Суворову. Фельдмаршал в доспехах рыцаря с повернутым к Неве лицом застыл с поднятым в небо клинком. За памятником зеленело Марсово поле, золотился шпиль Инженерного замка, темнели куны столетних деревьев Михайловского сада. Много раз видела Анастасия Васильевна улицы и площади Ленинграда, и каждый раз она находила все новые и новые черты строгой красоты города. Но как только она оставалась здесь надолго, она чувствовала смутную тоску по лесу с его тишиной, суровой природой, неизведанными уголками. И что скрывать? Она с радостью возвращалась в «комариную» Карелию, в свой бедный, неблагоустроенный дом, к своей тяжелой беспокойной работе.

Витебский вокзал. На перроне шаркали метлами уборщицы, кондуктора возле вереницы вагонов сгружающе глядели на неторопливых пассажиров.

На Вырпу отправлялся электропоезд. Поезд шел мягко, бесшумно, мимо знакомых станций. Павловск, Антропино, Кобринно... За окнами вагона — однообразный пейзаж. На пригорке — низкорослые леса, в низине — рыжие болота, изредка сверкнет речушка или озерко, промелькнут на их берегах деревушки, дачные поселки. Уцелевшие клочки леса вызывают невеселые мысли: под самым городом вырубili лес, сняли зеленую шубу с Ленинграда. «Во всех лесах мы хозяйничаем одинаково безответственно, — с горечью думала Анастасия Васильевна. — Двести пятьдесят лет назад для Невского прорубали просеку в дремучем лесу».

Таежная машинно-испытательная станция, или как ее сокращенно называли — МИС, занимала большую территорию влево от вокзала Вырца, за водокачкой. Контора МИС походила на контору леспромхоза в Хирвилахти. Анастасии Васильевне казалось, что если пройти в конец коридора, то она увидит знакомую дверь кабинета главного инженера и услышит голос Алексея Ивановича.

Секретарь директора МИС — совсем юная девушка с ямками на румяных пухлых щеках — заправляла в машинку чистый лист бумаги. Она сказала, что директор у себя, но собирается ехать на совещание.

— Идите, пока не ушел. — Девушка кивнула на дверь, обитую коричневым гранитом, и застучала на машинке.

Директор МИС — грузный пожилой мужчина с лицом угрюмым и коричневым от загара, одетый в черный

клеенчатый дождевик, столкнулся с Анастасией Васильевной на пороге кабинета. Узнав, зачем она приехала, он торопливо проводил ее к старшему инженеру и исчез, зажав под мышкой пухлый портфель.

Инженер что-то чертил на большом листе бумаги.

— Посмотреть опытные образцы? Стоило ехать такую даль?! — откровенно удивился он, предлагая Анастасии Васильевне стул. Голос у него был мягкий, на тонком, поблекшем лице большие грустные глаза, волосы с проседью, жилистая шея в морщинах. На вид ему и сорок, и пятьдесят. На рукаве темно-синего пиджака неумелая штопка, на темной рубашке полосатый галстук веревочкой.

В стенку постучали. Инженер извинился: его зовут к телефону — и бесшумно вышел из кабинета. Анастасия Васильевна глядела в окно. Вдоль забора тянулись кирпичные сараи с распахнутыми настежь дверями. Трактор, разворачивая гусеницами пролитанную дождевой водой землю, тяжело полз к воротам. По двору ходили люди в спецовках. На земле валялись груды металлического лома. «Не это ли опытные образцы лесных машин после испытания? — с горькой иронией подумала Анастасия Васильевна.

Инженер вернулся, сложил на столе худые кисти рук с узловатыми суставами, заговорил тихим голосом:

— Вас интересует, когда техника хлынет в лесное хозяйство? — Об этом знает только Москва. Технический совет министерства, Госплан. Там идеи, планы. А наша МИС — техническая инстанция. Мы только испытываем машины.

— Ваше управление может запросить Москву, — посоветовал инженер.

Анастасия Васильевна двинула бровью. Инженер задумчиво смотрел на глобус, стоявший на тумбочке.

— Где же выход? — как бы для себя проговорила Анастасия Васильевна.

Инженер слегка откинул назад лицо:

— Спрашиваете, где выход? На мой взгляд, в организации лесных машинных станций. Государство ежегодно вкладывает в лесное хозяйство колоссальные деньги. Часть их бросить на организацию таких станций и дело пойдет. — Инженер помолчал, задумчиво глядя перед собой. — Завод иногда долго изготавливает опытный образец

машинны. Сколько крови попортит конструктор, пока его опытную машину доставят нам, на МИС. Конечно, и в практике нашей МИС бывает так, что государственные испытания стоят конструктору много нервов: комиссия не примет. На технические усовершенствования опять требуется время. А что касается серийного выпуска — это тоже путь долгий. Иногда бумаги застревают в техническом совете.

Анастасия Васильевна попросила у него разрешения посмотреть опытные лесные машинны. На склад ее сопровождал механик — молодой человек атлетического сложения, с необычно крупными чертами лица. Склад приютил под своей крышей целое богатство для лесничества. Плуги, тракторы, лебедки. А это что за конструкция, похожая на цветок с лепестками, загнутыми наружу? Так это и есть якорный покровосдиратель? О нем она слышала на совещании в Петрозаводске.

Механик постукал палкой по корпусу покровосдира-теля.

— Якорек хороший. Стальной. Лапы не ломаются. В Сиверском лесхозе испытывали. Двадцать четыре тысячи погонных метров за восемь часов. Один такой якорь заменяет двести рабочих. Прекрасное орудие!

Анастасии Васильевне представилось: покровосдиратель в Хирвилахти, леспромхоз дал трактор, рабочие лесничества бросают семена сосны и ели в борозды, оставленные орудием на лесной почве. Это не мотыжка!

— Застопорили — из-за тяжести. — Глаза механика насмешливо блеснули. — Механик взялся за лапы орудия, покачал его. — Два якоря весят чуть побольше тонны. Технический совет сказал «аминь», и якорь попал на наше кладбище.

— Как же так? Почему конструктор не боролся? Почему МИС не протестовала? Кто конструктор?

— Инженер Валуев. Он-то боролся, да что толку! — махнул рукой механик. — Жить или не жить машине — решают не здесь. — Механик пнул носком ботинка злополучный «якерск». — Ржавеет по милости технического совета который год. А ведь простая штука. Любая мастерская сделает, была бы электросварка. А они, черти, угробили.

— Послушайте! — подхватила Анастасия Васильевна. — Неужели любая мастерская сделает? Это верно?

Механик снисходительно улыбнулся:

— Кое-что в технике и мы сомыслим. Не только изобретатели. Посмотрите на якорь. Что в нем сложного?

— Спасибо вам! Вы даете мне мысль...

Анастасия Васильевна потрясла руку механика, чем немало удивила его, и стремительно вышла из склада.

— Где чертежи кровососа? — спросила она, входя в кабинет инженера.

Он не сразу понял ее.

— Чертежи? Зачем вам?

Анастасия Васильевна, глядя в лицо инженера заблестевшими глазами, заговорила:

— Мы сделаем якорь у себя. На Онежском заводе. Подумайте только: один якорь заменяет двести рабочих! Двести рабочих в лесничестве, в нашем Хирвилахти? Такая армия и во сне нам не приснится. Вы знаете, как мы сеем весной лесокультуры? Выходим в лес семьями, даже ребятишки, и те помогают.

— Видите ли, — медленно начал инженер. — Заказы на производство машин получает завод через соответствующие организации. Навряд ли институт согласится отдать чертежи в частные руки.

— В частные руки? — повторила Анастасия Васильевна.

— Существует определенный порядок внедрения изобретения, — продолжал он.

— Порядок? Как же так? Конструктор годы вынашивал свою идею, добивался, чтобы завод сделал опытный образец, а вы его детище похвалили и разрешили техническому совету бросить на свалку! С таким порядком мотыга процарствует в лесах еще сто лет!

Почему эта женщина с мохнатыми бровями вдруг рассердилась? Говорила спокойно, и вот, пожалуйста, кричит на него, как будто он завел тот порядок, который ее возмущает. Почему большинству женщин не присуща логика? Сказал же он ей: МИС — техническая инстанция и только. Кто она? Приехала без командировки, «по собственной инициативе», юридически она — лицо частное, неофициальное. Чего она горячится?

— Скажите, где мне найти инженера Валугева? — спросила Анастасия Васильевна.

Маленький мужчина, большеголовый и кряжистый, не вошел, а вбежал в кабинет. Брезентовый плащ был рас-

стегнут, из-под соломенной шляпы сверкали глаза, небольшие и острые, розовое упитанное лицо его было кругло.

— Итак, решено! Завтра испытания,— заговорил он весело, сбивая кулаком шляпу на затылок.— Грозные мужи все в сборе. «Что день грядущий мне готовит?» Заметьте, третий раз иду на костер.

Инженер сдержанно улыбнулся и познакомил с вошедшим Анастасию Васильевну. Он оказался конструктором Армяковым.

— А, посланец карельских лесоводов! — добродушно закивал Армяков, стискивая железными пальцами ее руку.— Бывал я в ваших чудодейственных лесах. Ваши лесорубы — чудо-богатыри. У них техника, да-а!.. Вы приезжайте завтра на МИС. Посмотрите нашу корчевальную машину. Новенькая, прямо с завода.

— А когда ваша машина выйдет в серийное производство? — спросила Анастасия Васильевна, с уважением глядя на маленького конструктора с веселыми морщинами вокруг острых умных глаз.

— О, до серийного выпуска далеко, как до небес,— вздохнул конструктор.

Анастасия Васильевна бросила взгляд в окно, на сарай, где ржавел похороненный «вышестоящими организациями» якорный покровосдиратель Валуева, и подумала, не ждет ли новую машину такая же печальная участь.

— Но на нашем знамени горит девиз: «Не сдаваться».— Глаза конструктора брызнули задором.— Мы атакуем все инстанции. Институт даст подкрепление, когда мы ринемся в бой. Вот только проскочить МИС, первую заградительную полосу, а там пойдет наша машина, и никакие надолбы ее не остановят.

— Мне нравится ваш оптимизм,— сдержанно сказал инженер.

Конструктор покосился на него, лицо его приняло озабоченное выражение. Анастасия Васильевна попрощалась и вышла. Завтра она придет на испытание машины Армякова, может, ей удастся повидать и Валуева. С Валуевым она поговорит о чертежах якоря. Если не удастся получить чертежи, она пойдет к профессору Коропатову и попросит его содействия.

Где-то здесь в районе Вырицы — сыншкa Алексея Ивановича, а в шести километрах от Вырицы, от МПС, в служебном доме райздрава живет Светлана, ее подруга, — врач-педиатр. Светлана поможет ей отыскать детский сад Генки.

Поселок почти сплошь был затоплен лужами. Анастасия Васильевна промочила ноги, пока добралась до двухэтажного деревянного дома с резным балконом под крышей. Входная дверь была распахнута. В сенях лежала дымчато-пепельная коза. Рыжая кошка со своим семейством спала в корзине.

Светлана еще не вернулась с работы. Девушка в белом халате — медицинская сестра — проводила Анастасию Васильевну в комнату.

«У Светланы уже ребенок? — подумала Анастасия Васильевна, глядя на детскую кровать, покрытую розовым пикейным одеялом. Как быстро летит время!» Она присела на табуретку. Дачное жилье ее подруги не отличалось уютом. Стол, тумбочка, окно без занавески, на вешалке — пестрые платья, демисезонное пальто, детские вещи. Анастасия Васильевна полистала справочник по педиатрии, лежавший на подоконнике рядом с черствым куском черного хлеба.

В комнату заглянула сестра. Она предложила Анастасии Васильевне посидеть на терраске. Вход на терраску был через изолятор. В изоляторе сидели на топчанах мальчик и девочка лет пяти в длинных до пят белых рубашонках, показывали друг другу языки и заливались колокольчиком. Увидев Анастасию Васильевну, дети присмирели.

— Болели гриппом, — объяснила медицинская сестра, приказав детям не шалить.

Терраска — она же приемная врача — вдавалась в огород, как большой стеклянный фонарь. Георгины — белые, желтые, темно-красные — заглядывали в окна. Садилось солнце. Бледные лучи скользили по крыше соседнего дома. Над ней кружилась стая голубей. Белые голуби казались розовыми в лучах заходящего солнца. Где-то прозвучал пионерский горн.

Анастасия Васильевна рассеянно перебирала медицинские карточки, стоявшие в ящичке на столе. Саша Картавченко, Сережа Грунин, Алла Кузнецова, Юра Мозговой, Алик Бильченко, Гена Баженов. Генка! Генка у Светланы. Она жадно читала карточку, будто Генка был ее собственным ребенком. «Родился в срок. Туберкулеза нет, малярией не болел. Кормился рожками»... Анастасия Васильевна отыскала медицинскую сестру и спросила, где сейчас дети.

— В столовой. И Светлана Николаевна там, — ответила сестра, ставя на поднос тарелки с манной кашей. — Столовая в синем домике. Пройдите по улице немного вперед.

По дороге, изрытой тракторными гусеницами, бежали мутные ручьи. Анастасия Васильевна остановилась, выбирая место, где бы перейти улицу. Из противоположного двора высыпали дети. За ними шла молодая девушка в красном дождевике.

— Парам! Парам! — закричала девушка.

Дети схватились за руки, и нестройная ребячья колонна с птичьим щебетаньем потянулась мимо Анастасии Васильевны.

— Гена, не отставай, не отставай! — ласково прикрикнула воспитательница, оглядываясь назад, и Анастасия Васильевна увидела Генку в последней паре. Он шагал вразвалку, неся на плече еловую ветвь. В походке маленького Баженова чувствовалось что-то отцовское. Анастасия Васильевна пошла рядом с колонной.

— Вы мамаша? — строго спросила воспитательница.

Анастасия Васильевна объяснила, зачем она здесь.

— А, тогда другое дело! — миролюбиво отозвалась воспитательница, и на ее красных щеках появились ямки. — Пойдемте с нами. Светлана Николаевна в столовой. Нас, вы знаете, мамы просто замучили. Приедут из Ленинграда, спрячутся в кустах и караулят, когда мы поведем ребятшек гулять. Нас первируют, детей расстраивают.

Анастасия Васильевна подошла к Генке поближе.

— Здравствуй, Гена! Ты меня не узнаешь?

Генка скосил на нее глаза, засопел носом. На нем был дорогой костюмчик, измазанный и разорванный на локтях.

— Он у нас говорит. А при чужих язычок проглатывает. Правда, Гена?— Воспитательница протянула руку, чтобы приласкать мальчика, но он уклонился.

— А тетя Ася не чужая! Она с нами в лесу жила. Вот! — Генка вызывающе вскинул голову.

— А почему ты с тетей Асей не поздоровался? Что тетя Ася о тебе подумает? Скажет: невоспитанный мальчик.

Генка исподлобья глянул на воспитательницу и молча потащил по земле свою ветвь. «Как он похож на отца! — думала Анастасия Васильевна, продолжая идти рядом с мальчиком.— Сколько было бы радости, если бы я привезла Алексею Ивановичу сына!»

— Геночка, погоди. У тебя ботинок расстегнулся.

Присев на корточки, она застегивала Генкин ботинок. Генка держался двумя руками за ее плечо и громко сопел носом.

— Ну, вот и все.— Анастасия Васильевна взяла мальчика за плечи.

— Тетя Ася, а когда папа придет?

На Анастасию Васильевну смотрели глаза Алексея Ивановича.

— Придет, Геночка.— Она незаметно прижала к себе мальчика и отпустила.— Сейчас у твоего папы много работы.

— Мама не приезжает, папа не приезжает, бабушка уехала,— не по-детски тяжело вздохнул Генка.

Анастасия Васильевна повернула мальчика лицом к колонне и легонько подтолкнула его вперед.

— Иди, дружок, становись в свою пару.

Дома Светлана рассказала ей о Генке.

— Ребенок нервный. На даче он поправился, стал спокойней, почти не капризничает. Он с моим Сережкой на одной даче, третьей. Часто вспоминает отца: «Мой папа... у моего папы...» Что произошло в семье? Отец бросил, вероятно? Есть такие мужчины. Им ничего не стоит искалечить жизнь ребенка. Ах, мать сошлась с другим?.. Ну, да что говорить о других. Рассказывай о себе, Ася...

Анастасия Васильевна поделилась с ней своими тревогами. Но Светлана слушала рассеянно.

— Зачем тебе волноваться, силы тратить. Нашла бы подходящего человека и жила спокойно. Ищешь любви?

Замуж, Асенька, надо выходить не по любви, а по здравому смыслу.— Светлана, зевая, лениво двигалась по комнате, собирая на стол ужин.

Анастасия Васильевна с грустным удивлением смотрела на подругу юности. Куда девался ее задор, подвижность? Ленивый взгляд, ленивые движения... Голубое платье с белыми широкими полосами тесно облегало ее располневшую фигуру. Русые волосы потускнели, голубые глаза будто выцвели.

Ночью, лежа в кровати, Анастасия Васильевна прислушивалась к сонному бормотанью детей в изоляторе, отделенному от комнаты фанерной перегородкой. Наверху кто-то ходил, скрипели половицы, хлопала входная дверь. Светлана сладко всхрапывала. Анастасия Васильевна думала о Баженове. Он ждет ее телеграмму, волнуется. Завтра она напишет ему.

Утром перед уходом Анастасия Васильевна зашла на дачу к Генке. Он только что проснулся.

— До свидания, Геночка.

Анастасия Васильевна прикоснулась губами к теплomu лбу мальчика. Генка обхватил ее шею руками и заплакал.

— Геночка, ты такой большой и плачешь?

Анастасия Васильевна нежно гладила его голову, плечи.

— Тетя Ася, возьми меня с собой. Я хочу к пане!— всхлипывал Генка и все сильнее прижимался головой к груди Анастасии Васильевны.

— Геночка, папа потом приедет за тобой. Летом... Я ему скажу. А сейчас не надо, маленький, плакать.

— А папа, правда, приедет? Ты не обманываешь?

— Приедет, маленький, непременно приедет...

Боже мой, как он похож на отца! Увезти бы мальчика с собой. Она любила бы их обоих...

Анастасия Васильевна вытерла своим платком заплаканное лицо мальчика. В изолятор заглянула Светлана.

— Ася, ты на МИС? Нам по пути: я иду на третью дачу.

— Сейчас, Света.— Анастасия Васильевна потрепала Генкин хохолок.— Ну, Геночка, будь умницей. Играй, будь здоровеньким. А папе я обязательно скажу, и он приедет. До свидания, дружок. Если у тети Аси будет свободное время, она еще придет к тебе.

— До свиданья, тетя Ася.

Генка, как взрослый, подал ей руку. Анастасия Васильевна нежно погладила лежавшую на ладони руку мальчика.

Светлана ждала ее с чемоданом в руках:

— Не беспокойся, Асенька, мальчику здесь неплохо.

Анастасия Васильевна еще раз посмотрела на Генку и закрыла за собой дверь.

— Я хочу дать тебе, Асенька, добрый совет, — выходи замуж и роди своего ребенка. Что попусту тратить сердце на чужих детей.

Анастасия Васильевна молчала.

По дороге на станцию Светлана рассказывала о своей беспокойной работе. Бывают такие дни, что с ног собьешься. Дачи разбросаны, детей много, часто ночью вызывают к больным. Фонарей в поселке нет, грязь по колено, бредешь во тьме за несколько километров от дома, возвращаешься под утро, а через два-три часа вставай и опять принимайся за работу. Прощаясь, Светлана крепко обняла подругу.

Анастасия Васильевна поднялась на высокое железнодорожное полотно. Зеленый плащ Светланы еще виднелся, но вот он исчез за водокачкой. Анастасия Васильевна смотрела на поселок. Утро стояло пахучее, солнечное. Сосны, омытые ночным дождем, высоко держали свежие кроны. Под солнцем сверкали крыши дач. Где-то играл духовой оркестр. Звуки музыки плыли над поселком то вспыхивая, то замирая. На душе у Анастасии Васильевны было грустно и тревожно.

31

Валуева на МИС не было. Секретарша сказала, что инженер, возможно, придет вечером, он в Сиверском лесхозе, а государственная комиссия в лесу: там будет проводиться испытание корчевальной машины Армякова. Сам Армяков должен приехать из Ленинграда девятичасовым.

Анастасия Васильевна вышла на крыльцо конторы и увидела Армякова, спешившего к МИС. Она пошла ему навстречу.

— Что? Все на участке?— спросил ее Армяков.— Идемте, идемте.

Она едва поспевала за ним. Его короткие ноги делали удивительно большие шаги. Соломенная шляпа порхала перед ее глазами, тощий портфель описывал в воздухе полукруги, казалось, что его маленькая фигура взлетала на воздух, отталкиваясь от земли простыми русскими сапогами. «Мужичок с ноготок»,— весело подумала Анастасия Васильевна. Ей нравилась его живость, энергия, открытое лицо и широкая улыбка. У таких людей характер открытый, добродушный. Ведущий конструктор коллектива механизаторов института, кандидат технических наук, а держится просто, скромно.

Армяков обнаружил на дороге след трактора. Здесь прошла «его машина». Следы привели к болоту. Из-под сапог Армякова только брызги полетели. Анастасия Васильевна едва поспевала за ним, а Армяков мчался вперед, не оглядываясь.

На опушке леса он увидел «свое детище». Тракторист и механик, тот самый, который показывал Анастасии Васильевне «якорь», возились с мотором.

— Что случилось?— обеспокоенно спросил Армяков, бросаясь к ним.— Третий раз срываем испытания! Что, что с мотором!

— Не волнуйтесь, Иван Петрович. Сейчас пойдет,— спокойно сказал помощник конструктора, не по летам полный молодой человек. На нем был серо-зеленый плащ, клетчатая кепка, на плече, на длинном ремешке, висел фотоаппарат.— Сейчас все исправят. Лицом в грязь не ударим перед высшим судилищем,— добавил он усмехнувшись.

Армяков проверял тросы, лебедку, стойку и другие детали машины, по пути объясняя Анастасии Васильевне принцип действия. Посыпались цифры: расчетный вес машины, длина стальных клыков, производительность машины на легких и трудных пнях, ее стоимость. Потом конструктор заговорил о преимуществах его машины перед теми, что выпускались заводами раньше.

В это время помощник Армякова крикнул: «Поехали!»— и мощный тягач корчевальной машины тронулся.

Армяков, не разбирая дороги, бежал за трактором. Корчевальная машина плыла по размокшей земле, поднимая вверх стальные клыки, похожие на бивни слона.

Из-под нее выплескивали фонтанчики жидкой грязи и обливали шляпу и плащ Армякова.

На просеке машину встретила комиссия. Неподалеку от просеки пыхтел маленький трактор. Две девушки подрубали корни елового пня, зачального тросом. Анастасия Васильевна подошла к ним. Девушки сказали ей, что они работают в лесничестве, корчуют пни, чтобы вырыть канаву, осушить болото.

— Тяни! — закричала трактористу рыженькая девушка.

Трактор натужно запыхтел, трос натянулся, а пень — ни с места.

— А, чтоб тебе пусто было! — с сердцем воскликнула вторая девушка, худая и высокая. — Опять берись за лопату!

Возле пня лежал бугор свежей земли. Прежде чем подрубать корни, их надо отрыть. Отрыли, но недостаточно. Девушки жаловались на «адову» работу. Анастасия Васильевна сочувствовала им. Пень тащит трактор, но сколько приходится человеку потратить физических сил, чтобы откопать пень! Она-то хорошо знает. Лопата и топор — родные братья мотыги.

Девушки обрадовались, когда им сказали, что их работу сделает новая машина. Трактор, тяжело приминая землю, подогнал машину Армякова к огромному пню. Стрела машины опустилась, стальные клыки вонзились в землю, пень ожил, задвигался, затрещали корневища, будто кто-то разрывал огромный кусок парусины, и пень, подхваченный боковыми клыками, поплыл в воздухе. Черными змеями зашевелились корневища, посыпалась комьями земля.

— Несет, несет! Вот чудо! — воскликнула рыженькая девушка.

Да, машина делала чудеса. Она таскала из земли вековые пни, как гнилые зубы. И с какой быстротой! Минута-две, и пень качается в воздухе на стальных «руках», которые относят его туда, куда хочет человек. Просека преображалась на глазах. Зачернели полосы вывороченной земли, в свежих рывинах заблестела вода, выкорчеванные пни, как гигантские пауки, выставили в воздух свои щупальцы-корни. Идет машина, как танк в бой. Рокошет трактор-тягач, скрежещет металл, рвутся корневища, чернеют гнездовья пней, как воронки от снаря-

дов, растут земляные валы, как окопные насыпи фронтной полосы. Анастасия Васильевна мысленно перенесла машину в Хирвилахти. Несбыточные мечты!

Подошел Армяков, спросил, правится ли машина, сказал, что на земляных валах через год-два вырастет зеленая щетка: древесные семена упадут на благодатную почву.

Член комиссии, старый лесовод, огромный толстяк с прокуренными седыми усами, узнав, зачем Анастасия Васильевна приехала на МИС, откровенно подивился:

— Маменька моя, откуда прикатила, а? Хаживал я в молодости по карельским лесам, хаживал. Дикая, неповторимая красота. Да. Скажу я вам, маменька моя, без ваших, извините, стараний лес вырастет. Уверю вас, лысой земля не останется. В тайге на вырубках рыхлить почву? Пустая затея. Ни сил, ни времени не хватит. Много ли нацарапает покровосдиратель? Десятки тысяч гектаров вырубок, маменька. Подумайте.

— Вот мы и думаем, ищем выход,— возразила ему Анастасия Васильевна.— А что вы предлагаете?

— Я стою за мелиорацию, маменька моя. За мелиорацию. За непрерывную и беспощадную войну с заболачиванием. Не давайте вырубкам превратиться в болото, а бог сам посевит семена и произрастут на вашей карельской земле роскошные леса на удивление нашим потомкам.

— А я за комплекс,— вмешался в разговор Армяков.— Пустить в ход корчеватель, канавокопатель, рыхлитель. Одной мелиорации мало.

— Э, батенька, зачем Карелии ваш комплекс? Дайте ей мелиоративные станции, увидите, что я прав,— возразил член комиссии.— Карелии нужна мелиорация, а всякие рыхлители ни к чему.

— Вы за комплекс,— Анастасия Васильевна посмотрела на Армякова, потом перевела взор на члена комиссии.— Вы за мелиорацию. Столяров — научный сотрудник опытной лесной станции — за сохранение молодняка на вырубках, профессор Коронатов — за аэросев, а мы — лесники, за то, чтобы на вырубках росли новые леса. Нас тысячи. На Дальнем Востоке, в Сибири, на Урале, в Белоруссии — всюду, где растут леса и идет заготовка древесины, наши лесоводы набивают мозоли на руках

мотыгами, лопатами, топорами, затрачивают много сил, а производительность труда мизерная, и никого это не удивляет, не волнует, не тревожит, кроме нас самих, лесоводов. Так откройте же ворота вашей технике! Не держите ее под замком, пустите в леса. В 1936 году в Людейном Поле работала в лесу плуг-сеялка, в Шатурском леспромхозе двадцать лет назад провели экспериментальный сев сосны, почву подготовили фрезой и катком-плугом. Техника лесного хозяйства существует давно и все время пополняется новыми изобретениями. Где же она?

Член комиссии слушал лесничую, покусывая прокуранный седой ус, Армяков задумчиво смотрел то на лес, то на свою машину.

— А верно, где она?— Член комиссии качнул своей огромной головой.— Где техника? Изобретаем, испытываем, пишем протоколы. Мало мы трясем технический совет. Путевку в жизнь дает он? Он разрешает выпуск машины в серию? А все ли он делает, чтобы изобретения быстрее шли в жизнь?

— А наша МИС тоже любит проволочку,— заметил Армяков с недоброй усмешкой.— Мой корчеватель вы три года испытываете!

— Батенька мой, как вам не грех! Машина-то стала лучше, сознайтесь. Наши замечания пошли вам на пользу.

Армяков сердито посмотрел в спокойное лицо толстяка, хотел промолчать: от члена комиссии зависела судьба корчевателя, но не выдержал и вскипел:

— Любую машину можно совершенствовать без конца! Годы продержат в лаборатории, пока добьешься идеального образца. А в это время лесоводы пусть поднимают лесное хозяйство голыми руками. Так, что ли?

— Позвольте, Иван Петрович,— мягко возразил конструктору старший инженер МИС.— За вашу машину мы отвечаем. Мы даем рекомендацию.

Круглое лицо Армякова еще больше порозовело, он взмахнул руками, словно отталкивал от себя падавшую на него стену, раскрыл рот и... ничего не сказал.

Анастасия Васильевна слушала, смотрела то на одного, то на другого.

— Товарищи, неужели забракуете,— горячо воскликнула она.— Посмотрите: машина выворотила гору пней за три часа. А если тысячи таких машин в наши леса? Лесоводы всей страны скажут вам спасибо.

Толстяк наморщил лоб, а Армяков благодарно улыбнулся ей одними глазами.

Корчеватель работал до полудня. Комиссия дала машине положительную оценку. Живое, открытое лицо Армякова улыбалось. Умные, острые глаза блестели. Все в нем, казалось, пело, ликовало: «Приняли, приняли!» Анастасия Васильевна горячо поздравила его.

— А дальше? — спросила она, радуясь его радостью.

— Дальше? — переспросил Армяков и уверенно потрянул большой головой.— Дальше бумаги пойдут в технический совет, а мы начнем действовать. Коллектив института окажет нам соответствующую помощь. Конечно, потребуется еще много сил и энергии, пока машина выйдет в серийное производство. Но она выйдет!

Его оптимизм, вера в свое дело, неистощимая энергия заразили Анастасию Васильевну. Настроение ее улучшилось. Сейчас будущее лесничества представлялось ей в ином свете. Армяков не отступится от своего, а таких, как он, вероятно, в институте не один человек. Армяков работает под одной крышей с профессором Коронатовым. Авиация и наземная техника. И то, и другое реально для лесного хозяйства. Остается ждать. Довольный результатами испытаний, Армяков пригласил Анастасию Васильевну после обеда посмотреть работу канавокопателя, созданного под его руководством коллективом конструкторов института. Канавокопатель работал на проспекте Яковлева. Проспект представлял из себя просеку, прорубленную в лесу. На нем было несколько веселых дачных домиков с большими усадьбами, решетчатыми заборами и собаками на цепи. Немногочисленные дачники высыпали на террасу смотреть «чудо». Два трактора с натугой тянули машину, похожую на крылатое насекомое исполинской величины. Под солнцем блестела сталь лемехов и крыльев-очистителей. Громадина с металлическим лязгом припадала к земле, лемех врезался в почву, а крылья очистители укладывали отрытую землю в вал. Тракторы с урчанием поползли вперед, оставляя за собой свежеврытую канаву. Канавы быстро заполнялись водой, хлынувшей ручьями с лесного склона. Машина

крушила на своем пути кусты, резала вязкую почву, выбрасывала вместе с камнями на поверхность земли веками петропутье пласты почвы. Двигалась она довольно проворно. За ней приходилось почти бежать.

— Ну, как?— спросил Армяков Анастасию Васильевну.— Нравится вам наша машина?

— Машина замечательная!— Ее бы в наши леса. Осушать болота, рыть противопожарные полосы.

— Вам очень долго ее ждать придется,— невесело отозвался Армяков.

— Неужели ее забраковали? Не приняли на МИС?

— МИС-то приняла...

— Ну и что же? Опять технический совет, да?

— Нет. Технический совет одобрил, но на этом дело и закончилось. Три года наши механизаторы улучшали образец, испытывали здесь, и в Латвии, а воз и ныне там. Роем дачникам капавки, чтобы машина не заржавела.

— Черт знает, что творится!— возмущилась Анастасия Васильевна.— Что же нам, лесоведам, умирать с мотыгой?

Армяков посмотрел на грохочущую машину, на бурлящую воду в свежей капаве, на ватагу мальчишек, которые с восторженным криком неслись за канавокопателем, и тряхнул большой головой.

— Не унывайте. Мы, механизаторы, народ упрямый. Рапо или поздно наш канавокопатель прорвет себе путь и выйдет на лесные просторы страны.

— Время, время не ждет,— с горечью заметила Анастасия Васильевна.

Она вернулась в комнату МИС. Здесь ей сказали, что инженер Валуев в кабинете старшего инженера.

Видно, Анастасия Васильевна задела конструктора за живое, если он заговорил так горячо и без всяких предисловий. Да, верно, его якорь валяется на складе. Ей кажется это странным? Ему тоже. Его опытный образец покровосдиателя ест ржавчина, а в Норвегии значительно позднее сконструировали нечто подобное его «якорю», выпустили в серию и направили в леса.

Конструктор замолчал.

Анастасия Васильевна с молчаливым сочувствием и уважением слушала его. Какой он порывистый, нервный. Даже спички со стола берет рывком. Курит корот-

кими затяжками, дым изо рта выпускает отрывисто. Ходит по комнате быстро, а если остановится, то и тогда его крепкая, приземистая фигура все время в движении. Говорит отрывисто, жестикулирует, берет стул за спинку и вертит его. Беспокойный взгляд крупных, миндалевидных глаз устремлен не на собеседника, а поверх его головы, вдаль. С таким человеком чувствуешь себя беспокойно. Оп, как бурная река: не знаешь, выплеснет она тебя на берег или внезапно ударит о камни.

— Но я сам виноват. Мне пужно было не отступать. Доказать в техническом совете, добиться своих прав. Да и времени мне стало жалко. Наш коллектив конструкторов увлекся новой идеей. Фреза, потом ротационный покровосдиратель. Чертежи, расчеты, изготовление опытных образцов. Время пролетело незаметно. Сейчас в Сиверском лесхозе испытываем еще одно орудие рыхления лесной почвы. Если МИС примет, а в техническом совете появятся препятствия, то на этот раз мы не отступимся.

Мне говорили: вы просите чертежи. Зайдите завтра в институт,— неожиданно для нее закончил Валуев, извинился: его ждут, и стремительно вышел из кабинета, не дав ей возможности опомниться и поблагодарить.

Какие упорные, целеустремленные люди!— думала Анастасия Васильевна.— Такие добьются своего!

Уезжая, она постояла на взгорье, смотрела на МИС,— на крышу склада, на контору. По двору ходил мужчина в соломенной шляпе. Конечно, это Армяков хлопочет возле своей корчевальной машины. Она пожалела, что не попрощалась с ним.

32

Погребницкий защитил диссертацию и собирался отметить это событие банкетом.

Нина, встречая его дома, попросила рассказать, как прошла защита.

— Первым, Нипочка, защищал диссертацию какой-то sereneкий преподаватель Лесотехнического института Поволжья. Докладывал скучно, таблицами занял всю стену зала. И что удивительно: ни одного голоса против, хотя почти все зевали, пока он защищал. Моя диссертация

ция, мне кажется, вызвала оживленный интерес. Во всяком случае, слушали меня с большим вниманием.

По словам Погребницкого выходило, что все прошло, как нельзя лучше,— ученый совет остался им доволен.

Нина слушала, преданно глядя ему в глаза.

— Как хорошо, Аркадий. Я так рада за тебя.— Она обвила его шею руками, приникла.— Милый, ты теперь кандидат наук. Скажи, дорогой, а трудно добиться докторской степени? Как Окуневский?

На холеном лице Погребницкого блуждала неопределенная улыбка.

— Доктор наук...— он пожал плечами.— Не боги горшки обжигают, Ниночка. Главное — связи, свой круг людей науки... Но пора накрыть стол, дорогая. Скоро гости начнут съезжаться.

Нина смотрела, как он расставлял на столе хрустальные бокалы, и думала: «Связи, свой круг людей...»

— Послушай, Аркадий, а Пивоваров говорит: главное — знания, новаторство, проникновение в неисследованные области науки...

— Пивоваров? Ты с ним знакома?

Погребницкий остановился с бутылкой шампанского на полдороге от буфета к столу.

— Да. Он приезжал в Хирвилахти и жил в нашем доме с неделю. Алексей считается с его мнением.

— Пивоваров! Подумаешь, авторитет! Без связей имени в науке не создашь, будь хоть семи пядей во лбу. Твой Алексей — не глупый человек, у него есть способности к научным исследованиям, а чего он достиг? Сидит в лесу и пилит деревья.— Погребницкий поставил бутылку на стол, обернулся к Нине.— Я никогда не мог объяснить, почему ты выбрала его в мужья?— Нина молчала, перебирая пальцами бусинки янтарного ожерелья. Погребницкий самодовольно улыбнулся, поцеловал Нину в пушистый локон.

Он расставлял на столе приборы и мечтал вслух: теперь уже скоро он может получить квартиру в доме ученых, у него будет дача в живописной местности на Карельском перешейке.

Нина передевалась в вечернее платье, рассматривая в зеркало свои красивые обнаженные руки.

— Аркадий, я уйду из Дома культуры. Мне надоел кружок самодеятельности.

— Тебе предлагали место в театре? — Погребницкий насторожился.

— Пока нет, но Горисолнцев обещал...

— Не понимаю. Ради пустых обещаний лишаться заработка? Неразумно, дорогая.

— Но, Аркадий, я получаю гроши...

— Вот-вот, именно гроши, — подхватил с живостью Погребницкий. Я давно хотел тебе посоветовать взять еще кружок. Театр для тебя — журавль в небе.

— Но я и так устаю, Аркадий, — жалобно воскликнула Нина.

— Я — тоже, — жестко подчеркнул Погребницкий. — Но я тебе не жалеюсь.

Нина поспешила переменить разговор, решив при случае отомстить своему милому за все обиды. Она притворно оживилась, но на душе у нее кошки скребли. В доме Погребницкий распоряжался один. С Алексеем было иначе. Она была полновластной хозяйкой, и муж ей во всем подчинялся. Но что мог дать ей Алексей? Он не умеет жить. Аркадий — эгоист, но она наберется терпения и со временем приберет его к рукам.

Позвонила доцент Смирнова, сказала, что приехать не сможет: разболелся зуб.

Нина, пудрясь, спросила:

— Аркадий, почему ты не пригласил Пивоварова? Он, все-таки, секретарь партбюро.

Погребницкий сердито отозвался, что Пивоварову в его доме нечего делать и говорить о нем он не желает. Нина повела бровями, но допытываться о причине не стала.

Снова зазвонил телефон. Профессор Дубов извинялся, что не может прибыть на званый ужин: у жены приступ печени. Через десять минут позвонил кандидат наук Басалаев и попросил не ждать его: у тещи сердечный приступ, вызвали неотложную.

— Что за чертовщина! Зубы, приступы... Как сговорились!

Погребницкий с сердцем убрал со стола лишние приборы.

В прихожей раздался звонок. Погребницкий повеселел.

— Нина, идем встречать.

Звонил дворник.

Назначенное время для сбора гостей давно прошло. Телефон молчал. Погребницкий нервно ходил по комнате.

Притихшая Нина сидела в уголке дивана. Принесли письмо от профессора Окуневского, в котором он довольно туманно говорил о каких-то объективных обстоятельствах, помешавших ему посидеть в приятном обществе. Письмо не на шутку испугало Погребницкого. Что случилось? Почему все отказались от его приглашения?

Домашняя работница вызвала Нину на кухню.

— Про Аркадия Владиславовича... непонятное что-то, — сказала она, протягивая Нине «Ленинградскую правду».

Нина, забыв о своем парадном платье, опустилась на табуретку рядом с газовой плитой и дрожащими руками развернула газету. В глаза бросился жирный заголовок фельетона: «Через пень — в кандидаты». Она испуганно ловила глазами ускользавшие строчки. А с плиты на ее роскошный туалет летели жирные брызги. Домашняя работница потихоньку, чтобы не побеспокоить хозяйку, тащила с конфорки сковородку с гусем.

— Аркадий! — в отчаянии закричала Нина, вбегая в комнату.

Погребницкий выхватил из ее рук газету. Он пробежал глазами первый и последний абзацы фельетона и побледнел. «Следуя методу Погребницкого, из любого факта почти без труда можно создать солидный научный труд... Тщетно пытался воззвать к здравому смыслу и логике третий официальный оппонент доцент Пивоваров... Так, со скрипом, как говорится, через пень в колоду, но диссертация о корчевке пней была защищена... Члены Ученого совета, решив во что бы то ни стало втащить Погребницкого в науку, явно перестарались...» Строчки фельетона смешались в голове Погребницкого, бессмысленными глазами он смотрел на стол, уставленный хрусталем, серебром, дорогими яствами и напитками.

Нина, боясь пошевелиться, испуганно смотрела на него.

Высоко в небе растянулся клин улетающих журавлей с вожакom впереди. Тревожное и жалобное курлыканье долетало до земли. Осень. Облетели листья с деревьев, оголились поля и луга.

Анастасия Васильевна шла с чемоданом по улицам поселка. Каким маленьким казался он ей теперь после Ленинграда! С радостным волнением она вглядывалась в окружающее, испытывая нежность к земле, небу, деревьям. Она шла медленно, втайне надеясь на встречу с Алексеем Ивановичем. Вот его улица. Проехала водовозка. Возчик в брезентовом плаще легонько нахлестывал буланую лошадь. Мальчишка с пронзительным свистом мчался по улице за собакой, девушка в голубом дождевике простучала сапогами по деревянному тротуару. Стайка детей шумно играла перед крыльцом Любомирова. Вдали показалась усадьба лесничества. По-осеннему плескалась река, на пустыре расстилась порыжелая дернина. Ноги сами несут к дому. Ельник в серебряных каплях встречает у ворот, кланяется березка, шелестя редкими золотыми листьями.

Матвеевна, увидев дочь, удивленно и обрадованно всплеснула руками.

— Господи! А мы-то тебя беломорским ждали! Михайло Кузьмич собирался встречать.

Анастасия Васильевна обняла мать:

— Все благополучно, мама?

— А что там делается? Ты-то как съездила?

Анастасия Васильевна выложила из чемодана покупки. Мать возилась у печи, расспрашивала про Ленинград, сама рассказывала о новостях в поселке. Пока Анастасия Васильевна умывалась и переодевалась, Матвеевна устала стол едой. Жареные рябчики, фаршированная щука расласталась на блюде, рыбники горкой лежали на тарелке, от противня с жареной ряпушкой шел душистый парок.

Пышный стол удивил Анастасию Васильевну.

Матвеевна призналась: принес Куренков.

— Сколько раз я просила ничего не брать от него!

Матвеевна сердито одернула передник:

— А чего есть? Одну картошку? Она мне в глотку не лезет.

— Плати Куренкову за рыбу и дичь.

— Да, не берет он, господи! Говорит, за дары природы брать деньги совестно. Не накидывайся на человека, Настя. Мне он приносит, не тебе. Моя воля принять аль отказать.

— Ладно,— махнула рукой Анастасия Васильевна.— Тебя не переубедишь.

Старуха обрадовалась, приняв слова дочери за разрешение делать по-своему, и то и дело подкладывала в Настенькину тарелку куски побольше и повкуснее.

— Начальство-то высокое не осерчалось за телеграмму, Настюша? Слыхала я, Парфенов в конторе языком чесал: «Худо придется нашему лесничеству. Не простят своевољства».

— Ничего. Как-нибудь.

Матвеевна вздохнула:

— В мсе время говорили: «Держи голову уклонно, а сердце покорно».

— То время давно кончилось, мама.

Помолчали.

— Не знаешь, мама, Алексей Иванович в поселке?

— Вчера в магазине видала. Сахар покупал.

Матвеевна поставила на стол закипевший самовар, блюдо свежей брусники, налила чаю себе и дочери.

— Он с своей развелся, что ли?

— Не знаю.

Старуха пошевелила губами:

— В нынешнее время любовь быстрая, свадьба скорая, глядишь год-два поживут и разбегаются в разные стороны. Характерами, мол, не сошлись. В наше время брак иначе понимали: поженит поп и до гробовой доски вместе.

В усадьбе слышались голоса. Матвеевна выглянула в окно:

— Наши идут.

— Позови их к нам, мама.

Рукавишников, дядя Саша и Парфенов вошли в комнату.

— С прибытием, Настасья Васильевна! — закивал с порога дядя Саша, быстро окидывая стол голодными глазами.

— Хорошо съездила? — улыбнулся Рукавишников.

Анастасия Васильевна пригласила всех за стол. Дядя Саша не заставил себя просить. Наскоро ополоснув руки под умывальником, он навалился на еду, ел много и все подряд. Рукавишников пристроился к самовару и рыбникам, Парфенов отказался от угощенья, но Матвеевна заставила его отведать заливного судака.

Анастасия Васильевна рассказала о беседе с профессором Коронатовым, о МИС, показала чертеж покровосдирателя, объяснила, как устроен «якорь» и каков принцип его действия.

— Мотыжку по боку? — не верил дядя Саша. — Царапалку склепать, и то чего нам стоит. А может, Зайцев нажмет на управление, а?

Рукавишников усмехнулся:

— Зайцев «нажмет»!

Все невольно рассмеялись.

— Ну, ладно, ежели такое чудо и свершится, добудет нам Зайцев якорь, а дальше? Самим в упряжку?

— Попросим трактор в леспромхозе, — ответила объездчику Анастасия Васильевна.

— Голуба, не даст. Он любит нас, как собака палку, — заметил дядя Саша, придвигая к себе блюдо с фаршированной щукой.

— Леспромхоз — не один Любомиров, — заметила Анастасия Васильевна, пряча чертежи в портфель.

Неожиданно для всех заговорил Парфенов.

— Чертежи Зайцеву? Он их спрячет в шкаф. Чертежи надо отвезти в управление и решительно требовать «якори» и аэросев.

Дядя Саша от удивления раскрыл рот. С чего вдруг Семеныч разъярился? Шел насупротив всех и вдруг полный назад. Неужто душа болит за общее дело? Аль мотыжка осточертела? Анастасия Васильевна испытующе смотрела на своего помощника, пытаясь понять его позицию. Парфенов встал, поблагодарил за угощение и, сославшись на дела, ушел.

— Мотыжка! — многозначительно покачал головой объездчик. — Доняла и его паша, извиняюсь, техника.

— Почему вы не дали телеграмму о приезде? Я бы вас встретил. Ну, рассказывайте, рассказывайте, я вас так ждал! — Баженов радостно всматривался в оживленное лицо Анастасии Васильевны.

Он усадил ее на диван. Она рассказывала ему о встрече с Генкой, а он без конца перебивал ее восклицаниями и вопросами: «Так и сказал: тетя Ася не чужая? И лес помнит? Какая память у мальчика, а?» — и лицо его све-

тилось от радости, будто она привезла не весть о сыне, а самого Генку.

Анастасия Васильевна дала ему фотокарточку, которую она взяла у Светланы. Баженов с жадностью смотрел на сына: Генка среди таких же, как он, курносых ребятшек — детский сад.

— Моя подруга, врач, — Анастасия Васильевна показала на карточке Светлану. — Обещала писать о Геночке.

— О, вы мой добрый гений! — Баженов поцеловал ее руку. — Я просто ожил. Сколько радости вы мне принесли! Я вас скоро не отпущу, как хотите. Вы — моя гостья!

Он ушел на кухню, поставил чайник, вернулся в комнату и опять посыпались вопросы, расспросы, и все о нем, о Генке. Вместе они накрывали на стол. Баженов достал из шкафа банку варенья, печенье, сыр. Пожалел, что нет конфет. Он украдкой наблюдал за своей гостьей. Она изменила прическу, темные волосы уложены тяжелым узлом на затылке. Они так хорошо оттеняют ее смуглое порозовевшее лицо. И в одежде ее он заметил перемену. На ней было хорошо сшитое платье из синей шерсти, тонкие чулки.

За чаем она оживленно рассказывала о встрече с профессором Коронатовым, восхищалась Армяковым и его машинами. Какой человек! Сколько в нем горения, страсти!

Затем Анастасия Васильевна осторожно поведала Баженову о Погребницком и его неудачной диссертации, о фельетоне в «Ленинградской правде». Она подала ему номер газеты.

Он прочитал фельетон, пропедил сквозь зубы «м-да» и с лицом посуровевшим и отчужденным бросил газету на тумбочку. Наступило молчание.

— Я одного не понимаю, — начала Анастасия Васильевна. — Он преподает в Лесотехнической академии, научно-исследовательский институт лесного хозяйства рядом с академией, МИС под Ленинградом. Неужели он не мог проконсультироваться у специалистов? Как не стыдно было писать такую диссертацию?

Лицо Баженова стало злым, колючим.

— А, будь они прокляты! — Баженов откинулся на спинку стула. — Он мне прислал письмо, подлое, низ-

кое... Как она могла разрешить?.. — Он резко встал, прошел к окну. — Расскажите лучше, как живет Ленинград? Что видели в театрах?

Анастасия Васильевна рассказывала о Ленинграде, а он задумчиво слушал ее. Потом заговорил о своих делах. С машиной дело подвигается вперед. Ему во многом помог Пивоваров. У него с ним регулярная переписка. Пивоваров договорился в Ленинграде со всеми учреждениями, и как только будут готовы чертежи, на заводе сделают опытный образец его машины.

Все более увлекаясь, Баженов начал рассказывать о делах в леспромхозе, о своем житье-бытье. Он чувствовал потребность поделиться с ней всем, что накопилось у него на душе за время ее отсутствия.

— Я так рада, что вернулась домой, в наш поселок, — сказала Анастасия Васильевна.

...В это время Стрельцова возвращалась из клуба.

Фильм «Сердца четырех» настроил ее на грустно-лирический лад. Сердце Анны Корнеевны жаждало любви и волнений. Ей так надоело жить одной! Она вдовствует с войны, годы уходят... Взор Анны Корнеевны не раз останавливался на Баженове с тех пор, как его покинула жена. Прикидывала Анна Корнеевна, как бы она выглядела в роли законной жены главного инженера. Почтительность ее сотрудников возросла бы неизмеримо, весь поселок завидовал бы ее счастью. Алексей Иванович не чета бывшему главному, Чистякову. Директор его ценит, рабочие любят, курсанты перед ним благоговеют. Живет один, ни на кого из женщин не смотрит... Самостоятельный мужчина.

Вот и его дом. Стрельцова остановилась напротив. В окне свет, белая занавеска задернута. Но что это? На белом фоне занавески появляются силуэты. Мужчины и женщины. Головы повернуты друг к другу. Стрельцова подошла поближе к окну. Мужской силуэт несомненно Баженова. Крупная голова, красивый профиль, широкие плечи. Но кто женщина? Мягкие линии коротковатого носа, округлый подбородок. Да, это ее профиль. Как ненавистно двигаются ее губы! О чем она говорит? Стрельцова едва удержалась, чтобы не ударить кулаком по стеклу. Распутная баба! Прибежала к одинокому мужчине в двенадцатом часу ночи!

В конце улицы вспыхнула песня. Стрельцова отбежала от окна. Песня удалялась. В тишине задорно звучали голоса: «Иду я вдоль по улице, а месяц в небе светится, а месяц в небе светится, чтоб нам с тобою встретиться»...

Стрельцова кипела от негодования. Он, такой образцовый, деликатный, и не мог найти женщину лучше той грубиянки? Где его глаза?.. Силуэты исчезли. «Они» ушли в глубь комнаты.

Зло сорвала Анна Корнеевна на Куренкове. Мастер сидел у своего дома под ярким уличным фонарем и покуривал. Он был в лесничестве: Матвеевна сказала, что Настенька ушла куда-то по делам.

— Добрый вечер, Михайла Кузьмич,— задорно пропела Стрельцова.— Видала я, как вы сегодня тащили в «замок» полный мешок продуктов. Батрачите на своих новых друзей?

— Чего? — удивленно протянул Куренков.

— Слугой стали у лесничихи. Весь поселок над вами смеется.

Куренков окинул Стрельцову долгим взглядом, будто видел впервые эту полную женщину в добротном черном пальто и желтом берете.

— Считал я тебя, Анна Корнеевна, умной бабой, а на поверку оказалась ты круглой душой.

— Что?! — взвизгнула Стрельцова.— Кто вам дал право оскорблять меня? Вы — хам! Хам!

Куренков усмехнулся:

— Еще чего скажешь?

— Вы не мужчина, а тряпка! Да, тряпка! А ваша лесничиха — шлюха!

— Слушай, Анна Корнеевна,— Куренков поднялся со скамьи и с тихой угрозой проговорил ей в лицо: — Попридержи язык. Не обливай грязью другую женщину, на себя погляди.

Стрельцова побелела, затряслась:

— Так вот вы как со мной!.. Хорошо... Я вам это припомню!..

Каблуки Стрельцовой дробно и гулко застучали по деревянному настилу, и вскоре она растаяла в темноте.

Куренков сердито плюнул и ушел в дом.

От полотна узкоколейки до четырнадцатого квартала метров двести. Но не прошла Анастасия Васильевна и десяти метров по лесу, как стали попадаться опаленные огнем сосны, а еще через несколько десятков шагов глазам открылась картина, заставившая сжаться сердце. На серо-пепельной земле черными трубами торчали стволы семенных деревьев. По углам участка чернели груды обгоревших сосен и елей семенной куртины, а там, где недавно весело шумел хвойный молодняк, торчали низкие головешки. Парфенов не понимал, зачем она таскает его по пожарищу? Чего она ищет на пепелище? Весной они потом поливали квартал, сеяли под мотыгу две недели подряд изо дня в день, от зари до зари, и вот огонь сожрал все за два часа. Весной она проявляла чересчур много усердия, не давала людям ни сна, ни отдыха: «Товарищи, работайте, старайтесь! Лесокультуры — наша надежда». От одной искры все обратилось в прах: и столетние семенники, и всходы. От надежд остался один пепел. И чего она так отчаянно восклицает: «Вот несчастье! Вот беда!» Пора бы ей, лесничей, привыкнуть к этому стихийному бедствию, а она ходит по участку, как среди могил дорогих родственников, только что не заплачет.

— Гаврила Семенович, расскажите все по порядку.

— Что тут рассказывать? Загорелось, тушили. Обычное явление.— Чего она взбеленилась? Закричала, ногами затопала: «Как вы смеете быть спокойным, равнодушным?» Дом что ли ее сгорел? Или он, Парфенов, поджег лес? Покричала, а потом притихла, обвела глазами пожарище и со вздохом уронила: «Столько трудов! Столько сил, ай-яй!» Всю дорогу ехала, не проронив ни слова. Когда приехали в поселок, потащила его в контору и потребовала, чтобы Любомиров вызвал к себе начальника лесовозных дорог. Парфенов досадовал, что пожар случился в ее отсутствие. Впрочем, его вины нет. Лес загорелся от искры паровоза. Леспромхоз давно обещал поставить искроуловительные сетки, но машинистам сетка не правится. Сетка, видите ли, уменьшает тягу топки, не та скорость...

Начальник узкоколейной железной дороги — толстый, почти круглый, с расплывшимися чертами лица — заслу-

шал «речь» леспичей, в которой то и дело мелькали слова: «безобразия», «суровая ответственность», «противопожарная безопасность» и сказал, что он считает пожары на дороге неизбежными.

— Вы считаете? — Анастасия Васильевна задохнулась, словно от дыма пожара. — Вы хладнокровно уничтожаете народное достояние, пускаете по ветру миллионы рублей! За такие дела судить надо!

— Думайте, что говорите! — закричал начальник дорог. — Вы не прокурор, товарищ Самоцветова, а лесничая. Вам пужен штраф? Вы его получите.

— Какое бесстыдство! — воскликнула Анастасия Васильевна, взглянув на Парфенова, как бы обращаясь за его поддержкой, но ее помощник усиленно рассматривал свои ногти. — Совесть потеряли! Чувство долга перед государством... Чьими деньгами вы платите штраф? Государственными! Не очень хлопотно перемещать деньги из одной кассы в другую. Вас не волнует гибель леса, да?

Начальник дороги побагровел, хотел что-то сказать, но Любомиров опередил его.

— Пожары в лесу — страшное зло для нас. Как же нас, лесозаготовителей может не волновать гибель леса от огня? — Он мягко стал оправдываться. Она ведь знает, что леса всюду горят. Что такое пожары в карельских лесах по сравнению, скажем, с Сибирью или Дальним Востоком? Там огонь пожирал десятки тысяч гектаров тайги в один год. Лесничая обвиняет его так, будто ему выгоден пожар. За всеми и за всем не углядишь. В прошлом году электромеханик на участке Савенкова не загасил печку в будке и ушел в поселок. Сгорела будка, шесть электропил, занялся лес, потушили пожар только на третий день. Сколько погибло ельника! Чудесная резонансовая ель. Огонь сожрал много леса на корню и несколько сот кубометров разделанной древесины на верхнем складе.

— Вот приказы. — Любомиров положил руку на синюю папку. — У мастеров на руках копии. Все противопожарные мероприятия предусмотрены.

— На бумаге, — выразительно подчеркнула Анастасия Васильевна.

— Неверно, — возразил Любомиров. — Мы с вами проводили и проводим все мероприятия в жизнь. А что касается искроуловительных сеток, то с сегодняшнего дня ни один паровоз без сетки из депо не выйдет.

Любомиров выразительно посмотрел на пачальника дороги. Тот утвердительно кивнул головой.

Анастасия Васильевна с горечью и неостывшим возмущением говорила Парфенову, когда они покидали контору:

— Обещают и не выполняют. Лес горит, мы штрафуем, и так продолжается все время. Почему вы не приучили их беречь лес? Вы с ними столько лет работаете!

— Попробуйте вы приучить, — со скрытым злорадством ответил Парфенов. — Я посмотрю, что у вас получится. Думаете, в Деревянке, Пасе, Пяжневоселье да и в других леспромпхозах Карелии нет пожаров? Там похлеще нашего горят леса. В одной Пяжневоселье за последние годы тридцать кварталов леса сожрал огонь. Лесники давно бьют тревогу, рабочие лесозаготовители возмущаются, а руководство равнодушно. Если по вине директора завода сгорит цех, его под суд, а с наших лесных царьков — штраф. И деньги не из их карманов, а государственные. Их только собственная подпись на акте. Сожжет такой вельможа лесу на миллион и сваливает на стихию. Они — поджигать, а мы — тушить.

Парфенов замолчал, но в душе его продолжала кипеть желчь. Он посмотрит, как она станет осуществлять свои планы.

Надеется горы своротить.

Анастасия Васильевна приехала в Крутогорск. Зайцев выслушал ее рассказ о поездке в Ленинград и огорчился. Миновала святозерская гроза, новая надвигается. Кто ее просил ходить в Ленинграде по научным учреждениям и рассказывать о неполадках в лесном хозяйстве Карелии?

Но все-таки он внимательно разглядывал чертежи «якоря».

— Семен Петрович, «якорь» очень несложный механизм. Баженов — главный инженер леспромпхоза — говорил нам, что Онежский завод такой заказ, вероятно, сможет взять. Как бы нам добиться. Поговорите, Семен Петрович, в управлении. Весной сеять под «якорь», а? Двести рабочих заменяет. Сколько он нам вырубков вспашет! — На щеках Анастасии Васильевны играл легкий румянец, глаза блестели.

Зайцев долго думал, тер лоб сухими и желтыми, как воск, пальцами и вздыхал. Да, конечно, очень соблазнительно получить такой механизм для лесхоза, но...

— Может, подождем, а? — осторожно заметил он, поднимая на лесничью усталые глаза. — Получается как бы наперекор управлению: «Вот, мол, мы добыли чертежи. К весне сделайте нам «якоря». Наш лесхоз ждать не может...»

— Семен Петрович, увидите, сделают «якоря» и для нас и для других лесхозов. Поручите мне чертежи. Я поеду и все объясню.

— Да, нет. Я уж сам съезжу. — Сухие ладони Зайцева разгладили чертеж.

— Конечно, — подхватила Анастасия Васильевна. — Везите сами. Вы имеете право требовать. Вы отвечаете за лесхоз. И ничего не бойтесь, Семен Петрович. Поэнергичней действуйте. На Онежском заводе сделают якоря.

Зайцев тяжело поднялся из-за стола и запер чертежи в несгораемый шкаф. Анастасия Васильевна проследила за его рукой, прячущей ключик в бумажник, кивнула головой на шкаф.

— Надеюсь, вы их туда ненадолго?

Зайцев промолчал. Анастасия Васильевна попрощалась и ушла.

35

Осень. Днем и ночью летят птицы на юг. Стаи уток, гусей, лебедей устремились к берегам далеких стран, где царствует вечное лето. Пожелтели камыши на озерах, оголились лиственные леса. Мягкий ковер из опавшей листвы пламенеет золотисто-багряными красками. Огненно рдеют тугие кисти рябины. На седых мхах — рубиновая россыпь спелой клюквы. Пожелтела, увяла трава. Только багульник, брусника и толокнянка зеленеют на кочках. В лесу свежий, пряный воздух. Пахнет грибами, сырой землей, прелой листвой. Тихо в лесу. Только работы-дятлы стучат, да в ельнике посвистывают синицы.

Под сапогом Парфенова хрустнула сине-алая сыроежка. Из черничника шумно поднялся глухарь и, цепляясь мощными крыльями за ветви деревьев, полетел в чащу. Парфенов вскинул ружье. Прогредел выстрел. Глухарь

тяжело упал на землю. Парфенов поднял птицу за лапу. Голова глухаря волочилась по траве. По толстой с зеленоватым отливом шее алой струйкой стекала кровь.

Анастасия Васильевна укоризненно посмотрела на охотника.

— Мы пришли работать, а не охотиться.

Парфенов невозмутимо молчал. Он спрятал свой трофей в густых ветвях ели.

— Начнем перечет от Светлого ручья?

— Да,— коротко ответила Анастасия Васильевна.

Вот уже целый час идет лесничая со своим помощником по лесу, и оба молчат.

В сосновом бору земля покрыта глянцеви́тым настилом игольника. Вековой настил хвои скрадывал шорох шагов. Валуны, подернутые лишайником, тяжело и навечно осели в лесной земле. Смутный ропот пробежал по вершинам деревьев и мгновенно стих. Ухо Анастасии Васильевны уловило тонкий свист рябчиков в ельнике.

На поляне неподвижно стояли одинокие березы, бесшумно роняя на пожелтевшую траву последние червонно-желтые листья. Словно завороченная, следила Анастасия Васильевна за редкой золотой метелью. Сорвется березовый лист и долго кружится в воздухе, будто место выбирает, куда лучше упасть. Осень. Пора увядания. И лишь вереск — вечнозеленый кустарник — цветет и цветет. Нежные веточки с хвоевидными листочками усыпаны мелкими лилово-розовыми цветами. Ему не страшна осень. Иногда он и снег встретит с еще неувядшими цветами. Живучее растение. Он заполнил все поляны, прогалины, просеки, щедро украсил осеннюю землю.

— Лось прошел.— Парфенов показал на свежий погрыз на сосне.

Анастасия Васильевна удивилась. Парфенов говорил с ней только о деле, и то в случае крайней нужды. Она искоса взглянула на грузную фигуру Парфенова, облаченную в сипий свитер и ватник: он боялся простуды и во все времена года тепло одевался.

Парфенов обошел сизо-зеленый куст можжевельника с пустыми тенетами паутины на тех ветках, где повис красный лист осины и, не глядя на свою спутницу, спросил:

— Вы отдали чертежи Зайцеву?

— Да.

— Напрасно.

Анастасия Васильевна молчала, ожидая, что он скажет: пусть выскажется дальше.

Парфенов сбил хлыстиком гриб, наколотый на сухой сучок осины — плоды старания белки, сушившей грибы на зиму — и продолжал: — У старика поджилки трясутся, когда ему приходится обращаться к начальству, даже по делу.

Анастасия Васильевна молча подняла брови.

— Он вас терпеть не может! — зло выдохнул Парфенов, кроща сапогами рыжики, густо усеявшие землю.

— Вполне возможно. Я многим неприятна.

Она спокойно продолжала свой путь. С минуту Парфенов шел молча, искоса поглядывая на ее статную фигуру, на непокрытую голову с тяжелым узлом волос на затылке. Вороха опавшей листвы шуршали под сапогами. Он сорвал рябиновую огненно-красную кисть, пожевал терпкие ягоды, сказал с сердцем:

— Стоило ломать копы, чтобы леспромхозовские мыши съели чертежи!

— Я тоже боюсь, как бы старик нас не подвел, — призналась Анастасия Васильевна.

— Вот-вот! — живо подхватил Парфенов. — Не теряйте времени. Заберите у Зайцева чертежи и везите в управление.

— Подождем... Он обещал...

— Да не верьте вы ему, — досадливо поморщился Парфенов. — Зря время растеряете. Пока решат в управлении, да и решат ли?..

— Да, это так, — согласилась Анастасия Васильевна, осторожно ступая по земле, покрытой крохотными елочками.

— Так действуйте! — горячо воскликнул Парфенов. — Вы такая решительная и вдруг...

Он замолчал под внимательным взглядом лесничей:

— Почему вы вдруг забеспокоились о судьбе леса?

Парфенов усмехнулся:

— Я хотя и плохой, но, все-таки, лесохозяйственник, а не пекарь.

— Верно, — невозмутимо подтвердила она.

Парфенов наглухо застегнул ватник, поправил на плече ремешь ружья, обошел лежаваший на пути замшелый валун и незаметно отдалился от Анастасии Васильевны, а она шла и ломала голову над словами Парфенова, ища причину перемены в отношении своего помощника к делам лесничества. Она верила и не верила в его искренности.

Хвойное море, неуязвимая краса земли карельской, могучий бор. От Светлого ручья — давней вырубки — тянутся нетронутые лесные массивы на сотни километров, обрываясь где-то у истоков реки Суны.

У Светлого ручья — молоденький березняк. В березняк забралась темно-синяя пышная ель-семенник. Ланиник ели окроплен желтыми березовыми листьями. Светлая роща осталась позади. Анастасия Васильевна и Парфенов углубились в бор.

Нелегкая работа — наметить делянки для рубки. Каждую делянку промерь, отграничь от соседней визирами, поставь на углах и перекрестках окоренные столбы, пересчитай все деревья на лесосеке — запас леса, раздели запас по породам, сортиментам, учти крупный, средний и мелкий лес и потом в конторе посидишь не один вечер над чертежами лесосек, пересчетными ведомостями, чтобы правильно, по таксе оценить лес, который начнет рубить леспромхоз. А сколько труда надо, чтобы проклеить каждый оставленный на корню семенник!

Вся эта работа называется коротко — сделать отводы, а отнимает она у лесничего и его помощника почти все время и все силы. С утра до вечера на ногах, и так не один день, и не один месяц.

Парфенов ворчал: «Каждое дерево брать на учет — невозможно. Раньше бывало на глазок прикинешь и ладно. Лесорубочный билет — не паспорт. К чему такая точность?»

Анастасия Васильевна не обращала внимания на довольный вид своего помощника и требовала от него тщательного учета зеленого золота в кладовых Хирвилахти. Как-то Куренков принимал и проверял под руководством Баженова лесосеки и с обычной хитровой усмешкой сказал своему приятелю: «Тютелька в тютельку. И площадь, и запас, и таксация. При твоём царствовании, Гаврила, то недобор, то перебор был, а в общей сложности мы не были в накладе». Иди, пойми этого

хитрющего белоруса. То ли он восхищается точностью Самоцветовой, то ли жалеет о прошлом, когда лесорубы при попустительстве Парфенова свободно хозяйничали в лесах Хпрывлахти.

Сыро, холодно в лесу. Устал Парфенов, ждал, когда «утопается» его начальница. Но она, видно, не думает об отдыхе. Петляет среди деревьев, лицо серое, будто покрылось лесной паутиной. Тяжелые рабочие ботинки и лыжачные брюки намочили от росы, на куртке и платке застряли хвоя и шишки. По лесу ходить тяжело. Валежник, камни, кочки, болотца, гнилые пни под мхом, хлесткий кустарник, колючий хвойный молодняк, взгорье, низины, тонкие берега речушек, ламбушек, заросли осинника — в пном месте без топора не проберешься.

Спина у Парфенова взмокла. Расстегнуть ватник опасно — схватишь простуду. Как ни скучно жить, а умирать не хочется. Сейчас бы хватить грамм двести да закусить жареным рябчиком у костерка. Ни черта ей не делается. Заболела бы на недельку. Он сам бы делал отводы, из кожи вон не лез бы, а потихоньку, полегоньку, не в ущерб здоровью.

— Год урожайный, — Анастасия Васильевна показала на верхушки елей, густо усыпанные рыжими шишками.

Парфенов прислонился к стволу сосны и стал вытирать платком потный лоб.

— Отдохнем, Гаврила Семенович, если вы устали.

— Пора. Четыре часа топаем по лесу без передышки, — сумрачно обронил Парфенов, садясь под сосной.

Анастасия Васильевна достала из сумки сверток с едой и дружелюбно предложила:

— Хотите пирога с грибами?

— Благодарю. У меня есть свои харчи.

Парфенов жадно поедая печеного окуня и глядел куда-то в чашу, явно показывая начальнице, что он не намерен за трапезой вести беседу.

Под осинкой с редкой, ярко-красной, пылающей листвою что-то ворочалось, кубарем каталось в ворохе листьев, потом лиственная круглая охавка чуть приподнялась над землей и поплыла. «Ежик, — догадалась Анастасия Васильевна. — Заготавливает подстилку на зиму». На ее колени упала сверху еловая шишка. Она подняла голову и увидела на сучке белку. Рыжеватый зверек забавно

умывался лапками. Чуть повыше, в ветвях возилась еще одна белка. Анастасия Васильевна подумала: «Белок много — урожай шишек хороший, семян много. Как бы собрать побольше шишек? А вдруг Зайцев добьется аэросева?»

И задумчиво глядя на березку, на тонкие нежные ветви без листьев, что походили на девичьи распущенные косы, она мысленно представила себе весну в Хирвилахти: на вырубках «пашут якоря», лесорубы помогают сеять, молодежь поселка пришла на воскресник, а над лесом кружит самолет и сест с неба на пустынную лесную землю семена хвойных...

Вдруг сидевший напротив нее Парфенов хрипло крикнул, вскочил, подбежал к ней, грубо схватил под руки и поволок по земле, и тотчас же за ее спиной что-то громко хрустнуло и тяжело ударилось о землю.

И только когда она увидела в двух шагах от себя поверженную ель, она поняла, что произошло. По ее спине пробежал холодок. На бледном лице Парфенова блуждала странная улыбка. Не глядя на нее, он проговорил глухо:

— Вижу, клонится ель. Мне бы раньше крикнуть, а я глазам не поверил. Думаю, померещилось...

Анастасия Васильевна поднялась, чувствуя слабость во всем теле.

— Спасибо вам, Гаврила Семенович.

Парфенов молча снял висевшее на сосновом сучке ружье и, привычно вскинув его на плечо, сказал:

— Ну, что ж, продолжим работу.

Уходя, Анастасия Васильевна покосилась на древнюю старуху-ель, едва не убившую ее. Серый замшелый ствол, как в стручьях, пожелтевшая хвоя, трухлявые корневница, похожие на огромные паутины лапы.

Столяров сдержал обещание, приехал в Хирвилахти. В вагончике лесорубы приняли его за своего. Одет, как они: куртка нараспашку, шапка сдвинута на затылок, сапоги. Столяров охотно сел играть с ними «в дурачки» и, тасуя колоду растрепанных карт, по привычке улыбался. Оксане казалось, что он улыбается ей одной. Она

подмигнула Хельви: мол, парешь ничего, видно недавно завербованный, и чтобы подразнить своего Петруся — тракториста, запела, кокетливо щурясь на Столярова:

Сорвала я цветок полевой,
Приколола на кофточку белую,
Ожидая свиданья с тобой,
Только первая шага не сделаю...

Петр обиделся, а Оксана залилась веселым смехом. Когда на развилке Анастасия Васильевна и Столяров сошли с поезда, Оксана решила, что лесничая наняла нового лесника. Высунувшись из окна вагончика, она озорно крикнула:

— Эй, парень! Приходи на тринадцатый! — и пропела игриво:

А не то разойдутся пути,
И любовь улетит, не вернется...

Столяров улыбнулся, Анастасия Васильевна рассмеялась.

— Федор Иванович, вы произвели на девушек хорошее впечатление. Кстати, «в дурачки» вы играли с Куренковым, нашим лучшим мастером.

— С Куренковым? Это тот, который разработал новую систему валки деревьев? В нашей Деревянке его прекрасно знают. Лесорубы работают по его методу. Вот какие люди в вашем коллективе!

Анастасия Васильевна подняла воротник полушубка:

— Люди хорошие, но неприятностей от них лесничеству много, Федор Иванович. Все их помыслы направлены на одно: кубики. Как можно больше кубиков. Скорее свалить лес и превратить его в кубометры. А после — хоть потоп! Рубим и рубим лес без оглядки. Хватимся, когда вместо лесов в стране раскинется царство сорняков и пустырей. Дальше молчать нельзя, Федор Иванович. Газеты, радио подняли на щит лесную промышленность. Правильно. Важная отрасль народного хозяйства. Но ее питает лесное хозяйство. Подрубаем сук, на котором сидим.

Столяров с улыбкой смотрел на лес. Красота! Сосны-великаны. Кроны — белые облака на золотистых стволах. В дремоте застыли ели. Их ветви снизу кажутся гигантскими лапами неведомого зверя. Лиственный лес — чер-

ный, неживой, только у берез ветви — кружева, и стволы белее снега. Лесной воздух кружит голову, наполняет силой. Тишина. Изредка хрустнет ветка да прощумит в чаще перелетевший с дерева на дерево глухарь. На снегу — царапины. Беличьи следы. Столяров крикнул во всю силу легких:

— Э-ге-ге-ей!

Лес ответил перекатным эхом. Столяров качнул молодую елку. Снежная пыль осыпала его.

«Дурачится, как мальчишка!» — подумала Анастасия Васильевна.

Да, зимний лес сказочно красив. Деревья в густой бахrome ится. Сверкающие мрамора, парчи, серебра и алмазов, розовые блики утреннего солнца на шапках сосен. Нерушимая тишина в дремучем снежном царстве. Стоит лес, величественный, безмолвный, безразличный к тому, что делается на земле. Но скоро сюда придут люди и нарушат торжественную тишину. Анастасии Васильевне становится жаль красавца. Вырубят, вытопчут, а нового леса на этом месте ей не увидеть: посеянные семена прорастут, но дерево растет так медленно, а жизнь человека так коротка...

— Посмотрите на эту елочку. — Столяров коснулся рукавицей хвоя дерева. — Считали, сколько таких и поменьше на гектаре? Я считал в Деревянке. До двух тысяч. А знаете, сколько остается на вырубке целыми и невредимыми после валки леса? Половина. Около тысячи штук. Великолепная смена старому лесу.

— наших бы лесорубов в вашу Деревянку, остались бы на вырубках от молодняка рожки да ножки.

— А я думаю, — мягко начал Столяров. — Ваши лесорубы такие же, как наши.

— Поживете, поработаете, увидите, — невесело отозвалась Анастасия Васильевна.

— Непременно поживу с недельку, — улыбнулся Столяров.

Из лесу вышли на вырубку. По снежной пелене разбежались елочки, черные, словно отлитые из металла, кое-где сбились в кучу березы, тоскуя по вырубленному лесу — верной защите от холода. На пустыре резче ощущался холод. Впечатление пустоты усиливало замерзшее озеро, покрытое сугробами.

Увидев на лесосеке Анастасию Васильевну и Столярова, Куренков решил: в лесник определился веселый паренек, обход свой принимает. Авось, с ним полегче будет. С усацем дядей Сашей не сладить. Однако новый лесник — парень фасонистый: с фотоаппаратом ходит. Нацелился на Тойво, потом на трактор, по лесосеке пошел и все щелкает машинкой. Чудной лесник! Подошел Куренков к нему поближе, а паренек нацелился и на него аппаратом, поблагодарил, и к девкам. Озорница Оксана подбоченилась, топор за пояс и зубы скалит. Снял ее паренек одну, потом вместе с Хельви, подвел девушек к костру, на котором сжигают сучья, и опять снял. Что за цирк!

— Настасья Васильевна, кого привела? — осторожно спросил Куренков.

Анастасия Васильевна ответила.

— Ну, пуцай, пуцай поглядит, как мы работаем. Ученые завсегда моим участком интересуются. — Куренков с уважением посмотрел на подошедшего Столярова. — Спимаешь паш народ, Федор Иванович.

— Да. Покажу пашим в Деревянке. Мы соседи не очень дальние. Есть чему друг у друга поучиться.

Куренков самодовольно усмехнулся. Еще бы, он-то знает себе цену. Оксана озорно сверкнула на Столярова глазами.

— А ты запиши наши фамилии. Объясни в своей Деревянке, какие мы есть.

Оксана назвала свою бригаду. Столяров записал. Куренков сдержанно хвалил своих «рябчиков», но в его скупых словах чувствовалась гордость.

— Все комсомольцы? — спросил Столяров, прича записную книжку.

Оксана задорно тряхнула головой:

— Вся бригада. Так и объясни в своей Деревянке.

Застенчивая Хельви удивлялась подруге: Оксана разговаривает с ученым, как со своими ребятами-лесорубами, а он смотрит на нее и улыбается.

— Так вот, ребята, должен я вам сказать правду: лесорубы вы хорошие, а комсомольцы плохие.

— Здравствуйте-пожалуйста! — вызывающе сказала Оксана, в упор глядя на Столярова темными насмешливыми глазами. — А ты откуда знаешь, какие мы комсомольцы? Секретаря спрашивал?

— Нет, не спрашивал. Сам вижу.

Несколько пар молодых глаз настороженно и уже отчужденно смотрели на Столярова. Куренков косился на «веселого паренька» и думал, какую каверзу ему приготовила Анастасия Васильевна со своим гостем.

— Да, друзья мои, мне за вас обидно,— продолжал дружелюбно Столяров, оглядывая молодежь.— Новаторы и недоброжелатели леса. Не вяжется как-то. Эх, поучиться бы вам у комсомольцев Деревянки беречь молодой лес!

— Своих хвалишь? — не унималась Оксана.— А мы на слово не верим. Ты докажи! Подумаешь, какие герои выискались в Деревянке!

Пыжиковая шапка Оксаны съехала на затылок, щеки горели от мороза. Высокая, статная, в коричневом пушистом свитере и лыжных брюках, заправленных в сапоги, Оксана смотрела на Столярова, как на паренька, который ехал со всеми в рабочем поезде и улыбался ей.

— Пожалуйста. Вот вам доказательства.

Столяров достал из сумки снимки, знакомые Анастасии Васильевне. Молодежь расхватала их. Взял один снимок и Куренков.

— Ребята, глядите, Нийло Куйванен,— воскликнул Тойво, увидев на снимке паренька с пилой у сваленной сосны.— Мы с Нийло познакомились на комсомольской конференции.

Оксана, скривив губы, смотрела на снимок. Две неизвестные девушки с топорами за поясом стоят рядом с деревцами.

— Сучкорубы Мария Ялушкина и Анна Демко. Они сберегли много молодняка. Видите, на снимке ельник? — пояснил Столяров Оксане.

— Подумаешь, сберегли! — не сдавалась Оксана.— Что они — садили, растили? Ельник без них рос себе.

— Правильно, девушка. Ельник без них рос. Но молодежь Деревянки пришла на лесосеку с пилами и топорами и оставила деревца жить, а вы, что делаете? Посмотрите сюда.— Столяров взял Оксану за руку и подвел к опаленным сосенкам.— Зачем вам понадобилось жечь их?

— Огонь же. Разве его удержишь? — смутилась Оксана.

Устыдилась и Хельви, глядя на почерневшие от огня деревца. Конечно, сучья можно было сжечь и подальше от сосенок, но она и Оксана как-то не подумали об этом.

— Не мы одни. Весь леспромхоз...— заикнулась было Оксана, но Куренков оборвал ее.

— За собой смотреть надо! Трещетки! Хи-хи-хи, да ха-ха-ха! Костры, что на Иванов день, разводите. Сколько раз говорил вам, сороки! А теперь хлопай глазами из-за вас перед чужим человеком. И на выставке покрасуемся: всех заснял! То-то в Деревянке повеселятся. Как же, портреты знакомые...

Куренков сердито покосился на Анастасию Васильевну. Привела, выставила на позор участок. Хорош и молодчик! В карты дулся в вагончике, к рабочим подлаживался, а у самого на уме все что было!

— Отдай пленку,— тихо сказала Оксана Столярову и потянула за ремень фотоаппарата.

Молодежь с ожиданием смотрела на свою подругу и гостя. На глазах Оксаны сверкали слезы обиды.

— Обед кончается, рябчики,— мрачно напомнил Куренков.

Столяров вынул пленку из фотоаппарата и бросил ее в костер. Над костром вспыхнул длинный язык пламени и погас. Молодежь оживилась, повеселел и Куренков. Оксана дружелюбно улыбнулась Столярову, глаза ее ласково засияли.

— А ты нам покажи, как в Деревянке берегут молодняк.— Оксана доверчиво коснулась рукой плеча Столярова.

— Да, да, как у них? — подхватила молодежь, тесно обступая Столярова.

— Хорошо,— улыбнулся Столяров.— Я покажу вам, как надо сохранять каждое молодое дерево. Начинайте работу, друзья.

Домой ехали вместе с молодежью. В вагончике пели песни. Столяров, улыбаясь, подтягивал тенорком.

— Твой ученый горазд топориком махать. Готовый сучкоруб,— одобрительно сказал Куренков Анастасии Васильевне.— Подучить его малость с пилой управляться — выйдет вальщик хоть куда. Парень в нашем деле соображает, сноровка у него паша, одним словом, лесоруб по всем статьям...

Анастасия Васильевна наблюдала за ними и думала: «Да, чувство ответственности за судьбу леса надо воспитывать в людях,— и разными средствами. И требовать, и учить». Она завидовала сейчас своему гостю: как он

умеет договориться с молодежью. Обаятельный человек. Конечно, большую роль играет и авторитет ученого, и все же, как много значит его умение подойти к людям. Этому ей нужно у него поучиться.

Баженов уехал в Ленинград. Этери охотно объясняла всему поселку: «Ключи мне оставил Алексей Иванович, просил печку топить. Наверно, за женой поехал, за сыном. Один живет, скучает. Поссорились, помирятся. Одна семья».

Матвеевна заметила: Настенька мало ест, плохо спит. Спросишь, может больна, отмахивается: «Здорова я, мама, не беспокойся обо мне».

Каждый вечер Анастасия Васильевна ходила на станцию. Приходил поезд в Хирвилахти поздно вечером. В конторе леспромхоза она могла бы узнать точно, когда ждут главного инженера из Ленинграда, но она не делала этого.

В субботу было особенно морозно. Анастасия Васильевна почти бежала к станции, затерявшейся в редком леске за поселком. Поезд опаздывал. На перроне было безлюдно. Одинокий фонарь лил скупой свет. Снег блестел алмазной россыпью. Анастасия Васильевна смотрела на восток. Оттуда должен был прийти поезд. Как долго тянутся минуты! У нее забилося сердце, когда она услышала отдаленный гудок паровоза. Вдали замелькали огни, то появляясь, то исчезая. Поезд огибал рошу. Едет ли Алексей Иванович? А если он не один?.. Ветер рванул шаль, концы ее распустились, но она не чувствовала холода. Поезд с грохотом приближался. Ослепительно сверкали фары паровоза, вырывая из темноты купы берез, толпившихся за перроном. Платформа затряслась, паровоз обдал Анастасию Васильевну горячим дыханием, пробежал вперед и остановился. Фонарь последнего вагона бросил на нее свет. Анастасия Васильевна спряталась в тени путевой будки. Поезд стоял две минуты. Долгими показались они ей. Несколько пассажиров вышли из вагонов. Приехал ли Алексей Иванович? Она с волнением ждала, когда люди приблизятся к будке. Первой шла женщина с чемоданом. Это была бухгалтер леспром-

хоза, любопытная и словоохотливая, в шубе из рыжих лис — охотничьих трофеев мужа. За нею прошли две женщины с мешками за плечами в полушубках и валенках, мужчина в тулупе, с огромной корзиной. Посзд простучал колесами и пропал в темноте. Не приехал... Какая тишина! Как одиноко, как холодно... И зачем она ходит сюда каждый вечер?..

Посиживаясь от холода, Анастасия Васильевна медленно пошла по перрону и вдруг возле станционного помещения увидела Баженова. Он разговаривал с пачальником станции. Радость теплой волной хлынула к сердцу. Приехал!.. Она сделала несколько шагов в его сторону, остановилась и... быстро вернулась назад, к будке. Он не должен ее видеть, здесь, сию минуту. Как девчонка, побежала на станцию...

Идет. Один... Снег хрустит под сапогами. Чем ближе он подходит к будке, тем сильнее бьется сердце. У фонаря он остановился, потер варежкой щеку. Анастасия Васильевна отчетливо видела его лицо: он был в трех шагах от нее. Он надевал варежку на руку и глядел на поселок. Она вглядывалась в его лицо, борясь с желанием подойти к нему и заговорить. Медленно, словно у него болели ноги, Баженов пошел к поселку. Ах, как ему невесело возвращаться домой! Она смотрела, как он уходил, как ветер трепал концы его шарфа, смотрела и не трогалась с места, а он уходил все дальше и дальше. Вот он пересек железнодорожное полотно, повернул к жилым вагончикам и скрылся за ними.

Ветер сердито налетел на будку, сбил с крыши снег. Колючие снежинки посыпались за воротник полушубка. Анастасия Васильевна, не отрывая глаз от поселка, замотала шаль вокруг шеи. На перроне потухли огни. Она почувствовала в душе холод и такое одиночество, что на глазах выступили слезы. Она чужая ему, чужая.

Промерзшая земля гудит под ногами. Месяц выполз из-за туч, озарил поселок неверным светом. Причудливы в лунном сиянии заснеженные березы: огромные белые цветки на молочных стеблях. За складом чернеет высокая труба строящейся электростанции. Анастасии Васильевне надо повернуть налево от склада, но она поворачивает направо, в поселок. Первомайская улица. Одним концом она упирается в лес, другим — выходит на площадь. Дом Баженова в центре... И все-таки, какое счастье, что он

приехал! Завтра она его увидит. И от того, что он здесь, в Хирвилахти, на сердце у нее стало светлее. В поселке мороз не такой злой, ветер помягче. Или ей так кажется? В его окнах нет огня. Видно, устал с дороги, лег спать...

Улицы, дома, редкий огонек в окошке, неполный месяц над поселком, поток голубого света на небе, белая, звонкая земля. «Наш поселок». Я помню, Алексей Иванович, все помню. Спокойной ночи. До завтра...

По накатанному шоссе легко идти. За рекой пустынно, но она не знает страха: привыкла бродить одна по лесу днем и ночью, не боясь ни зверя, ни человека. Чего же бояться в своем поселке? В черном небе мигают далекие звезды. Усадьба лесничества лежит в снегу, светляком блестит огонь лампы в комнате матери. Не спит старенькая, ждет ее. Но что за шорох и хруст слышится из глубины усадьбы? По тропинке к воротам идет человек? Кто это? Куренков?!

— Михайло Кузьмич, чего бродишь по нашей усадьбе ночью, в такой холод?

Ну и великанище! Головой месяц закрыл. Черный полушубок распахнут, шапка на затылке. Мороз не берет его...

Куренков неожиданно стиснул ее плечи, приблизил свое лицо к ее лицу и, обдавая жарким дыханием, отрывисто заговорил:

— Доколе мне муку терпеть, Настасья Васильевна? Сними с сердца камень, желанная ты моя. Не могу я без тебя, пойми! Я не парнишка молоденький, стыдно признаваться: который вечер караулю тебя перед усадьбой. Хоть одним глазком поглядеть... Свет не мил, хоть беги из поселка!

Анастасия Васильевна растерянno отступила:

— Что вы такое говорите, Михайла Кузьмич!

— Жизнь мне без тебя — не в жизнь... Давно хотел признаться, да смелости не хватало. Казни или помилуй, только реши ты со мной, прощу тебя...

Куренков стоял, опустив голову. Ей стало жаль его. Она привыкла видеть его веселым, шумным, хитроватым шутником, мастером «себе на уме», а сейчас он стоял перед ней такой покорный, растерянный.

— Михайла Кузьмич. — Не сердитесь на меня... Вы очень хороший человек, я ценю ваше отношение ко мне, но... вы сами понимаете...

Куренков поднял па нее глаза. Недобрая усмешка скривила его губы.

— Конечно... Куда нам? С сукопным рылом да в кашный ряд. Чай, не инженеры... За инженером и самой не стыд погоняться...

Краска гнева и стыда залила лицо Анастасии Васильевны.

— Как вы смеете...— начала она срывающимся голосом.— Кто вам дал право...— Не договорив, она резко повернулась и пошла к дому, не разбирая дороги. В ушах стоял звон, кровь больно толкалась в голову.

Куренков догнал ее, стал на пути.

— Постой, Настасья Васильевна,— заговорил он умоляюще.— Не сердись на меня, дубину. Сам не знаю, как с языка сорвалось. Дурак я, поверил Стрельцовой... Да, я сам, ежели кто про тебя брехать почнет, своими руками...— Куренков потряс в воздухе огромными кулаками.— Не сердись, бога ради...

Анастасия Васильевна молчала. Куренков шел рядом, покорный, убитый ее молчанием. Она по пояс провалилась в яму. Он легко, как ребенка, поднял ее.

— Валенки вытряхни. Простудишься. Обопрись на мое плечо.

Он снял с нее валенки, сам вытряхнул из них набившийся снег, бросил ей под ноги свою шапку, чтобы она, надевая валенок, ногой не оступилась в снег. Он встревожился, когда увидел, что она прихрамывает. Если бы она позволила, он, как пухинку, понес бы ее. Он взял ее под руку, с тревогой и любовью спросил, не сильно ли болит нога. Она поблагодарила, попросила не беспокоиться. У крыльца она протянула ему руку. Куренков с надеждой заглянул ей в лицо.

— Спасибо вам, Михайла Кузьмич, за доброе ко мне отношение. Спокойной вам ночи.

Куренков сник. Сказала так, будто никакого разговора не было. Уж лучше бы гневалась, а то, как улитка, спряталась в свою раковину, не подступиться. Э-эх, дубина! Зачем помянул про Алексея Ивановича? Поверил чертовке Стрельцовой. Настасья Васильевна — женщина гордая... Не простит...

— За те слова прости, Настасья Васильевна. Знай, друг я тебе навечно. В обиду никому не дам. Любовь ты моя гордая!

Стараясь умерить свою медвежью силу, Куренков стиснул руку Анастасии Васильевны, шумно вздохнул, давя снег меховыми унтами, пошел от крыльца прочь. Рядом с ним на снегу заколыхалась непомерно длинная тень: месяц клонился к закату, посылая на землю косые лучи. Анастасия Васильевна глядела ему вслед и с горечью думала: «Гордая любовь...» Люди видят, говорят, что я гонюсь за Алексеем Ивановичем. «Гонюсь!»... Я люблю его. Что мне до людей?.. Как сказал Куренков: «Друг я тебе навечно. В обиду не дам»... Если бы такие слова сказал ей другой...

Меркло голубое сияние морозной ночи, на пышных сугробах усадьбы потух фосфорический блеск, белыми привидениями застыли деревья в усадьбе. Боже мой, как тихо все вокруг, как торжественно тихо на земле, а в душе — смятение, и боль, и тоска.

— Главный приходил, — хмуро сказала мать, когда Анастасия Васильевна вошла в комнату.

— Алексей Иванович? — радостно вырвалось у Анастасии Васильевны. — Что же он говорил, мама?

— Спросил где ты. А я почему знаю? Который вечер тайком от меня куда-то бегаешь...

Анастасия Васильевна обняла мать, прижалась сияющим лицом к ее груди, и этим помало удивила старуху: Настенька ее с детства не выказывала ни нежности, ни ласки.

— Что так смотришь на меня, мама?

— Не гневайся, дочка. Скажу, что думаю. Выбрось его из головы.

— Кого, мама? — с деланным удивлением спросила Анастасия Васильевна, снимая полуплубок и не глядя на мать.

Матвеевна плотнее завернулась в шаль, на худой, сгорбленной спине разметались седые косицы.

— Не прикидывайся, Настя. Поняла я, отчего ты по почам вздыхала... Поняла я, куда ты по вечерам бегала. Его встречала?

Анастасия Васильевна хотела шуткой успокоить мать, сказать, что она ошибается, но слишком печальны были глаза матери, и старческий голос звучал обидой.

— Ладно, мама. Что об этом толковать? Садись-ка лучше к столу, поужинаем вместе. — Анастасия Васильевна вынула из печи горшок с молоком.

Старуха взяла из рук дочери кружку, но пить не стала. С тревогой смотрела она на свою Настеньку и молчала.

— Мороз усиливается. Завтра в лес меховые чулки падеву. А что, Парфенов не приносил пересчетную ведомость? Нет? На него похоже.

Матвеевна не сводила с нее глаз.

— Чует мое сердце, Настенька, принесет он тебе одно горе-горькое. Откажись от него, доченька. Отверпись, пока не поздно...

Анастасия Васильевна молчала, облокотясь на стол и глядя перед собой погрузневшими глазами. Матвеевна тяжело вздохнула и ласково погладила руку дочери.

— Что же он? — осторожно начала она, не называя имени Баженова. — Обещал с ней развестись, что ли?

Анастасия Васильевна не шевельнулась. Только брови слегка дрогнули.

— Он мне ничего не обещал, мама.

— Господи! — горестно воскликнула старуха. — Что ж с тобой будет, Настенька?! Пожалей хоть ты себя, коли у него совести нету!

— Успокойся, мама. Мы далеки друг от друга. Я его люблю, но, может, никогда не скажу, что люблю... Он все видит, все понимает и молчит... Он любит свою жену.

Матвеевна обняла дочь:

— Не мучь себя, Настенька. Отвернись от него. На что надеешься?

Анастасия Васильевна грустно улыбнулась:

— Я себя не спрашиваю, мама: есть надежда или нет...

В своей комнате, прежде чем зажечь свет, Анастасия Васильевна постояла у окна. Темнота сгущалась. Звездочками мелькали редкие огни фонарей в поселке. Самая далекая звезда — на площади. Оттуда — рукой подать — «его» дом. Побежать бы к нему, постучаться, услышать его голос...

Парфенов один тосковал в своей избушке. С Куренковым он поссорился. «Гаврила, помирись с Настасьей Васильевной. Баба она хорошая, правильная». На это Парфенов ответил другу: «Выбирай: или наша дружба, или бабья юбка». Куренков оскорбился и его оскорбил.

«Хоть ты и образованный, Гаврила, а разобраться по совести — круглый дурак». Был мир, покой, дружи. Появилась баба в лесничестве, и все перевернула вверх дном. Сотрудники теперь с ней заодно, во всем у них согласие, а Куренков хочет показать себя с лучшей стороны. Пусть дураки верят в то, что Михайло стал сознательным лесозаготовителем. На его участке не мнут молодняк, не ломают семенников, не залезают с топором в куртины, сохраняют между волоками подрост. Михайло хитер, как старый лис. Он хочет, чтоб о нем заговорили в республике. Он своим рабочим внушил: мол, мы во всем первые идem, не уступим другим лесозаготовителям нашего места. Поможем лесоводам в их хозяйстве. Честолюбив друг! Во всем и всюду славы добивается. Перевел участок на скользящий график. У него первого лесорубы стали работать по сменам. Смена смене сдает на ходу механизмы, на разогрев времени не тратят, выгоняют в день по семи кубиков на брата. С Баженовым прессовальный станок придумал. Станок в лесу прессует порубочные остатки, а соседний кирпичный завод с места забирает плиты на топливо. Видал он, Парфенов, фотографию в журнале «Лесное хозяйство». Михайло стоит у станка рядом с главным инженером, улыбается во весь рот. Как же! Он с Баженовым какую-то лесовалочную машину изобретал, хвастался, мол, Алексей Иванович без него, как без рук. Ну, и дьявол с ними со всеми! Он, Парфенов, плюет на всех и ни в ком не пуждается.

В воскресенье Парфенов собрался на охоту. За ночь выпал снег. Первая половина зимы на исходе. Позади остался день зимнего солнцестояния — 22 декабря. Любо Парфенову одному в лесу. Глухая тишь, полный покой. Снег сияет, горит алмазами, морозец пощипывает нос. Деревья распушились инеем, в сонной дреме красноствольные сосны склонили головы в тяжелых снеговых шапках, на бархатисто-зеленом лапнике елей пушистым слоем лежит снег, в косматой изморози застыло черное лесье. Хорошо идти по нетронутому снегу. Рыжеватым шаром катится впереди Ласка, и никого вокруг. Хочется петь, кричать, слушать ответное эхо. Ласка залаяла. Зовет. Кого вспугнула? Ага, глухаря! Огромная лесная птица, размерами почти с индюка, взлетела на воздух. Пусть летит таежный отшельник, подстрелим другого.

успеем. Ну, что, пенна, так обижено смотришь? Понимаю. Ты старасься, а я зеваю. Дальше, дальше, Ласочка, заберемся в самую гущу леса, в непролазную чащобу, чтобы ни одного человеческого голоса не долетало до нашего слуха. Слышишь далекую песню? Это комсомольцы. Горластое племя. Шишки собирают. Субботник. Ну, и пусть, для них — субботник, а для нас — воскресенье — день отдыха трудящегося человека. Меня поздно перевоспитывать. Я давно вышел из комсомольского возраста. Самоцветова устраивает субботники: «семейные», «пионерские», «школьные», «комсомольские». Для аэросева нужно прорву семян. Я по всем статьям ни под какой субботник не подхожу. Тише, Ласка, тише! Оглушила своим лаем. Куда помчалась, красотка?

Ласка лаяла с азартом, то глядя вверх на старую ель, то нетерпеливо оглядываясь назад, как бы подзывая медлительного хозяина. Она становилась на задние лапы, яростно царапала по коре дерева и заливалась звонким, сердитым лаем. Парфенов неслышно подкрался к своей верной помощнице, спрятался за стволом соседней ели, высматривая, где же в лапнике притаилась испуганная белка. А ель какая пышная! Великолепный снежный наряд. Снежная королева. Гордая, величественно-спокойная. Но вот качнулась словая лапа, легким дымком заискрилась снежная пыль в прозрачном воздухе, и Парфенов увидел зверька. Белка, распушив веером хвост, покачиваясь на ветке, разглядывала собаку. Парфенов, не торопясь, прицелился в голову любопытной грызуны. Выстрел рванул воздух. Камнем упал на снег серый пушистый комок. Еще одна пикурка. Дома больше двух десятков. Будет с полсотни, он подарит Матвеевне на душегрейку. Старуха ворчливая, но добрая.

Убив вторую белку, Парфенов пришел в хорошее расположение духа. Он погладил Ласку, называл ее рыжей красавицей, умницей, дал ей кусок вареного мяса. В ольховнике вдруг из-под ног взлетела стая рябчиков. Птицы шумно забились крыльями, расселись по деревьям, начали переключку. Посвистите, голубчики, сейчас я вас угощу. Парфенов спокойно зарядил ружье. Он обладал выдержкой, метким глазом, твердой рукой. В лесу на охоте он был подвижен, быстр и даже весел. Лень, вялость, мрачный взгляд тусклых глаз исчезали, как только он покидал поселок и людей. На охоте он был совсем другим

человеческом, и таким его знал только один Куренков. Приятель одинаково любил лес, охоту, собак, и даже Ласка служила им обоим одинаково усердно.

Собрав подстреленных птиц, Парфенов спустился к речке. Здесь он разведет костерок, зачерпнет воды из проруби. Снежный лед звонко ломается под ударами топора. Вкусно пахнут жареные рябчики. От стаканчика водки во всем теле разливается приятное тепло. Хорошо без людей! А что сейчас делает Куренков? Пошел на охоту или дома сидит?

При мысли о друге в Парфенове всколыхнулась, поднялась со дна души приглушенная лесным покоем печальность к Самоцветовой. Все отняла: друга, работу, покой. Первый раз за долгих пять лет дружбы он поссорился с Михайлой. Да, Парфенов жил с мастером дружно и хотя часто спорил, но никогда не ссорился. Он любил его за жизнелюбие, душевное здоровье, силу. Слабый духом, он тянулся к нему, как хилый стебелек к солнцу.

— Променял на бабу,— зло проговорил Парфенов вслух и выпил еще маленький стаканчик водки.

Ласка смотрела на хозяина, покачивая закрученным на спину хвостом и поводя острыми стоячими ушами. Парфенов ласково потрепал собаку по шее, затоптал костер и, вскинув рюкзак на плечи, отправился в глубь леса.

Ах, как хорош лес в зимнюю пору! Алмазами сверкают кружева заснеженного леса. В густом ельнике на снег легла зеленоватая тень, на полянах снег горит нежными розовыми красками, а на озерах и реках под солнцем сверкает всеми цветами радуги. Ради лесной красоты он, Парфенов, готов терпеть все неприятности в лесничестве. Куда он уйдет от этой красоты, покоя, тишины?

Короток зимний день. Не устал Парфенов бродить по лесу, а солнце уже стало клониться к закату. Золотой диск багровел, расплывался, как кусок раскаленного металла под молотом. Небо на западе пламенело желтыми, палевыми, зелеными красками. Дальнее озеро втягивало в себя солнечную багровую глыбу быстро и жадно. Вот уже осталось одно полукружье небесного светила, потом оно стало на глазах таять и, наконец, превратилось в узенькую полоску, словно кто-то мазнул

живой пламепсущей краской по фиолетовой кромке неба. Солнце село, но на небе еще долго дрожали багровые стрелы.

Охоте конец. Парфенов довольно ухмылялся. Надолго запасася дичинкой. Сегодня ему повезло: беляка взял. Раненый зайчишка успел было спастись в осинник, но разве Ласка упустил? В поезде его увидят свои. Пусть завидуют его удаче. Может, и Куренков с комсомольцами был на субботнике? Скорее, Ласочка, на развилку! Туда подадут рабочий поезд, и мы с тобой заберемся на площадку.

Черт побери, так и лезет под ноги каждая кочка! Парфенов поднялся с земли и тотчас же опустился прямо в сугроб, вскрикнув от резкой боли в ноге. «Лас-ка, Лас-ка!» — звал Парфенов убежавшую вперед собаку. Ласка мчалась на зов хозяина, снег вихрился под ее лапами. «Ласочка, что будем делать, а? Посеревшее лицо Парфенова морщилось от боли и отчаяния. «Ласочка!» Парфенов обнял собаку. Лайка лизнула его в лицо, запрыгала вокруг, залаяла, как бы вопрошая: «Ну, что ты тут делаешь? Вставай, пойдем».

На развилке прокричал паровозик рабочего поезда: «Жду-у!» Парфенов на четвереньках пополз из сугроба, вскинул ружье. Прогремени выстрелы. С елового лапника взмостнулся столб снежной пыли. Перекатное эхо долго не угасало. На делянке Куренкова — сборщики шишек. Может, они услышат, поймут: человек зовет на помощь. Коля — молодой бухгалтер лесничества — знает, что он на охоте. Коля звал его на субботник... Ах, как горит ушибленная нога! Огнем горит, сапог стал тесным, если не шевелиться, боль можно терпеть. Неужели перелом? Парфенов беспомощно оглядывался вокруг, прислушивался. Тишина. Синие тени ползут из чащи. Острые иглы впиваются в лицо. Мороз крепчает. Хотя бы один человеческий голос! Вероятно, Самоцветова ушла со своими общественниками на поезд. Дать еще сигнал?

Ласка с недоумением смотрела на хозяина: «К чему такая оглушительная пальба?»

Темпело. Морозная мгла сгущалась.

...Ночью Анастасию Васильевну разбудил осторожный стук в окно. Она открыла форточку. Куренков? Что ему нужно? Накинув полушубок, она открыла входную дверь. Свет лампочки упал на встревоженное лицо мастера.

— Настасья Васильевна, Гаврила с охоты не вернулся. Не иначе, беда с ним приключилась.

Анастасия Васильевна разбудила Колю. Коля подтвердил предположения мастера. Да, Парфенов утром собирался на охоту. Он, Коля, звал его на субботник, но Гаврила Семенович сказал, что он, дескать, не дурак тратить свой выходной на сбор шишек.

— Куда же он пошел, Коля?

— Не знаю, Анастасия Васильевна. Когда мы собирали шишки, я слышал выстрел со стороны Черного бора... А не мог он заночевать у дяди Саши?

Куренков махнул рукой, как бы отменяя предположение Коли. Гаврила со всеми разругался. Бирюком жил.

Проснулась Матвеевна, заахала. В такой морозище шагать по лесу? На чем ехать, где искать?

— Попросим мотовоз с вагончиком,— сказал Куренков.— Коля, лети в общежитие, разбуди Сергея, а мы, Настасья Васильевна, с тобой к главному. Начальник депо — человек черствый, его не упростишь. Алексей Иванович поможет.

Матвеевна принесла из кладовой два фонаря «летучая мышь».

Еще издали Анастасия Васильевна увидела свет в окне Баженова.

— Полуношничает наш Алексей Иванович,— с уважением проговорил Куренков.— Чертежи-то наши завод принял. Обещали опытный образец машины сделать.

— Разве он закончил чертежи?

Куренков сказал, что главный инженер — человек скромный, занимается себе делом и не кричит, не шумит. Он, Куренков, всегда готов помочь главному.

По гребнистым волнам сугробов бежит робкий свет «летучей мыши». Поселок спит. Черное небо с мигающими звездами неподвижно. Темно, только березки светятся в усадьбе Баженова. Не хотелось Анастасии Васильевне переступать порог его дома. Она избегала встреч с ним, старалась с головой уйти в работу, уговорить себя, что счастье не для нее, но все ее старания ни к чему не приводили. Желание видеть его, говорить с ним, слушать его голос, жажда счастья, от которого она отказалась рассудком, не покидали ее, а властно росли, овладев ее сердцем.

Куренков стучался в дверь, а она стояла на крыльце и чувствовала, как сильно бьется в ее груди сердце.

Лучше бы ей не входить в его дом, в ту комнату, в которой она бывала редкой гостьей.

— Я не один. Мы с Настасьей Васильевной, — пробасил Куренков, когда отворилась дверь.

Баженев слушал мастера. Из-под накинутого на плечи пиджака виднелась белая рубашка. Анастасии Васильевне показалось, что он постарел, похудел, на лбу прибавилась морщинка.

Начальник депо, поднятый Баженевым с постели, сказал, что он не возражает отправить мотовоз в лес, если главный инженер настаивает. Куренков успел разбудить своих «рябчиков» — Тойво и Петра. Коля привел заспанного Сергея, и вскоре мотовоз с вагончиком бежал в лес по звонким от мороза рельсам.

Парфенова искалп долго. Помогла Ласка. Собака бросилась к людям и привела их к своему хозяину. Парфенов лежал у догорающего костра. Несли его на носилках. Когда внесли в вагончик и положили на сено, он открыл глаза, сказал неверным голосом:

— Спасибо, — и отвернулся к стенке.

Врач поселковой амбулатории — молодая девушка, недавно окончившая медицинский институт — наложила гипсовую повязку на больную ногу Парфенова и сказала, что через месяц-два он будет танцевать. Парфенов хмуро отмалчивался, думал: «Ей что, не свою ногу бинтует. Куда денусь, если охромею».

Врач посетовала, что нет в поселке больницы, и села выписывать направление в районную.

— В больнице очень трудно с местами, но вы не тревожьтесь: вы одиноки, вас, безусловно, положат на койку.

Парфенов молчал, понуро опустив голову.

— Конечно, если бы вы имели домашний уход, — продолжала врач. — Медицинский надзор я взяла бы на себя, но...

Куренков положил тяжелую руку на плечо друга:

— Взял бы я тебя к себе, Гаврила, но сам знаешь, бобылем живу. В воскресенье жди, приеду навестить.

Водитель Любомировской «победы» помог Куренкову донести больного до машины.

— Гаврила Семенович, — Анастасия Васильевна взяла своего помощника за руку. — В лесничестве есть свободная комната. Она предназначалась для вас, когда мы строили дом. Пожалуйста, занимайте. В нашем доме

народу много, без присмотра вас не оставим, а доктора попросим навещать вас почаще.

У Парфенова дрогнули веки, но оп глаз не поднял.

— В лесничество! — коротко бросила Анастасия Васильевна водителю, садясь в кабину.

Куренков обнял друга за плечи, ограждая его от толчков на неровной дороге. Встретившись с ним глазами, он кивнул головой на сидевшую впереди Анастасию Васильевну и тихо сказал: «Че-ло-век!»

...В доме лесничества все слышно Парфенову. За стеной бренчит гитара: это в комнате Коли. Звучит радио — это в комнате Анастасии Васильевны. Гремит печная заслонка, слышен ворчливый голос Матвеевны — это из кухни. Как ни странно — звуки не раздражают Парфенова, а успокаивают. Ночью, когда вдруг замирала жизнь, ему казалось, что в доме он один и у его изголовья стоит смерть. Темнота давила его, тело покрывалось холодным потом, во сне душили кошмары. Утром Матвеевна приносила кипящий самовар. В душе он радовался ее приходу, но виду не показывал. Днем забегал к нему Коли, приносил свежие газеты. Вечером он слышал, как возвращалась из лесу Анастасия Васильевна. Она всегда заходила к нему, спрашивалась о здоровье, он отвечал односложно и не глядел на нее. Часто навещался Куренков, садился на кровать и, не умеряя своего громового голоса, шутил, смеялся, рассказывал разные истории. При нем Парфенов оживлялся, розовел, ощущал прилив сил. Куренков, под предлогом, что больному нужно усиленное питание, притаскивал продуктов на целый взвод. Со стола Матвеевны не сходила боровая дичь, зайчатина, белый хлеб и сласти. Старуха души не чаяла в своем Михайле Кузьмиче, расхваливала дочери его достоинства. Анастасия Васильевна, как всегда, отмалчивалась.

В один из воскресных дней навестил больного и Рукавишников. Он принес маринованных грибов, пирогов с брусникой, жареную курицу — подарок от Валентины Карповны. Обездчик рассказал о лесных новостях. Анастасия Васильевна и он сделали отводы у Черного озера. Натоптались по болотам да взгорьям. Достается ей здорово. Без помощника ей, известное дело, тяжело: работает за двоих. На прошлой неделе с дядей Сашей вырубку на Отраде принимала, каждый денек проверяла. Ох, и ухари вальщики Отраденского пункта! Они оставили высокие

и снежком прикрыли. Куренкова прижала Анастасия Васильевна: схватил дружок твой штраф в рублей в пятьсот. Любомиров хоть и не любит хозяйку леса — она у него — больно на глазу, — но относится он к ней с уважением.

У Парфенова разлилась желчь. Любомиров относится к Самоцветовой с уважением, а его презирает. И почему он раньше угождал перед Любомировым? Почему не заставил уважать его, считаться с ним? Ведь он был лесничим, хозяином леса?

Вспыхнувшее раздражение погасло, как спичка на ветру. Усталость разлилась по всему телу, заняла больная нога. И опять впереди бессонная ночь и мысли, тяжелые, как могильный камень.

39

На реке буграми вспучился лед, местами проступила темная вода. По утрам замерзшая земля еще звенела под ногами, низкое солнце светило скупо, неярко, но в воздухе чувствовалось приближение весны. Как-то в усадьбе Анастасия Васильевна услышала весеннюю песню синицы. В лесу все чаще стала раздаваться барабанная дробь дятла.

Парфенов жил в лесничестве. Куренков приделал к стулу ролики. Больной, не тревожа ногу, раскатывал по дому на своем «лимузине». Парфенов помогал Коле составлять сводки, отчеты, принимал посетителей, а вечером, когда Анастасия Васильевна возвращалась с работы, подробно рассказывал о всех делах конторы за день. Постепенно и незаметно таяла его враждебность к ней. Так незаметно тает снег весной. Сверху его подогревает солнце, с боков подтачивают теплые ветерки, снизу плавают ручьи талой воды; глядишь — от толстого снежного покрова остается тонкий слой в черных прогалинах, и он мало-помалу рассасывается.

Время шло. Амбулаторный врач обещала Парфенову скоро снять гипс. Парфенов волновался. А вдруг неправильно срастется кость? Тогда не видать ему леса, не бродить с ружьем по чащобам...

В свежем номере журнала «Лесное хозяйство» Парфенов нашел статью профессора Коронатова: «Перспек-

...явы развития лесокультурного дела на северо-западо-таежной зоны». Его поразила одна цифра. За последние десять лет в Карельской республике гарн, прогалины, редины и необлесившиеся вырубки составили около миллиона гектаров. Профессор писал, что нельзя надеяться на естественное рождение леса. Новому лесу надо помочь вырасти. Он ратовал за аэросев хвойных.

Парфенов показал статью Анастасии Васильевне:

— Миллион гектаров пустырей! Это же катастрофа! Он предлагает аэросев. А кто даст семена и самолеты?

Анастасия Васильевна внимательно посмотрела на Парфенова: «Наконец-то и ты стал болеть за наше общее дело!»

Статья живо напомнила Анастасии Васильевне ее поездку в Ленинград, визит к профессору Коронатову, их беседу о судьбах леса. Профессор записал в свою книжечку адрес лесничества, когда она прощалась с ним. Зимой она послала ему письмо, просила помочь с аэросевом. Судьба ее послания осталась неизвестной. И вот статья как частичка ответа на ее письмо.

Это была не холодная констатация фактов, а настоящая, большая тревога за судьбу карельских лесов.

— Кто виноват, что лесовозобновление так запущено?

Парфенов пожал плечами. Иди, разберись!

Анастасия Васильевна прошла по конторе, задумчиво посмотрела на карту лесничества.

— Да, кто же все-таки виноват, а Гаврила Семенович? Управление? Министерство? Наука? Мы, низовые работники? Лесозаготовители?

Парфенов молчал.

Пришел Куренков в новом костюме, в руках — свертки. «Уж не свататься ли?» — мелькнуло в голове Матвеевны. — А что ж, человек он душевный, простой, а главное, свободный. Куренков пригласил всех в комнату Матвеевны и развязал свертки. Он набросил на плечи Матвеевны шаль, положил на колени Парфенова свитер, преподнес Анастасии Васильевне связку книг.

— Не обижайте, примите подарочки. Сегодня я именинник. План закончили на одиннадцать дней раньше срока... Настасья Васильевна, не хмурься. Погляди книги, понравятся ли?

— Михайла Кузьмич, сколько раз я просила!..

— Последний раз, Настасья Васильевна! — клятвенно произнес Куренков. — Пустьяковину ведь дарю. Велпка трата! В клуб, на наш праздничек идешь?

— Собираюсь.

...Куренков был счастлив. Анастасия Васильевна взяла его под руку, обращалась с ним ласково, подшучивала. На мосту он замедлил шаги. В клуб успеется. Когда еще удастся вот так, с глазу на глаз, без свидетелей поговорить...

— Настасья Васильевна, выслушай меня, прошу.

Голос Куренкова слегка дрожал, глаза смотрели умоляюще.

— Не надо, Михайла Кузьмич, — мягко остановила его Анастасия Васильевна. — Мы с вами договорились: друзья — не больше. И не сердитесь, прошу вас. Идемте быстрее, опоздаем...

Всю дорогу Куренков молчал, шел повесив голову.

Клуб заполнили празднично одетые люди. Паровозники, шоферы, трактористы, крановщики, электромеханики, мотористы, шильщики, сучкорубы, рабочие складов, инженерно-технические работники — большой коллектив, внушающий уважение. Анастасия Васильевна знала: лесорубы относились к ней неодинаково. Одни — безразлично, другие — настороженно, третьи — полувраждебно, четвертые — с опаской, пятые — с досадой, значительная часть — с пониманием.

Куренков отыскал ей место поближе к сцене. Когда она усаживалась, на нее глядела пара злых глаз с немигающими белесыми ресницами. Стрельцова. Она сидела рядом с женой Любомирова, нарядная, завитая. Из фойе неслись звуки вальса. Духовой оркестр играл «Дупайские волны». В разных углах зала, как костры на лесосеках, вспыхивали песни.

На сцене, украшенной гирляндами хвои, появились Любомиров, Кованен, Баженов и еще несколько человек. Любомиров коротко рассказал о достижениях леспромхоза за осенне-зимний период и высказал надежду, что и в весенне-летних условиях коллектив будет трудиться, не снижая темпов.

Анастасия Васильевна слушала и раздумывала. В республике много леспромхозов. У них — передовая техника, квалифицированные кадры, хорошая организация труда. Весь край — огромный зеленый цех. Сырье

под рукой. Уголь, руду надо добывать из недр, а лес берн на поверхности земли, только не лепись. Лесозаготовители убеждены, что запасы сырья в Карелии неисчерпаемы. Опасное заблуждение. В Петрозаводске на семинаре лектор говорил: «Беломорские леспромхозы за семь лет вырубят свой лес, а дальше им податься некуда: впереди море». А кто-то из лесоводов высказал опасение, что через тридцать лет могут остановиться все бумажные комбинаты: исчерпается все сырье, если вовремя не принять мер. Не надо забывать, что половина карельской земли под водой. Тысячи озер и рек!

Кованен вручал отличникам соревнования почетные грамоты и значки. За Куренковым на сцену потянулись его «рябчики»: Тойво, Хельви, Оксана, Петр. Затем просила слово Анастасия Васильевна.

Она решительно поднялась на сцену, подошла к рампе, чтобы быть поближе к залу.

— Дорогие товарищи! От всего сердца поздравляю вас с победой. Радуюсь вместе с вами. Мы, работники лесничества, гордимся тем, что работаем бок о бок с таким замечательным коллективом, как ваш, с такими товарищами, как мастер Куренков и его рабочие. Михайла Кузьмич,— Анастасия Васильевна обратила лицо в правый угол зала, где сидел Куренков в окружении молодежи,— наше лесничество поздравляет вас и ваших рабочих и благодарит вас за бережное отношение к молодому лесу.

— Да мы, как все...— смущенно пробасил Куренков в тишину зала.

— Если все лесорубы,— подхватила Анастасия Васильевна,— поймут всю ответственность перед потомками за судьбу нового леса, Хирвилахтинский леспромхоз оставит по себе добрую память. Через десять лет вы покинете эти места, уйдете на новые лесные просторы. Можно оставить после себя пустырь и осину на месте лесов, которые мы сейчас вырубам для пужд страпы, но можно оставить молодые хвойные леса, они со временем превратятся в великолепные боры, и за них наши дети и внуки скажут нам «спасибо».

— Товарищи! К вам обратились с призывом: «Дадим Родине больше леса!» Я хочу добавить к этому: «И оставим на вырубке молодые отличные леса!» Вспой мы начнем посев хвойных. Мы ждем от вас товарищеской

помощи. Без вас нам не справиться. Пусть этот посев покажет нашу общую любовь к лесу, сознание своего долга перед Родиной, пусть он станет первым плодом совместных усилий лесоводов и лесорубов во имя будущего.

— Памятник себе хочет заработать,— сказала Стрельцова.

— Она хорошо говорила,— робко возразила жена Любомирова, сидевшая рядом с секретаршей мужа.

— На этом, товарищи, разрешите закончить торжественную часть нашего...— начал Кованеп, но Куренков перебил его.

— Дозволь, Павел Антонович! Люди за помощью обращаются. Какой ответ дадим?— Куренков вышел к сцене.— Я, конечно, плохой оратор, привык сразу рубить под корень. Не гоже оставлять после себя землю дыкую. Слушайте, дружки-мастера!— крикнул Куренков в зал.— Андрей Захарыч, Рейно Николаевич, Альберт Олафович, принимайте наш вызов без бумажек. Мои ребята не откажутся. Подсобим лесоводам. Дерево сажают раз в сто лет...

— Михаил Кузьмич, ваше предложение мы обсудим в деловой обстановке,— сказал Кованеп.

В фойе Куренкова окружили мастера. Спорили, шумели, раздавались недовольные голоса. «Тащить на себе лесничество? Пусть государство о них заботится!»

Стрельцова подкараулила Баженова у выхода из зала.

— Алексей Иванович, мы вам оставили место. Концерт дают ленинградские артисты. Как вам нравится Самоцветова? Лезет со своими делами в наш праздник. Какой назойливый человек!

— Я этого не нахожу. Прошу извинения...

Баженов с полупоклоном оставил Стрельцову и стал пробираться сквозь толпу к Анастасии Васильевне. Зоркие глаза Стрельцовой ничего не пропустили: ни его улыбки, когда он пожимал руку Самоцветовой, ни радостного выражения ее лица.

Жена Любомирова никак не могла понять, отчего Анна Корнеевна вдруг нахмурилась, разговаривает сквозь зубы и даже лицом пожелтела. Что случилось? Весь вечер была весела, а сейчас так раздражена?

К началу концерта в зал пришли Любомиров и Ковачев. Баженов исчез. В зал вернулась одна Анастасия Васильевна. «Виснет ему на шею, а он от нее бежит», — ахородно, но с облегчением подумала Стрельцова. Она нахлопнулась к Любомирову:

— Вас увлекла горячая речь защитницы лесов!

Любомиров бросил на секретаршу косой взгляд.

— Самоцветова — женщина неглупая.

— О, да! — подхватила Стрельцова. — Весной запряжет нас, будем работать на нее.

— Кто хочет, пусть помогает. Я пересчитать не стану, — отозвался Любомиров.

Стрельцова улыбнулась. О, Николай Алексеевич умен! «Он не станет пересчитать». Это значит, что он не станет помогать лесоводам. Кто из рабочих станет «за спасибо» работать для лесничества? Куренков бросил вызов своим «друзжкам». Он любит выступить перед народом, но он ради Самоцветовой ничем не поступится в ущерб своей работе. Не даст он лесничеству своих рабочих и машины.

Стрельцова посмотрела на сидевшую поодаль Анастасию Васильевну, и на ее губах появилась усмешка.

В ворота усадьбы лесничества въехал запыленный грузовик. Матвеевна, стоявшая на кухне у окна, увидела Зайцева, вылезавшего из кабины, встревоженно со всех ног бросилась в контору.

— Настенька, беги встречать Семена Петровича!

Анастасия Васильевна, Рукавишников и Коля вышли на крыльцо. Зайцев на их приветствие ответил загадочной улыбкой и, ни слова не говоря, отбросил борт грузовика. В машине лежали два новеньких якорных покровосдирателя. Анастасия Васильевна всплеснула руками, слетела с крыльца и с восклицанием: «Голубчик, Семен Петрович!» — обняла Зайцева. Изумленная Матвеевна застыла в пролете двери коридора. Ее Настенька обнимает Зайцева? Как родного отца приветила. Чудеса да только! Зайцев сиял, как именинник, и вроде даже помолодел.

— Прямохонько с Онежского завода. Еще тепленькие, — ласково поглаживал он стальные лесостки «якоря». — А вы не верили, что управление позаботится.

Вокруг «якорей» собрались все сотрудники лесничества. Прибежали ребятишки. Один Парфенов остался в конторе и смотрел из окна на небольшую группу, окружавшую Зайцева и «якори». Парфенов с трудом передвигался на костылях. Гипсовую повязку сияли, но боль в ноге еще чувствовалась, массаж плохо помогал, и Парфенов впал в уныние. «Наш Зайцев оказался энергичным. Добился «якорей», — вяло подумал Парфенов, испытывая в душе пустоту и усталость как человек, который потратил время и силы на борьбу с несуществующим злом.

Покровосдиратели убрали под навес. Матвеевна торопливо накрыла на стол. Зайцевпил чай, угощался пирогами с брусничкой и, щуря немного правый глаз, оживленно рассказывал, как он ездил в управление, как потом его вызвали в Петрозаводск, повели на завод и выдали «якори». В управлении ему сказали, что покровосдиратели изготовили для нескольких лесхозов.

— Живем! — весело проговорил Рукавишников. — Лиха беда — начало. А про трактора не спрашивали, Семен Петрович?

— Пока не обещают, — ответил Зайцев, принимая от Матвеевны четвертую чашку чаю. — Но надежды нас не лишают. В управлении говорили, что будто министерство сельского хозяйства республики планирует на ближайшие годы и тракторы.

— Стало быть, сей год весной одна надежда на лесозаготовителей, на их трактора, — заметил Рукавишников, набивая свою трубку самосадом.

— А как они? — спросил Зайцев. — Пойдут навстречу?

— В Куренкове мы уверены, а что остальные — не знаем. У Куренкова больше молодежь, с ней мы сдружились, — ответила Анастасия Васильевна.

— Еще чайку, пирожка, Семен Петрович, — упрашивала Матвеевна, обрадованная мирным и значительным разговором.

— Благодарю вас, Арина Матвеевна. С удовольствием. Пироги у вас замечательные.

В медном, начищенном до блеска самоваре, отражались, как в зеркале, стол и довольное лицо Зайцева.

— Но это еще не все,— многозначительно сказал он, утирая клетчатым платком седые усы.— Есть еще одна новость...

Зайцев помолчал. Сидевшие за столом с ожиданием смотрели на него, на его разгоряченное чаем розовое лицо, на оживленные глаза, удивляясь, как это он вдруг помолодел и голос из тихого, слабого вдруг стал бодрым, уверенным, громким.

— Какая же новость, Семен Петрович?— потерпеливо, по-мальчишески вырвалось у Коли.

Зайцев, не торопясь, сложил платок, спрятал в карман кителя и медленно начал, улыбаясь глазами:

— А вот такая новость. В Кондопожском районе запланирован аэросев. но управление обещало и наш кусок лесной земли прихватить. Мелехова, инженер по лесокультурам, сказала мне, что профессор Коронатов беседовал с ней о нашем лесхозе.

— Профессор Коронатов? — воскликнула Анастасия Васильевна.— Это, вероятно, все Столяров сделал. Он обещал нам, когда уезжал из Хпрвилахти, напомнить профессору, что мы просим аэросев.

— Неужто и аэросев? Что-то не верится... — покачал головой Рукавпипников, раскуривая свою трубку.— Все сразу: и «якори», и аэросев. В один год столько перемен.

— А что ж удивительного? — невозмутимо пожал плечами Зайцев.— В лесном хозяйстве самый слабый участок — восстановление леса на вырубках. Вот и начинают за него помаленьку браться.

— А семена? У нас семян мало,— забеспокоилась Анастасия Васильевна, прикидывая в уме, на сколько хватит запаса.

— Заготовим, сколько успеем, и другие лесхозы дадут,— сказал Зайцев.

...Матвеевна ворчала на дочь: «Ладно, контору завалили шишками, а зачем кухню отдавать под склад? Дом лесничества по воскресеньям дрожал от топота множества ног. Школьники и поселковая молодежь с шутками и смехом вытряхивали из мешков золотистые шишки на пол кухни, конторы и комнат сотрудников лесничества. Не сумела Матвеевна отвоевать печь в своей комнате: ее тоже завалили шишками. Густой запах смолы наполнял просторный дом лесничества.

Анастасия Васильевна спустилась по крутой тропке к реке. Старая ива, согнутая временем и непогодой, заглядывала в черную воду. Анастасия Васильевна не узнала иву. Старая жительница Хирвилахти помолодела. Ветви ее были усыпаны изящными белыми шариками, и старое дерево поэтому казалось легким, пушистым, по-весеннему молодым. Анастасия Васильевна погладила рукой шелковистую ветку ивы. Как незаметно подкралась весна! В небе, за серой толщей туч, бродит солнце и ждет случая вырваться на свободу, брызнуть на землю живительным теплом и светом. Весна идет. Опять весна... В сердце — смутное ожидание счастья и тревожная, легкая грусть.

Анастасия Васильевна взглянула на поселок, укрытый редкой пеленой тумана. Приглушенный стук машин новой электростанции будоражил тишину наступающего вечера. На транспорте темнели мачты бревносвалов, на широкой колее неясными цепочками застыли вагоны, а за нижним складом уже ничего нельзя было различить: туман превращал все в неопределенность и даль. Анастасия Васильевна вздохнула. Ей так отчетливо представился дом Алексея Ивановича и он в своей просторной комнате за письменным столом. Но в поселке его сейчас нет. Ему написали из Лесотехнической академии, чтобы он приехал в Ленинград. Кажется, завод делает опытный образец его машины. Он уехал, и вот он в Ленинграде уже больше месяца. Там его сын и жена... А если он вернется с Ниной? У Анастасии Васильевны больно кольнуло сердце. Что об этом думать? Не все ли равно? Ты для него чужая... Анастасия Васильевна тряхнула головой, как бы освобождаясь от ненужных мыслей и, зачерпнув воды, легко вскинула на плечи коромысло с ведрами.

В коридоре ее встретила недовольная мать, одетая в ватник и полушалок.

— Тебя гость дожидается, — проворчала она, не глядя на дочь.

— Кто, мама?

— Сама увидишь. Я в магазин пойду.

Матвеевна сердито протопала сапогами по коридору, с грохотом закрыла за собой входную дверь. Анастасия

Васильевна только бровями повела: мать, всегда такая гостеприимная, бросила гостя одного... Кто же он?

Анастасия Васильевна оставила ведра в коридоре и поспешила к себе.

Алексей Иванович? Нет, она не ожидала. Когда он приехал? Сейчас? Прямо с поезда и к ней.

Она не могла скрыть своей радости.

На нем было новое драповое пальто, велюровая черная шляпа. В поселке он никогда так не одевался.

— Вы извините, Алексей Иванович. Мама вас оставила.

— Ничего, — улыбнулся Баженов. — Мы люди свои.

Он давно чувствовал внутреннюю враждебность старухи и догадывался о причине этой враждебности, но виду не подавал.

— Поздравьте меня, я привез машину. Будем испытывать в Красном бору. Придете?

— Наконец-то! Поздравляю с победой. — Приду обязательно.

Ее глаза светились искренней радостью. Она гордилась им. Баженов взял лежавший на табурете пакет.

— Моей вдохновительнице скромный дар от скромного изобретателя.

Полевая сумка великолепной коричневой кожи, в ней компас, блокноты, карандаши, рулетка, складной метр и даже накомарник.

Она обрадовалась: значит, он думал о ней, когда был в Ленинграде, выбирал в магазинах подарки.

— Спасибо, Алексей Иванович.

За четверть часа Анастасия Васильевна успела поставить самовар, переодеться.

Баженов положил на стол коробку конфет с изображением на крышке Ивана-царевича и улетающей жар-птицы.

— Кажется, — я поймал свою жар-птицу, — сказал он с шутливой улыбкой. — В Ленинграде я держал только одно перо.

— Машина? — спросила Анастасия Васильевна, посмотрев на него.

— Да, машина, — кивнул ей Баженов.

Он стоял, держась обеими руками за спинку стула. — Я многим обязан Хирвилаhti, Куренкову и его рабочим.

Моя друзья помогли мне поймать жар-птицу в ваших лесах.

— В наших лесах,— поправила гостя Анастасия Васильевна.

Баженков поглядел на нее.

— Да, пожалуй, в наших...— Конечно, в наших лесах,— решительно повторил он и энергичным движением головы отбросил со лба назад прядь волос.

— Садитесь, Алексей Иванович, я буду поить вас чаем.

— О нет! В таких случаях полагается шампанское! — весело улыбнулся Баженков и вынул из портфеля темную бутылку.

— Давайте стаканы.— Пробка взлетела в потолок. Пеннистая влага переливалась через края стаканов...

— С вами первый бокал. В Ленинграде не отмечал с товарищами, не успел.

В стакане плавали золотистые пузырьки, слегка кружилась голова. Анастасия Васильевна порозовела от вина и радостного волнения. Тихо и затаенно мерцали сквозь густые ресницы глубокие глаза. Слегка откинув голову с тяжелым узлом волос на затылке, она слушала Баженкова:

— Чертежи мы отдали на завод далеко не совершенные. Весь коллектив завода включился в работу. Рабочие внесли много ценных предложений. Делали машину с подъемом. Ремесло, что называется, перерастало в творчество. Профессор Голубев из Лесотехнической академии, Пивоваров, мои товарищи из треста «Ленлес» не раз приходили на завод. Им я многим обязан. Без их помощи дело, пожалуй, заглохло бы. Короче, мне повезло. Машину сделали, настало время выводить ее за ворота, а ей тесно. Разобрали забор, честное слово. Ни в какие ворота не лезла! — Баженков рассмеялся.— Пошла наша машина по улицам Ленинграда с грохотом и треском. Танк! Милиционер-регулирующий на перекрестках не останавливал, очевидно, думал: военвед проводит испытания.

Баженков помолчал, закурил и вдруг заговорил без всякого перехода:

— Видел сына, он у бабушки.— Лицо Баженкова затуманилось.— Конечно, она не взяла к себе ребенка. Мальчик, видите ли, будет отвлекать его от занятий. Он сел

заново писать диссертацию о корчевании пней. Он требует внимания только к себе. Она его обслуживает, а до сына ей нет дела.— Баженов не произносил имен. «Она» — Нина, «он» — Погребницкий.— Моего сына воспитывает теща.— Баженов смял папиросу, вынул из пачки новую, зажженная спичка обжигала пальцы.— Что такое моя теща? — Представить себе этот тип невозможно: ее нужно видеть, послушать. В ее доме собираются обломки прошлого, играют в девятку, рассказывают сны и несут всякую чушь, а Генка слушает. Религия — дело ее совести, но зачем уродовать мальчика? Она таскает Генку в церковь, пичкает его рассказами из «Жития святых». Зачем ребенку знать о какой-то Ксении Блаженной или о Николае-чудотворце? — Баженов швырнул недокуренную папиросу в открытую дверцу горячей печи.— Генка меня спрашивал. «Папа, а почему ты не с мамой? — А почему мама живет у чужого дяди?» Какие мысли роятся в голове мальчика, когда он видит мать с «тем»? Он плакал, просил меня взять с собой. Теща сидела в это время на скамеечке и рылась в сундуке. Я видел ее редкие волосы, серую кожу на темени, и боролся с желанием стукнуть старую ведьму чем-нибудь тяжелым по голове. Она виновата в том, что ее дочь такая.

Баженов с силой опустил кулак на стол, лицо его перекосилось от злобы и ненависти. Таким его Анастасия Васильевна никогда не видела. Он быстро овладел собой, извинился. Рука с папиросой дрожала. За эту поездку он постарел, в глазах исчез пасмешливый блеск, в складках губ сказывалось присутствие тайной заботы. Как ей хотелось обнять его голову, коснуться губами седеющего виска...

— Алексей Иванович, убедите жену, что Генке у вас будет лучше. Она должна вас понять...

— Она поймет? — Светлые глаза Баженова налились тяжелой злобой.— Я просил ее, умолял... Она не отдает мне сына. Знает, что он значит для меня, и не отдает... Кто воспитывает моего сына? Бабка-ханжа и развратная мать! — Баженов помолчал, потом заключил с внезапной тоской: — Отняли, украли лучшие годы. Лишили самого дорогого в жизни!

Он сидел, подперев голову рукой, согнутой в локте, прикрыв глаза ладонью. Свободная рука лежала на столе неподвижно. Анастасия Васильевна молча смотрела на

него. Если бы она могла хоть немного облегчить боль его сердца. Она осторожно заговорила:

— Алексей Иванович, дорогой, не отчаивайтесь. Надо подождать.

Баженов поднял голову:

— Вы — мой настоящий друг. Как одиноко я чувствовал бы себя без вас.

Он ушел. Анастасия Васильевна стояла на крыльце и смотрела в сторону поселка. Неприятно, тоскливо мигали далекие огни. Лучше бы ей никогда не видеть леса, что синее за шоссе, ни поселка, где кипит чужая жизнь с ее горестями и радостями, ни людей, которым до нее нет никакого дела. Уехать отсюда, все забыть...

На западе горел яркий Юпитер. В вечерней тиши разлились звуки, печальные, тихие, потом звуки стали нарастать и прорываться, как прорываются рыдания человеческого сердца, охваченного великой болью. Что это? Откуда? Ах, да, это Коля включил приемник. В звуках музыки, в голосе певца, казалось кричало от боли ее собственное сердце. Страстная мелодия постепенно таяла, растворялась в воздухе, и, наконец, замер ее последний звук, а в ушах Анастасии Васильевны все еще звенели слова надежды: «Мигает печальное время, мы снова обнимем друг друга»...

«Счастье, где ты? Зачем бороться с собой? Я люблю его, люблю»... Счастье... Какое бы оно ни было, она не откажется от него, не отбросит, пусть горестное, все равно...

Не знал Баженов, что в этот вечер Нина сидела в той самой комнате, на Фонтанке, где он прожил с ней столько лет, и плакала отчаянными злыми слезами. Погребницкий оставил ее.

Красный бор. Бесценное богатство лесничества Хярвилахти. Корабельный лес. Сосны, как на подбор. Шапка валится с головы, когда смотришь на вершины. Привольно здесь зверью и птицам. Никогда здесь не хозяйничала пила, не стучал топор, не рокотал трактор. Только ветер гуляет по дремучим кронам и шумят сосны, как морской прибой. И нет Красному бору конца и края. Стоит бронзово-красная колоннада стволов, величественная, невозмутимая, завладев всей землей, и только кос-

где мелькает темная, разлапистая ель или серо-зелепая осина. Снег еще лежит в бору, но в воздухе чувствуется дыхание весны. Утро. Розовеет на солнце колопада сосен, ярко зеленеют кроны. В седой хвое суетится хлопотунья-белка. Пестрый дятел деловито долбит кору, вертятся на ветвях синицы, хрустальной трелью звенят их песни. Краснобровые черныши-тетерсва слетают с деревьев на поляны, бормочут, чуфыркают, почуяли весну. Первое робкое токование косачей на березах, столпившихся в сторонке от леса. С шумом срывается с сосны глухарь, лесной пернатый великан. Распустив на лету хвост, чертит по снегу концами крыльев, прищелкивает. Зовет весна на тока и его, мохнатого бородача, извечного жителя Красного бора.

По Красному бору крупно и размашисто шел старый скороход-лось. Он вдруг остановился, повел чутким ухом, втянул замшевыми ноздрями воздух и помчался в глубь сосняка. Лось почуял людей.

Лесовалочную машину Баженова в Красный бор привел Петя Захаров — «юный друг с конструкторскими способностями», как называл тракториста Баженов. Анастасия Васильевна, Рукавишников и дядя Саша с любопытством осматривали машину. Куренков держал голову высоко: он немало дал дельных советов главному инженеру, когда тот работал над чертежами.

— Ничего особенного. Знакомый вам трелевочный трактор, только основание чуть пошире и кабина вынесена в сторону, — объяснял Баженов лесоводам.

Да, все кажется так просто. Чокеровщик захватывает стальным тросом дерево, Тойво пилит. Машина, примерно, в двух метрах от дерева. Тойво заканчивает пилку, трос натягивается, раздается короткий сухой треск, и сосна с мягким шумом валится на площадку машины.

— Мать честная! — восхищенно воскликнул дядя Саша.

Стальная удавка летит на второе дерево, короткий стрекот пилы, знакомый треск, шумный вздох ветвей, глухой стук падения, и на площадке уже два медных ствола, устремленных в небо желтыми дулами.

— Подходяще! — одобрительно заметил Рукавишников. — Чистая работа.

Баженов заметно волновался за свое детище. Он с беспокойством поглядывал то на тракториста, то бежал

к Тойво, чтобы показать вальщику, как лучше пристроить пилу, то устремлялся к машине, чтобы посмотреть, как упало спиленное дерево. Ему было жарко. Он расстегнул ватник, сбил на затылок шапку-ушанку.

Любомиров стоял рядом, спрятав руки в карманы кожаного пальто, с пристальным вниманием следил за работой машины «моего главного инженера», как он называл Баженова, когда давал информацию корреспонденту республиканской газеты.

Анастасия Васильевна подошла поближе к машине.

— Ну, как вы находите? — живо спросил ее Баженов.

— Мне нравится ваша машина, Алексей Иванович. Дерево не падает на землю и не ломает своей тяжестью молодняк. Посмотрите на эти сосенки: они остались жить. Она потрогала верхушки тесной группки маленьких сосенок, росших на линии падения спиленной сосны.

— Наконец-то мы вам угодили! — с проницей сказал Любомиров.

Бегут минуты, на площадке растет пачка деревьев. Люди в молчании смотрят на лесную косилку, только дядя Саша с каждым спиленным деревом крикает: «Хороша! Ах, хороша!»

— Алексей Иванович, тонкомер берите, — сказала Анастасия Васильевна. — Пора кончать с недорубами. Пускаем на ветер миллионы рублей.

— Ну уж миллионы, — усмехнулся Куренков.

— Да, миллионы, — продолжала Анастасия Васильевна. — Строительство вашего леспромхоза обошлось государству в пятьдесят миллионов. Так?

— Ну, в пятьдесят, — отозвался Куренков.

— Лесу мы вам отвели на три с лишним миллиона кубометров, а вы оставляете на корню березы, осины и хвойных четвертую часть. Вот и считайте: больше десяти миллионов рублей при ваших порядках вылетит в трубу.

— Десять миллионов? — изумился Куренков. — В одном нашем Хивиялахти? А по всей Карелии? Знал, что недорубы в убыток, но чтоб миллионы!

— Да, и к сожалению, так же хозяйничают на Дальнем Востоке, на Урале, Сибири.

Любомиров хмуро молчал, наблюдая за машиной, думал: «Вот так и будет ходить за мной по пятам, придираться, учить хозяйничать, бережно относиться к лесу.

Ее, видите ли, тревожит весь свет. Дальний Восток, Урал, Сибирь...»

Машина по знаку Баженова с урчаньем подползла к серебристой осине с извилистыми синими тенями на снегу от корявых веток, с обтаявшей круглой лункой вокруг комля дерева. Чокеровщик захлестнул осину тросом.

— Алексей Иванович! — Куренков не удержался. — Вроде как бы осина нам ни к чему.

Тойво в нерешительности посмотрел на Баженова.

— Да, да, пилите, — подхватила Анастасия Васильевна. — Пока дерево годится в дело. Лет через десять сердцевина осины начнет гнить, разведутся короеды. Осину убирайте. Ее поросль заглушает сосновые всходы.

— Валяй, малец! Под корень ее. На спички пойдет, — похлопал вальщика по плечу дядя Саша.

Любомиров посмотрел на всех, но ничего не сказал.

Осина дрожала под мерными движениями пилы. Голые черные ветки скрипели. Дерево, схваченное за горло тросом, медленно запаталось и с силой грохнулось на площадку.

Петя повел нагруженную машину к эстакаде. Трактор оставлял на сером снегу черный рубчатый след. Ветви спиленных деревьев мели снежную слякоть. Машина взобралась на горбатую эстакаду, левым боком припала к настилу, чокеровщик отцепил тросы, Петя дал ход вперед, и деревья упали на площадку эстакады. Рабочие склада и девушки-сучкорубы встретили машину с живым любопытством.

— Мой Петрусь помогал главному изобретать, — с гордостью сказала Хельви Оксана.

Любомиров остался на складе. Он хотел знать, сколько привезла машина. Машина ему нравилась. Во времени — большой выигрыш: не надо собирать хлысты в пачку. Льстило ему и то, что изобретатель — его инженер. Конечно, в «Ленинском знамени», а может и в центральных газетах появится сообщение: первый опытный образец в леспромхозе, где директором Любомиров. Приятно... Вот только с недорубами надо что-то делать.

Из леса Баженов и Анастасия Васильевна возвращались вместе. За шпалорезкой она протянула ему руку:

— До свидания, Алексей Иванович.

Баженову не хотелось возвращаться в свой пустой дом. Он задержал ее руку в своей:

— Проводите меня еще немного.

Они медленно пошли по берегу реки. Над водой кружилась стая чаек, крупных, белобрюхих. Чайки то припадали к воде, то плавно взмывали в воздух. Анастасия Васильевна следила глазами за их беспокойным полетом.

42

В Хирвилахти приехал летчик, чтобы наметить гоны на участках аэросева. Летчиком был пикто иной, как Стрешнев. Анастасия Васильевна встретила его с нескрываемым изумлением. И он, конечно, не ожидал, что увидит ее в этих глухих местах, на которые куда приятней смотреть с самолета, чем ползти на лошадепке по болотам и зарослям. И что за профессия — лесничий! Похоронить себя на век в глухомани, не пользоваться благами города. Один шум сосен может свести с ума. Леса, озера, болота. Прожить здесь всю жизнь!..

Стрешнева раздражало вежливое равнодушие Анастасии Васильевны. Будто никогда его не знала, не любила. Раздражала его и погода. Конец апреля, а холод, слякоть! В воздухе лениво кружатся белые мухи, падают на лицо, за ворот куртки. Весной — и снег. Добраться бы скорей до поселка. Он устал за день. Раздражал его и Рукавишников. Объездчик весело понукал свою Буланку и без конца рассказывал «случаи из своей жизни». Василий Васильевич старался развлечь гражданского летчика, — уж больно скучное у него лицо. Буланка — покорная лошадка с мочальным хвостом и лиловыми глазами — часто останавливалась. Рукавишников ласково трепал ее по шее: «Ну, шевелись, моя красавица, двигай, моя хорошая!» Анастасия Васильевна все время окликала объездчика, если он уходил вперед. Она не хотела оставаться с ним наедине? Почему? Он ей неприятен? Или она хочет скрыть от чужих свое близкое знакомство с ним? Целый день они намечали гоны на участке, и она говорила только о деле, не единым словом не обмолвилась о прошлом. Где прежняя Ася, порывистая, нежная, готовая идти за ним куда угодно? Перед ним спокойная,

равнодушная женщина. Та Ася — звонкий ручеек; эта — глубокое озеро. Ручеек прозрачный, каждый камешек виден на дне, а озеро хранит в своих глубоких водах недоступные взору тайны. Тянет Стрешнева заглянуть в глубину. Что там?

Стрешнев продрог. Хотелось поскорее в тепло, поесть, отдохнуть. Кургузый мерин с громкой кличкой «Буран» еле тащился, глубоко раздувая ребра. В березняке Буран оступился и чуть не рухнул на землю. Стрешнев едва удержался в седле.

-- Старая падаль! -- крикнул он и ударил Бурана по голове кулаком.

Лошади пошли по кочковатой заболоченной низине, приминая седые метелки вейника. Над лесом кружились и каркали вороны. Проглянуло солнце и скрылось. Белых мух сменил морозящий дождь. Стрешнев набросил на голову капюшон прорезиненного плаща. Неужели Ася вот так каждый день бродит по лесам и болотам, в резиновых сапогах, в ватнике, общается с лесорубами, у которых каждая фраза заканчивается крепким словом? Плохо устроила она свою жизнь. Жаль... Слава богу, наконец-то, поселок! Талые воды залили улицы, расположенные в низких местах. Грязь противно чавкает под копытами лошадей, брызгами летит на одежду. Тусклое небо, тусклые домишки, тусклые люди. Бедная Ася! Жить в такой дыре...

Конюх с русой квадратной бородой принял лошадей. Матвеевна в беличьей душегрейке вышла на крыльцо встречать «начальство».

Не знала старуха, что за столом сидит «бывший Настенькин мучитель». Стрешнев съел с аппетитом две тарелки жирных щей, изрядную порцию жареной щуки — улова Куренкова, и после вкусной, обильной еды заметно повеселел. Матвеевна была довольна, что «начальству» понравился ее обед. Парфенов сказал ей, что летчик — невелика птица, но она с жаром возразила: «Не захочет, не посетит у нас, перемахнется в Лебяжье. Скажет, там ему сподручнее». Парфенов не стал спорить со старухой. Стрешнев ему не понравился. Глядит свысока, важничает. Знакомился с ним, Парфеновым, руки не подал, прикоснулся двумя пальцами к своей форменной фуражке, процедил сквозь зубы: «рад познакомиться», двумя словами не перекинулся, уткнулся в карту, его объяснения

к схемам вырубок слушал со скучающей мипой, вопросы задавал только Анастасии Васильевне. Коля и Рукавишников смотрели ему в рот. Как же! Маг, воздушный сеятель. От приглашения на обед Парфенов отказался, заявив Матвеевне, что ему не правится этот «гусь лапчатый в летной фуражке». Старуха укоризненно покачала головой и принесла Парфенову в его комнату миску горячих щей с куском свинины. Конечно, Парфенова тянуло в общество, хотелось послушать, о чем рассказывал летчик и чему так весело смеялась Анастасия Васильевна. Но кому он нужен? Пригласили его для приличия, отказался, не упрасивали. У Парфенова с утра разлилась желчь. Ныла нога, еле передвигался с палкой по конторе. Он целый день работал над чертежами лесосек и перечетными ведомостями, не мог ни минуты сидеть без работы, заглушал тоску. Скорее бы выздороветь, скорее бы в лес.

Когда Матвеевна уносила пустую миску, он попросил ее позвать к нему Анастасию Васильевну «на одну минутку».

Анастасия Васильевна явилась тотчас же. Ее удивил образцовый порядок в комнате помощника, чистота, его аккуратный внешний вид. Он заговорил глухо, не глядя на нее.

— Врач сказала: ходить по лесу смогу недели через три, не раньше. А может, утешает? Может, на всю жизнь останусь калекой? Вам Зайцев говорил о новом помощнике?

— Не расстраивайтесь, Гаврила Семенович, прежде времени. А что касается Зайцева... да, он говорил мне. От замены я отказалась.

Парфенов оттянул пальцами тугой воротник коричневого свитера, судорожно глотнул слюну. В глазах отразилась тоска.

— Понимаю. Пожалели, как бездомную собаку, переехавшую телегой.

Анастасия Васильевна пасупилась, сказала с тихой досадой:

— Невозможный у вас характер, Гаврила Семенович.

— Вот-вот и характер! — с тоской подхватил Парфенов. — Все к одному. Берите нового. Комнату я отдам, сам в избушке поживу, а поправлюсь, найдется мне работа в другом месте...

Желтое, отекавшее лицо Парфенова передергивалось. Он стоял, опершись на палку, и смотрел в пространство.

Анастасия Васильевна темного подумала.

— Вы хотите уйти из лесничества?

— Сами понимаете...— начал Парфенов, уклоняясь от ее взгляда.

— Гаврила Семенович, ответьте мне прямо: вы хотите уволиться?

— Нет...— с трудом проговорил Парфенов, отворачиваясь.

— Все ясно,— сказала Анастасия Васильевна спокойно и мягко.— Вопрос исчерпан. Прошу вас, больше этого разговора не начинайте. Отдыхайте, Гаврила Семенович. Я пойду. У нас гость.

— Постойте! — Парфенов с решительностью удержал ее руку.— Поговорим начистоту. Раз и навсегда. Выясним все до конца.— Его лицо залила багровая краска, голос дрожал.— Я вас терпеть не мог, вы знаете. Вы меня вытеснили, вы взяли начальственный тон, вы мне казались зазнайкой, свое «я» на первом месте, остальных — под ноги! Я думал: лезет из кожи вон, чтобы ее заметил в верхах, разыгрывает государственного человека, мол, моя душа болит за все леса страны. Я считал вас карьеристкой, я думал... Словом, я много думал о вас такого... Думал и говорил... Я радовался, когда Зайцев закатил вам выговор... Я хотел, чтобы у вас сорвалось с Святозером, и вас прогнали из Хирвилахти!.. Я...

Глаза Анастасии Васильевны потемнели, на щеках выступили розовые пятна.

— Довольно, Гаврила Семенович,— спокойно проговорила она.— Мне все известно. Извините, я должна уйти.

— Нет, не уходите! — Парфенов заступил ей дорогу.— Я должен сказать все! Почему вы меня не выгоняете? Для чего вы меня оставляете? Молчите? Тогда я вам все скажу. Чтобы я все время мучился, всегда помнил ваше великодушье. Спасли, пригостили в своем доме, работаете за меня. Желаете покрасоваться своим благородством перед людьми! Чтобы все говорили: «Ах, какой благородный человек Анастасия Васильевна! Другая на ее месте давно бы выгнала такого субчика, как Парфенов!»

Парфенов давился словами, голос его срывался.

— Вы мне пужны как специалист, а там можете думать все, что вам в голову взбредет! — сердито сказала Анастасия Васильевна и вышла.

«А, наконец-то, раскрылась, голубушка! — желчно подумал Парфенов, тяжело опускаясь на стул и вытирая холодный пот со лба. — Я ей нужен как специалист. Номенклатурная единица. Рабочий механизм. А что в моей душе творится, ей наплевать! Перед людьми разыгрывает спектакль: «Чуткость и забота о человеке». Не надо мне твоей показной заботы! Лживой чуткости!

Забыв о больной ноге, он метался по комнате, хватал вещи, швырял в сундучок. Крышку сундучка он захлопнул с такой силой, что в окошке зазвенело стекло. «Тирапят. Выпить рюмки не дают. Михайла под ее дудку пляшет. Уйду! Черт с ними, с их вниманием, заботой. Никто мне не нужен. Один проживу».

В дверь стучали.

— Кто там? — заорал Парфенов.

— Отопри, вояка! — послышался голос Матвеевны.

— Ко мне нельзя. Я не одет.

— Больно заботит меня — при полном параде ты альпет. Возьми молочка топленого.

Парфенов приоткрыл дверь и, не впуская Матвеевну, взял у нее кувшин с молоком.

— Спасибо, мамаша.

Коричневая рука старухи провела по ласковому беличьему меху душегрейки, — все-таки хватило охотничьих трофеев Парфенова на подарок.

— Чего один сидишь, как сыч в дупле? Шел бы к столу, с людьми покалякал.

— Мне и так весело, — хмуро отозвался Парфенов и скрылся за дверью. Глухо звякнула задвижка.

Чувствуя слабость во всем теле, Парфенов сел на край кровати, привалился боком к железным прутьям спинки. Палка с глухим стуком упала на пол. Ласка без шума прыгнула на кровать, лизнула его тяжелую синеватую руку. Парфенов, не меняя позы, обнял собаку за шею. Собака ласкалась к нему, тихо и восторженно лизгивала. В комнату заползали мягкие веселые сумерки. В тишине беззаботно тикали ходики, висевшие над кроватью. В дверь стучался Коля, звал: «Гаврила Семеныч, а Гаврила Семеныч! Газетки свеженькие принесли». Парфенов не отозвался. Ласка подбежала к две-

рям, заскреблась, заскулила. Парфенов прикрикнул на нее. Собака послушно улеглась на медвежьей шкуре у печки. Тяжело опираясь на палку и волоча больную ногу, Парфенов проковылял к окну. Как заметно прибавился день! Восьмой час, а сумерки только начали окутывать дальний лесок. Весна вступает в свои права. Тепла еще нет, но снег на взгорьях поредел, обнажились бурые пятна болот, желтые поляны. В усадьбе ольхи стали покрываться красно-коричневыми сережками. А вон и его хибара. Серое, уродливое пятно на опушке леса. Его жилище. В нем он прожил без малого пятнадцать лет. Парфенов оглянулся на сундучок, стоявший в центре комнаты. Представилось ему: он — в полутемной избушке, один, как барсук в норе, тихо, только тараканы шумят за печью, и ни одного человеческого голоса.

Парфенов, сгорбившись, долго стоял у окна, потом открыл сундучок и водворил свои нехитрые пожитки на прежнее место.

Матвеевна собрала со стола грязную посуду, понесла на кухню. По разговору за столом она поняла, что Настя знавала летчика в войну, но старухе в голову не могло прийти, что этот лысеющий дядя с брюшком и тот, которого она когда-то мельком видела на фотографии — бравый лейтенант — один и тот же человек. Скрытная дочка не посвятила мать в свою тайну.

Стрешнев сидел на диване, заложив ногу за ногу, дымил папирсой и лениво оглядывал скромную обстановку комнаты Анастасии Васильевны.

— Я верю в судьбу, Асенька. Увидеться, да еще у тебя в доме... Мне в Олонец путевку выписывали, а потом переменили на Крутогорск. Кириллова в Олонец, а меня сюда. Ты рада?

— Конечно. Мы волновались, ждали... Не верили, что нам дадут аэросев.

Анастасия Васильевна взяла книжку, села на другой конец дивана. Стрешнев с минуту следил за голубыми кольцами табачного дыма.

— Ты так говоришь, словно тебе все равно: Кириллов или я, — сказал он.

— Нет, почему же? — Анастасия Васильевна раскрыла книжку. — Я рада тебя видеть.

Она солгала. Лучше бы приехал незнакомый ей Кириллов. Зачем ворошить прошлое?..

— Спасибо тебе, что оставила прежнее «ты». — Стрешнев подсел к ней, взял за руку.

— Тебе понравилась Карелия? — Она отодвинулась от него, будто за тем, чтобы поправить прическу.

— Да, ничего, — равнодушно отозвался Стрешнев, сделав вид, что не понял ее движения.

— Хочешь послушать стихи? — Анастасия Васильевна полистала книжку. Она не знала, чем развлечь неожиданного гостя.

Пришла весна в Карелию...

Звенит речонка шалая,

Падун гремит и пенится,

закованный в гранит.

На кочках самоцветами

горит брусника талая,

Папахи скинув белые,

лохматый лес шумит.

О счастье, где-то спрятанном,

о счастье, в битвах добытом,

Седую сказку мудрую

озерный край хранит.

Стрешнев зевнул, извинился: он не любит стихов. Анастасия Васильевна хотела напомнить ему библиотеку в маленьком сибирском городке, дни их первого знакомства, стихи Блока, которыми он увлекался, — и раздумала.

— Скверно устроена жизнь, Ася. Все годы чего-то добиваешься, тратишь силы, горишь... Достигнешь, думаешь: вот оно хорошее, посмотришь и разочаруешься. Не то! Напрасно потратил силы, время. Я устал от жизни. — Стрешнев вздохнул, то ли притворно, то ли искренне, она так и не поняла, и продолжал с грустным выражением лица. — Я часто вспоминал тебя, Ася. Думал: забыла или еще помнит? А я, веришь, все помню, ничего не забыл. Помню сибирский городок Абакан, библиотеку в Доме культуры. Помню, как ты пришла ко мне на улицу Коммунаров. Помню наши прогулки, черное небо и яркие золотые звезды. Как давно это было! Будто во сне. Ах, если бы можно было вернуть то время, нашу молодость, любовь, светлые надежды. Но увы! Реки не текут вспять...

Анастасия Васильевна слушала, смотрела на него и не находила в своей душе ответа его словам. Прошлое отодвинулось, потеряло свою остроту. Она смотрела чужими глазами на прежние волнения и страдания своей любви к нему, словно то была не она, а кто-то ей очень знакомый, близкий ей человек. Скажи Стрешнев ей сейчас: «Ася, вот тебе моя рука, на всю жизнь», — плчто в ней не дрогнет, не отзовется. Разве только грусть певельнется в сердце. Сколько напрасно было потрачено душевных сил в те годы!

Стрешнев, очевидно, почувствовал, что творится в ее душе, и весь как-то сразу потускнел.

— Да... Вот так и живем, — вздохнул он. — Старимся, Ася.

Анастасия Васильевна молчала. Да, ее прежний друг внешне очень изменился. Обрюзг, пополнел, щеки обвисли, глаза потускнели, голос вялый, безразличный. Он сутулился, китель сидел на нем мешковато, подворотничок был мятый, не первой свежести. От прежней выправки, подтянутости, щеголеватости не осталось и следа.

— Помнишь, Виктор, когда мы прощались с тобой на вокзале в Ленинграде, ты сказал: «Пусть каждый из нас найдет свое счастье»?

— Помню, — медленно и уныло проговорил Стрешнев, облокотясь на колено. — Я тогда получил развод. Тебе пужно было тогда взять меня в руки, Асенька. Да-а... Как глупо я тогда вел себя с тобой. Ах, Асенька, только ты одна меня понимала! Какой я дурак! Не мог оценить нашей встречи. Не осуждай меня, Ася. Я и так наказан. Тебя потерял, связал свою судьбу с женщиной, которой деньги нужны больше, чем я... И уйти не могу. Сын... Мальчишке пошел пятый год. Да и куда уйдешь, Ася? Годы не те, чтобы жить на холостяцком положении. Новую семью заводить? А вдруг еще хуже будет? Да и сердце постарело. Не хочет волнений...

Стрешнев откинулся на спинку дивана, устало прикрыл веки. Анастасия Васильевна с раскрытой книгой на коленях задумчиво смотрела на огонь лампы, затепенной ситцевым пестрым абажуром. В доме стояла тишина, только за окном шумел ветер, и изредка ветки рябины царапали стекло.

Анастасия Васильевна взглянула на Стрешнева. Этого человека она когда-то любила. И он ее бросил.

— Моя жизнь скверно сложилась... Но так хочется ласки, тепла, Асенька.

Стрешнев опустил голову.

Она увидела тщательно зачесанную лысину, мягкую, обвисающую щеку, глубокие лучи морщин у левого глаза.

— Мы с тобой расстались семь лет назад, да, Ася? Ты очень изменилась...

— Постарела?

— Нет, ты стала совсем другой... Сильной и очень красивой.

Она ничего не сказала.

Стрешнев вздохнул.

— Ну что же, мне пора, — сказал он и встал. Он медленно надевал куртку, надеялся, что она остановит его.

— Ты уезжаешь мурманским поездом? — спросила Анастасия Васильевна.

Стрешнев взглянул на ее равнодушное лицо, понял: спросила потому, что не знает, о чем с ним говорить.

— Не провожай меня, Ася. Я сам отыщу ваш лесной отель. Зачем тебе одной возвращаться в такой темноте.

— Ничего, меня никто не обидит. Здесь все свои.

В окно Парфенов видел, как во тьме плыл огонек фонаря, удаляясь в сторону поселка.

Куренков принес другу новые сапоги.

— Мой тебе подарок, Гаврюха. Сегодня архангел Гавриил родился.

— Придумал архангела. Зачем тратишься?

Парфенов хмурился, но руки его жадно шупали мягкую кожу. Хром добротный, колодка красивая, удобная. Его старые, стопудовые сапоги почти развалились.

— Меряй! — приказал Куренков. — На том свете калеными угольками сочтемся. Хороши сапожки, а?

Сапоги мягко обнимали больную ногу. Парфенов потоптался на месте. Не жмут...

— Бросай палку. Прирос ты к ней, что ли?

Парфенов покосился на друга. Шутник, Михайла! Без палки он и шагу не сделает.

Куренков легко разжал пальцы товарища, палка со стуком упала на пол. Парфенов потянулся к ней, но не успел. Куренков схватил его «костыль» и сломал, как спичку.

— К дьяволу твои шутки!— заорал Парфенов и, хватаясь за мебель, дотянулся до скамьи, сел и отвернулся от друга.

— Э, так не пойдет, друг ситный. Я за сапогами в Петрозаводск ездил. Идем на улицу, лежебока.

— Отстань, Михайла!

Парфенов уцепился за край стола, но друг оторвал его от спасительной опоры и отнес на середину комнаты.

— Что ты делаешь?— взмолился Парфенов.— Опять ногу сломаю.

— Ничего не будет. Становись смелее, я поддержу.

Парфенов сделал маленький шаг, потом другой, прислушался к слабой боли в ноге. Куренков ободряюще улыбался.

— Давай, давай! Сейчас мы с тобой махнем в клуб, кадрили с девками плясать.

Опираясь на руку Куренкова, Парфенов зашагал по комнате, вышел в сени. На крыльце задержался. Пугали ступени. Друг не торопил. Парфенов вдохнул полной грудью весенний воздух. Хорошо! Держась за перила, он жадно всматривался в окружающий мир. У крыльца раскидистая ель, хвоя блестящая, густая, омытая весенним дождем. Земля в усадьбе почернела, снег прятался только в сумеречном ельнике. На осине шумно кричали галки. За усадьбой, в низине, разлились лужи и разводья. По реке плыли льдины, розовые от густых лучей заходящего солнца. Направо — дальний лес, подернутый синим туманом, налево — полотно железной дороги, цепочка вагонов тянется за паровозом, а над ней плывет и тает сизоватый дым — пассажирский шел на Мурманск. Широко и привольно раскинулся поселок. Неужели он, Парфенов, сможет пойти своими ногами, куда захочет? В поселок, в лес, на реку?

Куренков тронул товарища за плечо:

— Пошли, Гаврила, на шоссе. Народ поглядим.

Шоссе в поселке заменяет бульвар. Вечерами и в праздничные дни здесь шумно и весело. Гуляют парочки, играет баян, бренчат гитары.

— Людно как,— сказал Парфенов улыбаясь.

Раньше он равнодушно проходил мимо людей, забирался в избушку, был доволен, если его не беспокоили.

Бежевый «москвич» просигналил, затормозил и остановился. Из кабины выглянул Тойво. В машине сидели Хельви и Оксана.

— Садитесь, Гаврила Семенович,— предложил Тойво.

Парфенов поблагодарил. Нет, он пойдет пешком.

«Москвич» покотил к клубу, оставляя за собой синюю струю дыма.

— Видал. Гаврюха?— Куренков кивнул в сторону уехавшего «москвича».— Мои «рябчики» на собственных машинах раскатывают. У Куренкова постарайся — на «победу» заработаешь. Карельский лес — золотое дно. Черпает лесоруб золото ковшом, сыплются крупинки и в его карман.

На крыльце конторы леспромхоза стояла Стрельцова в красном берете и синем пальто. Она разговаривала с каким-то маленьким мужчиной в спортивном костюме.

— На кого она обижается?— спросил Парфенов, когда Стрельцова, не ответив на его поклон, отвернулась.

— На нас обоих,— усмехнулся Куренков.— Не правятся ей, что мы с Настасьей Васильевной не пацаемся. Ухажора напла.

— Вот того мальчика с пальчика?— рассмеялся Парфенов.

— Того самого. Инженер по технике безопасности. Новый. На голове перманент, как у девки, баки носил, рабочие прозвали его «Читой», сбрил. Сидит целыми днями в конторе, пишет какие-то бумажки, в лес редко нос кажет. В столовой с рабочими за один стол не сядет. Как же! Инженер! А кончил всего-то техникум. Пустой колос высоко голову держит. Мы с ним в коптрах. Не человек, а ходячая инструкция по технике безопасности. Мои рабочие от развилки на лесосеку ходят по шпалам, другой дороги нету: болота. Хотели мы положить горбыли на концы шпал, по настилу не так опасно, так «Чита» не позволил. «По шпалам ходить воспрещается». Я к председателю рабочкома Михееву, а он говорит: «Я сам хожу по шпалам и ни разу не

свалился. Горбыли не по правилам. Нельзя». — Куренков освободил руку и сделал вид, что поправляет шапку. Парфенов прошел несколько шагов один, позабыв о большой ноге, а когда спохватился и попробовал вновь уцепиться за друга, тот уклонился.

— Плыви, Гаврила, один.

Так Парфенов самостоятельно добрался до клуба, и всю дорогу ему не верилось, что он идет без костыля и посторонней помощи.

...На другой день Парфенов прохаживался по шоссе, разминал ногу. Настроение у него было хорошее. Радовала весна. До чего же хорошо, когда над головой солнце в голубом небе! Зеленой дымкой окутаны березы, набрякшие почки незаметно для глаз стали лопаться, правда, до появления листвы еще далеко: воздух холодный, но весна взяла свои права и льет жизненный свет на землю. Утром Парфенов видел над усадьбой летевиных из теплого края лебедей. Счастье, что он здоров, он сможет забраться с Куренковым на глухарьиные тока. Под воскресенье, на ночь, они заберутся в лесную глушь, разведут костерок, а ранним утром в сосняк, на знакомые места, где каждой весной им удавалось подстрелить не одного глухаря.

Ходить по шоссе легко. Парфенов вначале с опаской наступал на большую ногу, потом стал припечатывать сапогом на гудроне. Ничего. Ни хруста, ни боли. Неделя тренировки, и он сможет выйти в лес. Никто потом не станет ему колоть глаза, что без него отселился, никто не намекнет на симуляцию.

Возле почты — скамейка. Можно передохнуть. Проходившие мимо него жители поселка здоровались, спрашивали, как его нога. Парфенов охотно отвечал им. Он только собрался было продолжать ходьбу, как увидел Любимрова в расстегнутом кожаном пальто, с фуражкой в руке. Он прошел в двух шагах от скамейки, глянул на него и продолжал свой путь. Кровь прилила к лицу Парфенова. Вот оно что! Он был покладистым лесничим, и теперь им можно пренебрегать. Ну, погоди же, голуба! Парфенов был слишком покладистым, вы пользовались его слабостью, но есть и у него характер, и вы его почувствуете. Вам дорого обойдется пренебрежение.

Парфенов сердито запагал домой. Разминать ногу у него пропало всякое желание.

Хороши Черпореченские леса! На десятки километров раскинулся по карельской земле зеленый шумящий океан. Бронзовые колоннады сосен, величественные пирамиды столетних елей, хороводы белоствольных берез с редкими вкрапинами ольховника и осинника — царство птиц и зверей, цветов и ягод. Пришли люди, и в лесах закипела работа. Четко выстукивает свой мотор электростанция, по проводам в глубь леса ток, взвизгивают электроилы, стуком перекликаются топоры сучкорубов. Зеленый цех работает под открытым небом круглый год: и в стужу, и в жару, и в ведро, и в непогоду. «Стране нужен лес, наш долг — дать Родине как можно больше древесины». — говорят лесозаготовители Хирвилахти, и их слова не расходятся с делом. В лесных краях страны знают лесорубов Хирвилахти, прославились они своими трудовыми успехами, умением быстро подхватывать все новое, передовое...

Здесь же работали лесоводы. Рукавишников, Парфенов и Анастасия Васильевна наносили кистью цифры на семенные деревья. На светлой бронзе сосновой коры четко выделялась черная краска.

— Читали про нашего Михайлу Кузьмича? Трелевка деревьев с кронами. Тыща кубометров сверх плана. Ну, и башковитый мужик! — Рукавишников поставил на землю ведро с краской, вытащил из кармана куртки сложенный газетный лист. — Вот, в районной газете заметочка. Встретил я утром Михайлу возле конторы, поздравил, а он мне: «Это все мои молодцы. Работают, как часы. Чокеров не хватало, сами из старых тросов изготовили. Народ сообразительный».

На делянке лесоводы проверили: целы ли семенники. Меченые деревья возвышались над вырубленными участками. Валка леса шла вовсю. Земля ухала, стонала, звенела под зеленым водопадом спиленных деревьев.

— Вот она, куренковская гвардия, в боевом походе, — сказал Рукавишников. — С такими орлами горы свернешь.

На опушке работали Тойво и Иван. В нескольких метрах от вальщиков трудились сучкорубы Оксана, Хельви и другие девушки. Топоры их так и мелькают, поблескивая на солнце острьями, дождем летят на землю ветки. В перестук топоров влетается стрекот электро-

пил, врывается натужное рокотанье «котика», так ласково называют трактористы трелевочный трактор. Лесоводы подошли со своими ведрами и кистями, торопясь заклеить семенники. Вальщики их не заметили, и лесники стали невольно тайными свидетелями любопытной сцены. Вальщики стояли перед сосной, тесно окруженной молодым племенем, сосенками. Иван было размахнулся топором, чтобы смахнуть молодняк богатырским ударом — в силе украинскому казаку мать-природа не отказала, но Тойво решительно придержал его за локоть.

— Стой! Не руби. Я и так...

— Як так? — пробасил удивленный детина. — Через такую чащобу с пилой?

— Я попробую, Ваня.

— Дазай,— беззлобно протянул Иван, опуская топор. — Иди. Мне я лучше. Мозолей набью меньше.

Тойво сумел пробраться со своей пилой сквозь густые заросли хвойного молодняка: топор Ивана не понадобился, чтобы подготовить «рабочее место» для вальщика. Тойво приложил пилу к корабельной сосне, часто-часто застрекотала пильная цепь, из-под ее зубьев струей брызнули желтые опилки. Сосна зашаталась, хрустнули ее старые кости, вздрогнула земля под тяжестью ухнувшего на делянку дерева, тревожно колыхнулись верхушки хвойного молодняка, не тронутого пилой Тойво.

— Видали? — качнул головой Рукавишников в сторону вальщиков. — Молодая-то поросль, а?

К чему относились слова старого объездчика? К уцелевшим ли сосенкам или к этой рабочей молодежи, что стала понимать свою ответственность за судьбу леса — народного богатства, владельцами которого являются и они сами. Анастасии Васильевне вспомнились слова Столярова: «Хорошая у вас в Хирвилахти молодежь. С ней горы своротить можно».

— Ребятишечек бы этих на наш весенний сев, а?

— Да, Василь Васильевич, хорошо бы,— отозвалась Анастасия Васильевна, наблюдая за вальщиками. — Кованен говорил, что молодежь поселка выйдет на субботник. Он за молодежь ручается.

Лесоводы глядели на лес, на зеленые валы спиленных деревьев. Сколько древесины! Зеленое золото, живое богатство земли. Растить и множить его, чтобы оно никогда не иссякало...

Лесоводы устроились отдохнуть на толстой валежине, обросшей мхом. Сюда в обеденный перерыв к ним подошли Баженов, Ковален, Куренков и технорук. И, конечно, заговорили о лесе.

Куренков в своем неизменном комбинезоне с застёжкой «молния» и карманами, набитыми папиросами, записными книжками, как всегда, с добродушной усмешкой и в хорошем расположении духа стал «задевать» лесоводов.

— Хорош лесок, а? — Куренков глядел на стену леса, что крепостью стояла за вырубкой, ожидая пилы. — Не трогай мы этот лесок, небось, возрадовались бы, — весело рассмеялся Куренков.

Анастасия Васильевна повела бровью:

— Мы лес бережем, чтобы вы его рубили. И новый выращиваем для вас. Рубить надо, и по старому лесу мы не плачем. Сами готовим его в рубку, а вот за будущий лес душа у нас болит. Хотелось бы, чтобы и ваша душа болела.

Любомиров незаметно подошел к валежине, стоял за спиной лесничей, слушал, спокойный, невозмутимый.

— Николай Алексеевич, подсаживайтесь к нам, — сказал Ковален и дал директору место на валежине. — Мы, вот, обсуждаем здесь общие наши дела.

Любомиров взглянул на лесничую и попросил у Баженова «огонька». Главный инженер дал ему прикурить от своей папиросы.

Все с минуту молчали, потом Анастасия Васильевна попросила у Парфенова план лесосырьевой базы леспромхоза. Парфенов достал из своей полевой сумки белый лист бумаги. Закрашенные на бумаге зеленым квадраты означали запасы леса, но их было меньше, чем белых.

— Вот смотрите, товарищи, — снова заговорила она. — На западе и на юге — озеро, на востоке — колхозные земли, на севере — лесные владения соседнего леспромхоза. — Анастасия Васильевна обвела хворостинкой на плане границы леспромхоза Хирвилахти. — Рубим мы шесть лет, запасов на корню осталось еще на пять лет. А дальше что?

— На север уедем, — сказал Баженов, взглянув на знакомый план. — Там такие лесные массивы, что тебе дальневосточная тайга.

— Правильно: на север. Леса там богатейшие, запасы огромнейшие, лесозаготовителям есть где развернуться, но через полсотни лет мы выйдем на берег моря.

— Так скоро? — спросил кто-то.

— Да, товарищи. Так скоро.— Анастасия Васильевна передала план Парфенову.— Народному хозяйству требуется древесина, мы ее дадим. Оплакивать рубку леса мы не собираемся. Мы вам обеспечиваем отвод, таксацию лесосек, мы стремимся увеличить выход деловой древесины в лесосечном фонде, мы своим трудом влияемся в ваш труд, мы — едины, хотя и делимся на лесоводов и лесозаготовителей. И именно поэтому должны вместе бороться за новый лес. Через пятьдесят лет старого леса не будет, но новый лес за этот срок мы можем вырастить... За пятьдесят лет подрост станет почти взрослым лесом, а сеянцы — молодым лесом. Живой лес на пустырях и вырубках!.. Это же великое дело.

«Она как-то сразу хорошеет, когда говорит вот так о своем деле», — подумал Бажепов.

Кованен смотрел на полосу леса, что шла за вырубкой, на ближайшую шеренгу задумчивых елей, что протягивали солнцу темные бархатистые ветви, на березовую рощу ослепительной белизны, на могучие семьи сосен, чьи пышные кроны привольно раскинулись в поднебесье.

— Карелия без лесов? — сказал он в раздумье.— Не представляю... Вы себе можете представить Украину без необозримых полей золотой пшеницы или Крым без виноградников? — продолжал Кованен, ни к кому не обращаясь в отдельности.— А Донбасс без угольных шахт? Или Баку без нефтяных вышек? Или Урал без железной руды? И даже тот, кто никогда не видал нашу Карелию, знает, что это бескрайние леса, рыбные озера, полноводные реки, богатейшая кладовая ценной древесины.

— Кладовая без замка, — заметила Анастасия Васильевна.

— Да, конечно, лес открыт, подходи и бери богатство, сколько тебе нужно, оно само дается человеку в руки. Полезные ископаемые нужно отыскать, извлечь из недр земли, рыбу добыть из озер и рек, а лес, вот он, перед нами.— Кованен повел рукой вокруг.— Задуматься есть над чем. Рано или поздно, старые леса вырубим...

Любомиров слушал Кованена и думал: тревожится, что будет через сто лет, когда сегодня надо вести напряженную борьбу за повышение производительности труда, думать, как лучше использовать технику.— Любомиров хмуро посмотрел на делянку, откуда слышался чей-то раскатистый басистый смех: рабочие обедали, отдыхали на поваленных деревьях.

— Старые вырубим, новые вырастут, Павел Антонович. У пас своя печаль: вывезти двадцать тысяч кубометров сверх годового плана. Это не шутка. Да-а...

— Лесу, конечно, нам надо много. Обязательства мы взяли па себя серьезные, но...— Кованен помедлил, тонкие брови его чуть приподнялись.— Но, Николай Алексеевич, что мешает пам и рубить и выращивать?

— Вот-вот! — обрадованно подхватила Анастасия Васильевна.— Всем вместе взяться. Сеять на свежих вырубках. Сразу же. Не запускать.

Любомиров искоса взглянул на лесничую, усмехнулся:

— А кто вам мешает? Сейте, выращивайте... На то вы и лесоводы.

Любомиров встал, сбил веткой клочья мха с сапог и, ничего не добавив, пошел к делянке. Сидевшие на валежине молча смотрели ему вслед, на его сутулые плечи и потертую спину кожаного пальто. Первым нарушил молчание Рукавишников. Он выколотил из трубки горячий пепел в ямку и привычно затоптал «лесную пепельницу», спрятал трубку в карман, положил на колено Куренкова перепачканную черной краской руку:

— Михайла, ты обещался нам помочь? Не забывал? В клубе обещался. Свидетели есть.

Куренков двинул богатырским плечом, усмехнулся:

— Дядя Вася, запомни раз и навсегда: Курепков на ветер слов не бросает.— Мастер обернулся к техноруку.— Дмитрий Иванович, дадим лесникам тракторишко. Ты обещал. Лесники, вишь, мне недоверие выражают. Подтверди-ка, что я — человек надежный.

Технорук за все время беседы не проронил ни слова. Он сидел, слегка наклонив серебряную голову. Брови под цвет головы нависали кустиками над глазами и были удивительно подвижны. Они то хмурились, то улыбались, то удивленно взмetyвались вверх, а чаще совсем закры-

вали глаза. Но и не видя его глаз, по бровям можно было безошибочно определить его настроение.

— Трактор дадим,— коротко бросил технорук.

— Вот спасибо вам! — сказала Анастасия Васильевна. — Только нам нужно два трактора. Мы их пустим по свежим вырубкам.

Брови технорука удивленно взметнулись, но он не сделал поправки насчет «двух тракторов». Промолчал и Куренков. Рукавишников, воодушевленный обещаниями мастера и технорука, повел беседу с Кованеном.

— Павел Антонович, на тебя у нас, лесников, надежда большая. Ты нам помоги, народ тебя слушает. «Якори» нам привезли, а рабочих у нас раз-два и обчелся.

Кованен думал, молчал, но лесоводы чувствовали, что этой весной они не будут одиноки в страдную пору весеннего сева.

По лесу поплыл прозрачный колокольный звон: обед кончился. На делянке началась обычная работа. Валежина опустела.

45

Солнце село. На озере долго не гасли розовые блики. Замер в дремоте лес. Медленно растаяли пурпуровые облака. На белесом небе появилась прозрачная луна.

На берегу озера горел костер. У огня грелись Рукавишников, дядя Саша и Анастасия Васильевна.

— День пропал ни за понюх табаку,— сокрушенно сказал дядя Саша, снимая с огня котелок с закипевшей водой.— А ежели и завтра не прилетят?

Дяде Саше никто не ответил. Рукавишников полулежал на ворохе хвои и посасывал свою трубочку. Анастасия Васильевна сидела на валежине и смотрела на резво пляшущее светлое пламя костра, устало протянув к теплу ноги. Ее утомило ожидание самолета. Целый день она не сводила глаз с той стороны, откуда должен был прилететь самолет. Почему он не прилетел? А может, что-нибудь с самолетом случилось?

— Из лесхоза могли бы весточку подать,— сказал Рукавишников и, выбрав из костра рубиновый уголек, положил его в трубку. В воздухе запахло горьким дымом самосада.

— Ложитесь спать, товарищи. Я съезжу в лесхоз.

Анастасия Васильевна подошла к Бурану, привязанному к сосне. Мерин покорно дал накинуть на себя узду.

— Одна поскачешь? — обеспокоился Рукавишников, помогая седлать лошадь.

— А чего мне бояться? Первый раз что ли в лесу?

— Возьми хотя бы мое ружьишко, Васильевна.

— Не надо, Василь Васильевич. Лишняя тяжесть.

Рукавишников попридержал стремя, Анастасия Васильевна легко поднялась и опустилась на старое седло.

— Ни пуха, ни пера! Поскорей возвращайся, — папушествовали лесничую сотрудницы.

В лесу Буран пугливо поводил ушами, косясь по сторонам. Под копытами гулко трещал валежник. В призрачном свете робкой белой ночи валуны казались спящими медведями. В лощине лопотал ручей. Дорога в ухабах и камнях змеилась среди чащобы. Черные громадины ели царапали колючими лапами лошадь и седока. Покачиваясь в седле, Анастасия Васильевна дремала. Буран шел ленивым шагом. Стук копыт отдавался в звонком лесу. Вдруг Буран насторожил уши, остановился. Анастасия Васильевна открыла глаза, ласково потрепала лошадь по шее.

— Ну-ну, лентяй! Поспишь в лесхозе. Трогай, милый.

В тишине ночи послышался какой-то отдаленный гул. Буран беспокойно забил копытом. У Анастасии Васильевны дремоту как рукой сняло. Что бы это могло быть? Гул нарастал. Она различала направление, откуда он шел: где-то впереди, слева. Буран дрожал мелкой дрожью. Все ближе непонятный шум. Что это? Буран всхрипнул, шарахнулся в сторону. Анастасия Васильевна едва удержалась в седле. Из чащи на дорогу выбежал лось, вихрем метнулся вперед и ринулся в редкий ельник, за которым чернело болото. Вслед за лосем на дорогу выскочил медведь. Анастасия Васильевна пожалела, что отказалась от ружья объездчика. Она подхлестнула лошадь. Буран перешел на галоп. Топот и треск в ельнике постепенно затихли, и, наконец, наступила тишина. Догнал ли мишка свою жертву или лось успел добежать до спасительного болота? В болоте лосиные копыта не вязнут, а мишкины когтистые лапы цепляются за мох.

В Крутогорск Анастасия Васильевна приехала в пятом часу утра. Старый Буран едва перебирал ногами и шел

на поводу за своей хозяйкой с покорно опущенной головой. Город еще спал, только на станции горели фонари, светились окна депо и изредка пел рожок стрелочника. Над озером бледным обломком торчала лупа. На востоке брезжила заря. Привязав Бурана к железному кольцу ворот лесхоза, Анастасия Васильевна вошла в калитку. На крыльце конторы спала старая дворняжка. Собака подняла морду, хрипло таякнула, но не двинулась с места. Анастасия Васильевна долго стучала в окно, пока ей не открыл сторож, рослый старик с седой бородой, дед Степан, больше двух десятков лет охранявший усадьбу лесхоза. Дед знал в лицо всех лесничих и никогда не путал их фамилий. Он не удивился раннему визиту Анастасии Васильевны. Анастасия Васильевна спросила, дома ли директор.

— А где же ему быть? — ответил дед.

Она устало опустилась на продавленный диван. Сторож затопил плиту, поставил на огонь чайник.

— Зачем тебе директор среди ночи зандобился? Чего приключилось-то?

Анастасия Васильевна стала объяснять.

— Э, да ты бы меня спросила, девка!

— А что ты знаешь, дедушка?

— Вчера инженерша из управления целый день сидела в кабинете директора и трезвопла в Петрозаводск, про самолет пытала. Не летит самолет к нам.

— Почему?

— А кто их знает! Толку не добиться.

Сторож поставил Бурана на конюшню. Анастасия Васильевна попила чаю из жестяной кружки, прилегла на диван и уснула. Разбудили ее шум голосов и хлопанье дверей. В контору собирались служащие. Пришел Зайцев, желтый, с мешками под глазами, но, как всегда, аккуратный и в форме. Он сказал, что самолет задерживается по неизвестным причинам.

Через полчаса в конторе появились две женщины: Мелехова из управления — инженер по лесокультурам, и Зарницкая — научный сотрудник лесной опытной станции. Мелехова — крупная женщина со спокойными и медленными движениями — была полной противоположностью Зарницкой — маленькой, подвижной, как майский жучок, с непрестанно бегающими глазами на остром лице. Бойкой молодостью, пенстошимоу энергней

веяло от маленькой подвижной фигуры Зарницкой. Говорила она быстро, порывисто, с небольшой картавинкой. Обе женщины были в теплых куртках, лыжных брюках и шапках.

— Ничего не понимаю,— начала Мелехова, увидев Анастасию Васильевну.— Вы в лесу маетесь, а мы здесь. Перед отъездом из Петрозаводска я сама беседовала с летчиком. Все было в порядке.

— Управление играет в загадки,— подхватила Зарницкая.— Кто им поверит, что они не знают, почему не летит самолет? Чепуха! Аня, не жди их звонка. Звони им сейчас же и требуй ответа.

— Да, да, звоните Анна Федоровна,— поддержала Зарницкую Анастасия Васильевна.

Зайцев промолчал.

Мелехова соединилась с Петрозаводском. Из управления ответили: «Вопрос пока неясен. Звоните в четыре». Зарницкая так и подпрыгнула.

— Они с ума сошли! Еще сидеть день? Аня, я поеду в Петрозаводск.

— Раечка, подождем до четырех,— спокойно предложила Мелехова.

В четыре часа ответ был тот же: «Вопрос выясняется. Звоните утром».

Зарницкая уехала в Петрозаводск скорым поездом Мурманск — Москва. Спокойная Мелехова начала терять терпение. Анастасия Васильевна возмущалась. Зайцев сокрушался: «Еще когда завезли на лесную площадку горючее и семена!»

Как на беду переменилась погода. Поднялся ветер, по небу поползли черные тучи. Какой там посев с воздуха! Ночью в гостинице, ежась от холода под тонким одеялом, Анастасия Васильевна думала о Рукавишникове, о дяде Саше, оставленных в лесу. Они встревожены ее отсутствием. Она им обещала вернуться днем и вот заночевала. Но что с самолетом? Почему управление так неопределенно отвечает на звонки лесхоза?

Утро не принесло ничего утешительного. Управление просило подождать до обеда. Не радовала и погода. Ветер стих, но с неба падал редкий снег. Похолодало. Решено было подождать Зарницкую. Если она не привезет определенных вестей, Анастасия Васильевна заберет с участка людей.

Зарницкая приехала в полдень. Она ворвалась в кабинет Зайцева и, не здороваясь, возмущенно заговорила.

— Безобразие! Мы сидим здесь, как на иголках, а они тянут время.

— Раечка, расскажи толком, в чем дело,— прервала ее Мелехова.

— Я же говорю: они просят денег. Понимаете, летчики отказались лететь, пока управление не даст аванс. Знают, что заменить их нечем, да и нельзя.

— Так что же решило управление? — спросила Мелехова.

— Аня, в управлении нет денег.

— Сколько хлопот, волнений, и напрасно,— вздохнул Зайцев.

— Что же, все-таки, сказал Иван Степанович? — спросила Мелехова, потемнев лицом.— Нам возвращаться в Петрозаводск?

— Управление надеется урегулировать вопрос,— устало отозвалась Зарницкая.— Но когда и как, мне ничего не сказали, Аня.

— Сколько ждать? — спросила Анастасия Васильевна.

— Я просила позвонить нам вечером,— ответила Зарницкая.

Междугородний телефонный пункт помещался на почте. Анастасия Васильевна заказала Петрозаводск, гостиницу. Она решила поговорить со Стрешневым. Ждала не больше двадцати минут. Администратор ответил ей: «Стрешнев занимает сорок второй. Сейчас его в номере нет».

«Предупредите, буду звонить через два часа»,— попросила Анастасия Васильевна. Ей вежливо обещали. Через два часа ей ответили: «Сорок второй будет в номере к четырем». Анастасия Васильевна два часа бродила по городу. Погода улучшилась, пебо прояснилось, потеплело. Ветер стих. Только сеять.

Радостный голос Стрешнева отчетливо зазвучал в трубке, словно он говорил рядом:

— Асенька, ты? Здравствуй, дорогая! Ты в Крутогорске? Что ты там делаешь? А я собираюсь лететь к тебе.

— Вы уже кончили расчеты с управлением? — перебила его Анастасия Васильевна.

— О чем ты? — в голосе Стрешнева зазвучала уже не радость, а настороженность.

— Вы двое суток требуете аванса.

Молчание, треск в трубке, потом вздох и тихие слова.

— Ты меня обижаешь. Зачем так резко! Ты не в курсе дела. Да, мы задержались. Мы ждем, пока управление переведет часть денег на наш счет. Наме право. В Ухте и Олонце с нашими расплатились до копейки, а мы просим хотя бы аванс.

— Послушайте, Виктор. Мы ждем вас в лесу, люди мерзнут, теряют дорогое время, волнуются. Не знаю, может быть, вы и правы, но я бы на вашем месте не стала ждать аванса.

— Но я не один, Асенька. Мои сотрудники...

Она повесила трубку.

Вечером все собрались в маленьком кабинете Зайцева. За двое суток все устали возмущаться, нервничать и ждать, и поэтому молчали. Даже Зарницкая, и та не кипела. Зайцеву то и дело звонили из лесничеств, зверосовхоза, славной конторы и других учреждений. Главное управление лесного хозяйства молчало. Наконец, междугородняя предупредила, что на линии Петрозаводск. Мелехова взяла трубку, и снова все в кабинете заволновались. Мелехова послушала, и на ее лице отразилось недоумение. Все ожидающе смотрели на нее.

— Ничего не понимаю! — воскликнула Мелехова и положила трубку не на рычажок аппарата, а на стол. В кабинете тоненько запели короткие сигналы зуммера. — Они отказались от аванса.

— Как? — в один голос воскликнули Зайцев и Зарницкая.

— Ничего не понимаю, — повторила Мелехова и развела руками. — Управление достало денег, собралось оповестить летчиков, и вдруг является Стрешнев и говорит, что им не нужен аванс и что завтра утром они вылетают на участок.

Анастасия Васильевна молча положила трубку на рычажок.

Собираясь обратно, она купила хлеба и консервов, и вскоре Бурап трусил по прежней дороге. Ее появление на участке сотрудники встретили шумной радостью. Они голодали целый день: все продовольственные запасы были съедены.

— А мы уже порешили утречком пуститься на розыски, Васильевна. Чего только не передумали с дядей Сашей! — сказал Рукавишников и стал заботливо готовить постель Анастасии Васильевне из парубленной хвои.

Ночью Анастасия Васильевна часто просыпалась. Лес, пронизанный призрачным светом белой ночи, казался неправдоподобным, сказочно-заколдованным. Мягкая красота ночи волновала, навевала светлую грусть.

Утром солнце медленно поднималось над озером. Темная вода светлела, золотилась. Лес огласился птичьим гомоном. Рукавишников разжигал костер, дядя Саша чистил картофель.

— Денек будет знатный. Не подвели бы летчики, — сказал Рукавишников, пристравив котелок с водой к огню.

Анастасия Васильевна смотрела на восток. Семь часов. Скоро прилетит самолет, чтобы приземлиться на лесной площадке. Рукавишников первый уловил отдаленный рокот мотора, первый различил в голубизне неба движущуюся точку.

— Летит! Летит! Вон — левее тучки. А может, пожарный?

Самолет приближался. Над озером он пролетел низко, покачал крыльями и взмыл ввысь.

На участок приехала Зарицкая, как всегда, живая, смеющаяся.

— Прилетели наши мучители. Видели самолет? Мелехова на площадке. Она даст команду. Первый вылет в девять. Готовьтесь.

— Мы, барышня милая, третьи сутки на взводе, — сказал дядя Саша, вынимая из мешка сигнальные флажки.

Ровно в девять над участком появился самолет. Обрадованный дядя Саша замахал флагом над головой.

— Опустите! — закричала Зарицкая, подбегая к леснику. — Забыли инструкцию? Ваш сигнал означает: «Работу не начинать. Подождать в воздухе».

Дядя Саша растерянно бросил флажок на землю. Самолет пошел на снижение, сделал над участком разворот. Анастасия Васильевна взяла флаг и, держа за древко двумя руками, подняла над головой. «Летать выше!» — принял сигнал летчик и плавно повел машину вверх.

На лесную землю упал золотой дождь сосновых семян.

Рокотанье мотора самолета над хирвилахтинскими лесами казалось лесоводам музыкой. Анастасия Васильевна вспомнила Ленинград, профессора Коропатова: «Авиация придет вам на помощь». Пока прилетел один самолет, на один день, чтобы провести опытный сев. Опытный... Это означает: будет засеяно маленькое лесное поле. Это только начало. Но оно вселяло надежду в сердца лесников. Настанет время, когда над лесными просторами не только Карелии, но и Дальнего Востока, Сибири, Урала — всюду, где прошла пила лесоруба, полетят сотни самолетов, чтобы посеять новый лес на вырубках.

Весна — пора сева хлеба. Человеческий разум не может допустить, чтобы люди хотя бы одну весну не посеяли хлеб. Весна — пора сева лесов на вырубках. Люди должны серьезно задуматься над судьбой леса и не упускать ни одной весны.

Весной вся страна следит за сводками сева хлеба во всех уголках родины. Придет ли время, когда в газетах появятся такие сводки о лесах: «Лесоводы Сибири закончили весенний сев лиственницы на площади миллион гектаров». «Аэросев хвойных в Карелии проходит успешно». «На Дальнем Востоке плохо готовятся к весеннему севу пихты. Нужно мобилизовать все усилия»... и так далее?

— А на самом деле, Настасья Васильевна, придет ли такое время? — спросил Рукавишников, когда самолет улетел на площадку для заправки. — Слушал я тебя и думал: наш народ все может, только взяться с охотой — горы свернет.

Дядя Саша снял с огня котелок, налил три кружки чаю:

— Пейте, други, чашк.

Куренков водил Анастасию Васильевну и Парфенова по свежей вырубке. Придаться лесоводам было не к чему: хвойный тонкомер и лиственные спилены, порубочные остатки и валежник сожжены.

— Принимаете, начальники, вырубку, а? Стеклышко!

— Ничего. Нас устраивает,— ответила мастеру Анастасия Васильевна.

Губы Куренкова скривились в хитровой усмешке:

— По совести признаться, надоело нам и штраф платить, и ваши нарекания слушать. Порешили мы: убрать вырубку и не связываться с вашим братом.

— Золотые слова! — рассмеялась Анастасия Васильевна.— Давно бы так. А почему березу оставили?

На вырубке одиноко стояла береза, покрытая пестро-зеленым пухом. Безлистые ветви свесились на ярко белеющий ствол.

— Ребятки мои оставили. Березовый сок пили,— объяснил Куренков.

Из надрубленной топором березы в берестяное корытце медленно стекали капли целительной влаги. В корытце лежал крохотный ковш из бересты. Анастасия Васильевна напилась освежающей соковицы.

Колокол оповестил конец работы. На соседней делянке трактор потянул последнюю пачку хлыстов. Второй трактор чернел на эстакаде. Тонкий свисток мотовоза прорезал воздух, и множество свистков ответили ему из далеких лесных тайников.

— Сергей привез «якори»,— сказала Анастасия Васильевна, взглянув на мотовоз, потом на Куренкова.

Мастер понимающе кивнул головой.

— Не беспокойся, Настасья Васильевна, наши не подведут.

Дело в том, что только рабочие мастерского участка Куренкова обещали помочь в севе. «Дружки-мастера» наотрез отказались. «Мы ничего не обещали. Нас свой график поджимает. Рабочие к концу смены устают, до лесоводов им? Тракторы мы бережем. А вдруг поломка? Лесникам поможешь, а себя закопаешь?»

Куренков разругался с ними, но «дружки» остались непреклонными. Анастасия Васильевна попробовала прибегнуть к помощи Любомирова. Он очень вежливо, очень внимательно выслушал ее и развел руками: «Дело добровольное. Он не может влиять, принуждать. И разъяснять он тоже не намерен: лесорубы не пиоперы, чтобы проводить с ними беседу на тему о долге перед обществом».

У эстакады Петя Захаров и Виктор Пеллисен заправляли тракторы газочуркой.

— Ну, ребятешечки, двигайте за «якорями». — Куренков ласково похлопал трактористов по плечам.

Наблюдая за Петей и Виктором, которые прицепляли к тракторам покровосдиратели, Парфенов заметил без всякой усмешки:

— Исторический момент. Первые представители техники в лесном хозяйстве Карелии. Первые и единственные.

— Первые, но не единственные, — возразила Анастасия Васильевна. — Зайцев говорил, что управление давало заказ Онежскому заводу на несколько штук. Может, в Кемии или Паданах, в Ухте или Олонце уже «пашут якорями».

Куренков с любопытством осмотрел незатейливое орудие рыхления почвы.

— Немудреная штука. Такой, извиняюсь, техникой завалить все наши лесничествовничества ничего не стоит. Скуповато ваше министерство, скуповато.

— Для первого раза и на том спасибо, — усмехнулась Анастасия Васильевна, вспоминая, сколько труда стоило добыть эти два стальных цветка.

С волнением она пошла за трактором. Лапы «якоря» сдирали мох, вонзались в твердую лесную землю, лязгали. «Якорь» легко перекашивался через пни и старательно делал свое дело.

— Ничего. Сойдет, — снисходительно бросил Куренков.

Анастасия Васильевна объяснила ему, что «якорь» за восемь часов вспашет столько же, сколько сделают вручную две сотни рабочих с мотыгой.

Куренков сделал свой вывод:

— Дать бы вам, лесоведам, стоящую технику! Подбросили бы вам хотя бы пару тракторов. Мои «рябчики» много не вспашут. Пять дней по два часа на двух машинах. Эх, кабы весь леспромхоз пришел вам на выручку!

Между тем, трактор нырял по вырубке, без усилий тащил за собой непривычный груз. Петя назвал «якорь» игрушкой. Рыхлить землю не хлысты возить. Пока соберешь в пачку шесть кубиков, семь потов сойдет. А пока дотащишь до эстакады?.. «Якорь» чудесно устроен. Один железки. Скрипят, тарахтят, глядишь, валют на валун и развалятся. Пахать придется пятидневку. По два часа после работы. Без всякой оплаты. Так просил Михаила Кузьмич. Он, Петр Захаров, не отказывается, хотя очень

устал после своей работы. Кованен похвалил: «По-комсомольски поступаешь» и просил не подвести. И мастер просил сдержать слово. А когда он, Петр Захаров, подводил или отказывался от своего обещания?.. На восьмом Виктор пашет. Посмотрим, кто больше сработает...

«Чего он разорался?» — недоумевал Парфенов, когда остался на вырубке один.

На восьмом участке Анастасия Васильевна увидела Баженова. Он стоял на высоком берегу реки Отрады. Она подошла к нему. Он улыбнулся, кивнул головой на трактор Виктора Пеллинена:

— Поздравляю. Наконец-то. Ваш «якорь» мне нравится. Несложное орудие. Но для Хирвилахти два «якоря» не спасение.

— Да, конечно. Два — это очень мало, почти ничего, — согласилась Анастасия Васильевна. — Но мы рады и этому.

Она задумчиво смотрела на бурливую реку, на вскипающие на камнях белые гребни волн. По воде неслись бревна. Они вертелись, сталкивались, тонули и снова всплывали. Молевой сплав! Хороша река! Ее цвет непрерывно меняется. Она то густо-синяя, то голубая, то почти черная. Течение быстрое, вокруг порогов растут и тают хлопья пены.

— Сплав идет хорошо, — довольно заметил Баженов, наблюдая за плывущим на восток лесом.

Над крутым обрывом стояла древняя старуха-сосна. Она потемнела от времени, кора ее потрескалась, местами облезла. Обнаженные корни вросли в каменистую почву и сами казались каменными. Сосне было лет двести пятьдесят. Лес вокруг был вырублен. Анастасия Васильевна смотрела на сиротливое дерево. За рекой — серая извилистая равнина. Пустыри. Далеко-далеко отодвинулись заречные леса, синяя зубчатая полоса тонет в дымке. Сколько заброшенной лесной земли!

Анастасия Васильевна вздохнула. Да, Баженов прав: два «якоря» не спасение.

Баженов пошел по берегу реки, по течению. Его беспокоил сплав у деревни Отрада, где река делала крутой поворот. Анастасия Васильевна осталась у древней сосны и со стесненным сердцем глядела на давние вырубки — необозримые пространства, покрытые дерном, кустарником. Сколько лет будет ждать эта мертвая пустыня,

чтобы ее оживили буйные леса, посеянные человеком.

Приехал Зайцев. Трактористы уже закончили свою добровольную работу. На вырубку пришли объездчик и дядя Саша. День незаметно сменился светлым вечером. Зайцев осматривал «пашню», цеплялся сапогами за лапы шней, прикидывал, сколько успеют трактористы за пять дней.

Дядя Саша поднес ему ковшик с березовым соком. Зайцев выпил, поблагодарил.

— Оно, конечно, спасибо управлению,— начал спокойно Рукавишников, сбивая мох со стальной лапы «якоря». — Плужок дали, а лошадок нету. Надежда была на леспромхозовские трактора, однако кроме Куренкова, никто на подмогу не вышел. Этими «якорями» да полный день работать две недели кряду. Рабочим Куренкова спасибо за помощь. Сколько сработают, все паше. Однако нельзя нам успокаиваться. Наше хозяйство здорово запущено.

— Да, конечно,— вздохнул Зайцев.— Что поделаешь? Общее положение такое. Да...

На склад пришел порожняк за древесиной. Анастасия Васильевна, Парфенов и Зайцев сели в вагончик. Рукавишников пошел ночевать к дяде Саше.

Вечером Куренков явился в лесничество к приятелю.

— Ну, Гаврюха, великий пост кончился,— хитро подмигнул он, выставляя на стол бутылочку «столичной». — Выпьем за твоё выздоровление. Где рюмки?

— В тумбочке. Только уговор: без песен.

— Я понимаю, Гаврила. В этих хороминах — ни простора, ни воли. Давай-ка, соберем твоё барахлишко, да и махнем в твою избушку на курьих ножках.

— Нет, Михайла. Я, пожалуй, здесь останусь. — Парфенов поставил на стол сковороду жареных окуней.

— Здесь? На всю жизнь? — удивился Куренков.

Парфенов молча кивнул головой.

— Под контролем начальства?

На шутку друга Парфенов ответил серьезно, что он хочет жить с людьми. Куренков налил в рюмки водки.

— Выпьем, Гаврила, по такому случаю.

Друзья чокнулись.

— Послушай, Михайла,— начал Парфенов, любивший поделиться с другом своими мыслями, единственным человеком, которому он выкладывал все, что ему приходило в голову.— Думал я, думал, почему ликвидировали Министерство лесного хозяйства и не нашел ответа. Размышлял я и над таким вопросом: почему лесная промышленность не отвечает за состояние леса на вырубках. Твой Любомиров сегодня подчеркнул: на нас, мол, не надейтесь, министры у нас разные, наш рубит, ваш сеет, управляйтесь, мол, сами. Будь у вас и у нас общий министр, приказал бы он твоему Любомирову отвечать не только за лесозаготовки, но и за будущий лес. Вырубил, товарищ директор, лес, не забудь вместе с лесоведами посеять новый.

— О, да ты министерская голова!— рассмеялся Куренков, намазывая ломтик хлеба горчицей.— А я и не знал, с кем дружбу веду.

— С тобой серьезно не поговоришь,— махнул рукой Парфенов и придвинул к себе сковороду с рыбой.

За стеной забренчала гитара. Коля запел: «Летят перелетные птицы». Куренков слушал, устремив погрустневшие глаза в одну точку.

— Михайла, эту мы можем. Без шума, пристойно.

— Давай,— восторженно воскликнул Куренков.

— «А я остаюсь с тобою, родная навеки страна»,— хрипловатым тенором подтянул Парфенов невидимому Коле, густой бас Куренкова помог ему: «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна».

— Хорошо поют,— вздохнула Матвеевна, опуская вязанье на колени.

На Отрадненском пункте устанавливали погрузочный автокран. Когда все монтажные работы были закончены, Любомиров не стал дожидаться, пока погрузят древесину на платформы, пошел пешком напрямик через вырубки, в сторону Краснолесья, где недавно было начато строительство верхнего склада и магистрального волока.

Погода стояла обычная для весенних дней в Карелии: солнце и дождик попеременно, но в природе, все-таки,

чувствовалось внешнее тепло. На полянах пробивалась первая трава, вышли на свет несмелые подснежники, на ольхах обозначились красно-коричневые сережки, а у осины заметно разбухли почки. Любомиров любил в одиночестве бродить по лесу, и хотя служебные заботы все время были с ним, он все же отдыхал в привычном ему с детства лесном мире. Он изредка останавливался, смотрел в лазоревую глубь неба, слушал крики перелетных птиц, безошибочно определял журавлиные караваны, утиные стаи, вереницы диких гусей. Под его сапогами хрустели сучья, ветки, шелестела хвоя срубленных ершиков. Часто ему попадались срубленные и брошенные рабочими тонкие сосны и ели. Вырубка была так захламлена, что затрудняла ходьбу. «Не зря лесоводы обижаются! Ключка чистой земли не увидишь. Добра пропадает на немалую копейку. Надо поговорить с нашим народом», — подумал Любомиров, чувствуя усталость от путешествия по захламленной лесной земле.

За вырубкой началась полоса нетронутого леса. Любомиров достал было папиросу, но курить раздумал: не хотелось перебивать аромат смолистых почек табачным дымом. Он глядел на лес и привычно прикидывал, сколько кубометров деловой древесины в соснах и елях, что попадались в поле его зрения. Барабанный стук в сушняке вызвал на его усталом лице улыбку, зоркие глаза различили лесного работника — дятла. «Стараясь, дружище!» — по-мальчишески крикнул Любомиров и постучал по сушине кулаком. Дятел перелетел на соседнее дерево и вновь занялся своим делом.

В глубине леса тянулась узкоколейная железная дорога. Деревянные сваи часто и прочно вбиты в неустойчивую лесную почву, на шпалах — березовом кругляке — рельсы, на края шпал кое-где брошены горбыли. Любомиров знал, рабочие ходят на участки работ по шпалам, по единственному пути в лесу среди зарослей кустарников и болотных топей. По шпалам ходить, конечно, небезопасно — настил довольно высокий, но другого выхода не было. Любомиров привычно ступал на мокрые от утреннего дождя шпалы и, как всегда, не думал, что можно оступиться или поскользнуться и, в лучшем случае, получить ушибы.

На повороте, за горелым лесом, он вдруг увидел женщину. Она шла между рельс неторопливым, уверенным шагом, будто шагала не по редкой решетке свай, а по асфальтированной дорожке. Она была в черных рабочих брюках и суконной жакетке с беличьей опушкой. Через плечо свисала кожаная коричневая сумка. Женщина оглянулась, и он узнал лесничую. Она продолжала свой путь, но, как ему показалось, несколько замедлила шаги. Встречаясь Любомурову с ней не хотелось, но свернуть было некуда, чтобы ее обойти—по обе стороны дороги густая щетка осинника; плестись за ней он тоже не желал, поэтому он решил обогнать ее, оставить позади.

Любомуров ускорил шаги, намереваясь поздороваться с лесничей, спросить из приличия, куда она идет, и сразу же уйти вперед. Через несколько минут он поравнялся с ней, сказал вежливо, с полуулыбкой, коснувшись рукой фуражки:

— Добрый день.

— Здравствуйте,— ответила она, на миг повернув голову, и вдруг испуганно вскрикнула: нога ее скользнула мимо шпалы.

— Осторожно! — крикнул Любомуров, бросаясь ей на помощь.

Он помог ей подняться. Она поблагодарила, морщась, потерла колено.

— Что, очень больно? — спросил он с участием, поддерживая ее за локоть.

— Ничего... Пройдет. Спасибо, Николай Алексеевич.

— Идти можете?

Она, прихрамывая, сделала два шага.

— Вот что, давайте-ка мне вашу руку,— сказал Любомуров тоном дружеским, но не допускающим возражения.

Анастасия Васильевна взглянула на него и, помедлив, протянула руку.

— Вот видите, и я вам пригодился!

Минуты две они шли молча. Анастасия Васильевна ступала осторожно, чувствуя крепкую руку своего невольного попутчика, а он изредка поглядывал на нее, на ее упрямый подбородок, на высокую прическу под цветным легким шарфиком. Он спросил, куда она шла.

— В Краснолесье,— ответила она, стараясь не прихрамывать.

— Нам по пути,— заметил Любомиров.

Анастасия Васильевна была довольна, что ходьба по шпалам скоро кончилась и от развилки по утоптанной рабочими тропе идти было не так трудно. Она освободилась от руки своего попутчика, поблагодарив его за помощь. Они пошли рядом по широкой тропе. Конечно, в поселке, конторе или на лесосеке они говорили бы только о деле, но теперь, когда они оказались в лесу один на один и впереди предстоял часовой путь, они невольно стали перебрасываться фразами, в которых житейское переплеталось с деловым, и с некоторым тайным любопытством стали присматриваться друг к другу, осторожно, украдкой. Ведь до этой встречи они знали друг друга только в сугубо служебной обстановке, сталкиваясь только по деловым вопросам.

Поговорили о погоде: нынче весна дружная, лебеди прилетели, по зорям поют косачи,— помолчали немного, потом заговорил Любомиров:

— Раньше всякой перелетной птицы к родной стороне летят лебеди. Помню, в войну, бывало, весной выйдешь из землянки, увидишь в небе лебедей, услышишь, как они в серебряный рог трубят и так затоскует твоя душа, что нет сил...

— Вы воевали в наших лесах?— спросила Анастасия Васильевна, как-то по-новому воспринимая и слова, и голос Любомирова.

— Всюду пришлось. В наших и чужих. Война была долгой. Старый поселок наш белофинны заняли в сентябре сорок первого. Уходили мы из поселка, минировали дорогу, пробирались в Ладву по Шелтозерской дороге. Помню первый бой с оккупантами на дороге. Взорвали восемь машин...

Любомиров говорил обрывками фраз, додумывал про себя.— Под Медвежьегорском меня дважды ранили. Да, было всякое... О Петрозаводске спрашиваете? На озере фашисты убили двенадцать человек. Двенадцать из нашего отряда, трое были рабочие из нашего поселка.

И снова молчание. Только хрустят камешки да валежник под ногами.

— Старый наш поселок оккупанты сожгли дотла,— продолжал Любомиров глуховатым голосом.— Все уни-

чтожили: жилые дома, школу, больницу, клуб, мастерские, депо... На шоссе и железной дороге сожгли все мосты. Варварски вырубали лес, жгли уголь, отправляли к себе на родину наше добро. Саранча... Когда я вернулся домой, то увидел целой только одну нашу старую контору, оплетенную колючей проволокой. Лагерь военнопленных.

Любомиров расстегнул свое выдавшее виды кожаное пальто, сдвинул фуражку на затылок, обнажив седой ежик волос над морщинистым лбом. Лицо его было суровым и задумчивым.

— А жители?— спросила Анастасия Васильевна.

— Жители?— повторил Любомиров, очнувшись от своих дум.— Не все наши семьи успели эвакуироваться. Тот, кто остался, хлебнул горя немало. Женщинам пришлось работать в лесу, на оккупантов. Старикам тоже. Непосильный труд, голод, неволя. Многие умерли...

— Подумаешь, и становится жутко от одной мысли: наша земля — и рабство. Но это никогда не повторится.— Анастасия Васильевна сдвинула брови.— Никогда.

Краснолесье было где-то еще впереди. Любомиров рассказал, как «оживал» леспромхоз, как строился поселок, приезжали завербованные рабочие, как множились кадры рабочих и росла материально-техническая база предприятия. Потом заговорил о перспективах леспромхоза. Рубить пока есть что. Леса в Хирвилахти первосортные. Одно Краснолесье чего стоит! О своем деле он говорил с воодушевлением. Анастасия Васильевна понимала его: в труде этот человек видел цель своей жизни, лесному делу он отдал много лет, коллектив лесозаготовителей уважал его: он очень хорошо знал лесную промышленность, под его руководством за долгие годы заготовлены миллионы кубометров леса, поэтому ему прощали часто резкость его характера, излишнее честолюбие. И неожиданно у нее возникла потребность поговорить с ним так, как она еще никогда с ним не говорила. Скоро они придут на лесосеку, там народ, дела... Против обыкновения она почувствовала, что волнуется, не находит нужных слов, для начала хотя бы.

— Николай Алексеевич, я хочу сказать вам... Мне хочется сказать вам все, что сейчас меня тревожит.

О деле, конечно... И о вас... Да, я выскажу вам все, что я думаю. Попытаюсь объяснить.

Анастасия Васильевна заговорила горячо и необычно для нее сбивчиво. Ее лицо залила густая краска, голос от волнения прерывался.

Нам с вами трудно, вы это знаете. Но я не о себе, я о деле... Вы знаете, лесничество наше небольшое. Всего восемь человек. Но люди хорошие. И даже Парфенов, несмотря на его недостатки — человек неплохой. Он понял, что только в коллективе он — человек. Уважение можно заработать только честным трудом. Но я и не о Парфенове хочу говорить. Что нас сейчас тревожит, Николай Алексеевич? Наш весенний посев. Мы начали готовиться. Лесничеству приходится трудно. Очень трудно... Ни рабочих, ни машин. Но терять время, разве мы имеем право? Мы надеялись на вас. Почему вы нам не помогаете? Почему? Мы думали над этим... — Шарфик Анастасии Васильевны сполз на плечи, она не поправляла его. Она старалась встретить взгляд Любомирова, но он шел прежним, размеренным шагом, глядя прямо перед собой.

— Ну, и что же вы надумали? — спокойно спросил он.

— Вся беда в том, что вы никогда не задумывались над судьбой леса. А должны были. Ведь вы воевали за наш лес, Николай Алексеевич... И лес вас, партизан, прикрывал от врага.

Несколько минут они шли молча по глухой лесной дорожке.

— Дядя Саша, наш лесник говорит о вас: «Любомирову, мол, некогда думать про нас. У него свой план, да и хлопотно возиться с новым лесом. И потом Парфенов приучил, дескать, лесорубов хозяйничать без контроля. У самого лесничего не болела душа за лес...» Конечно, мы, лесоводы, сами во многом виноваты. У людей надо воспитывать бережливое отношение к лесу, прививать любовь, будить в каждом рабочем сознание ответственности за лес...

Анастасия Васильевна помолчала. Она ждала слов Любомирова, но он не отзывался.

— Нам с вами работать еще много лет, Николай Алексеевич. И только вместе с вашим коллективом мы поднимем вырубку. Лесничество не отделяет себя от лес-

промхоза. Почему же вы нас отделяете от себя? Дело у нас общее. Вы — директор, и очень важно, какой пример вы подаете рабочим. Я не говорю, что мы совсем одиноки. Нам помогают. Куренков, его рабочие. Молодежь поселка собрала много семян, очистила вырубку от древесного хлама, трактористы пропахали «якорями» участки под посев хвойных...

Тропинка повернула к Краснолесью. Стук мотора электростанции смешивался с перестуком топоров и визгом пил. Рабочие строили эстакаду. Любомиров вглядывался в густоту соснового бора.

— Говорят, у нас с вами «вражда». Да, «вражда», если под этим словом подразумевать непонимание. Но, Николай Алексеевич, покончить с непониманием в нашей власти. Нужно только ваше искреннее желание.

Любомиров внимательно посмотрел на лесничую:

— В том, что вы говорили, есть своя правда, Анастасия Васильевна. Но взять на себя ответственность за выращивание нового леса я не могу: у меня своих хлопот по лесозаготовке выше головы. Обижаться вам на нас не приходится: как-никак, а наши лесничеству помогают.

Тропинка оборвалась возле груды горбылей и бревен. Любомиров заторопился к эстакаде. Среди рабочих Анастасия Васильевна увидела Баженова и Куренкова. Главный инженер что-то объяснял мастеру, показывая рукой на остов эстакады. Анастасия Васильевна подошла к ним.

— А мы вас ждем, — приветливо улыбнулся Баженов, протягивая ей руку. — Здравствуйте. Очень хорошо, что вы пришли. Мы хотим волок повернуть влево, но на пути ваша куртина.

— Куртинку можно двинуть чуток влево безо всякого ущерба, — подхватил Куренков, в свою очередь здороваясь с лесничей. — Лесок по соседству я обследовал. Что называется, племенной.

— Посмотрим, — неторопливо отозвалась Анастасия Васильевна, отыскивая в своей сумке чертеж. — Если можно, передвинем.

Директор, главный инженер и мастер склонились над чертежом, который лесничая разложила на свежеструганных досках эстакады.

Поезд Ленинград — Кемь приближался к Хирвилахти. В уютном купе на диване спал Генка, убаюканный мерным покачиванием вагона. У столика сидела Нина в элегантном черном платье и машинально листала журнал. Скоро конец ее пути. Она видела себя в продолговатом зеркале, вправленном в голубую стену купе. Бледное, утомленное лицо, лиловые тени под глазами, сухие морщинки у рта. Нина тяжело вздохнула и отвела глаза к окну. За широким окном вагона плыли облака, бежали деревья, телеграфные столбы. Среди сплошных чащ смешанного чернолесья и краснолесья изредка мелькали синие озера. Знакомый северный пейзаж усиливал тоску и тревогу. Как встретит ее Алексей? Она не писала ему ни строчки. Лучше приехать так... А если у него есть другая? И эта «другая» и Алексей не пустят ее на порог? Сердце Нины тоскливо заныло.

Ах, какой негодяй Аркадий! Он заставил ее унижаться, льстить, заискивать перед ним. Как она могла, как она могла себе это позволить? Как она ошиблась, боже мой! Когда она сказала: пора оформить их отношения, она начнет развод с Алексеем, он поцеловал ее руки с самой нежной улыбкой и уклонился от прямого ответа. «Успеется, Ниночка. Какое это имеет значение?» После провала диссертации стал раздражителен, груб с ней. «Ты мне надоела со своими жалобами», «Не нравится, расстанемся». И это после того, как она отдала ему столько ласки, столько тепла. Алексей за десять лет жизни с ней ни разу не разрешил себе сказать ей грубое слово. Он любил ее, а этот... Подлый, низкий человек! «Ты пожила бы, Ниночка, у мамы. Мне нужно побыть одному, сосредоточиться. Я пишу все заново. Это нелегко». Она поверила ему, ушла на квартиру матери. Вначале он звонил ей, они встречались, ходили в театр, в гости, а потом он перестал ей звонить, сам не подходил к телефону, не открывал на ее стук дверь своей квартиры. Она писала ему, он не отвечал. И, наконец, она увидела его на Невском, под руку с молодой женщиной. Он сказал: «Здравствуйте, Нина Петровна!» — и улыбнулся ей...

В купе постучали. Проводник — строгая девушка в белой куртке поверх формы, принесла чай. Проснулся

Генка. Нина одела, умыла мальчика. Генка пил чай, сыпал крошки на бархатную курточку, беспокойно ерзал, тянулся к окну. Нина часто поглядывала на ручные золотые часики. Время бежало. Скоро станция...

Нина открыла чемодан. Среди вещей лежала черная коробочка. На малиновом бархате — авторучка и карандаш с изящной отделкой. Подарок Алексею.

С верхней полки слезла девушка. На пей было простенькое полосатое платье с белым воротничком.

— Доброе утро! — певуче заговорила девушка.

Она была такая же свежая и ясная, как утро за окном вагона. Нежный овал лица, бронзовые завитки волос на лбу, карие, с мягким блеском глаза, чистые и правильные черты лица. Вчера вечером, за минуту до отхода поезда, девушка вбежала в купе, бросилась к окну, застучала в стекло и кому-то закричала, задорно, молодо: «Пиши каждый день! Слышишь, каждый день»... потом, когда тронулся поезд, забралась на полку и проспала до утра. За чаем девушка охотно рассказала о себе. Она — выпускница Лесотехнической академии имени Кирова, едет на работу в Хирвилахти. В прошлом году она была там на практике. Ей понравился леспромхоз. Техника богатая, лесная площадь огромная — несколько сот квадратных километров, квалифицированные кадры рабочих, а у главного инженера Важенова есть чему поучиться.

— А нас папа на машине встретит, — хвастливо заявил Генка.

Девушка, узнав, кто ее попутчики, с уважением смотрела на Нину. Жена главного инженера... Красивая. Мальчик очень похож на отца.

— Вам нравится ваша специальность? — спросила Нина.

-- Конечно!

Девушка стала с жаром рассказывать, как трудно было учиться на лесоинженерном факультете. Не все ее подруги дотянули до выпуска. Одни вышли замуж и бросили академию, другие перебрались на более легкие факультеты.

— Меня оставляли при кафедре профессора Андреева, но я попросила послать меня в леспромхоз. Хочу поработать, накопить опыт, а потом заняться научной работой.

«Она рассуждает, как Алексей», — подумала Нина.

Генка забрался на столик, высунулся в окно.

— Нельзя, мой мальчик. Папа огорчится, если простудишься.

Нина посадила сына рядом с собой, обняла. Вот ее защита. Ради сына Алексей простит ее.

— Мама, а папа нас встретит на машине, да? — нетерпеливо вертелся Генка.

Нина застегивала курточку сына и объясняла ему, что папа на работе, в лесу.

Когда проводник сказал, что поезд прибывает в Хирвилахти через десять минут, Нина почувствовала слабость в ногах, противный сосущий холодок под ложечкой. Замок чемодана не закрывался, у нее дрожали руки. Девушка помогла ей.

Поезд заметно сбавил ход и, наконец, остановился. Генка запрыгал, завопил:

— Приехали! Мама, приехали!

49

Майское утро. Из-за леса медленно выплывало солнце. Лучи золотили верхушки деревьев. Засверкала роса на вырубках, укрытых первой весенней травой. Птицы чисто и звонко щебетали в лесной чаще. Прозрачный океан голубого воздуха неподвижно висел над тихой землей. Зеркальное озеро отражало небосвод до малейшего сквозистого облачка. Лес гляделся в его прозрачную глубину. Солнечные блики заиграли на бледной зелени берез, пропитанной ароматной смолой. Ели потянули к солнцу тяжелые бархатистые лапы, матовые от холодной ночной росы. В их ветвях тоненько посвистывали рябчики. В березовой роще лилась незатейливая песенка зяблика. Где-то в глубине леса работяга-дятел долбил крепким клювом сушину. Над дремлющим озером скользили быстрокрылые чайки, сверкая на солнце белоснежными брюшками.

Тишину леса всполошил пронзительный свисток мотовоза. Поезд привез участников воскресника. Почти вся молодежь поселка приехала на рубку сеять новый лес. На пустырях запестрели щиты из фанеры. На щитах — призывы: «Каждый живущий в нашем поселке должен бросить в лесную землю горсть древесных семян!», «Поможем рождению нового леса!», «Комсомольцы, сажайте

лес на вырубках!». «Каждый обязан в своей жизни вырастить дерево!» Бригада Тойво привезла свой щит и укрепила на своем участке: «Здесь будут расти и шуметь леса коммунизма».

Тойво, Иван, Хельви, Оксана и еще семь девушек, вооружившись «царапалками», сеяли семена хвойных. Посевом руководил Парфенов. Забыв о больной ноге, он шустро бегал по участкам. Он чувствовал себя нужным человеком. Анастасия Васильевна то и дело обращалась к нему за советом. Парфенов гордился. Кто лучше его знал почвы? Кто мог подсказать, где лучше сеять сосну, ель? Держи голову выше, Гаврила. Твои способности оценили, тебя стали уважать. Парфенов шутил с молодежью, смеялся. В глазах, всегда сонных и равнодушных, появился блеск.

Рабочие мастерского участка Куренкова подготовили вырубку к посеву. Лиственный и тонкий хвойный лес весь убрали. Куренков оказался верен своему слову до конца. Дядя Саша с рабочими сажал ель. Саженцы вырастили в питомнике лесничества. Рукавишников организовал «женскую дивизию» — колхозниц своей деревни. Лесничество закрепило за колхозницами лесные участки. На них они имели право косить для себя сено, но за это должны посеять на своем участке лесокультуры и ухаживать за всходами. Женщины трудились добросовестно. Мотыги, грабли, лопаты — все пошло в ход.

В теплом весеннем воздухе стоял гомон. Пели и смеялись молодые голоса. Звенел ребячий смех: школьники тоже помогали взрослым. Дятел, вспугнутый шумом и гамом, давно улетел в глубь леса. Над озером продолжали кружить невозмутимые чайки: их не пугал людской гомон, рокотанье трактора. Высокое солнце щедро поливало землю и людей ласковым теплом.

После обеда приехал Кованец, как всегда, подтянутый.

Кованец прошелся по вырубке, взял у Оксаны «царапалку», поскреб землю.

-- Сеять, товарищ парторг, надо по микро-по-вышениям, — с удовольствием произнесла Оксана трудное слово, которое она не раз слышала из уст Парфенова. Смуглые щеки девушки горели бордовым румянцем, карие глаза сверкали из-под черных густых ресниц, свежий рот улыбался, показывая ровные белые зубы.

— Что? — переспросил Кованен.

— Сеять, говорю, надо по бугоркам. Между лапами пня — пояснила Оксана, не рискуя повторить сложный термин.

— А-а,— неопределенно отозвался Кованен и передал девушке «царапалку».

Оксана ловко управлялась с мотыгой. Сухощавые руки ее так и мелькали. На круглой спине, обтянутой красной кофточкой, шевелились змейками тугие черные косы.

А Кованен смотрел на жалкий кусочек металла, клюющий неподатливую землю, и вспоминал шагающий экскаватор, который он видел на строительстве Куйбышевской ГЭС. «Да,— размышлял он.— Лесоводы — героический народ. Велика их любовь к своему делу, лесу, если они столько лет трудятся на лесной земле с мотыгой в руках. А в самом деле, почему лесное хозяйство страны заброшено? У нас есть значительный отряд ученых — лесоводов, изобретателей, конструкторов лесных машин, есть министерство, которое должно заботиться о процветании лесного хозяйства страны. Что может сделать армия производственников-лесоводов без технического вооружения?»

Анастасия Васильевна проводила парторга на вырубку, где Петя «пахал» покровосдирателем. Кованен молча смотрел на незатейливое орудие, которое легко тащил трактор, на бухгалтера Колю и моториста Сергея, высевавших на пашне древесные семена.

— Вы надеетесь, что эта конструкция совершит переворот в лесном хозяйстве? — спросил он, кивнув головой на прыгающий по пням «якорь».

— Нет, Павел Антонович, «якори» — только начало. Мы рассчитываем на лесные машинные станции. Их пока нет, но они должны быть. Но, прежде всего, мы надеемся на ваших людей, на ваше сознание. Механизация лесхозов и наш с вами союз совершат переворот в лесном хозяйстве.

Кованен молчал, но Анастасия Васильевна чувствовала, что если бы он ответил ей, он нашел бы другие слова, не те, что она слышала от него год назад: «Мы должны заботиться о судьбе нового леса? Такой установки леспромхоз не получал».

После обеда приехал Любомиров. Он по-хозяйски шагал по вырубке, здоровался с участниками воскресника. Любомиров и виду не показывал, что его самолюбие задето. Обошлись без него. Кованен «повлиял» на молодежь, Куренков из кожи вон лез, агитировал своих рабочих, пришли и колхозницы.

Любомиров глядел на вырубки. Сколько народу! Пожалуй, это первый воскресник в лесах Карелии. На дальнем участке зазвенела песня. Она разбудила давно забытую юность, годы гражданской войны, первые годы революции. Когда-то и он был комсомольцем, ходил на субботники, пел песни. Тогда тоже были хорошие песни, суровые, мужественные...

Любомиров посмотрел на Анастасию Васильевну. Она что-то объясняла в стороне девушкам.

«Не хочет подойти и поздороваться королева лесная! — Любомиров усмехнулся. — Добилась-таки своего! Вывела всех на посев леса. Ну что ж! Настойчивым дорога! Пусть старается!»

— Павел Антонович! — крикнул Любомиров, увидев парторга.

Кованен подошел к нему, поздоровался.

— Надеюсь, они довольны нашими?

— Лесоводы? — переспросил Кованен. — Не очень. Самоцветова сказала, что на будущий год они ждут от нас более действенной помощи.

Глаза Любомирова округлились.

— Скажите пожалуйста, они ждут. Какпе пенасытные! Пусть скажет спасибо, что наши вышли на сев. Нельзя идти у них на поводу, Павел Антонович. — Им не мешает помнить, что от карельского леса прежде всего ждут древесины, а не эти затей, — он показал на лесосеку.

Кованен молчал. Любомиров надел фуражку, спросил. Идет ли он в поселок и, получив ответ «нет», направился к развилке.

А на вырубках продолжали звучать песни молодежи.

— Слушай, Тойво, — сказала Хельви своему земляку. — Сколько в Карелии комсомольцев?

— Не знаю.

Тойво очистил зубья «царапалки» от древесного мусора и ждал, что скажет Хельви дальше. Девушка держала на ладони коричневые семечки. Будущие сосны.

— Я тоже не знаю, Тойво, но думаю — много. Карелия большая. Если каждый комсомолец скажет себе: «Я живу в Карелии. Я люблю ее и хочу, чтобы она всегда была красивой, богатой. Я должен бросить в нашу землю горсть древесных семян»... Тойво, если каждый комсомолец это сделает, то сколько вырастет деревьев, а? Ребятам надо подсказать, и они, как мы, начнут сеять новый лес. Вот увидишь, Тойво, начнут. И в Ладве, и в Пряже, и в Кемии...

Хельви задумчиво глядела на далекий лес, еще не тронутый лесорубами. Она родилась в лесной деревушке, выросла на берегу лесного озера. Лес был для нее родным, живым существом. Она не могла себе представить родные края без сумеречного бора, без веселых березовых рощ, убранных весной в зеленые сережки, а осенью в золото, без пенья птиц и вечного шума сосен — самой красивой музыки на земле.

— Тойво, мы скажем всем комсомольцам, всей молодежи, что живет в лесных краях нашей страны: «Ребята, сажайте и сейте леса на вырубках». Они поймут нас, Тойво. Правда, поймут?

— Да, Хельви. Мы им скажем. А как? Посоветуемся с ребятами.

— Непременно, Тойво, непременно. — Хельви бросила щепотку семян в лупку и любовно прикрыла землей. Тоненькая, как молодая березка на опушке леса, Хельви походила на Тойво, как родная сестра. У обоих были светло-русые волосы, голубые глаза, как цвет воды лесного озера, тонкие правильные черты лица.

К концу дня Анастасия Васильевна отмечала на карте засеянные участки. Восьмой, девятый, десятый, еще пять старых вырубок, три участка, обработанные «женской дивизией». Карта пестрела кружочками — посев предыдущих дней, синее поле на карте — аэросев, а остальное пустыри. Их много. Они остаются...

...Поезд в лес привел Сергей. На груди мотовоза белой краской выведено: «Миру — мир». Участники воскресника заполнили вагончики. Лес расступался перед поездом, кивал ему ветвями. Из вагончиков в лесную весеннюю тишь неслись песни. Анастасия Васильевна сидела у открытых дверей, на скамье и смотрела на лес, бегущий навстречу необычному поезду. Владения Отрадненского лесопункта. Краснолесье. Сосны. ели. Кое-где вплетается

изумрудная зелень берез, ольхи, осины. Редко промелькнет моховое болото. Казалось, лесу нет конца и края. Но вот не проходит и часа езды, как зеленое море остается позади и взору открываются необозримые пространства. Вырубки. Пустующая лесная земля, отданная человеком во власть лесным сорнякам, болотам. Грустно глядят в бледно-золотистое небо одинокие сосны-семенники, сиротливо чернеют редкие островки куртин.

В вагончике шумела, смеялась молодежь. Бригада Тойво сидела тесным кружком. Голосистая Оксана, перебивая всех, требовала тишины. Вспыхнула песня. Молодые звонкие голоса пели о калине у ручья, о девушке, полюбившей парня «на свою беду». Рукавишников ушел в глубь вагончика, прилег на охапку березовых веток. Анастасия Васильевна прислонилась виском к косяку двери, слушала песню. На душе у нее было легко и радостно. Она думала о том, что с поезда пойдет прямо к Алексею Ивановичу. Она расскажет ему о мире и согласии в ее коллективе, о планах на будущее. Она пойдет к нему, чтобы увидеть его, услышать его голос. Она скажет ему, что любит. Будь, что будет, она не станет скрывать свою любовь...

В это утро у Баженова было хорошее настроение. Ему легко писалось. Перо летало по бумаге, мысли текли плавно, без усилий. Баженов работал над диссертацией. Временами он поглядывал в окно. Солнце светило ласково, мягко. Новый дом напротив, обшитый досками, золотился, празднично белели наличники окон. На крыше прыгала воробьиная стайка. Из-за печной трубы к пичугам кралась полосатая кошка. Откуда-то свалился на крышу камень, спугнув кошку и воробьев. Баженов склонился над столом, подумав о том, что вечером он непременно заглянет в лесничество. Анастасия Васильевна расскажет ему о воскреснике, а он поделится с ней своими мыслями. Он привык рассказывать ей о каждом новом разделе, который прибавлялся в его работе. Она умела слушать и задавала дельные вопросы. В беседе с ней его собственные мысли принимали более четкую форму и ясность.

Мимо окон проехал грузовик, задрожали стекла. Баженков услышал в коридоре шум шагов. Он не успел отложить перо.

— Папа! Пап-ка!

С порога к нему метнулся Генка и охватил его ноги. Баженков поднял сына на руки, прижал к груди. Теплая волна прилила к сердцу. Он осыпал поцелуями стриженую голову сына, все еще не веря своему счастью.

— Приехал... Сыночек, дорогой...

— Мы с мамой приехали, а бабушка осталась! — радостно сообщил Генка.

В коридоре, в пролете двери, Баженков увидел жену. Нина робко переступила порог комнаты. Модное клетчатое пальто, изящная шляпка с перышком, в меру накрашенные губы, выражение лица испуганное, растерянное.

Баженков молча смотрел на нее.

— Здравствуй, Алеша!

Ее тихий голос, как ножом резанул Баженкова по сердцу.

Не трогаясь с места, он продолжал смотреть на нее.

Нина сделала несколько шагов, прислонилась к стене, и, закрыв лицо руками, заплакала. Баженков опустил сына на пол. Мальчик с испуганным удивлением уставился на мать, потом бросился к ней, уткнулся лицом в мягкий драп пальто матери, обхватив ее руками, и задрожавшим от слез голосом спросил:

— Мама, мамочка, почему ты плачешь?

Нина торопливо вытерла слезы, обняла мальчика:

— Мой сыночек милый. Мама устала с дороги. У нее голова разболелась. — Нина застегнула пуговицу на Генкиной курточке. — Ты хочешь кушать, маленький?

— Нет, мама. Я не хочу кушать.

Успокоенный Генка подбежал к отцу, глаза его блестя радостью.

— Папа, а у меня пистолет есть. И пистоны. Две коробки. Бабушка купила. Идем, покажу!

Он потащил отца в коридор, где стоял чемодан. Баженков внес чемодан в комнату. Генка достал свои сокровища.

— Папа, можно, я во дворе постреляю, а?

Он выбежал из комнаты.

— Алеша, я знаю... Я очень виновата перед тобой, — тихо начала Нина, не поднимая глаз и терзая в руках сумочку. — Я жестоко обошлась с тобой... Мне показалось, что ты меня не любишь, что тебе дороги только твои дела... Я ждала тебя. Ты не приезжал. Я не оправдываюсь, Алеша... Я не ценила твоего отношения ко мне. И только потом я поняла... И вот я вернулась... — Нина помолчала. — Геночка часто о тебе спрашивал, плакал... И вот мы приехали...

Баженков стоял у стола, спиной к жене и складывал бумаги. Руки у него слегка дрожали. Голос Нины, ее слова едва доходили до его рассудка. Ему хотелось закричать на нее, затопать ногами, оскорбить самыми грубыми словами, но он усилием воли сдержал себя. Жена за его спиной тихо всхлинула.

— Может, обойдешься без слез? — проговорил он глухо, не оборачиваясь.

Нина прижала к глазам кружевной платочек, потом положила его в сумочку.

— Снимай пальто. Потом поговорим, — сквозь зубы выдавил Баженков, взял в руки газету.

Нина сняла шляпку, пальто. Она двигалась бесшумно, исподволь и робко поглядывая на мужа.

Дверь с грохотом распахнулась, Генка с раскрасневшимися щеками влетел в комнату.

— Папа, а я воробья подстрелил! Их много на крыше. Я ка-ак пальнул, он и свалился! Вот. Погляди, папа.

Маленькая пичуга с открытым клювом и скрюченными лапками лежала на ладони мальчика.

— Воробушка кто-то камнем подбил, сыночек.

— Да нет же, папа, я подстрелил!

— Ну, хорошо, хорошо. Ты подстрелил. Ты у меня знаменитый охотник. — Баженков ласково похлопал сына по плечу.

— Папа, я еще постреляю. Можно?

— Можно, дружок.

Генка убежал. Баженков встретился глазами с женой. Она смотрела виновато, как побитая собака, вот-вот поползет. «Видно, солоно ей пришлось у нового «хозяина», — злобно подумал Баженков.

— Я пойду за молоком для Гены, — хмуро обронил Баженков.

— Да, да, — с живостью подхватила Нина. — В поезде он почти ничего не ел. Всю дорогу спрашивал: «Мама, скоро приедем? А папа нас встретит?..» Ах, Леша, меня так мучит раскаяние! Если бы ты знал, как часто я...

Баженков шагнул к двери и с силой захлопнул ее за собой. Нина вздрогнула от неожиданности. Лицо ее приняло злое и торжествующее выражение. Ничего, она потерпит! Он не выгнал ее в первую минуту встречи, у него не хватит характера сделать это потом. Она-то очень хорошо знает своего мужа. Главное, у него нет женщины. Он — один. Она не опоздала приехать.

Нина достала из сумки пудреницу, провела пуховкой по лицу. Она слышала, как хлопнула входная дверь, и подошла к окну. Баженков шел с бидоном по направлению к столовой. Нина тихонько усмехнулась и стала выкладывать вещи из чемодана.

Баженков целый день занимался сыном. Он не хотел и минуты оставаться с женой с глазу на глаз. Она надела свой лучший халат из китайского шелка, надушилась и с книжкой уселась на диван с таким видом, словно она вернулась из Ленинграда, где она гостила и только, но глаза ее следили за мужем, и в них прятался страх. Она изменилась внешне: появились мешки под глазами, морщины у глаз. Баженков боролся с нестерпимым желанием подойти к ней и выплеснуть ей в лицо кипевшую в нем ненависть и отвращение.

Он помогал сыну строить мост и, глядя, как мальчик старательно выбирает из коробки металлические планочки, думал, как он мог столько лет жить с этой женщиной, как мог родиться ребенок от такой матери? Год назад, когда она уехала от него, он плакал от горя, писал ей каждый день, просил вернуться. И даже, когда он узнал о ее связи с Погребицким, он долго не мог выбросить ее из сердца. Сколько душевных сил он потратил на нее! Сейчас он ненавидел ее так же сильно, как тогда любил.

Перед его мысленным взором встал образ Анастасии Васильевны. Он видел ее глаза, строгие, умные, сдержанную улыбку, слышал ее голос, мягкий, грудной. Кончились их вечера, когда он торопился к ней в лесничество, чтобы поделиться своими мыслями и переживаниями. Боже мой, как он был непростительно глуп! Он сам закрывал глаза на ее любовь. Чего он ждал? Ему давно

нужно было послать развод жене, давно покончить с его постыдным «семейным счастьем». Баженов бросил злобный взгляд на жену. Его душила желчь. Блудливая кошка! Вчера мурлыкала в постели Погребицкого. Выгнали — прибежала в его дом.

Зазвенели планочки. Генка разрушил «мост». Нина подошла к столу, прижалась щекой к голове сына. Баженов отклонился, чтобы ее одежда не касалась его. Ему были противны запах ее любимых духов, «серебристого ландыша», вид ее здорового и красивого тела...

— Мой мальчик, тебе пора спать. Десятый час.

Ее голос, поза показались Баженову наигранными: раньше она не проявляла столько нежности и любви к сыну.

— Пойдем в постельку, Геночка.

Нина положила руки на плечи сына. Генка мотнул головой, уцепился за край стола, захныкал.

— Я не хочу спать! Я хочу с папой...

— Гена, папа устал. Папе завтра на работу. Ему нужно отдохнуть.

— Не-ет, я хочу с папой! — Генка заплакал.

Баженов привлек к себе сына:

— Ну, хорошо, хорошо, перестань плакать. Большой парнишка, а плачешь, как девчонка.

Баженов своим платком вытер мокрые щеки сына.

— Папа, я хочу с тобой! — тянул Генка.

— Ладно. Еще полчаса, а потом без разговоров в постель. Уговорились?

— Ага! — в заплаканных глазах Генки столько радости... — Папа, ты мне считаешь «Золотой ключик», а?

Мальчик лънул к отцу, заискивающе заглядывал ему в глаза. Баженов касался руками его стриженной головы, худеньких плеч, все еще не веря, что сын с ним. Как он вырос за время разлуки!

— Ну, давай почитаем. — Баженов посадил сына на колени, раскрыл книжку. — Слушай, дружок. «Давным-давно в городе, на берегу Средиземного моря жил столяр Джузеппе, по прозвищу Синий Нос. Однажды ему попало под руку полено, обыкновенное полено для топки очага в зимнее время...»

— А папа Карло смастерил из полена Буратино! — воскликнул Генка, поворачивая к отцу голову, глядя на него умными, влюбленными глазами.

— Давай читать по порядку,— улыбнулся Баженов, касаясь щекой щеки сына.

Генка облокотился на стол и вскоре стал клевать носом. Баженов увел его в соседнюю комнату. В открытую форточку донесся гудок паровоза. Баженов посмотрел в окно. Вдали, у леса показалась цепочка вагонов. Рабочий поезд. Он привез участников воскресника. С ними и Анастасия Васильевна. Он не может пойти к ней сегодня, и завтра, и послезавтра... Он не сможет больше сидеть с ней на скамейке под ивой в ее усадьбе, вести неторопливую беседу обо всем, что приходило ему на ум, он больше не увидит ее ласковой улыбки. Он лишился ее дружбы, любви. Он потерял ее...

Баженов помог сыну раздеться. Он долго укутывал его в одеяло, ласково касаясь руками его головы, плеч, рук. Мальчик прижался щекой к его руке и уснул сладко, безмятежно и крепко. Баженов сел с книгой у окна. Над поселком спускалась белая ночь. Она казалась ему непроглядным осенним мраком.

За стеной слышался кашель жепы, стук каблуков по полу. Баженов оглянулся на дверь. «Только бы она не вошла сюда,— подумал он, проклиная себя за то, что вовремя не порвал свои отношения с женой.— Чего я ждал? Ах, глупец, глупец!»

Баженов отложил книгу. В голове кружились все одни и те же мысли: он опоздал написать жене, он сам виноват...

Нина вышла на крыльцо и щеткой чистила свое пальто. Баженов видел ее спину, обтянутую небесно-голубым шелком, темные локоны, рассыпанные по плечам, газовый синий шарфик, чалмой закрученный вокруг головы. Он представил ее в объятиях Погребницкого, и чувство злобы с новой силой вспыхнуло в нем. «Видеть не могу! Ненавижу...» — с отвращением проговорил он тихо и отвернулся.

Если бы Нина не приехала, Баженов не знал бы, насколько она ему стала противна. Приезд жены помог ему понять до конца его чувства к Анастасии Васильевне.

Баженов услышал голос жены. Она с кем-то разговаривала. Не оборачиваясь к окну, он невольно прислушался к ее словам.

— Вы к нам непременно приходите. Как-нибудь вечером. Я сюда надолго. Увы! Приходится жертвовать собой ради семьи.

«Лицемерка! Разыгрывает благородство. Дрянь»... желчно подумал Баженков и подошел к окну, чтобы взглянуть на собеседника жены, но тотчас же отпрянул. Анастасия Васильевна! Видела она его или нет? Она стояла у низкой калитки, в рабочей одежде. Она пришла прямо с поезда. Конечно, она шла к нему, а он, как вор, прячется от нее в собственном доме...

— Я тоже пойду в магазин,— продолжала Нина.— Попозже. За вареньем. Алеша любит чай с клюквенным. Так вы нас не забывайте. Мы с Алексеем Ивановичем всегда вам рады.

В голосе Нины звучала наигранная бодрость. Баженков услышал, как хлопнула дверь большой комнаты. Он отделился от стены и осторожно взглянул в окно. Жены на крыльце не было. Не было и Анастасии Васильевны у калитки. Он тяжело опустился на стул.

Он сидел долго. Беспорядочные мысли толпились в голове. Душила злоба. Пойти и сказать ей: «Уезжай. Я ненавижу тебя». Она закатит истерику, пугает Генку.

Баженков взглянул на спящего сына. Сердце его сжалось от любви и жалости. Если он сейчас выгонит жену, она увезет мальчика, сдаст его на попечение бабки, чтобы развязать себе руки для поисков нового сожителя. Что же делать? Как дальше жить?.. Баженков облокотился на колено и тупо глядел в пол.

На кухне зашумел примус. «Хозяйничает,— злобно подумал он.— «Тот» приучил. Раньше ленилась стакан после себя вымыть. «Тому», наверное, подавала завтрак и с собачьей преданностью смотрела в глаза, пока он не вышвырнул ее из своего дома.»

Осторожно притворив дверь Генкиной спальни, Баженков пошел в большую комнату за фуражкой. Две постели: одна — на кровати, другая — на диване вызвали в нем злобную усмешку. Какое внимание! Она приготовила для него постель...

В коридоре он столкнулся с женой. Она покорно посторонилась. Не взглянув на нее, он вышел на крыльцо.

На улице никого. И хорошо: не надо ни с кем здороваться, разговаривать. Куда уйти? Куда? Тихо. Только

с танцевальной площадки несутся звуки аккордеона и песни. Баженков медленно пошел вдоль улицы. За курсовой базой начинался лес. Песня преследовала Баженкова, слова назойливо лезли в уши. «Ты только одна, одна виновата»... Он углубился в лес, цепляясь сапогами за валежник, камни, коряги. «Что делать? Как дальше жить?» — вслух проговорил он, и странно прозвучал в лесной тишине его собственный голос.

Он долго колесил по сырому лесу, сидел на валунах, стоял под деревьями, бессмысленно глядел на окружающее, а в мозгу билась одна и та же мысль: «Что делать. Как быть?» Два образа носились перед ним, заслоняя друг друга: образ жены, с личиной напускного раскаяния, и образ Анастасии Васильевны, строгий, с глазами внимательными, понимающими и отчужденными. Баженков не заметил, как вышел на шоссе. Где-то далеко тоскливо и глухо прокричал паровозный гудок.

Баженков машинально свернул на тропинку, ведущую в лесничество.

...Когда Анастасия Васильевна увидела Нину, у нее помутилось в глазах, ноги ослабели. Она едва переломила себя и сделала вид, что просто шла мимо дома Баженкова. Она заставила себя поздороваться с Ниной, поговорить с ней, хотя плохо понимала, о чем она говорит и больше всего боялась, как бы не вышел на крыльцо Алексей Иванович. Чего ей стоили эти пять минут, пока Нина тараторила о чем-то своем! Сердце у нее колотилось сильно, болезненно, горло сдавила спазма. Она приехала... Скорее отсюда... Только бы он не вышел... Наверно, из окон соседнего дома па нее смотрят...

Анастасия Васильевна не помнила, как прошла поселок и очутилась у ворот своей усадьбы. Она прислонилась к стволу ивы, что росла у ворот, и пустым взором смотрела в сторону поселка. Ей казалось, что не она, а кто-то другой, похожий на нее, был возле дома Алексея Ивановича и разговаривал с его женой.

— Настенька! Настюша!

Кто зовет ее? Ах, это мать вышла на крыльцо.

Анастасия Васильевна побрела к дому.

— Кого ты дожидалась, Настюша?

— Никого.

— Господи, да на тебе лица нету! — всполошилась мать. — Не заболела ли ты, доченька?

— Нет, мама, я не больна. И очень устала.

Анастасия Васильевна машинально умывалась, переодевалась, причёсывалась, не замечая пристально следивших за ней встревоженных глаз матери. За ужином мать расспрашивала о воскреснике. Анастасия Васильевна отвечала невпопад. Матвеевна не на шутку встревожилась: «Что стряслось с Настенькой?» Приставать к дочери с вопросами она не решалась. Старуха украдкой поглядывала на дочь и тихо вздыхала. Анастасия Васильевна сидела за столом, неподвижно и прямо смотрела перед собой, сжав в ладонях остывший стакан чаю. Стул ходил в тишине, дразнил: «Так-так, так-так...»

Анастасия Васильевна сказала матери, чтобы ее не беспокоили — ей нужно писать отчет, заперлась в своей комнате и, зарывшись лицом в подушки, заплакала.

А за стеной лилась шумная, веселая музыка штраусовского вальса. Коля включил радиоприемник.

Анастасия Васильевна лежала долго и неподвижно, потом поднялась, села на кровати, сухими глазами посмотрела в окно. Там, в километре от ее дома — его дом. Может, он сейчас целует ее руки... Она стала ходить из угла в угол, как маятник. Все кончилось прежде, чем началось, все надо забыть...

Ах, боже мой, эта музыка за стеной! Нина здесь... Сама приехала, или он позвал? Не все ли равно? Она здесь, с ним... Надо взять себя в руки, обдумать, решить...

Что обдумать и решить, она сама не знала. Оставаться в комнате, наполненной звуками музыки, она не могла. Стараясь не разбудить дремавшую в соседней комнате мать, Анастасия Васильевна пробралась в коридор, вышла на крыльцо, спустилась вниз и побрела к березовой рошце, белевшей за усадьбой. Она всегда забиралась в молодой, жизнерадостный уголок лесничества, когда хотела остаться наедине с собой.

Белая ночь, северная краса, сколько мягкого призрачно-сказочного света пролила ты над землей! Весна и свет, тепло и тишина, а в сердце столько горечи, обиды, боли.

Анастасия Васильевна не замечала красот белой ночи, не чувствовала усталости, хотя едва гасила натруженные за день ноги. Она шла еще потому, что ей казалось: если она будет двигаться, у нее не так сильно будет болеть сердце.

На половине дороги она услышала за своей спиной шаги. Она оглянулась и увидела Баженова. Сердце забилося сильнее и болезненнее. Усилием воли она заставила себя остановиться, подождать его, прямо и спокойно посмотреть ему в лицо. Тени лежали на его лице, тускло светились глаза, и что-то жалкое, растерянное проступало во всем его облике. Он и ростом стал как будто меньше, съежился, сгорбился. Она поняла, что ему нелегко, и что приезд Нины был для него полной неожиданностью.

— Здравствуйте, Анастасия Васильевна,—тихо и глухо проговорил он.

— Здравствуйте, Алексей Иванович.

— Мы встретились. Это удивительно. Я бродил по лесу, думал о вас, и вот... вижу вас.

Анастасия Васильевна молчала. Он пошел с ней рядом, заговорил, с трудом подбирая слова.

— Она вернулась, вы знаете... Верьте мне, я ее не звал. Правда, я писал ей вначале... Я любил ее... А сейчас ненавижу. Так же сильно, как когда-то любил.

Анастасия Васильевна молчала. У нее кружилась голова, боль в сердце не утихала.

— Она думает, я уеду с ней в Ленинград. Я ее насквозь вижу. Прикинулась раскаявшейся грешницей...— Баженов помолчал, потом воскликнул с внезапной злобой: — Она не дожидется моего отъезда, не дожидется! Ей придется уехать одной. Сына я не отдам! Нет! И никакой суд меня не заставит!..

Они вошли в рощицу. Баженов взял ее руки в свои.

— Если бы вы знали, как мне тяжело! Только теперь я понял, как вы мне необходимы...

Что-то дрогнуло в груди Анастасии Васильевны. Она крепко сжала его руки. Сейчас он скажет те слова, которые она так долго ждет, и тогда они решат, как им дальше жить...

— Ах, как же я опять не умею по-человечески устраивать свою жизнь!— вздохнул Баженов, опуская голову.

Анастасии Васильевне стало стыдно своих вспыхнувших надежд. Жалкое бормотание. А она ждала от него сильных, горячих слов, решения своей судьбы.

— Я должен был написать ей, что все кончено. Почему я этого не сделал, сам не знаю...— продолжал Баженов,

как бы рассуждая с самим собой.— Сам виноват, опоздал... Но она недолго проживет в поселке. У нее не хватит терпения. Она уедет...

Анастасия Васильевна смотрела вдаль, строго сжав губы. Какое унижение она испытала бы, если бы пришла в его дом на час раньше приезда Нины! Она торопилась к нему, чтобы сказать о своей любви...

Баженов поднял на нее виноватые глаза.

— Вы хорошая, чуткая. Вы всегда меня понимали. Прошу вас, не лишайте меня своей дружбы, уважения... Не сердитесь на меня.

— За что мне на вас сердиться? Вы мне ничего не обещали.

Баженов опустил глаза и носком сапога мял кустики ландышей, густо усеявших поляну. Под его сапогом нежные колокольчики чернели и, раздавленные, смешивались с грязью.

— Но я знаю,— медленно начал он, не поднимая глаз.— Я знаю, что я вам не безразличен.

— Да, это так,— спокойным и ровным голосом произнесла Анастасия Васильевна, не меняя позы.

— Я знаю... Почти знал, что вы меня любите!— воскликнул Баженов,— оживляясь и беря ее за руки. Руки у Анастасии Васильевны были холодные, лицо бледно.— Вы оживили меня, вдохнули в меня бодрость, силы. Мне теперь не будет так тяжело, одиноко. Я буду знать, что со мной рядом друг. Мы подождем. Она уедет...

Анастасия Васильевна тихонько высвободила свои руки из его рук, отступила.

Баженов растерянно посмотрел на нее, потом понурил голову и долго молчал.

— Алексей Иванович,— тихим и бесстрастным голосом проговорила Анастасия Васильевна.— Идите домой. И прошу вас, забудьте о том, что я вам здесь говорила.

Баженов не двигался с места, тупо смотрел на нее. Ему не верилось, что так вдруг все кончилось. Конечно, она вправе презирать его за нерешительность в отношении жены, но если она его любит, она должна понять...

Анастасия Васильевна сделала движение, намереваясь уйти. Баженов порывисто взял ее за руки.

— Погодите, прошу вас. После всего и так расстаться? Я не хочу произносить банальных слов, но вы

только что сказали мне, что любите. И я знаю, что это не шутка...

— Да, я люблю вас,— с болью и тоской промолвила Анастасия Васильевна, глядя ему прямо в лицо.— Я никогда не повторю вам больше этих слов...— Она отвернулась. Баженов горько вздохнул.

— Алексей Иванович!

— Да?— встрепелся Баженов, с надеждой глядя ей в лицо.

— Алексей Иванович, мы с вами живем в одном поселке, работаем в одном лесу. Мы не можем не встречаться: дело у нас общее. Я прошу вас...— Голос у нее был ровен и глух.— Никогда не напоминайте о нашем прошлом.

Анастасия Васильевна медленно пошла в глубь рощицы. Баженов посмотрел ей вслед и, понутив голову, пошел назад по дороге.

...Ночью над поселком гремел гром, дождь барабанил по крышам. В поселке всю ночь не могли уснуть два человека: Баженов и Анастасия Васильевна. Они думали друг о друге, и обоим было горько и больно...

Утром раньше всех в лесничестве поднялся Парфенов. Он подождал, пока выйдет Анастасия Васильевна, и вместе с ней пошел к поезду.

Над поселком вставало солнце. Вода в реке золотилась и отражала глядевшие в нее ивы и новые дома, выросшие на крутом берегу Заречья. Тишина стояла над поселком. Но вот из депо выкатился новенький воткинский паровозик, громко прокричал и помчался к диспетчерской, выбрасывая в чистое небо пепельные клубы дыма.

В поселке начался трудовой день.
